

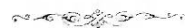
ГАЛИЧИНА

и

МОДАВІЯ

ПУТІВНИК

ВАСИЛІЯ КЕЛЬСІЕВА.

С. Петербургъ.
1868.

Представляя читателям собраніе моихъ писемъ изъ путешествія по Галичинѣ и Молдавіи въ 1866 — 1867 гг., я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ. То, что я рассказываю объ этихъ странахъ вынесено мною не изъ библіотекъ, а изъ личныхъ наблюдений. Я рассказываю о Галичинѣ и Молдавіи такъ, какъ я самъ къ нимъ могъ отнестись, и мой читатель волей-неволей замѣтитъ, что я относился къ нимъ на столько искренно, на сколько это было возможно. Я рисую картину того, что видѣлъ, и рассказываю то, что понималъ. Если отзывы мои о положеніи дѣлъ въ Галичинѣ, о поэзяхъ и еврейхъ кому-нибудь покажутся несправедливыми, то журнальной поэмки я съ нимъ не подыму, покуда мой оппонентъ самъ не потрудится изслѣдовать эти малозвѣстные края. И такъ вся моя книга основывается исключительно на моихъ *личныхъ* наблюденіяхъ, и въ чемъ я неправъ и въ чемъ я могу ошибаться, какъ человекъ, пускай оппоненты мои проѣдутъ на мѣсто. Затѣмъ, къ вопросу о евреяхъ, поднятому мною, сдѣлано нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній въ отвѣтъ на нападки, которыми меня угостили нѣкоторые органы нашей печати; прибавлю здѣсь одно — что этотъ вопросъ чисто *русскій*, и что мы въ немъ не можемъ руководиться примѣромъ Западной Европы, хоть бы по тому одному, что во всей Западной Европѣ число евреевъ ничтожно, а у насъ они — сила и власть, и вопросъ объ нихъ касается насъ слишкомъ близко, притомъ западныя вѣрованія и западные принципы для насъ въ данномъ случаѣ далеко не указка.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимирской церкви, домъ № 15,
кварт. № 3.

Въ отвѣтъ гг. украинифидамъ я не скажу ничего — съ сектантами мудрено спорить — по пусть же они изучать вопросъ и пусть поймутъ, что теорія ихъ гибельна, и что они ведутъ не только южный народъ, но и все славянство, къ тому разрыву и къ той рознѣ, которая имъ вовсе не желательна. Я вполне убѣжденъ, что украинифилы люди честные, и что намѣреніе ихъ честное, но эти люди увлекаются и приходятъ изъ увлеченія къ абсурдамъ.

Обстоятельства, рассказанныя въ этой книгѣ, а именно моя высылка изъ Галичины, не дали мнѣ возможности изучить край такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. То, чего я не узналъ о полякахъ и о евреяхъ въ Галичинѣ, я постарался узнать въ Молдавіи. Нужно было или отказаться отъ изучения вопроса или изучить его тамъ, куда судьба загнала. На сколько я правъ, на сколько я ошибаюсь, самъ я, разумеется, не знаю; но, повторю, пусть же тѣ господа, которые со мной захотятъ спорить, изучать вопросъ *на мѣстѣ*.

Если на меня станутъ нападать за то, что въ моей книгѣ нѣтъ послѣдовательности, что первыя главы полны археологическими и библиографическими замѣтками, а въ послѣднихъ нѣтъ ни того ни другого, то происхождение ея, какъ отдѣльных писемъ, корреспонденцій въ газету, объясняетъ ея недостатки. Я не знаю лучше ли бы я поступилъ, предавъ забвенію эти письма, чѣмъ поступаю теперь, отпечатывая ихъ отдѣльной книгой; но знаю только то, что если бы я не перепечаталъ моихъ писемъ, то у нашей русской публики не было бы *ровно ничего, ровно ни одной книги о Галичинѣ*, объ этомъ совершенно для русской публики невѣдомомъ *русскомъ* край. Я былъ въ немъ тѣмъ, что называется на дальнемъ западѣ Америки *піонеромъ*; и дорогу проложивъ, пусть идетъ теперь по ней кто хочетъ и пусть пишетъ о Галичинѣ книгу дѣльнѣе и серьезнѣе моей. Я первый обрадуюсь тому, если этотъ забытый и забытый край

русской земли вырвется изъ омута неизвестности и изъ тины слѣпаго и безтолковаго сочувствія. Сочувствіе краю можетъ основываться только на знаніи его. У насъ сочувствуютъ Галичинѣ, какъ сочувствуютъ всѣмъ славянамъ, не зная, о чемъ идетъ дѣло, не понимая ея болѣе, не зная ея скорбей.

На меня нападаютъ за мою, будто-бы, страсть рисовать своей личностью передъ публикою, выставить себя при каждомъ случаѣ какимъ-то героемъ и какъ бы осью, вокругъ которой вращается все рассказываемое мною. — У каждаго своя манера, каждый работаетъ по источникамъ, которыми онъ располагаетъ. Источники, которыми пользовался я, какъ я уже говорилъ — мои *личные* наблюденія, случаи, бывавшіе со мною — какъ-же мнѣ не занимать виднаго мѣста въ моихъ разсказахъ? Не всегда ли *факты* служатъ основаніемъ всякихъ выводовъ, соображеній, теорій — политическихъ, государственныхъ и другихъ? Притомъ такіе субъективные разсказы, какъ напр. разсказъ о моемъ арестѣ въ Карпатахъ, имѣютъ еще особое значеніе въ пользу. За него станутъ нападать на меня кабинетные рецензенты, станутъ трунить надо мною за мою влюбленность въ мою собственную особу — пусть такъ, на здоровье. Но можетъ быть не съ такимъ чувствомъ помянетъ меня какой нибудь русскій путешественникъ или изслѣдователь, если, забравшись въ подобныя края, очутился въ положеніи, схожемъ съ положеніемъ изъ котораго мнѣ пришлось выдвигаться въ Коломыеяхъ. Вспомнивъ мой подробный разсказъ, доказывающій que le diable n'est pas si noir, qu'on le fait, онъ ободрится, не потеряетъ присутствія духа — а въ этомъ половина спасенія.

Необходима еще слѣдующая оговорка: если вздумаютъ спрашивать *по одиначкѣ* Галичанъ въ Австріи о томъ, до чего довели ихъ усилія поляковъ и духовенство римской церкви, они, *само собой разумеется*, будутъ говорить со-

вершено не то, что сказано мною, — о чем и предупреждаю моих читателей.

Еще одно слово: письма, вошедшія въ составъ этой книги, помѣщались въ газетѣ «Голосъ» за послѣдніе два года. Перепечатывая ихъ, я счелъ необходимымъ во многомъ исправить ихъ и, гдѣ оказалось нужнымъ, дополнить.

С.-Петербургъ.

Оглавление.

		СТРАН.
Предисловіе		I
Въ Краковѣ		1
Перемышль	Письмо: I	7
	II	23
	III	29
Львовѣ	Письмо: I	46
	II	52
	III	58
	IV	64
	V	85
Хлопы	Письмо: I	99
	II	115
	III	125
	IV	132
Гереи	Письмо: I	139
	II	153
	III	164
	IV	183
	V	188
	VI	196
Евреи	Письмо: I	202
	II	212
	III	220
	IV	233
Арестъ	Письмо: I	241
	II	252
	III	265
	IV	275
	V	284
Ясы		297
Польскіе эмигранты	Письмо: I	317
	II	328
	III	336

ГАЛИЧИНА И МОЛДАВІЯ.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

ВЪ КРАКОВѢ.

Нѣтъ ничего въ мірѣ таже и презрѣннѣе ренегата. Самое слово ренегатъ таково, что бросить имъ въ глаза кому-нибудь, перемѣнившему свои убѣжденія или свою віру значитъ оскорбить его хуже чѣмъ на смерть. Между тѣмъ ренегатство имѣетъ свой глубокой смыслъ. Савла, сдѣлавшагося Павломъ, никто ренегатомъ признать не могъ. Никто не можетъ обвинить въ ренегатствѣ человека, который изъ монархиста сдѣлался республиканцемъ, который изъ атеиста сдѣлался монахомъ, или изъ монаха сдѣлался тѣмъ, что у насъ теперь въ Россіи называется нигилистомъ.

Но убѣжденія и вѣрованія мѣняются такъ нелегко, такъ нелегко, что только тотъ, кому приходилось ихъ мѣнять, знаетъ всю тяжесть этого страшнаго процесса — перемѣны вѣрованій. Со мной былъ этотъ страшный процессъ. Отрицатель я былъ почти съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, потому что меня дупила еще ребенкомъ моя обстановка, я отрицателемъ остаюсь я до сихъ поръ. Изъ того, что я писалъ, изъ того, что я пишу, можно вывести заключеніе, какъ и выводили его, что я чело-

мнѣ отсталый, что я консерваторъ, даже и то, что я увлекаюсь, но прежде всего я искрененъ. Всякая неправда меня возмущаетъ, а еще болѣе того возмущаетъ меня каждое недоразумѣніе. Дѣтъ десять тому назадъ, я сдѣлался эмигрантомъ; видѣлъ пережилъ тѣмъ бытомъ, которымъ мало кто живетъ, и который рѣдко кому извѣстенъ. Я погаль въ Турцію и сдѣлался тамъ адвокатомъ, опять-таки потому, что имѣлъ нравственную потребность пожить жизнью, которой никто не жилъ. Тяжелая судьба моя гоняла меня направо и налѣво, назадъ и впередъ, и догнала меня де Вѣны, гдѣ, превратившись въ Иванова-Желудкова, я жилъ себѣ въ ожиданіи, что не утормъ, такъ вечеромъ арестуютъ меня. Но жилъ мирно и скромно, изучая славянское дѣло.

Въ Вѣнѣ мнѣ поставили вопросъ, надъ которымъ я задумался. Я былъ искренній украинифилъ, и искренно вѣрилъ въ то, что для поляковъ есть возможность существовать отдѣльно. Со мной спорили, спорили специалисты по этому вопросу, спорили южнорусы. Я имъ не вѣрилъ и вѣрить имъ мнѣ было отвратительно, и отвратительно было мнѣ перемѣнять мои убѣжденія. Тѣ самыя убѣжденія, которыя какъ гвозди забились мнѣ въ душу. Ложное убѣжденіе мнѣ кажется такъ же дѣйствуетъ какъ штыкъ воткнутый въ грудь. Покуда штыкъ остается въ груди, до тѣхъ поръ раненый живъ; стодить его выдернуть, чтобы убить этого раненаго. Покуда вѣра остается въ душѣ, до тѣхъ поръ живется легко и привольно. Вѣра тѣснитъ иногда, вѣра душитъ, но съ ней все-таки спокойно, съ ней сплосось, какъ съ этимъ штыкомъ въ легкихъ; отнять эту вѣру, вырвать ее изъ сердца — сердце кровью обольется.

Мнѣ пришлось сдѣлать надъ собой такую операцію въ Вѣнѣ. Нѣсколько лѣтъ сразу вѣрилъ я въ украинифильство и въ польщину, и вдругъ въ Вѣнѣ славяне стали у меня выдергивать изъ груди этотъ всажанный штыкъ. Ампутація рака, дикаго мяса тяжела чрезвычайно и рѣшиться на нее весьма нелегко. Сдаться сразу на убѣжденія моихъ новыхъ знакомыхъ въ Вѣнѣ я не сумѣлъ, я съ ними спорилъ, и они возражали мнѣ одно только: «Вы знаете вопросъ польскій и украинскій по теоріи, по слухамъ — ступайте, изучите его на практикѣ». Единственное, что предстояло мнѣ для изученія южнорусскаго народа, его отношеній съ поляками и его униатства, — была Галичина. Я въ Галичину и отправился, несмотря на то, что меня отговаривали отъ этой поѣздки всѣ мои лучшіе друзья въ Вѣнѣ,

которыя, не зная, кто я такой, боялись за меня, что меня тамъ или арестуютъ, или выгонятъ, что, какъ въ настоящей моей жизни сказано, дѣйствительно и совершилось. Друзья мои боялись за меня, боялись за тѣ оскорбленія, которыя мнѣ можетъ нанести австрійское правительство, боялись за незрѣлости, которыми мнѣ предстояло подвергнуться, но я ихъ не послушалъ — мнѣ хотѣлось узнать истину и своими глазами провѣрить, правда ли, что поляки такъ неправы? правда ли, что евреи такъ гнетутъ народъ? Во имя истины и во имя правды я двинулся и очутился въ Краковѣ.

Краковъ показался мнѣ городомъ въ высшей степени любопытнымъ, несмотря на то, что онъ затопленъ евреями, а поляки изъ него вытѣснены, и что ихъ дворцы (съ контрфорсами) населены сынами Нараяла.

Краковъ былъ для меня любопытенъ. Я впрочемъ провелъ въ немъ всего двадцать четыре часа. Мнѣ хотѣлось его осмотрѣть, я прошелся всѣми улицами этого замправаго города, побывалъ въ бывшей залѣ сейма краковской республики, осмотрѣлъ старые костелы и наконецъ пошелъ въ тотъ самый, гдѣ хоронили бывшихъ польскихъ королей.

Я видѣлъ на своемъ языкѣ много церквей, но ни одна, даже Westminster-Abbey, не произвела на меня такого впечатлѣнія, какъ этотъ старый костелъ. Въ немъ пропасть придѣловъ, отдѣланныхъ средневѣковыми художниками. Кавлица королевы Ядвиги вырѣзана вся арабесками рукой какого-то удивительнаго художника. Я присѣлъ въ ней на скамейку, а подлѣ меня присѣлъ какой-то полякъ. Мы оба смотрѣли и оба благоговѣли.

— Слухай, пане, сказалъ онъ мнѣ, — теперь художниковъ такъ нѣтъ.

— Нѣтъ, сказалъ я — а у меня сердце сжималось.

— Пане, сказалъ онъ, принимая меня за поляка, — развѣ не велика и не хороша была наша цивилизація, что во времена королевы Ядвиги умѣли стрѣлить такія каплицы. Я здѣсь, пане, сижу ужъ четвертый часъ и все смотрю. Какое это было государство! Какая мощь въ немъ была, и какіе таланты въ немъ цвѣли!

— Пане, сказалъ я, — я тоже пришелъ смотрѣть на остатки этого государства.

И вдругъ онъ обернулся ко мнѣ, и въ лицѣ его мелькнула

ненависть и отвращеніе: по моему произношенію онъ понялъ, что я moscal.

— Nie mam czasu, panie, (мнѣ некогда) сказала онъ, круто повернулся и вышелъ — вышелъ для того, чтобъ не оставаться со мной, съ москалемъ, въ этой свитынь, которую я поганю своимъ присутствіемъ.

Я понялъ, чтѣ почувствовалъ этотъ человекъ, я понялъ, каково ему было въ торжественную минуту, когда онъ дышалъ воздухомъ старой Польши, вдругъ наткнуться на москала, который, по его мнѣнію, парваръ и эвѣръ, заражающій этотъ старый соборъ своимъ дыханіемъ. Мнѣ стало горько, онъ ушелъ. Сторожъ, которому нужно было нажать два, три злотыхъ, предложилъ мнѣ свои услуги показывать соборъ. Какъ мнѣ совѣстно ни было, во-первыхъ, притворяться передъ старыми друзьями, а сверхъ того относиться скептически къ ихъ правотѣ, я все-таки пошелъ бродить по этому старому собору. Сторожъ провелъ меня въ каплицу, гдѣ въ былые времена сидѣли польскіе короли и королевы, гдѣ органъ гремѣлъ, и гдѣ ловкій іезуитъ ловко проповѣдывалъ свою лозую проповѣдь.

Въ этой каплицѣ сидѣлъ нашъ Дмитрій Самозванецъ, Марина Мнишекъ, будущая московская царица, сидѣла тутъ, тутъ сидѣли на этихъ самыхъ скамьяхъ Пушкины и прочая наша бѣглая братья, съ этихъ скамеекъ слышалась молитва противъ царя Ивана, противъ царя Алексѣя, Сяпѣга входилъ сюда... Тѣнь за тѣнью, образъ за образомъ мелькали передо мной. Старая исторія, старая кровь точно съ полу подымалась и носилась около меня, призракъ за призракомъ, герои минувшихъ дней, *лицари* Рѣчи Посполитой, короли этого великаго и блестящаго государства выступали передо мной, садились на лавки, раскрывали молитвенники и молились искренно за святую вѣру католическую и за то, чтобъ Господь Богъ помогъ имъ поборотъ проклятую схизму. Я все видѣлъ въ эту минуту — я видѣлъ проповѣдника на кафедрѣ, я видѣлъ королей и королевъ польскихъ на скамьяхъ, я видѣлъ магнатецію, которая ихъ окружала: за дверями стояли пажы и знатная шляхта, которая кланялась королямъ и тайкомъ вела заговоры съ иностранными державами...

Я не помню минуты, которую бы я провелъ такъ торжественно, какъ эти четверть часа въ каплицѣ этого стараго костела.

Все было тихо, но тѣни мертвыхъ стояли передо мной, а

я, преступный человекъ, ѣхалъ бороться противъ нихъ въ Галичинѣ, я ѣхалъ отрицать ихъ правоту, я ѣхалъ обличать ихъ ошибки, а это были тѣни далеко не дешевыя. Это были тѣни великія, это были герои, короли и цари, это были люди, которые спасли Вѣну, которые чуть чуть не завоевали Молдавію, а я иду противъ нихъ!

Я иду противъ нихъ какъ скептикъ, я иду анализировать, что отъ нихъ осталось, я иду разбирать, правы ли они были, дѣленъ ли былъ трудъ ихъ. И емъ и въ этой каплицѣ въ глубокомъ и тяжкомъ раздумьѣ.

Около меня ходить сторожъ, одѣтый въ какую-то странную шинель, съ какой-то невѣроятной пелеринкой.

— Пане, говоритъ онъ — może, pan chce zobaczyć sklep. (По всей вѣроятности, панъ хочетъ осмотрѣть склепъ).

Мнѣ было тяжело, тяжело потому, что я ѣхалъ освидѣтельствовать все то, что сдѣлали эти короли, эти магнаты. Не до склепа мнѣ было: у меня не было въ ту минуту ни воли, ни желанія, куда бы меня ни позвали, я бы всюду пошелъ. Что тамъ въ склепѣ у нихъ? что мнѣ хочется показать этотъ церковный сторожъ? Мнѣ было все равно. Душа моя кипѣла тѣми ощущеніями, о которыхъ я рассказывалъ выше. Я шелъ въ склепъ, скорѣ повинуюсь сторожу и понимая только то, что ему хочется содрать съ меня еще нѣсколько крейцеровъ.

Онъ и его товарищъ подняли тяжелый люкъ, обитый мѣдью; они шли впередъ, освѣщая восковыми свѣчами подвалъ, въ который я спускался за ними по ступенькамъ. Свѣтъ изъ насъ лился сверху.

— Пане, сказала мнѣ спутникъ, указывая рукой на гранитную гробницу.

Я прочелъ на ней огромными буквами высѣченную надпись:

KOŚCIUSZKO.

Я остановился какъ громомъ пораженный: все, что смутно поднималось въ душѣ, при неожиданномъ видѣ этой простой надписи, подступило къ груди, стѣснило, душило меня. Глядя на эту простую плиту, подъ которой боится прахъ великаго не-счастливица и честнаго человека, мнѣ стало еще тяжелѣе, еще совѣстнѣ моего скептицизма, пѣли, съ которою я поднялся въ путь; въ ушахъ громче, яснѣе раздавалось отвратительное слово

ренегатъ, и только сознание моей глубокой искренности, уверенность что самъ Костюшко оцѣнилъ бы честное сомнѣнiе, благословилъ бы на честную провѣрку святаго для него дѣла, помогло мнѣ преодолѣть то невыразимо тяжелое, давящее чувство, которое въ ту минуту овладѣло мною — и я, потрясенный, разбитый, но съ обновленной силою, вышелъ изъ склепа и изъ костела...

ПЕРЕМЫСЛЬ.

I.

Зарея, еврей и еврей — куда я ни повернусь, и въ парствѣ евреевъ. Очевидно, здѣсь все такъ устроилось, что безъ евреевъ шагу нельзя будетъ ступить. Они кружатъ около меня какъ мухи и навязываютъ всевозможныя услуги: купить что, деньги размѣнять, отыскать кого-нибудь. Отдѣлываться не успѣваю отъ нихъ...

Такъ вотъ какова была она, эта славная Рѣчь Посполитая! Здѣсь никто самъ для себя ничего не дѣлалъ, а во всемъ прибѣгалъ къ комисіонерамъ. Разумѣется, при такомъ устройствѣ, государство не могло удержаться, и я начинаю соглашаться съ тѣми историками, которые говорятъ, что гибель Польши была неизбежна. Въ самомъ дѣлѣ, Польша дѣлала все черезъ *факторовъ* — вводила *иностранныя* войска и просила *иностранцевъ* поддерживать или подавлять ея конфедераціи, сеймы, министровъ и королей, — какъ въ возстаніяхъ противъ насъ рассчитываетъ теперь даже не столько на себя, сколько на иностранную поддержку. Судя по первымъ двумъ днямъ моего въ этой сторонѣ, я увижу много для меня новаго: тутъ люди живутъ совершенно иначе, чѣмъ гдѣ-либо на свѣтѣ. Все въ рукахъ евреевъ, которые мѣшались во все — даже по улицѣ пройти нельзя, въ буквальный смыслъ слова *нельзя*, чтобы они не предложили всего, что мнѣ нужно или ненужно, начиная отъ покупокъ и кончая тѣмъ, о чемъ говорить не принято. Удивительный край! Гдѣ я до сихъ поръ ни былъ, отъ Царскагограда до Норвегіи и отъ Москвы до Парижа, вездѣ самъ промышлялъ о своихъ дѣлахъ — здѣсь же я хоть на боку лежи: за меня и думать и дѣлать будутъ другіе; только бы денегъ стало!

Итакъ, приступаю къ записыванію моихъ походовъ въ этой сторонѣ, гдѣ жизнь, должно быть, идетъ вверхъ погами.

На станціи желѣзной дороги меня немедленно атаковали евреи, кельнеры и комисіонеры разныхъ отелей: «Zimmer wip-

schen sie?» «*Пань шука істель?*» «*Etwas kaufen?*» «*До купити?*» Скоро я приобстреляюсь и привыкну к этому торможенью; но сегодня у меня голова шла кругомъ. «Комнату мнѣ нужно», объявилъ: я — «но хочу впередъ цѣну знать».

— Але, нехай-же пань попатри (посмотритъ)! кричатъ кругомъ.

— Хочу цѣну знать! провозглашаю я твердо и рѣшительно на томъ самомъ прекрасномъ языкѣ, который считаю польскимъ, а поляки принимаютъ за чешскій, сербскій, *московскій*, и который, третьего дня, въ вагонѣ, одинъ господинъ имѣлъ любезность принять за французскій. Теоретически я хорошо знаю польскій языкъ, читалъ на немъ много, съ лексикальною его стороною близко знакомъ, но въ выговорѣ моемъ есть какая-то вопиющая фальшь, и полякъ долженъ хорошо прислушаться къ моему говору, чтобъ понимать, о чемъ именно я веду рѣчь. Читателю надо принять къ свѣдѣнію эту особенность моей личности, чтобъ вполнѣ уразумѣть мои здѣшнія похождения. Цѣны немедленно начали сбавляться: *geschäft* дѣлается здѣсь скоро. Сорокъ крейцеровъ въ сутки (24 коп. сер.) я счелъ недорогою платою за нумеръ, и отправился за вещами. Какой-то еврей подхватилъ фотографическій аппаратъ (я занимаюсь фотографіею), какой-то полякъ вѣдѣлся въ чемоданчикъ, и потащилъ ихъ со станціи. Гостинница оказалась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ желѣзной дороги, то-есть, отъ моей главной квартиры на долгое и долгое время, пока я не объѣду всю Галицію, Познань, Лужицу, Литву и многія другія невѣдомыя у насъ страны. Я очутился въ корчмѣ: долгоязычный еврей, одѣтый по-европейски, съ весьма короткими пейсами, выскочилъ мнѣ на встрѣчу, раскланялся, объявилъ, что падаетъ *до ногъ*, что у него останавливаются первые наны въ Галицію, и отперъ мнѣ комнату, изъ которой я теперь пишу вамъ эти строки. Комната эта не мала, но нѣзка до невозможности; окна малы, мухъ гибель, дверь грязна; кровать какъ-то странно надломлена въ ногахъ; чтѣ-то въ родѣ дивана стоитъ у стѣны; но я очень доволенъ всѣмъ этимъ — доволенъ, во-первыхъ, потому, что окружающій меня хаосъ напоминаетъ мнѣ Россію, а во-вторыхъ, у меня подъ окнами зеленый дворъ, деревья, и есть у меня разваливающееся крылечко, на которомъ я могу сидѣть и смотрѣть, чтѣ на дворѣ творится. А на дворѣ стоятъ брички, евреи въ пиджакахъ шныряютъ, и какой-то усатый полякъ мажетъ колеса. Впрочемъ, онъ не только колеса мажетъ, но и гардеробъ мой чиститъ,

чиститъ такъ добросовѣстно, какъ будто ему это дѣло въ **попину**. Минутъ съ пять возился онъ съ моею шляпою, щеткою, пробиралъ ее, рукавомъ проходилъ по полямъ, встряхивалъ, обдувалъ, и, все-таки, не сумѣлъ вычистить: должно быть чистота платянаго постояльца моего еврея не входитъ въ специальность этого поляка. А полякъ мнѣ нравится: онъ напоминаетъ мнѣ типы старыхъ польскихъ солдатъ, которые попадаются вездѣ: и въ Европѣ и въ польскихъ романахъ, и которые чрезвычайно симпатичны. Въ нихъ много простодушія и наивности, при полномъ отсутствіи всякой задней мысли. Словако и знаю польскаго простолюдина, въ немъ нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ, чтѣ у насъ подразумевается подъ словомъ «полякъ». Это, просто-на-просто, чистое дитя полей и лѣсовъ, смѣлое и потому доброе, честное и потому наивное.

За нимъ явился долгоязычный еврей-кедьеръ въ пиджакѣ, съ неизбѣжнымъ *was wünschen sie?* Еврей, въ халатѣ а въ пейсахъ, не брезгаетъ польскимъ языкомъ, *за что его очень уважаютъ*, но еврей бритый и стриженный мнѣ уже рѣшительно гадокъ: онъ считаетъ себя *цивиломъ* и представителемъ цивилизаціи, блистаетъ своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка, который, все-таки, ломаетъ, обдираетъ бѣднаго хлопа хуже чѣмъ простой набожный еврей, и уже окончательно ни передъ чѣмъ не останавливается.

Спрашиваетъ меня мой кедьеръ, чего мнѣ угодно. Бѣтъ я не хочу, потому что усталъ, кофеею только-что на станціи напился, въ покупкахъ не нуждаюсь; «*etwas hübsches wünschen Sie?*» (хорошенькаго хотите?)

— Чего такого? неудумѣваю я.

— *Ganz ordentliches...* (очень порядочное), внушаетъ мнѣ мой еврей.

— Да что такое? Я не понимаю!

— *Für unterhaltung!* (позабавиться), поясняетъ онъ. Меня, наконецъ, озаряетъ: я понимаю, чѣмъ онъ подкупаетъ и какого рода услуги мнѣ предлагаетъ. Не умѣю объяснить, лицо чтѣ ли мое приняло особое выраженіе, невеличнулся ли я какъ-нибудь особенно, только еврей отступилъ шага на два назадъ и сталъ извиняться. Когда онъ вышелъ, я остался въ полномъ недоумѣніи: гдѣ я ни бывалъ, куда я ни заѣзжалъ, никогда ни одинъ половой не дѣлалъ мнѣ подобныхъ обязательныхъ предложеній; это принято только въ Россіи и въ Польшѣ — ерго, польская цивилизація не можетъ имѣть претензіи на

превосходство передъ нашею. Здѣсь евреи навязываются съ подобными угощеніями человѣку, который только что пріѣхалъ въ городъ; стало быть, общественная нравственность Перемышля естесств. довольно невысоко. Не стали бы евреи угощать товаромъ, который не въ *большомъ* ходу: запросъ порождаетъ предложеніе, предложеніе порождаетъ запросъ — такъ учить политическая экономія. Кто виноватъ въ упадкѣ здѣшней нравственности, куда не знаю, но постараюсь добиться.

Я вышелъ на крылечко. Утро было такъ хорошо — мнѣ хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ духоты и тѣсноты вагона, въ которомъ я провелъ ночь. Мимо меня то и дѣло проходили поляны, возвышавшіяся около бричекъ: это какіе-то разночинцы, вродѣ напиханъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ, старыхъ дворовыхъ — одни только съ усами, другіе съ усами и съ бакенбардами, въ долгополыхъ холщевыхъ сюртукахъ, въ большихъ сапогахъ. Этотъ классъ людей поситъ здѣсь преимущественно чамарки, разумѣется, безъ всякой политической цѣли, и что-то въ родѣ конфедератокъ — четырехугольные черные колпаки съ козырькомъ. Надо признаться, что это незаконное сочтаніе народной польской (и великорусской) шапки съ нѣмецкимъ картузомъ вовсе не красиво, но, должно быть, въ *большомъ* ходу: даже школьники поситъ такой же уборъ на своихъ юныхъ головахъ. Народъ, то-есть, *алогъ*, щеголяетъ въ соломенныхъ и поярковыхъ шляпахъ съ широкими полями. Такия шляпы распространены по всемъ отрожьямъ Карпатъ и по низовьямъ Дуная между балахами и молдаванами, костюмъ которыхъ вообще сильно сбивается на южнорусскій.

Возстаніе мое на крылечкѣ нѣсколько смутило спокойствіе честнѣйшій компанія, трудившейся около бричекъ. Они, очевидно, ломали голову: *панъ* я или *не панъ*, и нѣтъ ли чего ясновельможнаго подѣ моимъ порывѣлымъ пальто. Я изъ того это заключаю, что прохода мимо меня, они каждый разъ снимали шапки, и снимали ихъ какъ-то безпокойно, точно советъ ихъ была нечиста — слѣдуетъ кланяться или не слѣдуетъ вѣр-тблосъ у нихъ въ головѣ и они на всякій случай проходили мимо меня безъ шапокъ. Этого опять я не видалъ ни въ христіанской, ни въ турецкой Европѣ: даже у насъ, сколько я знаю Россію, это ломанье шапокъ передъ всякимъ, кто одѣтъ не мужикомъ, далеко не такъ въ обычаѣ. И это, опять-таки, не австрійцы ввели — это еще старая Польша живетъ съ ея панамъ

и дворянамъ, съ мепенатами и кліентами — тутъ нѣтъ понятія объ англосаксонскомъ «selfhelp» и о нашемъ «ой, дубинника охити!» здѣсь все стали факторами другъ у друга, никто ничего не дѣлаетъ, всякій разсчитываетъ на *ласку* другаго, прежде чѣмъ на свои *могутны плечи*.

Перемышль (или Пшемысль, какъ говорить поляки) городъ очень и очень маленький: въ полчаса его можно весь исходить; но мало я знаю городовъ, которые лежали бы въ такой *красивой* долинѣ, какъ эта кучка домиковъ. Видъ вездѣ величественный. Рѣка Сянъ (Санъ по-польски) вьется какъ лента, то-дѣльные, то-дѣльные, яворы, березы торчатъ тамъ и сямъ по канавкамъ нивъ; кой-гдѣ бѣлѣютъ *халупы* мазуровъ — здѣсь польское населеніе граничитъ съ русскимъ. Костелы смотрятъ въ небо своими наконечниками въ формѣ луковницъ — любимая форма п у насъ п у западныхъ славянъ: южные славяне вовсе ся не знаютъ. Простота бабъ и мужиковъ разгуливаетъ по городку. Это народъ очень бѣдный, болѣею частью босой, въ бѣлыхъ холщевыхъ ситахъ, покроемъ точно такихъ, какъ наши армяки. Рубахи съ прямыми воротомъ. Бѣдность ихъ видна во всемъ: суконныя ситы — рѣдкость; расшитыхъ рубахъ я почти вовсе не видалъ въ Перемышлѣ. Даже по кабакамъ мало они сидятъ — веурожаи были въ послѣдніе годы, наборъ, да еще подати разоряютъ: здѣсь почти каждый платитъ правительству *треть* (это я не ошибаюсь, что пишу *треть*) своего дохода. Чѣмъ жить этой странѣ? А на ней еще лежитъ 300,000 евреевъ, людей, которые сами ничего не производятъ, ничему не учатъ жителей, которые по умственному развитію, стоятъ не выше мужика, а по нравственному, очевидно, ниже, и которыхъ все занятіе состоитъ только въ томъ, чтобы купить вещь у одного здѣшнего производителя и продать ее другому. Они живутъ исключительно въ ущербъ краю. У нихъ нѣтъ ни фабрикъ, ни мастерскихъ — потому что лучше и не говорить, какіе они столяры, портные, сапожники; у нихъ домовъ даже нѣтъ — они вовсе не охотники строить. Вѣчно пускаютъ они деньги въ обороты, вѣчно богатыютъ и разоряются, разоряются и богатыютъ, а все бродягутъ и разоряются, разоряются и богатыютъ. Когда я гляжу на здѣшнія уличныя сцены, мнѣ все сдается, что евреи попали сюда вовсе не нѣсколько вѣковъ назадъ, а много, много съ недавня. Какъ они пришли, такъ и остались въ дорожномъ, оборванномъ платьѣ, такъ и квартиры ихъ устроены на ско-

рую руку, полы не метены, вещи не прибраны. Они сами не знают, останутся они тутъ или завтра выбирутся на всѣ четыре стороны; поэтому, они ничѣмъ и не обзаводятся, а чтобъ время не тратить по пустякамъ, ходятъ себѣ по улицамъ можетъ быть, не тутъ, такъ тамъ, понадобится кому-нибудь факторъ или чтѣ можно купить дешево. По крайней мѣрѣ, таково мое первое впечатлѣніе. Если я ошибаюсь и если замѣчу въ чемъ бы то ни было свою ошибку — я исправлю ее въ слѣдующихъ письмахъ.

Набродившись по городу безъ всякихъ путеводителей и показчиковъ, я отправился къ гг. Бачинскимъ, директорамъ русскаго народнаго театра, который мнѣ очень хотѣлось видѣть. Русскій театръ здѣсь дѣло новое и пользуется большимъ сочувствіемъ народа и духовенства — поляки и польская партія ненавидятъ его отъ глубины души. Гг. Бачинскіе живутъ по дорожному, въ отелѣ, гдѣ помѣщается и сцена. Я откровенно довался, передалъ поклоны и былъ принятъ въ высшей степени радушно. Емельянъ Васильевичъ Бачинскій природный галичанинъ, родомъ изъ Самбора; лѣтъ ему будетъ около сорока; онъ сынъ священника, какъ всѣ здѣшніе образованные люди; а какъ всѣ здѣшніе артисты, сценическое поприще свое онъ началъ на польской сценѣ здѣсь и въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Въ 1861 году, когда умеръ извѣстный антрепренёръ Пекаревскій, Емельянъ Васильевичъ сдѣлался директоромъ его странствующей труппы, ѣздивъ съ нею въ Одессу, въ Балту, въ Бердичевъ, въ Каменецъ-Подольскъ, женился на г-жѣ Лютомской, знаменитой по красотѣ и по трагическому таланту и въ 1864 году перебрался въ Галицію. Въ то время въ Россіи начали неблагоприятно смотрѣть на польскія и украинскія сцены, потому что въ употребленіи южнорусскаго нарѣчія видѣли какую-то сепаратистскую пропаганду — справедливо или нѣтъ, скажу послѣ — и Емельянъ Васильевичъ рѣшился перенестись въ Галицію, гдѣ его дѣятельность могла быть полезно русскому дѣлу. Туда же звалъ его, именно съ этою цѣлью, предсѣдатель оберландсгерихта во Львовѣ, членъ сейма и сеймовой комисіи, г. Лавровскій, одинъ изъ передовыхъ дѣятелей русскаго народа въ здѣшнихъ краяхъ. Лавровскій рѣшился основать въ Галиціи русскій театръ; но ни у него, ни у кого другаго русскаго не было на то денегъ. Прибѣгли къ складчинѣ, единственному способу чтѣ-нибудь сдѣлать. Я складчина принесла 3,500 гульд. (около 2,100 руб. сер.). Деревенскіе свя-

щенники давали свои гроши, чиновники тайкомъ давали гульдены изъ своего жалованья; даже мужики, эти бѣднѣйшіе мужики на свѣтѣ, удѣляли свои крейсеры на народное дѣло, сущность котораго имъ, разумѣется, несовсѣмъ понятна. Но крестьянинъ вѣритъ своему пону и поповичамъ, потому что онъ убѣжденъ въ чистотѣ ихъ намѣреній и безкорыстной любви къ нему, и куда они пойдутъ, туда и онъ движется своимъ робкимъ шагомъ. Владимиръ Хрисанфовичъ Бучацкій, собственно юристъ, а покуда же не преміеръ галицкой сцены, рассказываетъ, что онъ самъ, въ приходѣ своего отца, собралъ у мужиковъ сорокъ четыре гульдена на русскій театръ; надо видѣть здѣшняго мужика, отупѣлаго, босаго даже въ президіумѣ, живущаго въ курной избѣ, чтобъ понять, почему я выставлю курсомъ эту цифру — сорокъ четыре гульдена. Здѣсь сторона чудесъ, лунное царство; Польша — исключительный міръ, и чтѣ здѣсь творится, не творится нигдѣ на свѣтѣ.

Сцена устроилась.

Поляки сочувствовали дѣлу, хотя я не слыхалъ, чтобъ они помогали ему; сочувствовали потому, что имъ нравилось развитіе русскаго языка въ ущербъ языку *россійскому*. Въ первое представленіе, 17-го (29 го) марта 1864 года, дана была «Маруся» Квитки (Основьяненко) — оно произвело фуроръ. Театръ оказался возможнымъ. Бачинскіи русскіе дали 1,000 гульденовъ (600 р. с.) годовой поддержки и половину сбора; труппа состоитъ у нихъ изъ четырнадцати артистовъ и пяти чело-вѣкъ помощниковъ, считая вассира, суфлера и tutti quanti. Содержаніе ея стоить имъ 528 гульденовъ въ мѣсяцъ; артистъ получаетъ отъ 25-ти до 50-ти гульденовъ въ мѣсяцъ, т. е. отъ 15-ти до 30-ти рублей; при здѣшней общей бѣдности и дешевизнѣ — это все, что они могутъ дать. Да и сами актёры единогласно увѣряли меня, что они бьются вовсе не изъ-за денегъ, а изъ за службы народному дѣлу. По мѣрѣ успѣховъ русской сцены, симпатіи поляковъ къ ней начали охлаждаться и перешли въ ненависть. На выборъ пьесъ, на ходъ и на существованіе театра имѣли вліяніе не шляхта, не поляки, а русское духовенство и поповичи. Употребленіе южнорусскаго языка оказалось равнозначимымъ употребленію нашего книжнаго, хотъ актёры и зрители даже не знаютъ послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, русскій языкъ на сценѣ, въ водевиляхъ, въ трагедіяхъ, въ чемъ угодно — все это возбуждаетъ въ здѣшнемъ населеніи историческія

воспоминания и гордость своимъ прошедшимъ. А прошедшее Русь и прошедшее шляхетной Польши — двѣ вещи разныя: Владиміръ Свѣтѣйшій и Болеславъ Храбрый, Хмельницкій и Чарнецкій, Кіевъ и Варшава, православіе и уни, панъ и хлопецъ — татарскіе несоответствія польскихъ традиціонныхъ ученій съ современными доктринами политической экономіи, народности и гражданскаго равенства. Поляки, съ ихъ точки зрѣнія, совершенныя правы въ ненависти къ Руси, и они вовсе не ошибаются, опасаясь, что Русь *смокалитъ*. Гоненье на театръ таково, что дирекція, въ перерывахъ своихъ, должна за все платить въ тридорога. Не всякій согласится допустить ее въ домъ, печатать афиши — одни считаютъ ее врагомъ польскаго дѣла, другіе не хотятъ ссориться съ поляками. Но театръ не только не страдаетъ отъ этого, а даже выигрываетъ: когда афиши, прилепленныя на стѣнахъ домовъ, ронялись старой Польши вымажутъ грязью или веществомъ болѣе благороднаго происхожденія, чѣмъ простая уличная грязь — театръ становится вдвое болѣе популярнымъ: одни идутъ изъ оппозиціи, другіе изъ любопытства. Къ чести поляковъ надо сказать, что такіе энергическіе мѣры противъ *россійской* пропаганды принимаются вовсе не образованными людьми — только мелкая полуграмотная шляхта, мастера, слуги потѣшаютъ себя этими выходками.

До представленія оставалось часа три. Я пошелъ въ униатскій капитулъ къ отцу Григорію Гинилевичу, каноннику здѣшней епархіи. Въ капитулѣ, бывшемъ кармелитскомъ монастырѣ, помѣщается типографія, семинарія (*семенниця*, какъ здѣсь очень хорошо выражаются), библіотека. Каноникъ, то-есть епархіальный совѣтникъ, выбритый и выстриженный, какъ все здѣшнее духовенство, несмотря ни на соборныя положенія, ни на протесты, принималъ меня чрезвычайно радушно: вообще я долженъ сказать, что едва-ли гдѣ есть люди бѣднѣе, но за то ласковѣе и гостепріимнѣе здѣшнихъ. Мнѣ съ ними ужасно неловко: я не знаю, какъ и чѣмъ отвѣчать на эту предупредительность, которая у нихъ идетъ очевидно отъ сердца — не знаютъ, куда посадить, чѣмъ угостить; а между тѣмъ, я человѣкъ имъ совершенно незнакомый, даже и явился сюда безъ всякихъ письменныхъ рекомендацій. Отецъ Григорій, какъ и всѣ здѣсь, не говоритъ по-книжному. Первые минуты мнѣ было нѣсколько трудно понимать его южнорусскую рѣчь, мягкую нѣжную: *онизъ* вмѣсто *онъ*, *свитъ* вмѣсто *свѣтъ*, *тѣмній* — *отерній*,

бонито — много, *перий* — первый и т. п. Но нашъ книжный языкъ имѣетъ то превосходное свойство, что правописаніе его *вовсе* не указываетъ на наше, московское, произношеніе, да сверхъ того, въ немъ напутано такое множество церковныхъ и южно-русскихъ словъ писателями прошлаго вѣка, изъ которыхъ девять десятыхъ были южнорусы, что стоитъ нѣсколько минутъ прислушаться къ этому говору, чтобы освоиться съ нимъ. Меня же они хорошо понимаютъ, особенно когда я говорю медленно и не припутываю чисто великорусскихъ выраженій. Два это языка, сѣвернорусскій и южнорусскій — или одинъ? Мнѣ кажется, что они находятся теперь въ томъ періодѣ, когда могутъ и слиться, и раздѣлиться безъ особыхъ усилий. Хотя и стоитъ ли того раздѣляться и пужно ли это раздѣленіе, я сильно сомнѣваюсь. Помимо всякихъ соображеній о единствѣ Русскаго Государства. Близки эти языки такъ, что если мнѣ нужна недѣля, чтобы заговорить по-чешски или по-сербски, то едва-ли въ полгода перейму я южнорусскій выговоръ. Я съ перваго раза понимаю все, что мнѣ говорятъ, и меня съ перваго раза понимаютъ: разница только въ произношеніи гласныхъ, да въ употребленіи десятка-другаго словъ. Вообще же мнѣ не разъ высказывали галичане, что они понимаютъ насъ лучше, когда читаютъ, чѣмъ когда слышатъ. А затѣмъ, еслибъ они, какъ и всѣ вообще южнорусы, пошли по дорогѣ, указанной сербами, то литературное единство русскихъ нарѣчій, разумеется, порвалось бы. Сербъ такъ очистилъ свой языкъ отъ примесей всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій, такъ строго принялъ въ основаніе своего книжнаго языка языкъ своихъ пѣсень и сказокъ — что теперь не понимаютъ нашихъ книгъ. Галичане вообще издѣются политическимъ тактомъ и избѣгаютъ этого отчужденія отъ прочей Руси. Они говорятъ и пишутъ по-своему, но приняли такую орографію, что и мы можемъ понимать ихъ, и они выучиваются читать по-нашему. Они удержали *о* или *е*, которыя выговариваются у насъ иногда какъ *и*; они отличаютъ ихъ отъ чистаго *о* и *е* назстрочнымъ *ѡ* — *ѡ*, *ѣ*, а придыхательнаго *с* вовсе не пишутъ. Поэтому въ ихъ книгахъ вездѣ стоитъ *свитъ*, *блѣий-брѣль*, *ѡкно* — вмѣсто болѣе правильныхъ, но совершенно непрактическихъ, *свѣтъ*, *блѣй*, *окно*. Любовь къ своему языку и лингвистическая послѣдовательность — вещи очень хорошія, но расчетъ долженъ стоять выше всего. Разойтись можно легко, но не лучше ли

тысячу разъ подумать, прежде чѣмъ пзъ любви къ грамотѣмъ, рѣшиться на этотъ шагъ? Впрочемъ, я слишкомъ великорусъ, чтобъ быть безпристрастнымъ судьбою въ этомъ дѣлѣ; мнѣ оно кажется положительно вреднымъ: для чего отрекаться отъ общаго намъ всѣмъ способа выраженія мыслей, лишать и себя и насъ возможности помогать другъ другу? Гоголь, Марко Вовчокъ и другіе — такіе же южнорусскіе, какъ и наши, писатели.

Разговоръ съ отцомъ Григоріемъ зашелъ, разумѣется, прежде всего объ уніи. Онъ глубоко негодуетъ на латинизацію ихъ церкви. По соборнымъ постановленіямъ, уніаты не только могутъ, но даже *должны* сохранять восточный обрядъ: унія вся состоитъ только въ признаніи главенства папы — а іезуиты обрили и остригли духовенство, ввели въ обрядъ множество латинскихъ обычаевъ. Царскія двери не затворятся; облаченіе перемѣнено, стало на половину латинскимъ, на половину нашимъ; иконостасъ, большую часть, безъ иконъ; звонятъ во время богослуженія; насилу органы удалось вывести. Мы хотимъ, говоритъ о. Гинилевичъ, возстановленія той церкви, которой отцы наши слѣдовали; мы просимъ о томъ, на что имѣемъ право, — и намъ отказываютъ. Папа согласенъ на все; онъ только то и твердитъ, что *любитъ* (?) восточный обрядъ, но церковью управляетъ не онъ, а его приближенные, которые всѣ состоятъ подъ вліяніемъ іезуитовъ, а іезуиты домогаются централизаціи церковнаго управленія въ Римъ и введенія повсюду одного и того же обряда. Іезуиты — это монтаньяры католицизма. Имъ глаза колетъ всякая мѣстная особенность, основанная на преданіи или на исключеніи. Въ Китаѣ они допускали унію католицизма съ ученіемъ Конфуція, но вовсе не за тѣмъ, чтобъ сохранять ее, а только чтобъ не препятствовать распространенію правъ Рима. Русскіе признали Римъ — стало быть, теперь нѣчего бадоваться сохраненіемъ всякой нелатинской старинны, словомъ, унія была действительно западно-латинизма восточному обряду, а мечты распространить славянское богослуженіе у прочихъ славянъ-католиковъ помощію уніи теперь лопнули. У насъ хаосъ, говорятъ уніаты: нами помыкають, какъ хотятъ, безъ уваженія къ нашимъ правамъ, да вдобавокъ презирають насъ. Положеніе, дѣйствительно, незавидное.

Въ бібліотекѣ капитулы хранятся: портретъ князя Льва Галицкаго, епископовъ и прочихъ перемышльскихъ русскихъ дѣятелей, вериги великаго пропагандиста католицизма и гони-

тели православія Максимиліана Рыла, мощи котораго лежатъ *подъ* въ Перемышлѣ и творятъ чудеса. Замѣчательныхъ вещей много: грамоты Льва разнымъ церквамъ, нѣсколько рукописныхъ евангелій, но не старыхъ, древній семиконечный крестъ.

Я могу потѣшить нашихъ ревнителей древняго благочестія — осмысленный и семиконечный крестъ, дѣйствительно, были чрезвычайно распространены въ Россіи, такъ что ихъ надо отнести къ особенностямъ русской церкви. На Востокахъ ихъ почти не знаютъ, какъ не знаютъ нашихъ челеней съ короткими передомъ, нашихъ кантырей, злословъ, потного нѣнія (хоть по крикамъ) и т. п. Съ глубоководныхъ временъ, русская церковь была вполне народною и развивала православіе независимо отъ греческой, передавшей ей, при паденіи Цариграда, всѣ свои права на православный востокъ. Новыхъ русскихъ книгъ въ бібліотекѣ нѣтъ — наши писатели и наши ученые общества даже не знаютъ о существованіи здѣсь русскихъ и не удостоиваютъ ихъ, бѣдныхъ, своимъ вниманіемъ; но духовенство наше знаетъ этотъ край. Отецъ Григорій говоритъ, что ему присылають наши духовные журналы. *Дуже гарно*, говорилъ онъ, идетъ у васъ богословская литература. Статьи все дѣльныя, видно серьезное научное предметъ, а онъ человѣкъ хорошо знакомый съ богословіемъ. Объ уніи и ея будущности, какъ вообще обо всѣхъ этихъ вопросахъ, щекотливыхъ для здѣшнихъ жителей, я не заговариваю, да и не стану заговаривать. Дѣло разъяснится само собою, а Римъ и Польша сами разбирають этотъ гордіевъ узелъ Галиціи.

Отцу Григорію нужно было идти на какое-то засѣданіе — мнѣ нужно было побродить по городу. Капитула стоитъ на горѣ: еще далеко отъ нея развалины польской крѣпости, поставленной на мѣстѣ русской, которая, по преданію, была деревянная. Тутъ-же, гдѣ-то, говорятъ, хоронили русскіе князья. Подлѣ развалины хорошенькій городовой садъ. Польская вѣдшь поручаетъ его покровительству жителей. Видъ съ горы величественъ. Весь городокъ какъ на ладони: рѣка Санъ змѣится по долині. Помнится, въ нашихъ географическихъ она обозначена польскимъ именемъ Санъ — это ошибка. Санъ очень мелокъ, такъ что его въ бродъ переѣзжаютъ; у него песчаное дно, и здѣшніе жители хвалять купанье въ немъ. По весною онъ очень сильно разливается и нерѣдко разоряетъ крестьянъ. Въ этихъ разливахъ вода размываетъ старыя могилы; кости русскихъ и

полянъ, не разъ обливавшихъ кровью его берега, вновь являются на свѣтъ божій. Хороша эта сторона, но тяжелую исторію прошла она, и много горя видѣла и видитъ здѣсь бѣдная Русь. «Знай лишь — по Сягу наше!» говорятъ до сихъ поръ русскіе полякамъ, указывая на свою рѣчку; а она, въ самомъ дѣлѣ, служитъ этнографическою границею мазуровъ съ русскими

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ 10.
РУССКІЙ ТЕАТРЪ НАРОДНЫЙ.

Въ пятницу, 2-го (14-го) сентября 1866. На доходъ (т. е. бенефисъ) Александра Концевича.

ВЪ ПЕРШІЙ РАЗЪ:

Г А Л Я

Новая оперетка въ 2 дѣйствіяхъ съ французскаго. Новая оригинальная музыка г. Михаила Вербицкаго.

Л и ц а:

Иванъ, старый жовнеръ (солдатъ) П. Нижанковскій.
Галя, его дочка П-на Бачинска.
Славскій, офицеръ П. Концевичъ.
Гордыня, шинкарь П-на Ларасевичъ.
Гаврилко, ея сынъ П. Витоминскій.
Петро, слуга Славскаго П. Максимовичъ.

Дѣйствіе передъ хатами Гордыни и Ивана.

ПЕРЕДЪ ТЫМЪ:

КОТРА ВЪ НИХЪ.

Комедія съ французскаго въ 1 дѣйствіи.

Л и ц а:

Наталія Кривская, замужна П-на Лукасевичъ.
Наталія Кривская, вдова П-на Смоленска.
Таня, pokojная (горничная) П-на Мореловска.
Смѣльничко П. Чикій.

Цена мѣстамъ: Мѣстце нумер. 1 здр. — Мѣстце стоящее 50 кр. —
Партеръ 25 кр. — Галерія 20 кр. а. в.

Початокъ о 7 годинѣ вечеромъ.

Смерклось. Я пошелъ въ театръ, устроенный временно въ одной изъ залъ еврейскаго отеля (здѣсь все еврейское). Надъ занавѣсомъ — увы! я понимаю, за что этотъ театръ не любятъ поляки — красовался не бѣлый орелъ, а галицкій левъ. Народу было полно. Афиша гласила... но я выискалъ тамъ всего афишу, чтобы вы видѣли какой здѣсь языкъ.

Я заплатилъ золотой ренскій (гульденъ), какъ здѣсь говорятъ, и за это досталъ себѣ мѣстце нумерованное, то-есть кресло, или, по просту, стулъ въ партерѣ. Мой № 80-й пришелся въ питомъ ряду, противъ самой сцены. Театръ, какъ я сказалъ, былъ полонъ, и между зрителями было очень много священниковъ. Священники русскіе костюмомъ ничѣмъ почти не отличаются отъ ксѣндзовъ, развѣ только волоса носятъ несколько подлиннѣе, изъ оппозиціи латинству. Главные поддерживатели театра, присутствіе свое они тѣмъ объясняютъ, что «Котра» запрещаетъ ходить только на безразличныя *театры*, какъ бои гладиаторовъ, непристойныя шесы, а вовсе не на такія представленія, которыя совершаются добрыми христіанами; а другое, толкуютъ здѣсь, нельзя же пастырю не наблюдать за увеселеніями его паствы. Я не богословъ, поэтому ничего не скажу — такъ это или не такъ.

Сосѣди мои то и дѣло заговаривали со мною: *какъ господину подобае намъ театръ? господинъ естъ изъ далека?* Въ маленькомъ городѣ уже знали, что я привѣзій и *россійскаго*. Представленіе началось водевилемъ: «Котра изъ нихъ?» Бачанскій говорилъ мнѣ, что это переводъ съ *россійскаго*, и что его дають у насъ *). Сюжетъ тотъ что Смѣльничко докупился до тюрьмы и если не женится на вдовѣ Кривской, то азія не выгнать его и не сдѣлаетъ своимъ наследникомъ. Онъ приходитъ къ Кривскимъ, объявляетъ, что женится на одной изъ нихъ, но спрашиваетъ на которой, потому что онъ не знаетъ, которая изъ нихъ вдова. Онъ удивленъ такимъ свѣтовствомъ ех *абсурдо*, сердятся на него, мистифируютъ его и заставляютъ угадать, кто изъ нихъ его нареченная. Я ожидалъ перелъ поднимемъ занавѣса, что все выйдетъ очень печально: во-первыхъ театръ устроенъ въ захолустѣ, на конечныя средства, другое — малорусскій языкъ можетъ куда угодно идти, но никакъ не въ водевилъ, и... и, какъ всякій предубѣжденный человѣкъ, жестоко ошибся.

*) Въ Петербургѣ эта пьеса дается подъ названіемъ «Которая изъ двухъ?»

Въ Польшѣ сильно развита провинціальная жизнь: поэту, человѣку изъ какого-нибудь Перемишля вовсе не походятъ на человека изъ какого-нибудь Царевкокшайска, а потому и польскія провинціальныя труппы, въ которыхъ образовалась большая часть русскихъ актеровъ, вовсе не плохи. Разумѣется, что публика, между которою я сидѣлъ, была далеко не такъ изыскательна, какъ наша, а что народный театръ *обязан* привлечь ей, что необходимо портить актеровъ; но и думаю, что этимъ актерамъ даже и не въ Перемишлѣ всякій сталъ бы аплодировать отъ чистаго сердца. Чашкій (собственно Владимиръ Хрисанфовичъ Буцацкій) превосходно сыгралъ свою роль. Про актрису я ничего не скажу: онѣ играли не худо, но въ этой пьесѣ не могли показать своего таланта. Языкъ... но сами украинскіе писатели приучили насъ читать и слушать на этомъ языкѣ только наивности, а между тѣмъ онъ начусть не страненъ въ устахъ свѣтскихъ людей, какіе были выведены въ этой пьесѣ. Разумѣется, изъ него, какъ и изъ всякаго провинціализма, можно очень легко сфабриковать новый языкъ, и сущь-то надо дивиться непредусмотрительности поляковъ, которые ничего не сдѣлали для этого языка, тогда какъ вѣчно толковали, что онъ-то и есть истинный русскій, а не русскійскій. Они сами помогали и помогаютъ слитію воедино всехъ русскихъ племенъ, и если когда осуществится это слитіе, если когда-нибудь и сама унія исчезнетъ, то это, опять-таки, будетъ польская работа; не надо прорекать быть, чтобъ представить это: вся польская политика послѣдняго времени есть политика политическаго самоубійства.

«Гали» шла также очень хорошо, но эта пьеса уже изъ народнаго быта и съ направлениемъ. Глупый Гаврилко, сынъ богатой Гордыни, влюбился въ дочь отставнаго солдата Ивана. Солдатъ груститъ, что его дочь невесела; Гаврилка, въ простотѣ души, утѣряетъ его, что она въ него влюблена и проситъ старика, чтобъ онъ поговорилъ за него съ его гордою и богатою матерью. Мать не соглашается. Въ это время появляется въ село капитанъ Славскій, въ котораго и влюблена Гали; старый солдатъ проситъ поговорить за него съ богачкою. Славскій самоотверженно рѣшается сватать за Гаврилку дѣвушку, въ которую увѣлъ самъ влюбиться. Выходитъ пугалица; никто ничего не понимаетъ. Наконецъ, Славскій женится на Гали и дѣлается мужикомъ, что торжественно и обя-

зываетъ присутствующимъ, советуя убѣгать разноразныхъ родовъ и возвращаться на доны сельской тишины къ *своимъ* землякамъ, для службы *своему* народу, для того, чтобъ жить одною жизнью съ народомъ, а народъ этотъ на сценѣ одѣтъ дѣвственными русскими — стало быть, вѣдьмы икнути въ польскій огорождъ. Но направление пьесы не искусство наигривости людей Иванъ и Славскаго: роли эти фразетны до крайности, такъ что слушать тошно. Тѣмъ не менѣе, г-жа Бачинская играла Галию великолѣпно, и я понимаю, почему все русское говоритъ о ней съ такимъ энтузіазмомъ, а поляки знаютъ, что она — сама виленская полька — играть въ русской сценѣ. Ей уже 200 гудьденовъ давали въ мѣсяцъ, чтобъ она перешла въ Краковъ, благородная женщина не позволяетъ начатаго дѣла. Театралъ Осяновна почти на сценѣ и родилась. Отсюда ей самъ антрепренеръ, и труппа его теперь уѣзжаетъ въ Орскъ или около Орла (у брата ея шховой магазинъ въ Петербургъ на Невскомъ). Первый дебютъ этой замѣчательной артистки былъ въ балетѣ въ Варшавѣ; но для балета у нея было слишкомъ много таланта: танцовать мало тому, кто можетъ говорить. Какъ и все актеры нашихъ западныхъ губерій, она вступилась въ путь, играла въ Берлинѣ (театръ Землинскаго), въ Москвѣ на губернскомъ театрѣ, который состоялъ тогда подъ управленіемъ генерала Кобылина, наконецъ очутилась въ Казань-Подольскую, гдѣ и вышла за г. Бачинскаго. И пристально слѣдила за ея игрою — ни одной фальшивой ноты, ни одной искусственной позы. Такъ и видѣлъ красавицу Галию, которая даже сама не знаетъ, что она влюблена. Любимый отецъ и дорогой еѣ Славскій, не полявъ ей молодого сердца, вынужденъ въ за другаго — вѣдь, негодуетъ она и какъ понять не можетъ, что съ нею творятъ! Признание вырывается у нея неловко, само собою, просто и безхитростно. Чего же хитрить? Любви ей чужда, и ея дѣвичья стыдливость не можетъ быть оскорблена этимъ признаніемъ. Да, надо быть очень не послѣднею актрисой, чтобъ изъ этой слабенькой пьесы, изъ водевилной роли сдѣлать нечто порядочное, заставить зрителя пережить жизнь дѣвочки семнадцати лѣтъ, загнать въ таблички ея сердца. Передать игру артиста также нельзя словами, какъ музыку, какъ картину: поэтому и я не стану больше разсказывать объ ея игрѣ; но долго, кажется, не забуду этого вечера въ театрѣ бѣдьяковъ, въ глухой Галициі, въ близкомъ полурусскомъ Пе-

ремышля. Кто еще хорошо игралъ въ этотъ вечеръ, то это г. Вѣтошинскій, — на видъ еще очень молодой человѣкъ. Роль его была — представить наивнаго дурака, Гаврилку, и онъ сдѣлалъ это прекрасно. Не хохотать отъ души было невозможно. Но любимецъ здѣшней сцены, Александръ Клементычъ Концевичъ, бенефициантъ нынѣшняго вечера, или былъ не въ ударѣ, или роль его была неисполнимая — онъ меня ничѣмъ не поразилъ. Да и трудно было что-нибудь сдѣлать изъ этихъ фразъ. Представьте себѣ не то Печорина, не то Грушницкаго, который привѣтствуетъ родныя Карпаты въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ и обвиняетъ Галъ, что онъ раненъ. «Куда?» съ испугомъ спрашиваетъ дитя. «Въ сердце!» провозглашаетъ разочарованный капитанъ. Тутъ никакой талантъ себя не покажетъ. Но баритонъ Концевича дѣйствительно хорошъ, и онъ очень хорошо и выразительно пропѣлъ свою финальную арію мужикамъ, въ которой обвинялъ п о любви къ народу и о необходимости сближенія съ нимъ высшихъ сословій.

Въ этой бѣдной Галичинѣ даже композиторы есть. Музыку писалъ тоже священникъ, отецъ Михаилъ Вербицкій. Мнѣ указали его въ партерѣ. Стриженный и бритый, въ очкахъ, на видъ человѣкъ лѣтъ сорока — простой сельскій попъ. А музыка очень есдурна, сколько я понимаю. Она вся основана на южнорусскихъ мелодіяхъ, но вовсе безъ рабскаго подражанія имъ. Отецъ Михаилъ сдѣлалъ изъ нихъ что-то совершенно самостоятельное. Наши дирекціи и консерваторіи могутъ снести съ нимъ черезъ г. Бачинскаго, если имъ любопытно знать, что дѣлается на Руси. Мнѣ понравилось; здѣшніе хвалятъ, а здѣшнимъ я вѣрю, потому что здѣсь въ домѣ каждаго священника найдешь если не фортепиано, то скрипку или флейту, потому что здѣсь заведеніе хоровъ при церквяхъ считается дѣломъ патриотизма; музыкою здѣсь очень многіе занимаются.

Противъ меня сидѣлъ сѣдой священникъ, который нѣсколько разъ заговаривалъ со мною. «Хочете нашъ край видѣти», говорилъ онъ: — «ходить до отца Іустина, бнѣ (читай *они*) мой швагеръ (зять), бнѣ господину все покаже». Со всѣхъ сторонъ раскланивался со мною, заговаривалъ; спрашивалъ, какъ мнѣ городъ понравился, каковъ ихъ театръ, театръ, устроенный на ихъ кровавые трудовые гроши... Что это за народъ? Какъ живетъ онъ? Только то знаю, что онъ очень радуженъ. Но хватитъ силы, изучу его — правду буду ста-

раться узнать о немъ, какая бы то ни была правда, за него или противъ него, въ нашу пользу или не въ нашу.

Я вышелъ изъ театра. «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звѣзды блещутъ...», подъ бокомъ у меня что-то завертѣлось въ темнотѣ. «Я могу служить пану; тутакъ есть една пани, ganz ordentlich», трещить еврей. И это послѣ Гали! «Нехъ пани иде до дѣбла!» крикнулъ я ему на весь Перемышль, и бросился домой — еврей исчезъ.

Дома кельнеръ подаетъ мнѣ ужинать и справляется, не нужно ли мнѣ чего еще на ночь. Я оглядѣлся: вода, спички — все, что нужно. Но это уже не тотъ, что былъ утромъ. «Viel leicht, шамшитъ жиденовъ: — etwas hibsches!» Вотъ сторона-то, самому о себѣ подумать не дадутъ. «И это не стыдно заниматься такими комисіями?» спрашиваю я. — «Отчего же? Прозваніе пани всегда потребуютъ», отвѣчаетъ кельнеръ совершенно спокойно и отъ чистаго сердца.

Что городъ, то норонъ, что деревни, то обычаи! Вотъ куда заѣхалъ я, «многія страны прошедій»; хоть я все не туристъ, но все-таки смущенъ этими постоянными напоминаніями о потребностяхъ моей грѣшной плоти. До завтра.

II.

Сегодня Бачинскіе оставили меня у себя обѣдать — отъ вѣшняго радужія нигуда не уйдешь. Обѣдали съ нами его старушка-мать и дѣв сестры. Начиная привыкать, что подѣв меня образованные люди говорятъ не по нашему, по писаному, а мѣстнымъ нарѣчіемъ. Эта часть Россіи такъ долго прожила своею собственною жизнью, что поневоля выработала свой языкъ; мы привыкли, что русскій говоритъ непременно по нашему, и намъ странно слышать другой говоръ. Не знаю, мы ли перенили польскія манеры или это гостепріимство коренное русское, но я чувствовалъ себя у Бачинскихъ, буквально, какъ дома въ Россіи; тогда какъ у другихъ славянъ почему-то дѣло идетъ не по нашему. Не скажу, чтобъ тѣ не были гостепріимны — нѣтъ, не то — но иначе за столъ садятся, иначе хозяйина благодарятъ за хлѣбъ, за соль, иначе подчуютъ. Я думаю, что панины нынѣшніе обы-

чаи заимствованы изъ Речи Посполитой, главной учительницы нашей въ свѣтскости. Въ XVI вѣкѣ половина нашихъ передовыхъ людей и ученыхъ была изъ южнорусовъ. Войска наши постоянно стояли въ Польшѣ, и обойтись безъ вліянія польскихъ нравовъ на наши не могли. Но чьи это нравы — польскіе или южно-русскіе — теперь едва ли возможно опредѣлить; вѣрно только то, что они намъ достались по наслѣдству именно изъ старой Польшы.

Обидали мы въ залѣ, обращенной въ гардеробную — директоры ливутъ здѣсь по дорожному — на одной стѣнѣ шляпы, на другой сабли, на третьей всякія свиты, сюртуки, мундиры съ эполетами и безъ эполетъ, по стѣнамъ сундуки съ тѣмъ же добромъ.

«Крестьяне посѣщаютъ театръ, говоритъ г-жа Бачинская: — иногда человѣкъ по десяти бываетъ».

Пусть театръ еще никогда не бывалъ — такъ онъ народень. Русскіе дорожатъ имъ, какъ своимъ созданіемъ, какъ доказательствомъ, что ихъ народность не умерла. Въ два съ половиною года, что онъ существуетъ, репертуаръ имѣетъ уже *полтора* ста пьесъ! Самы галичане пишутъ, съ польскаго переводятъ, съ русскаго (нашъ языкъ здѣсь многіе называютъ *россійскимъ*, совершенно не подозревая, откуда взялось это названіе). Вчерашній бенесисъ г. Концевича далъ ему около 45 гульденовъ, то-есть, почти двадцать-семь рублей — вотъ здѣсь каковы цѣны и каковы доходы артистовъ, подвижниковъ русской народности! а бенефисы имѣютъ актёры только по разу въ годъ — болѣе дирекція дать не можетъ. Но при всей этой скудости средствъ, все-таки театръ держится, и на немъ нѣтъ ни копейки долгу, тогда какъ польскія дирекціи то и дѣло банкротятся: ихъ не поддерживаетъ народъ, потому что поляки смотрятъ на театръ, какъ всѣ вообще смотрятъ, то-есть, считаютъ его дѣломъ забавы, а для русскихъ онъ — средство къ пробужденію отъ вѣковаго сна. Сверхъ того — и это не Бачинскіе мнѣ говорили и не отъ однихъ артистовъ я это знаю — въ польскихъ труппахъ царствуетъ раздоръ, автисы не пользуются доброю славой — у русскихъ все живетъ душа въ душу, а на женской половинѣ ихъ труппы нѣтъ ни одного пятна. Причина опять та же: русскіе актёры уважаютъ себя, потому что они служители русскаго дѣла, а не *гаеры*. Поляки поняли *это* значеніе русскаго театра, но объясняютъ его по-своему: они кричатъ, что все это московская пропаганда, и

что театръ держится только московскими деньгами. Удивительно *наивный* народъ! у насъ даже не знаютъ о существованіи этого театра, чтобъ не сказать больше. Представленія сегодня не будутъ — сегодня суббота, идетъ всенощная, но завтра будутъ давать «Сватанье на Гончаровцѣ» Грицка Основьяненки, и я увижу самого Бачинскаго въ роли Стецьки, которую онъ считаетъ своею; действительно, я слышалъ, что онъ въ ней воплощается.

Вечеръ я провелъ съ отцомъ Григоріемъ Г... и отцомъ Іустиніемъ Ж..., о которомъ мнѣ вчера говорилъ въ театрѣ съдой священникъ. Отецъ Іустинъ катехитъ, то-есть, законоучитель, въ здѣшней гимназіи. Разговоръ свелся на говеніе униатовъ и русскихъ. Странныя вещи узналъ я — поляки вовсе не fanaticи католицизма, и унія съ латинизмомъ обиваетъ своимъ существованіемъ исключительно политическому разсчету. Въ польской Галиціи мало костѣловъ, такъ что у ксѣндзовъ тамъ приходы огромные, и русскіе крестьяне сбѣгаютъ надъ мазурами: «Мазуръ два раза въ костѣль бывае: якъ ся народи и якъ помирае». Мало костѣловъ строятся тамъ и по равнодушію къ католичеству, и для того, чтобъ у ксѣндза было больше дохода. Въ русской Галиціи, наоборотъ, въ каждомъ селѣ съ незапамятныхъ временъ есть церковь, и русскій вообще религіознѣе мазура. Въ польскіе проекты преобразованія уній входитъ и уменьшеніе числа русскихъ приходовъ: «вѣдь вамъ самимъ съ этого будетъ лучше, говорятъ поляки священникамъ: вы будете отъ этого богаче». Къ чести священниковъ, мало кто поддастся на подобное искушеніе, и общій голосъ русскаго духовенства противъ сокращенія числа приходовъ. Между тѣмъ, изъ этого взгляда двухъ народностей на значеніе церкви вытекаетъ такое сдѣлствіе, что ксѣндзъ самъ панъ и стоитъ во всемъ за сторонъ высшихъ классовъ, а священникъ — мужикъ — и держится интересовъ крестьянства. Мазуръ равнодушенъ къ панскому костѣлу, въ которомъ ему и дѣлать нечего, который даже не для него и построенъ; русскій только и живетъ своею мужицкою церковью, куда, кромѣ него, никто и не ходитъ. Исторія мазуровъ прошла въ шляхтъ; исторія русскихъ — исторія здѣшней церкви. Русскій здѣшній до сихъ поръ говоритъ, что онъ *русинъ*; мазуръ ни за что не назоветъ себя полякомъ, скорѣе скажетъ, что онъ *галестріякъ* (австріякъ). Тотъ и другой искренніе вѣроисповѣданные своего *имперя*, возстановленія Польшы не хотятъ, потому что подъ возстановленіемъ Польшы понимаютъ возвратъ вѣрноподданнаго

права, наспіа и того недавно прошедшаго bon vieux temps, когда провинившагося крестьянина помѣщикъ заставлялъ вѣлѣзть на дерево, пѣть пѣтухомъ, и стрѣлялъ въ него дробью. Мазуръ живѣе, подвижнѣе и понятливѣе русскаго — это сами русскіе здѣшніе говорятъ. Даже физическою силою мазуръ превосходитъ русина: это замѣчено было при постройкѣ здѣшней желѣзной дороги. Чернорабочіе русскіе не могли угнаться за чернорабочими мазурами, такъ что пресловутая малороссійская лѣнь, говорилъ мнѣ отецъ Іустинъ, объясняется именно этимъ недостаткомъ развитія у насъ мускуловъ. Въ гимназій тоже замѣчаютъ, что поляки (мазуры) учатся лучше русскіхъ; но здѣсь, можетъ быть, дѣйствуетъ другая причина. Объясняютъ тѣмъ, что русскій вообще бѣденъ, забитъ, запуганъ, выросъ или въ бѣдной священнической семьѣ, на которую здѣсь свысока смотрятъ, или, что только теперь начинается, въ крестьянской хатѣ. «Странное дѣло, говоритъ отецъ Іустинъ: — мы все, даже и не крестьяне, не то, чтобъ робки, а застѣнчивы. Изъ насъ мало вышло хорошихъ проповѣдниковъ; выйдешь на кафедру, и какъ-то не ловко станешь, а всѣмъ дѣзъ, потому ли, что онъ прежде всего свѣтскій человѣкъ, всегда боекъ и смѣлъ и развязенъ».

«Въ самомъ дѣлѣ, сколько я гляжу на здѣшнихъ монаховъ знакомыхъ, при всемъ ихъ радушіи и при всей ихъ сердечной добрѣ, они чрезвычайно сдержаны; у нихъ отъ природы есть то, что англичане называютъ reserve: ни лишняго вопроса, ни ненужной откровенности и изливній. А поляки, сколько я ихъ знаю, полнѣйшіе великорусы въ этомъ отношеніи: все разспросятъ и все расскажутъ; таковы и сербы и словаки — только у южнорусовъ, да у болгаръ замѣчатъ и этотъ врожденный esprit de conduite».

Разница между мазурскимъ и русскимъ крестьяниномъ оказалась въ ихъ отношеніяхъ къ панамъ. Въ 1846 году пылкіе мазуры рѣзали помѣщиковъ — тяжелый русинъ не одолѣлъ своей лѣни, можетъ быть, потому, что его не поощряло на возстаніе его духовенство, какъ во времена Хмельницкаго и Гонта, или просто потому, что такъ ужъ отъ природы долготерпѣливъ и многомизостивъ. Во время польскаго возстанія и русскіе, и мазуры хватали повстанцовъ, перебывавшихъ сюда изъ Россіи; тѣ и другіе отводили ихъ къ начальству, а начальство, разумѣется, выпускало ихъ на свободу. Русскіе махнули на все рукою и бросили ловлю — мазуры не бросили, но прежде чѣмъ пе-

редавали пойманнаго правительству, они колотили его что было силъ, или просто перетаскивали его черезъ границу къ намъ. Русскій имѣетъ довѣріе только къ своему священнику — мазуръ ни къ кому, но надъ обоими одинако паритъ еврей. Еврей, когда ему нужно, умѣетъ такъ столковать съ ними, такъ опутать ихъ, что они ему повинуются безусловно. Они знаютъ очень хорошо, что онъ мошенничаетъ надъ ними, они ненавидятъ его — но ничего не могутъ сдѣлать противъ его дилектики. Избавиться отъ еврея — ихъ мечта завѣтная; порою, особенно мазуры, толкуютъ объ избіеніи евреевъ, но все это разрѣшается одними толками. Безъ посторонней помощи они никогда не избавятся отъ этихъ паразитовъ — само собою разумѣется; впрочемъ, о евреяхъ я буду говорить особѣ. Наконецъ, и русскіе, и мазуры одинаково убѣждены, что вся бѣда ихъ въ томъ, что цѣсарь ихъ ничего не знаетъ. «Еслибъ, говорятъ они: — цѣсарь зналъ, что съ нами здѣсь дѣлаютъ, какія у насъ подлоги, что «жиды выробляютъ зъ нами», то былъ бы конецъ нашимъ бѣдамъ... Славяне вездѣ славяне».

Робости своей приписываютъ русскіе и то должное положеніе, въ которомъ они стоятъ относительно поляковъ и Рима. «Мы застѣнчивы, говорятъ они: — намъ совѣстно *требовать* того, что намъ по праву принадлежитъ; мы имѣемъ слабость думать, что довольно доказать свои права, что убѣжденіемъ можно на людей дѣйствовать; намъ противно интриговать и поступать рѣзко — поэтому, насъ никто не уважаетъ. Полякъ и всѣмъ беретъ смѣлостью; онъ и въ Вѣну ѣздитъ и въ Римъ, онъ въ высшее общество входитъ, ораторствуетъ, шумитъ — мы на это неспособны. Дворянство наше все перешло въ католицизмъ при помощи уніи: остался русскій одно духовенство да народъ, и здѣсь сторона аристократическая — кого въ Австріи аристократія не представляетъ, тотъ ничего не добьется. Польская аристократія увѣряетъ въ Вѣнѣ, что русскіе собственно за нихъ, но только въ духовенствѣ есть партія, подкупленная нашимъ правительствомъ, которая съѣстъ раздоръ и губитъ дѣло уніи. Ихъ слушаютъ, а насъ никто не слышитъ. Поляки насъ тѣснятъ, правительство сомнѣвается въ нашей преданности — вина наша вся въ томъ, что мы хотимъ остаться русскими и исправить нашъ обрядъ, некаженный латинизаціей. Служить польскому дѣлу мы не можемъ, потому что слишкомъ близко знаемъ поляковъ — возстановленіе Польши будетъ гибелью для

здѣшняго простопародья. Панщины, разумѣется, не возобновятъ; пожалуй, и школы заведутъ, но крестьянинъ будетъ окончательно отданъ на жертву патріотамъ и ихъ стремленіямъ. Польскій вопросъ вовсе не ставитъ своей задачей благосостоянія массы — народъ для патріотовъ только орудіе для осуществленія ихъ плановъ. Голосъ народа на сеймъ будетъ заглушаться голосомъ патріотовъ. Доказательство у насъ на лицо. Поляки передъ повстаніемъ много наговорили о Руси, о нашей національности, о національности у насъ уни, въ отличіе отъ вашего православія, толковали о нашемъ языкѣ, пѣли наши пѣсни — и вотъ на львовскихъ сеймахъ имъ былъ отличный случай доказать свою некрепость.

Не справедливость руководить ими, а эгоистическій расчетъ: выгодно или невыгодно такое-то стремленіе наше для осуществленія ихъ надеждъ. Возстановленіе у насъ русскаго обряда имъ не нравится — они гнетутъ насъ и кричатъ, что мы схизму хотимъ возстановить, съ Россіей сближаемся; а еслибъ и такъ — допустимъ, что они правы — да если для Руси схизма выгоднѣе уни, то что жъ до этого Рѣчи Посполитой, которая de jure допускаетъ и вѣротерпимость и полноправіе всехъ своихъ жителей? «Мы дорожимъ своимъ языкомъ и своею азбукою, какъ писали отцы наши, такъ и мы хотимъ писать: — въ видахъ Рѣчи Посполитой, мы должны подѣлаться поляками, своими руками передѣлать наши церкви на костѣлы, нравственное и вещественное благосостояніе народа отдать на жертву политическимъ соображеніямъ шляхты... За что кушля, за то и продаю: въ Перемышлѣ такъ говорятъ.

Вечеръ былъ хорошъ. Я зашелъ въ воксалъ желѣзной дороги, сборное мѣсто перевышльской публики: около меня сидѣли и заговорили со мною какіе-то русскіе. Разговоръ опять свернулъ на здѣшній край.

— Да что у васъ народъ говорить о москаляхъ? спрашивалъ я.

— А вотъ что говорить, отвѣчалъ мнѣ одинъ собесѣдникъ: — говорить, что у васъ вѣра «крѣпше якъ у насъ».

— Да знаетъ онъ что-нибудь про унию?

— Знаетъ, что въ Римѣ есть святой отецъ, знаетъ, что въ церкви нашей все перепутано съ латинизмомъ — а дальше его соображенія не идутъ.

— Нѣтъ, идутъ, перебилъ другой. — Я самъ былъ свидѣте-

лъ, какъ въ 1849 г., когда наши ходили въ Венгрію, у насъ на войнѣ одинъ русскій солдатъ побилъ за что-то крестьянина. Къ побитому подскочилъ полякъ съ пропагандою: «а цо-жь! ви-ахъ-есть якъ су(ть) москали!» — «А нехай, отвѣчалъ крестьянинъ: то, бачь, своя вѣра біе...»

Итакъ... Итакъ, до завтра.

III

Сегодня я былъ въ церкви, на селѣ и въ театрѣ. Соборная церковь у насъ здѣсь очень большая — это бывшій кармелитскій костѣлъ; передѣлалъ въ немъ что можно было, но иконостасъ, все-таки, безъ иконъ: вдоль сѣверной и южной стѣнъ зданія остались католическіе алтари. На одномъ изъ этихъ алтарей служилъ обѣдню какой-то молодой священникъ. Фелонъ какъ у насъ, только кресты не пашишь, подризникъ полотняный, по подолу обшитый кружевомъ, на розовой подкладкѣ; волосы подъ гребенку, борода сбрита.

Странное дѣло, какъ это рѣжетъ глазъ русскому человѣку. Что-то скопческое — ни мужское, ни женское — напоминаютъ эти гладкія лица. Я смотрѣлъ на нихъ, и мнѣ стало понятнѣе быстрое усиліе у насъ старообрядства при Петрѣ, когда правительство такъ длительно и такъ неожиданно ввело бородобритіе. Дѣйствительно, бритое лицо некрасиво, какъ некрасивы и эти позднѣйшія бакенбарды, напоминающія стриженія деревья и клумбы цвѣтовъ во французскихъ садахъ. Я стою за англійскіе парки и за приволье всякой растительности; *скобленое рило*, какъ выражаются старовѣры, мнѣ кажется одною изъ неизлѣчивѣйшихъ выдумокъ рода человѣческаго, а бакенбарды возмущаютъ мою душу. Впрочемъ, бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ — у меня у самого, какъ на смѣхъ, прекрохотная борода, хоть въ нее ужъ сѣдина забивается...

Когда молодой священникъ отслужилъ обѣдню на боковомъ латинскомъ алтарѣ, вошелъ въ церковь отецъ Іустинъ Ж.... — законоучитель, о которомъ я вамъ писалъ, а за нимъ человѣкъ двѣсти его ребятишекъ. Это русскіе гимназисты пришли на *службу божію*: — такъ здѣсь называютъ обѣдню. Отецъ Іустинъ, облачившись такъ же, какъ и первый священникъ, вошелъ черезъ ризницу, въ главный алтарь, растворилъ царскія двери и не зат-

ворять их всю обидно — это опять памятник нашего богослужения, введенное католиками и их партией. Обидно онъ отслужить очень скоро, такъ скоро, что я не замѣтилъ даже апостола. Говорю «не замѣтилъ», потому что онъ послѣ мнѣ объяснял, что выпущено ничего не было, но что многое читалось, а не пѣлось; но въдѣ и апостолы читаютъ, а не поютъ... Можетъ быть, я былъ разсвѣянъ, но, все-таки, служба совершилась чересчуръ скоро. Церковь была полна. Народъ былъ одѣтъ по праздничному, свиты побѣле; но многіе и очень многіе были босикомъ; значить, опять таки очень бѣдны здѣшніе крестьяне. При входѣ въ церковь они уже не *клякають* по-католически, хотя и было здѣсь введено это прекрасное для насъ присѣданье на одно колено, которое приводило въ такое негодование патріарха Филарета: русскіе стѣмляли пзгнать кляканье изъ своей церкви. Но святая вода все еще стоитъ при входѣ, и въ нее окунаютъ нащцы. Крестятся они удивительно странно; крестосожения никакого нѣтъ: руку согнуть крючкомъ и этимъ крючкомъ опустить передъ собою кругъ. Меня особенно рѣзко поразила недостатокъ уваженія въ церкви въ народѣ, при всей его набожности и при всей его исключительно церковной жизни: въ церковь входятъ съ узлами, съ корзинами, съ разными покупами — такой безцеремонности я, помнится, нигдѣ еще не видалъ. Даже причастники явились съ узлами и только, становясь на колѣни передъ царскими вратами, отложили въ сторону свои ноши. Говорятъ, что въ костѣлахъ дѣлаютъ то же самое — стало быть, и это слѣдуетъ приписать католичеству. При выходахъ съ дарами звонятъ въ колокольчикъ. Этотъ колокольчикъ — предметъ глубочайшей ненависти русскихъ, а вывести его покуда нельзя: все свѣлости не хватаетъ и поддержки нѣтъ. Было бы намъ только позволено, говорить здѣсь, завтра бы церковь наша ничѣмъ не отличалась отъ православной. Эта насильственная латинизация и полонизация добилась своего: чаша перелилась черезъ край — русскіе спать и видятъ возвратиться къ восточному обряду. «Поляки сами свое дѣло проиграли и сами догонили васъ до возвращенія къ русской жизни», сказалъ я одному священнику по окончаніи обѣдни. «Провидѣніе!» отвѣтилъ онъ. «Немезида!» подтвердилъ другой, выразившійся классическимъ. Не умѣю связать покуда, воротятся ли они къ православію — я избѣгаю подобнаго разговора, который здѣсь несприятеленъ. Поляки кричатъ, что все это движеніе поднято русскими

агентами; а здѣсь даже и говорить-то по нашему почти никто не умѣетъ. Толкуютъ про *рубли московски*, а здѣсь въ вышай копѣйку, потраченной на русское дѣло, могутъ дать отчетъ, откуда она взялась. Нѣтъ, это не наша пропаганда: наши посольства и наши дѣятели даже не знаютъ о существованіи края. Если и здѣсь есть наша пропаганда, то ее должны вѣдуть, работать противъ насъ, но за насъ. Не знаю, правы ли это или немезида исторіи, но чѣмъ больше я смотрю на эту Рѣчу Посполитую, тѣмъ больше убѣждаюсь, что она действительно не возобновится. Противъ нея не Москва, какъ выражаются поляки — съ Москвою, какъ со всякимъ пышнымъ врагомъ, може бы справиться — противъ нея религиозныя и законныя интересы насъ. Если въ этомъ Перемышль, я начинаю понимать, что пресекло въ Литѣ въ царствованіе Екатерины, и откуда брались Конспескіе прошлаго вѣка и Сомашки нынѣшняго. Традиція и традиціонный образъ дѣйствія приверженцевъ Рѣчи Посполитой — подпора русской народности. Это очень странно; но это такъ, и это можно вслухъ говорить, потому что поляки не исправимы. У поляковъ все есть, кромѣ политическаго такта; на мелкія дѣла они мастера, на крупныя — никакъ не годятся. Занятые своею идеею бѣды, они, какъ дон-Кихоты, воюють противъ вѣтряныхъ мельницъ: наборники отживающаго рыцарства убѣдительною образомъ доказываютъ всему, что этого рыцарства уже нѣтъ.

— Ну, что жъ бы вы сдѣлали? спросилъ я какого-то русскаго — у меня здѣсь такая гибель знакомыхъ, что я даже именъ ихъ не знаю; путешественникъ всегда возбуждаетъ любопытство, и всякій спѣшитъ доставить ему свѣдѣнія о краѣ — что жъ бы вы сдѣлали, еслибъ во время возстанія полякамъ удалось, и у васъ возстановилась бы Рѣча Посполитая?

Русскій засмѣялся.

— Была бы *рѣчь посполитая* (общая рѣчь), отвѣчалъ онъ. — Тогда мы сдѣлали бы то, чего не дѣлаемъ нынѣ: уваженія и чѣтъ доверія къ правительству. А еслибъ судьба оставила насъ однихъ съ поляками, безъ центра тяжести въ вѣнѣ, безъ этого посредничества между нами и польскими стремленіями — то ни поляки, ни костѣла не осталось бы на нашей землѣ. Да намъ что? намъ еще не бѣда: у насъ есть свой образованный классъ въ духовенствѣ, а вотъ, что у мазуровъ было бы — этого никто не знаетъ. У мазуровъ, у *мазуряковъ*, своей интеллигенціи

нѣтъ, а отъ той, что называютъ польскою, они отрываются, да и мазуръ не русинъ: мазуръ рвзгалъ свою интеллигенцію, а наши спасали поляковъ, потому что мы смѣрны, тихи и находимся подъ вліяніемъ духовенства, котораго у мазуровъ нѣтъ.

Я посмотрѣлъ на моего собесѣдника, и онъ — тихій и смѣрный, какъ всѣ извѣстные русскіе, — говоритъ такіа категорическія вещи!

Попадутся мои записки въ руки поляку, пусть онъ подумаетъ и, если имѣетъ возможность, пусть процитируетъ, правду или здѣсь говорить или нѣтъ. Объяснять все это вліяніемъ австрійской и русской пропаганды — ребячество. Я не вѣрю ниванитъ пропагандѣ, а особенно ниванитъ; я не знаю въ исторіи ни одного примѣра, чтобы пропаганда проникла въ массы — только релягиозныя секты распространяются пропагандою, а не политическія симпатіи и антипатіи. Пусть другое кто заведетъ въ этотъ край и напишетъ отвѣтъ на мои выводы, пусть этотъ другой полякъ будетъ — тѣмъ лучше; но надо же рѣшить раз навсегда, стоитъ или не стоитъ лить кровь за неосуществимый идеалъ.

Отецъ Іустинъ отслужилъ обѣдню; послѣ него сталъ служить отецъ Григорій Р... на томъ же самомъ престолѣ. Опять латинизмъ! Съ нимъ вмѣстѣ служило двое священниковъ: одинъ былъ одѣтъ дьякономъ, другой дьякономъ: путаница удивительная, тѣмъ болѣе, что дьяконскій чинъ у нихъ отмѣненъ. Трое служили, трое входили и выходили царскими вратами... Но одѣтый дьякономъ парчевый стихарь коротокъ какъ спортукъ, бока разрѣзаны, но орарь есть. Изъ-подъ этого стихаря виднѣн другой полотняный стихарь съ кружевнымъ подоломъ... Эта служба шла долго; кажется, ничего не выпускалось, даже въ символѣ вѣры было прибавлено знаменитое *и отъ сына*. Органъ какъ-то сбился съ рукъ, за то хоръ устроили, и такой хоръ, что всякая наша церковь можетъ позавидовать. Это заискуситель гимназій, отецъ Іустинъ, обучаетъ мальчиковъ пѣнію — поютъ удивительно! Церковная музыка наша; въ этомъ они *москавили*, что и довожу до общаго свѣдѣнія: Бортиянскаго и другихъ хорошо знаютъ.

Кончилась обѣдня. Подходить ко мнѣ какой-то священникъ и предлагаетъ осмотрѣть ризницу. Здѣсь удивительно добрый и предупредительный народъ; я не знаю, какъ и тѣмъ отвѣчать имъ на ихъ ласку. Особенно двери меня смущаютъ: передъ

каждою дверью идетъ споръ, кому первому войти... Въ ризницѣ много старыхъ кармелитскихъ образовъ, старый католическій алтарь съ дарохранительницею, у которой дверцы украшены на подобіе царскихъ вратъ. Въ новыхъ костѣдахъ этого уже не дѣлаютъ. Ризница скархальная небогата и старина мало: едва ли есть ризы древнѣе XVII вѣка, но кой-гдѣ еще еще слѣды византійскаго шитья, хотя и очень слабыя. Самое любопытное въ ризницѣ относится вовсе не къ ней: это два золотомшвейные поноса, которые здѣсь *каждому* поноси сорочае — что это за шитье, гдѣ ихъ вышивали никто не знаетъ и я не умѣю сказать. Такой работы и еще я не видалъ: это шитье не славянское, не греческое и не мусульманское — рисункъ воловскаго, кѣткою, но не краше вышиты лѣнты въ горшкахъ; все это сдѣлано удивительно изяжно и красиво. Они хотѣли послать ихъ во Львовъ, гдѣ заведется у нихъ народный музей. Мысль, разумѣется, благая; я просилъ ихъ послать сперва въ Москву на этнографическую выставку — она и согласна на то и несогласна. Кто разберетъ эту массу, неразвѣстную, сосредоточенную газету жидовскаго, у котораго даже въ языкѣ нѣтъ ничего оригинальнаго, ни *и*, ни *ы*? Пусть агенты выставки обратятся къ намъ съ просьбою — въ увѣреніи, что они не откажутъ; но сами они ничего не сдѣлаютъ. Независимости, аристократичности этого племена параллельно его силы. Хотя по поводу двухъ старинныхъ поносовъ и слѣдуетъ впасть въ народную психологію: но что же прикажете дѣлать? Материаловъ у меня наовпилось такое множество, что я не сентимъ записывать видѣннаго. Мнѣ даже кажется, что я брошу писать дневникъ, а стану просто резюмировать мои свѣдѣнія и впечатлѣнія, составляя по главамъ на каждый городокъ. А этого мнѣ не хотѣлось бы. Мнѣ хочется, чтобы читатель проникъ мою жизнь между этими странными людьми, которые русскіе, — но убиты; русскіе — но австрійскіе итвроподанные; русскіе и очень образованные люди, — а говорятъ *по-польски*, на томъ языкѣ, который для меня, кровнаго великоруса, былъ до сихъ поръ крайне сѣмномъ, благодаря своей литературѣ, которая поднимала меня *Перелыгованію Энеиды*, на разныя Гоголенки и Свербыгузамы. Материалу у меня много, а времени записывать нѣтъ; къ этому присоединяется еще приспособное чувство: я вижу, что не изучу этого края въ подпора жизни, которая возожитъ на его изученіе. Общее впечатлѣніе и, можетъ быть,

передать верно, но, не знаю почему, у меня все Линией вертится на памяти, какъ онъ закрывалъ рукою кусокъ дерева и говорилъ ученикамъ, что кто хочетъ ботанику знать, тотъ на то чего не дойдетъ, пока не опредѣлитъ жизнь каждой былинки на этомъ клочкѣ земли. *Ars longa, vita brevis* — я отхлебываю изъ чаши, но вина не выпью; а хотѣлось бы, чтобъ у насъ знали, какъ здѣсь идетъ жизнь. Промехи у меня есть и, вѣроятно, еще много ихъ наберется — но пишу добросовѣстно, по моему крайнему разумѣнію.

Я сказалъ отцу Іустину, что его швагеръ (зять), тотъ съдой священникъ, который разговаривалъ со мною въ театрѣ, звалъ меня къ себѣ въ деревню; отсюда Іустинъ, вместо всякаго отвѣта, послалъ за бричкой: мы покатили. Село Вышатицъ въ полуторѣ миль отъ Перемышля — мила семь верстъ, стало быть, вѣды около полутора часа. Окрестности Перемышля, который вступилъ въ исторію удѣломъ Святополка-Окаяннаго, чрезвычайно красивы. Вся мѣстность холмится и зеленѣетъ, но все холмится и зеленѣетъ такъ же нѣжно и не рѣзко, какъ здѣшняя исторія. «Що двѣрь, то ляхъ — що село, то громада», помѣщики все подылались полянами, народъ вездѣ остался русскимъ, помирился съ Польшею на уніи. Не то удивительно, что онъ отдѣленъ отъ общей русской семьи и отъ русской церкви, а то чудо, что онъ до сихъ поръ, на самой границѣ Польши, остается еще русскимъ и такъ много русскаго сохранилъ въ своей вѣрѣ, и въ языкѣ. Здѣсь я начинаю понимать, что дѣло Кирилла и Мефодія было, въ самомъ дѣлѣ, великое. Создавъ для славянъ народную церковь, они дали каждому мужику интересъ къ ея судьбѣ и къ ея ученью; поэтому, бѣдный священникъ сдѣлался здѣсь представителемъ народной мысли и проводникомъ между народомъ и знаніемъ. Католичество, съ его чуждою народу латынью, разумѣется, не могло сдѣлаться народною церковью, и потому оно вездѣ разрывалось феодализмомъ, шляхтою, аристократіею, оставляя народъ въ тѣни и въ невѣжествѣ. Въ Москвѣ и въ Парижѣ это трудно понять; но здѣсь, на границѣ Европы, это рѣзко замѣтно и многое можно объяснить, что было загадочно въ нашей исторіи. У насъ, у великорусовъ, была богатая политическая жизнь, а все-таки народъ отождествлялъ себя съ церковью, и до сихъ поръ ими *русскій*, совершенно равнозначуще съ *православный*, а земледѣлецъ у насъ — *крестьянинъ*. Небольшая церемонія въ обрѣдахъ при Николѣ вы-

зываетъ оппозицію народа въ видѣ старообрядчества. Война у насъ всегда за вѣру: «Святая-Земля — всѣмъ землямъ мати, въ ней строятъ первыя соборныя, соборныя богомольныя; исповѣдуется она вѣру крещеную». А у поляка-католика дѣло идетъ иначе: самъ онъ просто *полякъ*, а не то *мазуръ*, *кракусъ*, или, еще хуже, *галестріакъ*, *прусакъ*, и только. Дерется онъ за *отчизну*, а въ сущности у него даже и отчизны нѣтъ, потому что ему не во что высказаться.

Я всталъ въ Вышатицѣ и смотрѣлъ на встрѣчныхъ мужиковъ. У насъ очень много кричали и удивлялись, что поляки считаютъ народъ скотомъ (быдло), а поляки совершенно правы: здѣшний народъ и и пазову быдломъ. Нѣсколько поколѣній пройдетъ, пока здѣшний народъ сравняется, въ своемъ развитіи, съ великорусомъ, словакомъ, болгаринемъ, — даже рушинею. Исторія такъ придавила его своими тяжелыми колесами, что онъ дѣйствительно близокъ къ состоянію безсловесной твари. На лицѣ у него написана какой-то испугъ; кто даже не знаетъ его прощедшаго, и тотъ скажетъ, что онъ не впрямѣ пошелъ, а назадъ попятился.

Пусть меня хорошо поймутъ: я вовсе не обвиняю въ этомъ новое поколѣніе поляковъ — они грѣху непричастны. Винаваты, пожалуй, отцы ихъ, дѣды и прадеды, дѣйствовавшіе въ духѣ своего времени и ковавшіе Рѣчи Посполитую въ ползу неслучайно шляхты. Трудно вообще указать, гдѣ корень зла, и почему Польша не существуетъ: несмотря на ея развалины, такъ и видишь, что она была не болѣе, какъ декорациою. Выѣхавъ и въ Перемышль: на улицахъ польскій и еврейскій языкъ польскій и еврейскій вывѣски, на каждомъ углу костель — стало быть, я въ Польшѣ. Еслибъ я здѣсь остановился и не сталъ доказывать до дна этого міра, я такъ бы и уѣхалъ въ полномъ убѣжденіи, что «еще Польша не згинѣла»; но, на бѣду, я слышалъ, что здѣсь есть русскій театръ, остановился, содралъ сюртукъ съ орѣха — и оказывается, что Польша нѣтъ...

Зачѣмъ я пишу это? упрекнуть меня мои старые пріятель поляки; зачѣмъ я деморализирую ихъ дѣло?

Зачѣмъ, что я хотѣлъ своими глазами убѣдиться, стоило ли имъ лить столько крови, будетъ ли какой толкъ изъ ихъ агитацій. Зачѣмъ, что я видѣлъ, какъ эмиграція ихъ бѣгаетъ вонемъ на шоссе, какъ студенты и офицеры подылались изобѣдами, какъ русскіе спивались и давились на чужой сторонѣ. Выкину-

тые из родины волной революции; я видел, как гибнут люди добрые и хорошие, во имя Молоха Рвча Посполитой... Не личный расчет, не желание выслужиться, руководить мною в моих страшных вынодах — и хочу правду рассказать, чтобы хоть кто-нибудь из поляков призадумался: действительно ли он полезен своей отчизне, и действительно ли в ее интересах он действует.

Народ боевой даже из праздных. Билая холщевая рубаха, белые холщевые порты, соломенная шляпа; редко на ком-то свита (что-то из рода нашего армяка). Протяжешь кланяются, но, опять-таки, не так, как везд на звит кланяются провиному. Здесь крестьянин скинет шляпу, махнет свечу не до земли и даже тулю повернет вверх, и бабы сгложат на груди руки в низко-пронизко поклонятся из пояса. Между тем, чиновники здесь не боятся, панцины вить — чего ж они кланяются? Мне никто объяснить этого не мог — или это обряд, пережитый свое значение? Если так, то я теперь ясно понимаю, откуда у них этот пепух на ледь; а что эти поклоны — традиция старых времен, в этом я убеждаюсь следующим. Даже в Турции, именно в Болгарии, где давно нить крепостного права, хоть и до сих пор (против хатип-шерифа) существует натуральная повинность, крестьянин кланяется как равный равному, останавливает вась, чтобы закурить папосу; а здесь проважии точно страх наводит. Помещичьих дворов очень много (шо дворь, то лихь), и почти при каждом дворь костелъ. В мазурской Галиции костеловъ мало — здесь много, потому что здесь католицизм в борьб с унией, потому что здесь ксендз — мисонеръ, а еще потому, что помещику неприлично быть без своего капеллана.

Что они делают здесь эти ксендзы? не знаю — вѣрить, не знаю — не вѣрить, но говорят, что пропаганда католицизма дѣлается при помощи евреевъ. Ксендз поручаетъ еврей перессорить крестьян с священником — против еврейского краспорѣчия ничто устоять не может: гонитель евреевъ не устоитъ противъ ихъ обаянй; крестьяне это знаютъ и повинуются; правительство это знаетъ и терпитъ евреевъ, еврей перессоритъ крестьян с священникомъ, ксендз является примирителемъ, и народъ идетъ въ костелъ...

Удивительная дѣла здесь рассказываютъ: есть не подалеку отъ Перемышля, близъ Радмина, деревня Хлопичи. Когда-то тамъ,

из русской церкви, явилась икона Богородицы; русские стали ходить в эту церковь каждый богородичный праздник исповедаться и причащаться. За ними потянулись мазуры — мазуры, которые вовсе не дѣлаютъ различия между унией и нашею схизмою, и которые вовсе не прочь *своиславить*. Ксендзы перепугались и для мазурскихъ богомольцевъ устроили прельз въ Хлопичской церкви. Теперь, какъ рассказываютъ, унй сле-де держится въ Хлопичахъ, крестьяне большею частью поминались католиками. Чудо у русскихъ повело из оноличение русскихъ — вотъ здесь какая сторона! А Рвчъ, который *очень любитъ восточный обрядъ*, молчитъ и потаиваетъ. Года три назадъ, въ мѣстечкѣ Радзыни ксендз успѣлъ побить *своя три чистки* русскихъ землевладельцевъ въ переходу въ латинство. Священникъ ихъ, отецъ Колмаквичъ — человекъ старый, не бойливый; ему не нудъ было противодѣйствовать ксендзу, да и изъ Варшавы, куда часто ѣздилъ эта помѣщикъ, шла горячая пропаганда Польши и католицизма; помѣщики не устали. Противъ въхъ католическихъ правилъ, которые латинство и унй считаютъ одною нзрою, ксендз присоединялъ русскихъ къ костелу съ хоругвями, пѣнємъ, точно еретиковъ или раскольниковъ. Русская консисторія робко сноситея съ латинскою и говоритъ, что, на основанн елорентинскаго и другихъ соборовъ, изъ восточнаго обряда запрещено переводить въ латинский, а болши нче съ торжественностью, оскорбительною для униатовъ, вѣрнхъ сынозъ рваской церкви. Польская консисторія молчитъ, русская относитъ къ Рвчу и подучаетъ отвѣтъ, что, буде помѣщичья ксендз *еще разъ* отступитъ отъ каноническихъ правилъ и *еще разъ* заявитъ неуваженіе къ русскому обряду, то будетъ строго наказанъ. Мудрено ли теперь, что здесь такая вражда у русского духовенства къ полякамъ? Но темъ дѣло въ Радминѣ не кончилось: обращеніе русскихъ въ латинство, обетавленное такою торжественностью, подвизало епанькомъ много дула. Не то, что поляки не очень уважали новообращенныхъ, которые, въ ихъ глазахъ, были все-таки ренегаты, евреи стали сѣяться: «а жъ не, нить вцорай былъ русскимъ, а теперь нить естъ юзъ (уже) полякэмъ». Не выдержали русские, и, одинъ за другимъ, возвращаются къ своему старому священнику.

Но не скажу, чтобы поляки изъ него не дѣлали для русскихъ. Въ Жирондахъ Салтыга самъ строитъ именную русскую церковь, въ Вильнѣ помѣщикъ далъ священнику кирочей на

постройку дома; словомъ, умные поляки ведутъ себя иначе, чѣмъ сеймъ львовскій, «Часъ» и «Газета Народова».

Не добывая Вышатиць, я замѣтилъ какія-то насыпи — это шанцы, поставленные противъ русскихъ во время крымской войны. Не знаю, на сколько они дѣйствительно страшны, а все-таки стоятъ и смотрятъ на востокъ, на банавку, которою Россія граничитъ съ этими врагми. Говорятъ, на сыпкахъ не дешево обошлась правительству...

Что старикъ-священникъ принялъ меня съ полнѣйшимъ гостеприимствомъ, и говорить нечего. Онъ деканъ, то-есть, благочинный, а доходъ его, все-таки, не выше трехсотъ гульденовъ въ годъ, считая сюда доходъ съ земли и плату за требы. Кадастръ на все въ Австріи — все вычислено и все внесено въ книги; нѣтъ курпцы, которая не была бы записана, и доходъ съ которой не былъ бы опредѣленъ. На священника правительство положило треста гульденовъ въ годъ, если у него свой приходъ, и сто пятьдесятъ, если онъ помощникъ приходскаго священника, хотя мѣнѣе доходовъ холостого ксендза все-таки не менѣе четырехсотъ гульденовъ. Если у священника доходъ съ земли или съ требъ превышаетъ норму, то излишекъ онъ долженъ отдавать въ казну. Жить, говорятъ, можно, особенно тамъ, гдѣ земля дешево оцѣнили; но любой войти можетъ вывести дѣло наружу и разорить священника. Положеніе священника до неслыханно униженное. Помѣщикъ ушелъ въ латинство, ксендзъ питригуется подъ бокомъ, семья на рукахъ, а тутъ еще общее образованіе распространилось, а съ нимъ и роскошь. Счастье, если попадѣя удался хорошая хозяйка: тогда еще можно кое-какъ концы съ концами сводить, а униженія все-таки нѣтъ, потому что русская дѣра дѣри хлопонала. Чинovníкъ прямо является въ домъ къ священнику, командуетъ имъ, ставитъ ему въ честь, что удостоиваетъ его своимъ посѣщеніемъ, и угощеніе, сдѣланное на посѣщеніе крейперы, принимаетъ какъ должное. А потомъ, явись къ нему тотъ же гостеприимный русскій священникъ съ просьбою, онъ ничего не сдѣлаетъ, потому что не уважаетъ его. А ксендзъ — ксендзъ собственноручно выкидываетъ за дверь этого чиновника, и чиновникъ все для него дѣлаетъ, потому что за ксендза стоитъ вся мѣстная знать. И при всемъ этомъ священникъ и вся семья его одѣты чпсто, находятъ средства поддерживать здѣшній театръ, литературу, фонды, братства — не понимая, какъ эти люди дѣлаютъ: — поляки объясняютъ, что все это *рубли москвеки!*...

Въ хатѣ священника, который вдовъ и живетъ со своимъ зятелемъ-помощникомъ, есть розаръ. Садъ у него великолепный; онъ любитель садоводства, деревья ломаются у него подъ яблочами и грушами нестерпимой величины и всѣхъ сортовъ; даже виноградъ онъ развелъ у себя. Церковь маленькая, съ кляросами, какъ въ русскія церкви; у грековъ и вообще въ иареградской патриархіи кляросовъ нѣтъ. На иконостасѣ есть образа, и въ новаго письма. За этими образами кроются старые — онъ запряталъ ихъ, чтобъ не пропадали для будущаго поколѣнія, которое, можетъ быть, будетъ тоже уважать родную старину. У лѣвой стѣны стоитъ большой старый образъ свитателя Пилатова, который былъ, не знаю когда, похищенъ у нихъ католиками. Образъ этотъ стараго мѣскаго письма, на видѣ XVI—XVII вѣка; католики взяли его въ востѣль, а вѣдетъ его выданы хлопамъ копю, уѣзжая, что эта копия есть самый подлинникъ. Много хлопотъ было русскимъ отыскать обратно свой образъ, который даже и въ Краковѣ уводили отъ нихъ. Звѣсь вся жизнь, народъ, всѣ интересы его вертятся около церкви... Примѣчательностей въ церкви нѣтъ, вромѣ двухъ старинныхъ мѣдальонскихъ пансовъ, чеканной работы. Священникъ хочетъ послать ихъ въ Львовъ въ русскій музей — я упрощалъ его послать ихъ сперва, черезъ нашего снѣсавника въ Вѣнѣ, добрыйшаго отца Раевского, на эпиграфическую выставку. Носая эти крестьяне отдали церкви — здѣсь ничего не падаетъ для украшенія церкви, да средствъ нѣтъ. Только то и слышу само себя, что тамъ утвари нѣтъ, тамъ иконостасъ нѣтъ, а въ Россіи нѣтъ не присылаетъ, потому что они убиты. Не знаю, на сколько справедливо такое равнодушіе къ судьбѣ здѣшнихъ русскихъ, а они ничѣмъ его не заслужили, даже въ униі своей не виноваты и хоть ничего не высказываютъ по своей сдержанности, во, очевидно, тяготеютъ ею. Хорошее бы дѣло связать у насъ тогъ, кто устроилъ бы общество для вспоможенія ихъ церквамъ; здѣсь не роскошныхъ вещей требуютъ, а правильно устроенныхъ, въ которыхъ не было бы ничего латинскаго — здѣсь только о томъ и думаютъ, какъ очистить свой обрядъ отъ латинства. Унія въ старину, унія у насъ въ Холмѣ и унія въ Галичинѣ *) — понятія

*) Въ первыхъ моихъ письмахъ я писалъ «Галиціи»; но благо сеть русская форма этого слова Галичина — другой здѣсь и не знаетъ — то я не пишу, зачѣмъ употребляетъ латинскую.

совершенно разными. Народъ здѣсь не только не почитаетъ, но даже не любитъ униатскихъ святыхъ, поборниковъ Рима и враговъ православія. Про Юсафата Кунцевича отзываются что «бы русиновъ рѣзалъ». Максимилиана Рыло, несмотря ни на вериги его, ни на мощи, даже и знать не хотятъ; о истинности его рѣшаютъ, что «его земля не пріимаетъ».

«Да не будетъ вамъ бѣды отъ вашего правительства за собіе вашимъ церквамъ изъ Россіи!» спрашивалъ я.

— Что же? развѣ преступленіе быть въ дружескихъ связяхъ съ нашими единоплемениками? говорить здѣсь. Развѣ это намъ мѣшаетъ быть вѣрнопопаданными нашего императора?..

— А поляки?

— А поляки ничего тутъ не значатъ. Поляковъ бояться, такъ и говорить по-русски нельзя — поляковъ не переслушаешь. Церкви наши подъ патронатомъ польскихъ помѣщиковъ — что жъ они ничего для насъ не дѣлаютъ, а вѣдь разбогатѣли на наши же деньги? Ненужные и вредные здѣсь костелы есть у нихъ средства поддерживать, а на русскія церкви и на школы ничего не даютъ, за весьма малыми исключеніями. Сами же насиліемъ ввели сюда унию, сами же кричали, что эта униа есть національная и популярная церковь всѣхъ малорусовъ, а эти малорусы братья поляковъ по крови и по духу! — Ну, вотъ мы по милости ихъ униаты, обриту, острижены, обридъ нашъ приближенъ къ латинскому, мы русскіе, а не *россияне*, какъ они объ насъ говорятъ, и что жъ мы видимъ теперь при нашемъ пробужденіи отъ вѣковаго сна? — ничего, кромѣ презрѣнія къ намъ. Братство Руси и Польши продолжается до тѣхъ поръ, пока Русь согласна быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ поляковъ; чуть она завила свой голосъ, — этого братства какъ не бывало: вы *схизматики*! вы *москалы*! кричатъ они намъ. Нѣтъ, поляковъ мы не боимся: они сами добились того, что потеряли наше уваженіе; а возстановить его они неспособны, потому что ихъ политика вошла имъ въ плоть и въ кровь, потому что ихъ идеалы диаметрально противоположны нашимъ.

Просилъ я своего хозяина поводить меня по халуцамъ: мнѣ хотѣлось познакомиться съ архитектурой и костюмомъ здѣшнихъ русскихъ. «Я вамъ покажу хорошаго *газду* (хозяина), сказалъ добрый священникъ: — лучшаго у меня на селѣ», и ввелъ меня къ одному крестьянину. У этого лучшаго на селѣ газды все очень и очень бѣдно. Халуца деревянная, но по-

строена не такъ, какъ великорусская изба, не вѣнцами и не на *плотъ*, а бревна вкладываются въ пазы боковыхъ столбовъ, *офессы* съ боковъ, вымазаны глиною и выбѣлены *Стрѣха* изъ соломы скошена не съ двухъ сторонъ, а со всѣхъ четырехъ. Внутренность дѣлится на *стѣни*, на *пекарню*, на *спальню* и на *комору*. Пекарня съ печью, передъ которою *присѣлка* (*описи* у словаковъ, болгаръ, сербовъ). Трубы нѣтъ — дымъ дверью выходитъ. Курны избы не вывелись здѣсь до сихъ поръ. Пекарня есть собственно жилая изба здѣшняго крестьянина. Но у богатыхъ, какъ у этого хозяина, есть еще *скаплини*, съ кафельною печью, окруженною сваяейками, на которыхъ и спать можно. Стѣна противъ двери украшена образами, но ни надъ окнами, ни въ красномъ углу ихъ не ставятъ — это уже напоминаетъ южныхъ славянъ, какъ и отсутствіе всякихъ привѣсовъ, голубей, яицъ, лампадъ, кивотовъ. Затѣмъ, красный уголъ совершенно загороженъ столомъ, который прижатъ къ окну одною стороною, а другою прямикаетъ къ большой *скринѣ* на ножкахъ, которая можетъ служить продолженіемъ этого стола въ случаѣ нужды. Скриня эта, въ свою очередь, жметъ къ постели. Полъ мазаный. На столѣ коровий хлѣба, покрытый кускомъ холста; тутъ же и соль — это символъ гостепріимства, и таковъ обычай у всѣхъ здѣшнихъ русскихъ, даже и въ Венгріи. Балка, падающая подъ потолокъ, изукрашена дѣвтами и рѣзбою — это должно быть весьма древній славянский обычай: я его встрѣчалъ у всѣхъ племенъ. Здѣсь на ней вырѣзаютъ кресты, а у богатого крестьянина, къ которому меня водилъ отецъ Максимилианъ, даже была надпись сдѣланъ первыми буквами, которую я, увы! оцѣлшалъ списать; что-то въ родѣ: *да будетъ благословеніе Божіе на сизистелѣ дома сего. Освободи и Марію и на чадъ ихъ* — по крайней мѣрѣ, смыслъ таковъ. Вырѣзано очень красиво и грамотно.

Замѣчательную особенность здѣшней народной архитектуры представляютъ плетни — такихъ красивыхъ я нигдѣ не видалъ. Дѣлаютъ ихъ изъ лозы, — работа мелкая, частая и подогнана въ рисунокъ, полосами, съ большимъ вкусомъ; концы вѣтокъ идутъ то въ одну сторону, то въ другую; сажъ плетень состоитъ изъ горизонтальныхъ полосъ, а верхъ изъ вертикальныхъ. Сарай — *тоны*, *стодола*, какъ здѣсь говорятъ, дѣлается тоже изъ плетви, что снова напоминаетъ южныхъ славянъ. Плетневые квадратные щиты прижимаются деревянными щеколдами къ стол-

бамъ, и сарай готовъ — стоитъ только соломенную стрѣху навести. Эта архитектура носитъ слѣды глубокой древности; она напоминаетъ кочевой бытъ.

Расшивка *сорочекъ* красными нитками встрѣчается рѣдко; когда встрѣчается, то нитки всегда четырехугольниками, то-есть, народное сѣверно-славянское; травчатого и зѣбсь нѣтъ. Византизмъ съ ея малоазійскими вѣсами мало имѣла вліянія на русскихъ. Мужчины носятъ длинные волосы, спереди въ скобку, сзади по плечамъ; вообще, покррой сорочекъ, прическа, лица, сильно сбиваются на румынскіе, и мнѣ кажется, что славянскій элементъ румыновъ состоялъ именно изъ южно-руссовъ. Упряжь лышломъ, дуги не знаютъ, возжа одна, что очень оригинально. Лошадками управляютъ не столько возжю, сколько словами: *истю!* (направо!), *висти!* (налѣво!), и лошади слушаются.

Затѣмъ въ халупѣ есть еще *комора* — то, что у насъ кладь. Темная комната безъ печи, гдѣ хранятъ всякій домашній скрабъ, и гдѣ стоятъ *сушки* съ хлѣбомъ. Кругомъ всего зданія халупы идетъ обыкновенная южно-русская *призба*, то же что наша завалинка. Лоханъ — по ихнему *цѣбрикъ*, ступица колесъ — *юлава*, бокъ телеги (воза) — *драбина* или *литерка*. Богатый хозяинъ и жена его пожелали, что я плохо знаю по-русски: «бѣдный, еще добре не ся научилъ по-русски», сказали они по моему ухodu. Языкъ ихъ такая же путаница, какъ и церковь. Если изъ него выкидывать польскія слова, напримѣръ: *кенскій*, *невный*, *перий*, *сломость*, *шюда*, *коштувати* и т. п., то онъ сведется прямо на языкъ нашихъ лѣтописей и будетъ разниться отъ сѣверныхъ русскихъ нарѣчій только произношеніемъ нѣкоторыхъ гласныхъ. Впрочемъ, въ конетруціи, какъ и въ употребленіи словъ, осталось у нихъ много слѣдовъ польскаго владычества: это очень замѣтно, когда прислушиваешься къ ихъ фразамъ. Образованные люди пишутъ здѣсь латинскою конетрукціею и чрезвычайно хвалятъ слогъ докармизинскихъ писателей: говорятъ, что онъ имъ понятнѣе, чѣмъ новый. Это и не удивительно. На образованіе слога XVIII вѣка сильно вліяли южнорусы, и въ немъ попадаетъ много польскихъ и малороссійскихъ оборотовъ.

Вечеромъ былъ я во второй разъ въ здѣшнемъ театрѣ. Давали «Сватанье на Гончаровцѣ» Основьяненки. Шло озять очень недурно; самъ Емельянъ Васильевичъ игралъ Степнуку. Роль свою онъ понималъ вполнѣ; я думаю, именно такъ, какъ

хотѣлъ бы ее видѣть самъ авторъ. Любимый типъ южно-русскихъ писателей, дурень, играетъ въ пьесѣ главную роль. Все дѣйствіе вертится на его простотѣ, и эта простота выведена г. Бачинскимъ очень удачно. Нѣтъ возможности не хотѣть до слезъ, глядя на его игру: г. Чапскій тоже недурно сыгралъ солдата, который сватаетъ Ульяну за одного и высватывается за другого. Но актеровъ и таланты ихъ я постараюсь очертить, когда лучше ознакомлюсь съ ними; пока скажу только, что игра опять шла дружно, ensemble не было нѣтъмъ нарушенъ, а г-жа Бачинская и на этотъ разъ была превосходна въ Ульянѣ.

Все хорошо идетъ въ этомъ маленькомъ мірѣ, въ мірѣ хорошихъ дѣлъ на крохотныя средства. Вражда поляковъ поддерживаетъ въ немъ доброе согласіе, любовь къ своему языку и къ прошедшему своего народа. Чего имъ недостаетъ? Г. Бачинскому недостаетъ «Репертуара и Пантеона русской сцены»: будь здѣсь эта драгоценная книга, говорить онъ, а бы не такъ поставилъ мой театръ. Духовенству недостаетъ иконостасовъ, утвари и особенно иконъ. Жалобы, что нѣтъ средствъ окончательно устроить свои церкви по-русски, слышатся на каждомъ шагѣ. Священники жертвуютъ, учителя жертвуютъ, актеры жертвуютъ, народъ босикомъ ходитъ, а все-таки жертвуетъ на благолѣпныя святыхъ божіихъ церквей — усердія много, а средствъ мало. Только эта бѣдность и держитъ латинскіе обряды въ русскомъ народѣ и въ русскихъ церквахъ; будь эти церкви устроены по-русски, войди въ нихъ русская утварь, русское облаченіе, наружныхъ признаковъ униіи много не станеть... Разсказываютъ, что извѣстный нашъ іезуитъ Мартыновъ, года три назадъ, путешествовалъ по здѣшнимъ краямъ съ цѣлю устроить униатскій отдѣлъ іезуитскаго ордена для пропаганды Рима на Востокъ. Мысль недурная — іезуиты съ бородами, іезуиты ревнители восточнаго богослуженія, охранители его чистоты, іезуиты, продолжатели дѣла Кирилла и Мефодія, бойцы за русскую народность — они подчинили бы нашъ востокъ своей власти. Униаты, спасибо имъ, не приняли этого предложенія; они еще разъ заслонили собою Русь отъ наплыва католицизма. Честь и слава этимъ людямъ! Грубая сила связала ихъ съ Западомъ; все было сдѣлано, всѣ мѣры были приняты, чтобы заглушить въ нихъ и народное чувство и память о прошломъ, а вотъ доста-

точно было одного умного и честного епископа перемышльского, преосвященного Иоанна Сибгурского, который первый въ здѣшнемъ краю поднялъ знамя оппозиціи латинству, да нѣсколькихъ мѣсяцовъ свободы въ 1848 году, чтобъ исчезъ у русскихъ и польскій языкъ, и чтобъ началось стремленіе исправлять обряды, этотъ вопль объ иконостасахъ и утварцѣ, который теперь слышится вокругъ меня.

Разговаривалъ я въ театрѣ съ однимъ священникомъ — не знаю какъ его зовутъ — я начинаю путаться въ здѣшнихъ именахъ: всѣ на *скій*, да на *свичъ*, *свичъ*. «Отчего во время повстанья, спрашивалъ я: — вы не поддерживали поляковъ? Мы воть многие изъ нихъ говорили, что имъ удалось примирить насъ съ польскими стремленіями — они говорятъ, что вы ихъ, повстанцевъ, принимали радушно, что они въ вашихъ семьяхъ были какъ дома...»

— Жалко мнѣ, отвѣчалъ священникъ: — если они такъ приняли наше гостепріимство: мы никому не откажемъ въ радушноствѣ пріемѣ и никогда не станемъ оскорблять нашего гостя противорѣчіемъ. Но какъ же намъ было подпасть подъ вліяніе ихъ и увлечься ихъ пропагандою, когда, извините, мы и съ дѣломъ знакомы ближе ихъ, да и по образованію стоимъ несравненно выше этихъ недоучившихся студентовъ и мало чему учившихся офицеровъ? Мы люди серьезные, фраза насъ не увлекаетъ, Польшу мы знаемъ лучше самихъ поляковъ...

Записываю вамъ этотъ отвѣтъ потому, что онъ кажется мнѣ очень характеристичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Австріи школьное дѣло стоитъ несравненно выше, чѣмъ у насъ. Чтобъ сдѣлаться священникомъ, надо пробыть *четыре* года въ нормальной школѣ, *восемь* лѣтъ въ гимназій, да *четыре* года въ семинаріи. Правда, все здѣшнее образованіе вертится на латыни и греческомъ языкѣ, кругъ свѣдѣній ихъ, относительно говоря, ограниченъ; но за то я не замѣчаю въ нихъ нашей энциклопедической распушенности, этого ученья «чему-нибудь и какъ-нибудь». У нихъ есть большая привычка къ серьезному умственному труду, а слѣдовательно, къ полному изученію каждаго представляющагося вопроса, что очень много значитъ. Салонное, поверхностное воспитаніе поляковъ, такъ похожее на наше, разумѣется, не въ силахъ соперничать съ этимъ классицизмомъ. Полякъ засыпалъ ихъ фразами, забивалъ изяществомъ

своихъ манеръ, бойкостью своихъ сплюгизмовъ, и върилъ, что **полчаніе** есть знакъ согласія, тогда какъ молчали они просто по застѣнчивости. Стоитъ читать польскихъ публицистовъ и даже ученыхъ, чтобъ эта поверхностность бросилась въ глаза. Припомню только ихъ толпы съ славянахъ и о чуде... Вотъ въ чемъ лежитъ одна изъ причинъ ихъ политическаго безсилія. Люди, которыхъ они хотѣли вести, развиты ихъ самихъ...

ЛЬВОВЪ.

I.

Пишу изъ Львова. Я прогостилъ еще недѣлю въ Перемышлѣ, а сюда прѣхалъ третьяго дня. Веденіе дневника оказалось рѣшительно невозможнымъ: путешественникъ не властенъ надъ своимъ временемъ; онъ, какъ Эзопъ, не знаетъ куда идти, и весь его расчетъ провести день такъ или иначе востанно разбиваются о непредвидѣнные обстоятельства. Дневникъ мой выходилъ натяжкой. Пятницу я записывалъ въ понедельникъ, воскресенье въ четвергъ; свидѣнія, собранныя послѣ, вносилъ въ дневникъ хронологически раньше, а ко всему этому накопилось множество повтореній и ненужныхъ подробностей. Съ этого письма примусь за другую систему — стану писать о каждомъ городѣ только по выѣздѣ изъ него; можетъ быть, дѣло пойдетъ лучше.

Ни одного представленія я не пропускалъ на русское театръ, ознакомился съ нимъ довольно близко и жалю, что не могу предсказать ему блестящей будущности. Артисты люди талантливые, особенно г. Моленцкій (псевдонимъ), который, мнѣ кажется, разовьется современемъ до Самойлова. Онъ уже былъ лѣтъ на сценѣ; началъ свое поприще въ польской труппѣ Лобойко и перешелъ въ русскій театръ, какъ только онъ основался. Талантъ у него весьма серьезный, роли изучаетъ онъ добросовѣстно и иногда не утрируетъ ихъ, что весьма важно. О г. Нижанковскомъ я ничего не умѣю сказать, потому что я не видалъ его въ большихъ роляхъ. Онъ, очевидно, комикъ, но у него нѣтъ сценической выдержки — другихъ смѣшить и самъ смѣется; сверхъ того, костюмируется изысканно, накладываетъ ненужные носы, надѣваетъ красные штаны, невѣроятно короткіе ораки и т. п. Но объ немъ, какъ и о Моленцкомъ, покуда ничего нельзя сказать — это таланты будущаго: у обоихъ есть богатая сила, и оба могутъ также легко развить ихъ, какъ и

убить; последнее относится именно къ господину Нижанковскому, который недостаточно серьезно относится къ своимъ ролямъ.

Отъ этихъ неопредѣленныхъ талантовъ перехожу къ опредѣленнымъ. Г. Чапскій великолѣпенъ въ роляхъ всякихъ хлыщей, волоките, благовѣровъ, гулиевъ: онъ родился для Хлестакова и Репетилова, и если ему чего не достаетъ на сценѣ, то это необходимо каждому актѣру — крѣпости нервовъ. Цена смущаетъ господина Чапскаго, глаза бѣгаютъ у него во все время игры, и эта врожденная нервозность много ему вредитъ. Талантъ г. Вѣтошинскаго тоже ясенъ — онъ удивительно, неподражаемо хорошеетъ въ роли жеппе регниер, въ роли чистаго и искренняго влюбленнаго юнши. Смотри на него, зритель становится самъ какъ-то чище и правдивѣе; столько чистоты и свѣжести дѣлается отъ этого артиста! За то и г. Чапскій, и г. Вѣтошинскій, оба нигде не годятся, чуть только роль вышла изъ предѣловъ ихъ специальности. Баритонъ русскаго театра, г. Концевичъ, собственно не актѣръ, хотя онъ и великолѣпно сыгралъ въ одной пьесѣ («Майстеръ и челядникъ») роль выгнаннаго изъ службы чиновника, пьяницы и пройдохи, который живетъ всякими канузами и хочетъ жениться, потому что «видите, Параскевія Семеновна, у меня пятеро дѣтей; старшему всего семь лѣтъ, а двое изъ нихъ лежатъ въ крѣп!» Патетическія роли ему совсемъ не удаются, но до сихъ поръ у меня звучитъ въ ушахъ его пѣсня въ роли стараго Матѣ («Чародѣйна-скрипка»):

Ой, такъ, такъ! о дѣти, не терайте

Ой, такъ, такъ! весняныхъ вашихъ дней!

Ой, такъ, такъ, о дѣти не терайте вашихъ дней!

Вотъ вамъ и образецъ дѣтняго говора. Есть еще пѣвецъ, г. Звѣржинскій; про сценическій его талантъ ничего не скажу, потому что не видалъ его въ хорошихъ роляхъ. Матѣмъ, изъ женской половины труппы, г-жа Лукасевичъ очень недурна въ роляхъ разбитыхъ бабъ, старыхъ мегеръ, но слаба, когда ей приходится играть молоденькихъ дѣвушекъ, на что она имѣетъ полное право по своей красотѣ. Выдержки на сценѣ у нея мало, глаза безпокойно бѣгаютъ во все стороны, смѣху удержать не можетъ. Надо же молодой и красивой женщинѣ имѣть именно такой талантъ, что она должна являться публикѣ каждый разъ старою вѣдьмою, гонимельницею молодячи, злонячикою, горыстною — и понимаю, отчего ей не вѣрится, что ей специальность роли старухъ, и отчего ей такъ хочется играть мо-

лоденьких... Г-жа Смоленская, Морелевская, Котловская, все играли ни хорошо, ни худо: роли были маленькія, такъ что я и судить о ихъ талантахъ не могу. О г-жѣ Бачинской повторю то же, что говорилъ въ первомъ письмѣ — это актриса союзшійе, которой играть слѣдовало бы не въ Черемашѣ и не во Львовѣ, а въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Талантъ ея замѣчательно разнообразенъ; въ какой роли она ни выступала, вездѣ была одинаково хороша. Г. Бачинскаго видѣлъ я въ драмѣ Корженіевскаго (Korzeniowski), переведенной имъ же самимъ съ польскаго — «Пятый актъ». Онъ игралъ Вацлава, которому измѣняетъ любимая жена, и сыгралъ отлично. Это былъ дѣйствительно любящій и оскорбленный мужъ, для котораго все на свѣтѣ погибло, котораго отчаяніе до того душило, что онъ предлагаетъ своему счастливому сопернику дуэль ядомъ: одинъ изъ двухъ кубковъ отравленъ. И всю эту страшную роль г. Бачинскій сыгралъ безъ малѣйшей натяжки.

Въ воскресенье я былъ въ послѣдній разъ въ русскомъ театрѣ — не знаю, удастся ли его еще разъ увидѣть... Давали: «Обманъ очей, нова оригинальна комедіо-опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, а 5 отсѣлахъ (картинахъ — это слово ужъ чисто галицкой выдумки) И. Гушалевича. Музыка Ивана Андреевича Лавровскаго». И авторъ, и композиторъ оба галичане и оба священники. Пьеса недурна, а музыка даже очень хороша — отчего бы не дать у насъ эту пьесу? Дѣйствіе на томъ вертится, что солдату въ сраженіи глаза запыжило, онъ ничего не видитъ. За нимъ ухаживаетъ молоденькая Феня, которая полюбила его, а онъ ее полюбилъ, хотя ни разу ея не видалъ и знаетъ ее только по голосу. Феня молится объ его исцѣленіи, идетъ къ чудотворной иконѣ на поклоненіе, тамъ достаетъ лекарства, вылечиваетъ ему глаза — онъ снимаетъ повязку и бросается не къ ней, а къ ея подругѣ, которая лучше ея. На сценѣ это выходитъ недурно, и есть двѣ-три роли, которыми ни одинъ артистъ не откажется воспользоваться. Музыка превосходна. Это второй галицкій композиторъ, котораго я слышу въ театрѣ. Превосходно дѣлаетъ здѣшнее духовенство, что такъ усердно слѣбитъ за музыкальнымъ образованіемъ своего края. Почти въ каждомъ здѣшнемъ русскомъ домѣ я вижу гитару, флейту, скрипку, даже рояль — рояль, при здѣшней бѣдности!

Русскій театръ въ глазахъ русскихъ жителей здѣшняго края имѣетъ такую важность, что я ему одному посвящу все это пись-

мо. Они сами его затѣяли, они одни его поддерживаютъ и чрезвычайно дорожатъ имъ, какъ знаменемъ и пропагаторомъ здѣсь нашей народности. Заведеніе этого театра не получило ни моральной, ни матеріальной поддержки изъ Россіи, гдѣ едва ли кто даже и поддерживаетъ, какъ бойко идетъ здѣсь русская жизнь, какія у нея радости и надежды, и какія у нея горе и бѣды. Театръ завези, добыли декорации, лампы, костюмы, все уладили: каждый священникъ далъ свой гульденъ, каждый мужикъ далъ своей крестнице, но театръ, вѣстяки, долженъ лопнуть. Въ пять представлений, что я видѣлъ, публика была одна и та же: поляки не заходятъ въ эту враждебную имъ залу: не поддерживать же имъ русское дѣло въ Галичинѣ! Въ недѣлю Е. В. Бачинскій дастъ три-четыре представленія; мѣсто въ партерѣ, единственное, куда можетъ войти священникъ, чиновникъ, учитель гимназіи, стоитъ гульденъ. Гульденъ, по альпари, около шестидесяти нашихъ копеекъ, но на дѣлѣ онъ здѣсь значитъ то же, что нашъ рубль, — и священникъ, чиновникъ или учитель платятъ въ театръ, на поддержку русской народности, по три гульдена въ недѣлю, или по двѣнадцати въ мѣсяцъ. А каковы этотъ патристическій налогъ для семейнаго человѣка, которому нельзя явиться въ театръ безъ жены и одной или двухъ дочерей! Героевъ, которые головы свои кладутъ на алтарь отечества, вездѣ много, но героевъ, которые кладутъ на него крошечные гульденъ изъ своихъ тощихъ бумажниковъ, не такъ-то много, и я советовалъ бы любителямъ рѣдкостей съѣздить въ эти края, покуда не перемѣлось и не пало духомъ это удивительное поколѣніе героевъ, которое я догадался съѣздить посмотреть. Работы, оханы на трудность поддержки театра я еще ни разу не слышалъ, даже намѣна на эту трудность никто мнѣ не высказалъ. А Галичина теперь страшно разорена — три года въ ней была неурожай, скотскій падежъ довершилъ бѣду. То и другое вызвало такъ-называемый голодный тиѣлъ, который снесъ съ лица земли тысячу до тридцати русскыхъ. Къ этому прибавилась война съ рерутчиною и увеличеніемъ податей. а подати здѣсь очень тяжелы: село въ 120 дворовъ платитъ 1,300 гульденовъ однихъ прямыхъ налоговъ, то-есть, болѣе 100 гульденовъ приходится на хозяина. Къ этому прибавьте, что здѣсь живетъ minimum 300,000 евреевъ, которые ничего сами не производятъ, егало быть, живутъ буквально на счетъ мужиковъ, развращая ихъ кормами и давая имъ деньги въ долгъ на баснословныхъ ус-

ловіяхъ; впрочемъ, о евреяхъ я буду послѣ говорить. Край разоренъ; мужикъ даже въ праздникъ ходитъ босикомъ; избы все курныя, а священники всетаки умѣютъ поддерживать въ немъ охоту украшать церковь, заводятъ школы и жертвовать кресты (1/100 гульдена = 0,6 копѣйки) на народное дѣло. И при такихъ-то обстоятельствахъ существуетъ здѣсь русскій театръ, которому сеймъ отказалъ въ субвенціи, тогда какъ нѣмецкій театръ во Львовѣ имѣетъ 16,000 гульденовъ въ годъ, а польскій 6,000 изъ мѣстныхъ податей, вносимыхъ опять-таки этими же русскими мужиками. Но, говорятъ, нѣмецкій и польскій театры оба въ долгахъ и держатся только субвенціями, а русскій до сихъ поръ изворачивается кое-какъ, на удивленіе евреямъ, которые понять не могутъ, какъ это гг. Бачинскіе не хотятъ брать у нихъ денегъ! Пріѣхала въ Перемишль мать Емельяна Васильевича, старушка-попадья, изъ села, повидать сына и побывать на его представленіяхъ. Привезъ ес, разумеется, еврей — еврей даже извозный промыселъ держатъ здѣсь въ своихъ рукахъ — и пошелъ къ директору для расчета. На улицѣ ждала его толпа сыновъ Израиля, справится, не бралъ ли у него директоръ денегъ, и, если бралъ, то сколько и за какіе проценты? Отбою нѣтъ отъ евреевъ, предлагающихъ деньги за право участія въ сборѣ или за *умѣренные* проценты — такъ привыкли они участвовать во всякомъ предпріятіи, особенно въ театральномъ!

Въ здѣшнемъ краю, то-есть, во всѣхъ частяхъ Рѣчи Посполитой, доставшихся Австріи — семь польскихъ труппъ: *дѣтъ* осѣдлыя, львовская и краковская и *пять* странствующихъ (Константина Лобойко, Юзефа Бенди, Юзефа Каласиньскаго, Марии Кропиковской и Петра Вожанковскаго) — и все онѣ банкротятся. Ихъ не поддерживаетъ никакая нравственная цѣль; публика идетъ къ нимъ только время проводить; успѣхъ ихъ никого особенно не радуетъ, паденіе ихъ никого особенно не печалитъ. Русская труппа, съ ея спеціальною публикою, находится совершенно въ другомъ положеніи. Знамя русскаго народа, протестъ его противъ польской цивилизаціи, противъ насильственного ополячиванья русскаго — она вызвана и держится потребностью цѣлаго многочисленнаго класса здѣшнихъ образованныхъ русскаго. Но я не вѣрю, что она устоитъ; у русскаго денегъ не хватитъ, а особенно, если графъ Голуховскій будетъ назначенъ намѣстникомъ Галиціи, чего русскіе очень боятся, и начнутъ

уходить отъ службы русскаго чиновниковъ, членовъ консисторій, учителей и т. д. Тогда все ихъ матеріальныя средства *иссякнутъ*; народные капиталы ихъ, собранные невѣроятными жертвами, перейдутъ въ польскія руки, и снова глубокой *сонъ* и тишина воцарятся надъ бѣдною Галиціею. Надо быть *здѣсь*, чтобъ видѣть, въ какомъ они ужасѣ, боятся и за себя, и за свой народъ. Нѣтъ человека изъ нихъ, который, такъ или иначе, не состоялъ бы на службѣ — отставка хоть и съ пенсіею (отъ 300—800 гуль. въ годъ) подорветъ страшно ихъ матеріальный бытъ, а съ нимъ и возможность служить русскому народу.

Удивительный народъ поляки! Какъ они умѣютъ отталкивать отъ себя своихъ бывшихъ подданныхъ: мазуръ и *русинокъ* одинаково отвернулись отъ нихъ, а не будь этотъ мазуръ и *русинокъ* върноподанными Франца-Иосифа, не имѣй отвращенія отъ восстанія — и знаю, что они сдѣлали бы и что у нихъ лежитъ на сердцѣ. А поляки свое толкуютъ — говорятъ, что надо принять рѣшительныя мѣры для очищенія Руси и русскаго языка отъ всякаго москальства, русскую азбуку изгнать изъ школы, а ввести латинскую и писать тѣмъ языкомъ, которымъ народъ говоритъ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей его произношенія — это вчерашняя «Газета Народная» предлагаетъ. Негодованію русскаго и отчаянію ихъ нѣтъ предѣловъ. Намъ даже писать на нашемъ языкѣ не позволяютъ такъ, какъ мы хотимъ, говорятъ они. Намъ говорить запрещаютъ такъ, какъ мы знаемъ — дышать послѣ этого нельзя, а замышлять правительству наше неудовольствіе на поляковъ мы не имѣемъ средствъ, потому что нашъ народъ еще не развился до такихъ демонстрацій, какія умѣютъ дѣлать чешскіе крестьяне. Чехи тысячами явятся на народный праздникъ, мирно и чинно отпразднуютъ его — заявятъ правительству своею радостью или горемъ; а мы не смѣемъ двинуть нашего крестьянина, хотя онъ и пошелъ бы за нами. Какъ мы спали пятьсотъ лѣтъ, до нашего пробужденія въ 1848 году, такъ и онъ спитъ до сихъ поръ. Мы проснулись и идемъ неудержимо къ возрожденію нашей народности, а если мы двинемъ народъ, то его никакая сила въ мірѣ не остановитъ — этого мы и боимся, потому что мы щадимъ и себя, и поляковъ». Вотъ почему русскій театръ и не устоитъ. У русскаго не хватитъ силъ, а осторожности, по счастью, хватитъ.

II.

У, что же такое эта *ихъ униа, ихъ украинофильство*? спрашивает меня нетерпеливый читатель.

Въ кафедральной церкви Ивана Предтечи, передѣланной изъ кармелитскаго костела, въ церкви, гдѣ на иконостасѣ нѣтъ иконъ, гдѣ священники бриты, гдѣ проповѣдникъ размахиваетъ руками, гдѣ русское такъ перепутано съ польскимъ, Византия съ Римомъ, что однимъ шагомъ можно перейти и на ту и на другую сторону — стоитъ у правой стороны памятникъ изъ чернаго мрамора. На немъ портретъ старика съ полнымъ добродушнымъ лицомъ, въ архіерейской мантии, съ бритою бородою и стриженою головою. Написъ подъ портретомъ гласитъ слово въ слово:

ЮАННУ СНѢГУРСКОМУ,
НЕЗАБВЕННОМУ ЕПИСКОПУ,
ПАМЯТНИКЪ СЕЙ ВОЗДВИГЪ БЛАГОДАРНЫЙ КЛИРЪ ГР. КАӨ. ЕПАРХІИ
ПЕРЕМЫШЛЬСКОЙ.
Рожденъ 1783 *). Поставленъ епископомъ 1818. Преставленъ 1847 въ
день 11-го септембра

Всего, что рассказываютъ эти *уніаты* о своемъ Снѣгурскомъ, даже не переслушаешь. Этотъ архіерей былъ дѣйствительно отцомъ своей епархіи. Священники такъ его любили, что прѣзжавшій изъ села въ городъ считалъ грѣхомъ не навѣстить владыку; быть въ Перемышлѣ и у владыки не побывать считалось тогда несообразностью въ этомъ краѣ — такъ владыка умѣлъ привязать къ себѣ всѣхъ и каждого. Любимый и уважаемый всѣми Іоаннъ первый заговорилъ съ своими подчиненными по-русски — это была великая новость: русскій языкъ считался до того мужицкимъ, что священники даже азбуку русскую не всегда знали, и въ церквахъ не рѣдкость было

*) Собственно 1784; на памятникѣ 1782 годъ поставленъ ошибкою.

читать требники и евангелія, въ которыхъ надъ церковными *буквами* священники надписывали польскими, что и какъ нужно ему выговаривать. Слабо, робко стало припоминать духовенство, точно сквозь сонъ, что не всегда жъ въ этомъ краѣ языкъ народа считался хлопскимъ, что до завоеванія Галичины Казиміромъ въ XIV вѣкѣ, въ ней были свои князья; даже, наконецъ, духовенство стало смутно догадываться что быть *русиномъ* вовсе не стыдно. До литературы, до театра было еще далѣе — объ этомъ тогда навѣрно самъ владыка не мечталъ: ему хотѣлось только нравственно поднять вѣрный ему клиръ, вразумить его объ его обязанностяхъ къ церкви и къ народу, остановить латинизацію обряда и полонизацію народа. Въ дружескихъ разговорахъ со священниками, уговаривалъ онъ ихъ заботиться о ихъ же благосостояніи и заложить вдовій фондъ, въ обезпеченіе ихъ семей, и сдѣлалъ то, что каждый священникъ вносилъ, до сихъ поръ, по 12 гульденовъ ежегодно или 250 единовременно, на обезпеченіе вдовъ и сиротъ духовенства. Теперь епархіальное управленіе *обязано* выдавать каждой вдовѣ по 65 гульденовъ въ годъ, а на сироту по 35: деньги небольшие, но вдова съ пятерыми дѣтьми, все-таки, имѣетъ 240 гульденовъ въ годъ, все-таки можетъ кое-какъ вырастить и воспитать дѣтей. Пенсія дѣтямъ прекращается по достиженіи каждымъ изъ нихъ восемнадцатилѣтняго возраста, когда каждый можетъ уже самъ зарабатывать хлѣбъ и кормить семью. Вдовій фондъ составляетъ теперь въ перемышльской епархіи около 80,000 гульденовъ, въ акціяхъ, въ билетахъ государственнаго займа и тому подобныхъ бумагахъ, приносящихъ дивиденды, а пополняется сооромъ по 12 гульденовъ съ каждаго священника, безъ различія, женатый онъ или холостой, или вдовецъ, имѣетъ дѣтей или нѣтъ. Замѣьте, что законъ ничего не говоритъ объ этомъ учрежденіи — оно держится однимъ нравственнымъ долгомъ клира. Вызвано оно исключительно потребностью самой уніатской церкви — въ холостомъ костелѣ, разумется, нѣтъ ничего подобнаго. Управляется фондъ не епископомъ и не канцисторією, что очень важно: онъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ и надзоромъ самихъ священниковъ, которые съязжаются въ Перемышлѣ со всей епархіи въ первое воскресенье послѣ Богоявленія пересмотрѣть счеты, провѣрить суммы и дѣйствія избранныхъ ими администраторовъ, предсѣдателя (клирошанинъ Гинилевичъ), казначея (клирошанинъ Лукашевичъ), двухъ раз-

давателей (манипуляторы — священники Желтховский и Кипцикевич) и ассесоров; последние назначаются для совещаний с манипуляторами, председателем и казначеем, если только представится какое-нибудь затруднение.

Обряд церковный падалъ. Священникъ рѣдко хорошо зналъ уставъ, особенно молодой, только-что вышедшій изъ семинаріи — народъ южно-русскій не формалистъ, какъ великорусъ: онъ мало дорожитъ буквою и всегда готовъ дѣлать уступку въ мелочахъ, что такъ и способствовало его полонизаціи. Нужно было, ужъ если не во всей чистотѣ возстановить обрядъ русскаго богослуженія, то хоть не давать ему далѣе впадать въ латинство. Владыка Іоаннъ и на это нашелъ средство: онъ завелъ въ Перемишль бурсу для дяковъ — по-нашему *дьячковъ*, или, еще лучше, *уставщиковъ*, какъ въ старину говорились. Теперь въ перемишльской епархіи дячками дѣлаются не «убогія» (особенно Бортнянскаго любить здѣсь), а люди, нарочно готовившіеся къ этому дѣлу. Ученики принимаются въ бурсу въ не мелоче пятнадцати, бывающъ каждый день на богослуженіи, учатся нотному пѣнію (особенно Бортнянскаго любить здѣсь), изучаютъ уставъ, и черезъ годъ, два, много три — смотря по способности, кто какъ успѣетъ, получаютъ разрѣшеніе быть дячками. Результатъ вышелъ тотъ, что народъ сталъ интересоваться правильностью хода богослуженія и что теперь по всей епархіи, въ каждомъ селѣ, въ каждой самой бѣднѣйшей церкви, вы услышите хоръ пѣвчихъ и херувимскую Бортнянскаго. Дьякъ большею частью самъ мужикъ или сынъ мужика; народъ любитъ и уважаетъ его, потому что онъ ему свой, потому что онъ знаетъ службу; имъ только церковь и держится. Жалованья ему громада дасть до 80 гульденовъ, сверхъ того, хату, дрова и зерно и т. п.; а нерѣдко онъ же дѣлается у нихъ и выходящимъ учителемъ, за что ему дается еще отъ 80 до 150 гульденовъ, опять-таки, съ дровами, кашею, просомъ и т. д. До Свѣтурскаго ничего подобнаго не было, а теперь мужики заинтересовались въ дѣлѣ украшенія храма божьего и въ школьномъ дѣлѣ. Три года неурожая, падежъ, повальная болѣзнь, рекрутчина, подати тяжелыя — боскомъ ходятъ, а всегда умѣютъ найти гульденъ на церковь и на школу. Поляки, поэтому, совершенно правы, когда кричатъ, что здѣсь поны *фанатизуютъ* (!) хлопковъ... безъ униатскихъ поновъ здѣсь ровно ничего бы не было. Обрили ихъ поляки, остригли; въ церкви

и въ католическихъ алтарей понаставили; пѣтесотъ лѣтъ все шло тихо и мирно; этнографы только знали, что въ Галичинѣ есть русскій народъ, и вдругъ, *черезъ пятьсотъ лѣтъ молчанія...* Да, я понимаю, почему поляки ихъ такъ слободо неаппетитъ.

Еще братство св. Николая завелъ Свѣтурскій для вспоможенія бѣднымъ ученикамъ и для украшенія церквей. Все, что могъ сдѣлать этотъ великій человекъ, все сдѣлалъ, все подготавилъ, и, наконецъ, открыто заявилъ, что униатская церковь — *церковь не польская, а русская*. Въ 1827 году святила такую-то деревенскую церковь — уже тогда новыя церкви стали заводиться у русскіхъ. Проповѣдь нужна при освещеніи — священникъ, по старому обычаю, пригласилъ какого-то *господина*. Свѣтурскій поморщился, когда услышалъ это: «Нѣтъ, я самъ привезу проповѣдника», сказалъ онъ и пригласилъ священника Добрянскаго *). Скандалъ вышелъ невѣроятный, когда русскій священникъ явился на каведръ русской церкви и заговорилъ *по-русски*! Бсэндзы, бывшіе на освещеніи, встали и другъ за дружкой повыходили изъ церкви, говоря, что *не понимаютъ по-русски* — они знаютъ русскій языкъ, которымъ народъ говорить, но ничего не могутъ понять, когда на этомъ языкѣ говорить о высокіхъ предметахъ. Свѣтурскій торжествовалъ. «Дѣло сдѣлано!» радовался онъ, знаши ступилъ первый шагъ — теперь польскій языкъ больше не будетъ слышаться въ русскомъ храмѣ. Недѣли черезъ два его не стало. Онъ простудился на освещеніи, ему завалило грудь. Не знаю, слѣдуетъ ли повторять общее мнѣніе, что поляки-докторъ съ умысломъ не лечилъ его какъ слѣдуетъ. Здѣсь вообще смерть каждаго русскаго дѣятеля приписываютъ полякамъ — ожесточеніе зашло такъ далеко, что обѣ стороны не могутъ безпристрастно судить другъ о другѣ.

Ихимовичъ вступилъ на престолъ Свѣтурскаго. Ихимовичъ всю жизнь провелъ въ аристократической львовской епархіи и былъ смущенъ яравами, сложившимися въ Перемишль. Священники являлись къ нему безъ дѣла, закросто, садаясь при немъ — новый епископъ былъ смущенъ и не зналъ, какъ ему

* Тоже самое Добрянскаго, которого проповѣди г. Валичскій недавно заарестовалъ въ холмской епархіи, потому что нашелъ въ нихъ какую-то *связку*. Запрещеніе это пропало здѣсь весьма *тѣмное* впечатлѣніе — удивительно, какъ это въ Россіи до сихъ поръ не могутъ управиться съ поляками и съ польскою партією, говорить галичине въ одинъ голосъ...

быть. Окружающие объяснили ему, что таковъ былъ обычай его великаго предшественника и что обычай этотъ принесъ много пользы епархіи. «Хорошо же — сказалъ Яхимовичъ — тогда и я стану поступать какъ Сиггурскій. Если именно этимъ путемъ можно помочь русской церкви и русскому народу — я иду этимъ путемъ». И онъ сдержалъ свое слово, какъ въ Перемышлѣ, такъ и во Львовѣ, куда его перевели митрополитомъ, и гдѣ до сихъ поръ оплакиваютъ его загадочную смерть. Перемышльскою епархіею управляетъ теперь епископъ Тома Полянекій, старый, несмѣлый и, говорятъ, очень скупой, тогда какъ Сиггурскій былъ первый на всякія складчины и пожертвования и всю жизнь спрашивалъ окружающихъ, хорошо ли дѣлаютъ епископы, что имущество, нажитое управленіемъ епархіей, оставляютъ своимъ роднымъ, а не церкви. Когда онъ умеръ, нашли духовное завѣщаніе, въ которомъ почти все, что у него было, отдавалось на разные церковныя фонды, а роднымъ удѣлилась весьма незначительная сумма. Вотъ какіе люди бывають въ этой сторонѣ!

Наступилъ 1848 годъ; въ Австріи конституція; народности подняли голову; поляки зашевелились, но и русскіе проснулись отъ вѣковаго сна. «Какъ это мы проснулись», говорятъ они, «мы и сами не понимаемъ — само собою какъ-то сдѣлалось. Поляки устроили польскіе комитеты по всему нашему краю, и насъ къ себѣ зазываютъ: мы неидемъ; говорятъ, что мы *русинь*, а что такое это за народность *русинь*: польская она или москальская, или другая какая, тогда никто изъ насъ не выяснилъ себѣ». Пробужденіе захватило ихъ врасплохъ: на этой перекличкѣ славянскихъ племенъ они почувствовали только, что они не одно съ поляками, не должны зависѣть отъ нихъ. *Нема Руси! Нема Руси!* кричали польскія толпы, окружая русскіе комитеты. Народъ — какъ слѣдуетъ южнорусамъ съ ихъ флегмою и сонливостью — стоялъ и ждалъ, что дальше будетъ, вооружившись, однако, тележными распорками, окованными желѣзомъ, на случай, что ляхи тронутъ его поповъ. *Нема Руси!* кричала польская толпа одному такому комитету, а священникъ, членъ этого комитета, читалъ народу выписку изъ Карамзина о всякихъ Святополкахъ Игоревичахъ, Владиміро Ростиславичахъ, Мстиславахъ Святославичахъ и тому подобное. «Чогожъ они ляхи брешуть же нема Руса, замѣтилъ народъ, же все только Польша — бачить, якъ много було у насъ цѣсаревъ!»

И безъ прови, безъ возстанія, этотъ народъ, путающій русскихъ князей съ австрійскими императорами, удержалъ Галицію въ Австрію. Будь Польша народна у русскихъ и у мажуровъ, 1848 годъ не такъ бы прошелъ.

Языкъ былъ глубоко благодарна здѣшнимъ русскимъ за вырчку. И здѣсь, и въ Венгріи, въ гимназіяхъ появились русскій языкъ, *guthenische sprache* — *русскій языкъ* (съ однимъ *s*), явилась литература, журналы стали выходить, пока ни появилась *свѣтъ* Баха съ своею германизаціею, которая въ сущности не была опасна для русскихъ — даже выгодна, потому что она не давала польскому элементу никакого перевѣса надъ русскимъ. Литература шла слабо, но, все-таки, шла, школы и церкви заводились, польскаго ничего не было, но и не было определено, что такое у нихъ эта *русскость*, какъ они выражаются, что именно значитъ, что они *русинь*, какъ относятся они къ другимъ народностямъ, называющимъ себя тоже русскими. Точно также не было у нихъ рѣшительнаго мнѣнія объ уни: держаться ея или не держаться, для нея трудиться или противъ нея.

Этой опредѣленности и до сихъ поръ я не вижу: самъ я избѣгалъ и избѣгаю подобныхъ разговоровъ, неловкихъ для нихъ, а тѣмъ болѣе неприличныхъ для человека, который находится во владѣніяхъ католическаго монарха и долженъ уважать гостепріимство, даруемое имъ иностранцамъ. Категорическіе отвѣты никуда не ведутъ: одинъ мнѣ скажетъ такъ, другой — иначе; но, прислушиваясь ко всему, что мнѣ говорили, я прихожу къ слѣдующему заключенію. Поляки на львовскихъ сеймахъ и вездѣ, гдѣ они могли заявить свой голосъ, удивительно обрусили этотъ край. Не будь на русскихъ польскаго гоненья — русскіе спали бы сномъ непробуднымъ. Поляки дразнятъ ихъ, мѣшаютъ въ ихъ внутреннія дѣла, врываються даже въ оргографію ихъ, силятся навязать имъ латинскую азбуку — русскіе сбиваются кономъ, упираются на всемъ своемъ и не засыпаютъ, потому что имъ спать не дають. Точно также и Римъ, не исполняя постановленій флорентинскаго собора, отчуждаетъ отъ себя унию. Это не секретъ, объ этомъ можно говорить, потому что ни Римъ, ни Польша не имѣють силы перемѣниться, да если и перемѣнятся, то уже едва ли не поздно.

Украинофильство могло бы здѣсь развиваться и даже начинало развиваться; рѣдко кто не прошелъ здѣсь его школу — но

украинофильство явилось въ Галичинѣ въ образѣ повстанцовъ, католиковъ и шляхты, студентовъ, которые кричали о союзѣ Руси съ Польшею и которые думали вліять на здѣшнихъ священниковъ восхваленіемъ уни. Уваженіе они къ себѣ потеряли и довѣріе утратили, потому что здѣсь во главѣ народа стоятъ люди серьезные, знающіе Римъ и Польшу не изъ фразъ, не изъ теорій, а горькимъ опытомъ.

Чѣмъ все это кончится и куда поведетъ это движеніе — трудно гадать: «одна будущность покажетъ», говорятъ здѣшніе русскіе, вообще крайне осторожны на языкъ; а я, въ качествѣ путешественника-наблюдателя, только то скажу, что, по моему крайнему разумію, здѣшнее украинофильство и здѣшняя уни суть дѣла повонченныя, которыя исторія уже въ архивъ сдала. Сколько я понимаю, еще два-три мѣсяца и, благодаря полякамъ, даже довѣріе русскимъ къ ихъ правительству въ Вѣнѣ пошатнется, тѣмъ болѣе, что здѣсь разсказываютъ, будто и самъ Шмерлингъ сказалъ русскимъ, года два назадъ: «намъ все равно, кому вѣсъ отдавать: полякамъ или Россіи — вы, все равно, не наши...»

III.

Динъ англійскій путешественникъ сравнивалъ наши московскія церкви съ египетскими храмами. Сходство, действительно, есть. Мы, какъ древніе египтяне, любимъ росписывать стѣны храма хотя вкусъ этотъ перешелъ къ намъ изъ Византии: въ нынѣшнихъ греческихъ церквахъ въ Морѣѣ, на Архипелагѣ, въ Цареградѣ, сколько я могъ замѣтить всѣ церкви росписаны; а по описаніямъ храмовъ балтійскихъ славянъ можно заключить, что это преданіе очень древне.

Изъ всѣхъ достопамятностей Перемышля, ни одна такъ не поразила меня, какъ маленькая церковь Рождества Пресвятыя Богородицы на Болотѣ. Церковь эта деревянная, обыкновенной южно-русской архитектуры, напоминающей, по выраженію Голяя, тарелку съ блинами. Надъ дверью надпись: *Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа здана храмъ сей Рождества Пресвятыя Богородица, року божію 1655 іюня 14.* Эта ветхая церковь, которую скоро разберутъ,

потому что подлѣ нея уже поставили новую, каменную, такъ любопытна и такъ важна въ археологическомъ отношеніи, что имѣй я средства, я купилъ бы ее у здѣшняго духовенства и оставилъ бы въ Москвѣ или въ Петербургѣ на дворѣ какого-нибудь музея, подѣ колпакомъ, какъ домикъ Петра Великаго. А купить или вымѣнять ее можно было бы за иконность, облаченіе и церковную утварь для новой каменной церкви, которая благо куда еще не отдѣлана внутри.

Профессоръ Вуслаевъ много писалъ и пишетъ о нашихъ подлинникахъ и о лубочныхъ картинахъ, я ищѣть для нихъ соответствующихъ типовъ даже въ италіанскомъ искусствѣ. Я только то могу сказать, что нашихъ типовъ я нашего стиля иконописи и почти вовсе не видалъ ни у грековъ, ни у южныхъ славянъ, и потому считаю ихъ исключительно русскими; но, посмотрѣвши на внутренность этой маленькой церкви — рѣшительно не знаю, великорусскій это вкусъ или малорусскій. Церковь вся написана. Сначала она была оклеена холстомъ и на холстѣ были сдѣланы рисунки, потомъ холстъ обобрали по этапамъ, и кто-то на этихъ прорѣхахъ дополнилъ изображенія по замому дереву. Стиль письма — стиль нашихъ подлинниковъ и вывѣтокъ: тотъ же пошлбъ, то же сочетаніе красокъ — разница только въ величинѣ изображеній. Правая стѣна представляетъ *страшный судъ*, тотъ самый *страшный судъ*, который намъ, великорусамъ, такъ близко знакомъ и который впервые встрѣчается и въ соседней Молдавіи, но преимущественно въ прятнорахъ. Посрединѣ вѣтся тотъ же змѣй; река огненная также пасть зубатую растворила; духъ святой наверху; пладыки, парн, поны плутъ нагъво отъ змѣи; внизу можно замѣтить всакихъ грѣшниковъ съ ихъ муками, коги низъ и сильно стертъ боками молящихся. Потолокъ, тоже сильно поврежденный и заново перебранный, лѣвая и задняя стѣна представляютъ тѣ же любимыя у насъ апокалипсическія типы: тѣ же жена-блудница ѣдетъ на звѣрѣ съ необыкновенно длинными ногами; Іеза-Пророкъ на *красномъ* коннхъ; Елисей на одой и той же картинѣ представленъ въ различныхъ позахъ: словомъ, все въ полномъ смыслѣ слова чистое русское, или, какъ у насъ называютъ, византійское, хотя весь этотъ византизмъ состоитъ только въ соглашеніи славянскаго народнаго вкуса съ требованіями православной церкви. Угла нѣтъ перописаннаго изъ этомъ обреченномъ на сломъ храму; куда глазъ не падаетъ,

вездѣ фреско и фреско изъ знакомыхъ намъ образовъ. Одна только разница — міряне въ нашей сѣверной иконописи представляются бородатыми, здѣсь у нихъ усы и чубы, да свиты XVII вѣка, почти ничѣмъ не отличающіеся отъ нынѣшнихъ перемышльскихъ. Чернецы и владыки, судя по этимъ фрескамъ, а также и по портретамъ, которые я видѣлъ въ перемышльской владычной палатѣ, и здѣсь тоже не носили клобуковъ, какъ ввелъ Никонъ въ подражаніе цареградской церкви. Но камилавки ихъ, судя по кантырямъ, были ниже великорусскихъ, выше, какъ царскія шапки. Крестъ не восьмиконечный, какъ у насъ, а семиконечный, то есть, безъ верхняго конца. Это тоже народный русскій крестъ; онъ называется здѣсь *трехраменнымъ* и тоже въ большой чести. Его вездѣ ставятъ на церквахъ, какъ знамя русской народности и какъ протестъ противъ латинизаціи. Здѣшніе русскіе и католики считаютъ его греческимъ, но у грековъ есть едва ли не одинъ только экземпляръ восьмиконечнаго креста, если не ошибаюсь, въ ватопедскомъ монастырѣ на Афонѣ. Преданіе говоритъ, что онъ сдѣланъ по образцу креста, явившагося Константину-Великому; при Иванѣ III его возили въ Россію — не отъ него ли вошли у насъ въ такой обычай эти кресты? Здѣшній трехраменный крестъ пишется также съ копьемъ и съ тростью; подъ нимъ также вѣдомая голова, надъ нимъ та же надпись: *Исусъ Христосъ царь славы*; тѣ же завитыя буквы *ника к. т. м. л.* и т. д. Все это не лишено важности въ этнографическомъ и археологическомъ значеніяхъ. Икопостасъ старый, какъ сама церковь, и потому безукоризненно уставный, съ пророками и апостолами. Алтарь русскій... когда у насъ, у всѣхъ русскихъ племенъ, вышелъ изъ употребленія первообразный греческій алтарь изъ трехъ полукруглыхъ отдѣленій, собственно *алтаря, жертвенника* и *дьяконника*, что до сихъ поръ свято соблюдается въ Турціи? Триста лѣтъ по завоеваніи Галичины Польшею, была поставлена эта церковь, а внутренность ея во всемъ схожа съ современными ей великорусскими церквами — значитъ православіе имѣло и имѣетъ далеко не малое значеніе въ русской исторіи и въ дѣлѣ государственнаго единства народовъ, называющихъ себя русскими: это доказываетъ уніатская Галичина, съ ея крохотными церквами. Чѣмъ болѣе я смотрю на этотъ край, тѣмъ больше убѣждаюсь, что — по крайней мѣрѣ, до половины XVII вѣка — никакія раздѣленія русской митрополіи и

соединенія съ Римомъ не могли поколебать единства русской церкви.

Передъ вѣчностью все прахъ и суета — философствовать мы можемъ какъ угодно, личная вѣра и личное невѣріе дѣло совѣсти каждаго; но тому, кто хочетъ служить русскому народу и орудовать имъ, никакъ не слѣдуетъ забывать, что народъ этотъ, даже въ униіи и даже въ молоканствѣ, прежде всего глубоко православный; и если, подчасъ, какой-нибудь безпоповецъ или духовникъ и кричитъ противъ православія, то въ крикъ его всегда услышите ноту, которая заявитъ вамъ, что онъ собственно не на православіе нападаетъ, а на промахи его поборниковъ. Кто близко знакомъ съ нашими сектантами, тотъ подтвердитъ вѣрность моего замѣчанія. Въ плоть и въ кровь вошло православіе у русскихъ — я это здѣсь начинаю понимать. Какія тутъ устоять противъ вѣры, служащей выраженіемъ народностей? а польская исторія не сгустила понятія этого — и оборвалась. Вольны мы вѣрить или не вѣрить въ христіанскіе догматы, но не слѣдуетъ намъ забывать и упускать изъ виду, съ какою народомъ мы имѣемъ дѣло...

Отличіе уніатскихъ церквей отъ прочихъ русскихъ я замѣтилъ покуда только въ *подсвѣчникахъ* и въ *колоколахъ*. Западъ повѣсилъ ихъ колокола по-своему — и неудобно и некрасиво. Не за языкъ тянуть, когда звонятъ, а самый колоколъ раскачиваютъ. При соборной церкви въ Перемышлѣ висятъ три колокола: большой, отлитый Снѣгурскимъ, и два меньшіе. Большой, что по серединѣ, будетъ въ ростъ человѣка — не умю я опредѣлить пудами — онъ надтреснутъ. Есть преданіе, что Снѣгурскій, услышавъ, что его колоколъ надтреснулъ, сказалъ: «стало быть, и мнѣ не долго остается жить»; и въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же году умеръ. Видѣлъ я, какъ благовѣстять: хоронили чуть ли не русскаго помѣщика Захарьяевича. Четыре мѣщанина (тоже въ долгополыхъ сюртукахъ) ухватились за рычаги этого колокола и стали его безтолковѣйшимъ образомъ раскачивать. И на видъ нехорошо, и звукъ выходитъ немзыкальный. Старообрядца нужно бы послать сюда, научить ихъ мелодическому благовѣсту и указать, какъ съ малыми усиліями можно справиться съ большими *дзвонами*.

Свѣчи. Свѣчи стоятъ у насъ передъ каждымъ мѣстнымъ образомъ, передъ икопостасомъ, передъ праздникомъ, передъ святыми и даютъ огромный доходъ церкви. Объ этомъ здѣсь не

имѣютъ понятія, потому что латинизація ослабила употребленіе большаго подсвѣчника со вставками для тоненькихъ колеечныхъ свѣчекъ. А между тѣмъ Галичина, съ ея русскимъ населеніемъ въ 2,300,000 (minimum) душъ, могла бы давать церкви ежегодно по 115,000 гульденовъ доходу: я считаю, что каждый мужикъ можетъ поставить въ годъ 10 свѣчекъ, по 1 крейцеру каждая; церковью она будетъ куплена за пол-крейцера, пол-крейцера пойдетъ въ церковный доходъ. Разумѣется, свѣчи надо продавать въ церкви, а не на базарѣ, какъ случается это въ царградской патриархіи.

Я уже говорилъ, что въ Перемышлѣ есть никольское братство. Существуетъ оно съ 14-го августа 1749 года, нѣсколько разъ разсыпалось и нѣсколько разъ восстанавливалось. Сѣтѣгурскій въ 1830 году 14-го октября возобновилъ его, и въ соборной церкви виситъ до сихъ поръ подписанный имъ уставъ, на языкѣ, на которомъ здѣсь говорятъ и пишутъ, то-есть, на русскомъ съ полонизмами. Братство Сѣтѣгурскаго не удержалось — его возобновилъ (въ навечеріе воинной недѣли 1862 года) совѣтникъ здѣшняго окружнаго суда, г. Ковальскій. Этотъ энергическій человекъ, предсѣдатель братства, за четыре года своей дѣятельности, сумѣлъ собрать и раздать бѣднымъ ученикамъ до 1,000 гульденовъ, сдѣлать икону Николая Чудотворца для крестныхъ ходовъ братства, хоругви для соборной церкви, 300 гульденовъ выдавать въ годъ на церковныя свѣчи (которые здѣсь, чтобъ не забыть, бываютъ и стеариновые, ставятся почему-то и на латинскихъ алтаряхъ, вѣнутахъ въ нѣкоторыя церкви; путаница у нихъ вообще большая), за 100 гульденовъ купить мѣсто бывшей когда-то въ Перемышлѣ никольской церкви, поставить на этомъ мѣстѣ дубовый крестъ, сдѣланный домашними средствами братчиковъ; все мѣста, гдѣ только были русскія церкви, установить крестами, да еще семиконечными, чтобъ народъ не забывалъ своего прошлаго, и чтобъ будущее поколѣніе не забыло почтить мѣста, бывшія святыми для его предковъ. Сверхъ всего этого, накопился еще у братства капиталъ въ 1,700 гульденовъ, который нарастаетъ теперь процентами; на этотъ капиталъ будетъ построена бурса для бѣдныхъ учениковъ. Всѣхъ же членовъ братства только *семидесятъ* человекъ, людей существующихъ, какъ всѣ здѣшніе русскіе, только учительствомъ, чиновничествомъ или священничествомъ. Ѣздятъ наши господа ученые и неученые по Франціи и Германіи смотрѣть

диковинки, а диковинныя изъ диковинъ творятся на самой нашей границѣ, у нашего же русскаго народа.

Братчикъ *обязанъ* давать по крейцеру каждый праздникъ — очевидно, дается больше. Засѣданія бываютъ ежемѣсячно. Клирошанинъ о. Лукасевичъ застѣваетъ отъ лица владыки. Старенькій мѣшанинъ, управляющій какимъ-то польскимъ домомъ въ Перемышлѣ, сборщикъ за церковь во время богослуженія. Михаилъ Осмакъ — казначей братства для устройства церквей: для подкормленія бѣдныхъ учениковъ, назначенъ въ братствѣ адвокатъ Козловскій. Никогда не бывалъ я въ Малороссіи и не понималъ, что такое *бурсакъ*, это народное сознаніе южнорусской жизни — теперь понимаю. Это сынъ священника, дѣла или даже мужика (послѣднее бываетъ здѣсь зачастую), который приходитъ безъ гроша въ карманѣ учиться въ гимназію или въ университетъ. Къ великой чести здѣшняго правительства, на трехмилліонное населеніе Галичины есть *двадцать* гимназій, съ платою по 20-ти гульденовъ въ годъ съ ученика. Но бѣдные ученики и тѣ, которые хорошо учатся, освобождаются даже отъ этой платы, такъ что учиться здѣсь собственно ничего не стоитъ. Но чѣмъ и какъ жить ученику? Сами учителя, чиновники и священники берутъ къ себѣ на домъ бѣдныхъ гимназистовъ; братство одѣваетъ ихъ, обуваетъ. Священники — бѣдные деревенскіе попы — присылаютъ въ братство крупъ, хлѣбъ печеный, масло, муку, и ученики не только сыты, но и одѣты опрятно. А теперь, если у братства накопились деньги, оно имъ и бурсу построитъ. Чтобъ понять, какова бѣдность здѣшняго ученика, приведу счетъ, поданный однимъ двенадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ братство за три недѣли его жизни въ Перемышлѣ. Счетъ этотъ написанъ на томъ мѣшанномъ языкѣ, которымъ здѣсь всѣ говорятъ: книгъ нашихъ нѣтъ, газетъ нашихъ не выдаютъ, а кругомъ все звучитъ по-польски.

Выдатки.

1) <i>Паперу льбру</i> (десять бумажъ)	18	крейцеровъ.
2) <i>Чорнила фляшочку</i>	10	»
3) <i>Стальови пера</i>	2	»
4) <i>За книжку географію</i>	8	»
5) <i>Олівокъ</i> (карандашъ, пол.)	4	»
6) <i>Смалець на чоботы</i> (сапогъ для сапоговъ)	5	»

7) <i>Русска читанка</i> (книга для чтения)	25	крейцеровъ.
8) <i>Хлѣбъ</i>	10	"
9) <i>Пера прости</i>	2	"
10) <i>Баламаръ</i> (чернильница)	3	"
11) <i>Шрытки</i>	13	"
	100	"

Это за три недѣли. Мать привезла его, дала ему два хлѣба и гульдентъ (100 крейцеровъ) и уѣхала. Два хлѣба онъ съѣлъ, третій хлѣбъ купилъ, какъ показываетъ въ счетѣ, и такъ существовалъ три недѣли: по хлѣбу въ недѣлю! А апетитъ у него, всетаки, дѣтскій... О. Желъховскій, завоуучитель и надзиратель за положеніемъ русскихъ учениковъ, какъ членъ братства, взялъ къ себѣ этого мальчика. У полявовъ нѣтъ ничего полезнаго — ни братствъ, ни покровительства учащемуся юношеству.

IV.

Въ странный міръ попалъ я, и очень доволенъ, что попалъ въ него. Не заберишь я въ эту глухую сторону, и явко-да не слыхалъ бы, какъ говорили Симеоны Полоцкіе, Феофаны Прокоповичи, а здѣсь ихъ языкъ — языкъ образованнаго общества, поэзіи и литературы. Галичане страшно отстали отъ нашего литературнаго языка: множество здѣшнихъ образованныхъ людей не видѣло даже русской книги, написанной въ Россіи. не говоря уже о живомъ русскомъ человѣкѣ, который сюда не ѣдетъ, потому что воруютъ болѣе въ Парижъ или въ Ниццу. De gustibus non est disputandum: а всетаки, эта Русь подъ австрійскимъ скипетромъ прелебопытная штука, и всетаки, несмотря на малороссійскій говоръ и архаизмы, есть о чемъ поговорить съ здѣшними людьми.

Говорятъ они по-малорусски, западнымъ нарѣчіемъ, болѣе близкимъ къ нашему книжному языку, чѣмъ украинскій. Существенная разница между здѣшнимъ и нашимъ московскимъ говоромъ состоитъ только въ произношеніи *и* всегда какъ *и*, и почти какъ *и*, и иногда какъ *и*. Будь только въ этомъ вся разница между нашимъ и галицкимъ нарѣчіемъ — легко было бы ихъ понимать и легко было

бы имъ чисто писать по-книжному, но географическое соседство ихъ съ поляками и историческое преобладаніе надъ ними поляковъ, да въ тому же нѣмецко-классическое устройство ихъ гимназій и семинарій удерживаютъ ихъ языкъ въ до-домоносковскихъ формахъ. Полонизмы на каждаго шагу: *хлѣба мѣли поди до-на-на-на-на-на*, *бо притомъ добре справляти*, т. е. хлѣба мѣли довольно, потому что землю хорошо (добре) обрабатывали. *Пан-демі* — торговля; *набоженство* — богослуженіе, молитва; *мѣръ* — мѣренная стѣна; *будовати* — строить; *каменниця* — каменный домъ; *палацъ* — дворецъ; *святъ* — празднство; *свѣдати* — свѣдѣтельство; *на-о-о-о* — окозо; *мастоки* — пивные; *свидѣти* — свидѣтельство; *писати* — писаніе; *на-на-на* — свѣтъ; *ра-на-на* — свѣлой; *свѣдѣти* — отношеніе; *что за одинъ?* — какой такой? *о-о-о-о-о* — благодарить; *послѣднѣ* — владѣнье; *фазонъ* — годный, специальный; *жизнь* — жизнь; *на-на-на* — принадлежать; *свѣдѣти* — возможность; *подати* — подать; *о-о-о-о-о* — позволено; *за-на-на* — отнять; *ли-на-на* — считать; *у-на-на* — употребить; *ли-на-на* — оставить; *на-на-на* — сравнить; *о-о-о-о-о* — образенье — понятіе; *на-на-на* — усиленіе; *за-на-на* — изъять, за-на-на — слишкомъ много; *за-на-на* — годъ тому назадъ.

И такъ далѣе, и такъ далѣе — всего не записывъ. Особенно странно употребляютъ они слово *уважати* въ его польскомъ значеніи (заучать). Какой-то священникъ — впрочемъ, онъ почти все священники — бѣлый часъ жаловался мнѣ на свою учню и при каждомъ словѣ прибавлялъ, для моего вѣрнаго уразумѣнія «уважайте, уважайте» — то-есть, «поймите, поймите». Въместо *извините*, они говорятъ «перепрошу», переводъ польскаго *przerzazam*. Польскаго *nana* перевели на *господина*, въ старикъ вернувшись, но употребляютъ его по-польски: «господина не знаетъ?» Въ отчествахъ тоже путаются, сами подписываются Иванъ Ивановичами, Петръ Степановичами, что выходитъ для насъ смѣшно, какъ называнье жены своей *сиротой*, и т. и.

Вообще говоря, они утратили много древне-русскихъ выраженій, замѣтываютъ ихъ теперь отъ насъ, крѣпко путаются въ нихъ; *здравствуйте*, они говорятъ вамъ прощанье, и понимаютъ это слово въ его буквальный значеніи *будьте здоровы*, тогда какъ у насъ его можно сказать только при встрѣчѣ. При прощаньи они говорятъ также «почтенье!» — переклада книжнаго «съ моимъ почтеньемъ». Я тоже теперь, въ средѣ ихъ, разрѣшаюсь постоянно этимъ коротенькимъ «почтенье!» — и, извини!

привыкъ къ нему. При прощаньи они говорятъ также «*поручаюся!*» — отсюда они это взяли, не умѣю сказать. Большая часть изъ нихъ услышала книжную рѣчь только при проходѣ нашихъ войскъ черезъ Галичину въ Венгрію, значить въ 1849 году. Слѣды этого перехода еще очень замѣтны. Шла — не въ обиду будь сказано — старая армейщина съ старыми альбомами и съ старыми анекдотами, пѣснями и балабурами. Отъ нея многіе галичане, не только священники, но даже и простонародье, выучились нашей манерѣ разставлять ударенья на словахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, позаимствовались и нашимъ доморощеннымъ *jeu d'esprit*, псевдотвореньями Пушкина, анекдотами и стихами въ родѣ «Пчела ужалила медвѣдя въ лобъ...» или «лавирую, ваше благородіе». Одинъ здѣшній юноша изумилъ меня своими свѣдѣніями по этой части: хохлацкимъ выговоромъ и полонизмами онъ сообщилъ мнѣ чуть не все, что осталось отъ нашихъ го-снодъ старинныхъ офицеровъ, и былъ крайне доволенъ своимъ адептствомъ въ жизни нашего порядочнаго общества. Я не разрушилъ его самоочарованія: блаженны вѣрующіе — къ чему расплачивать нашу братію-свентиковъ? Благо онъ увѣренъ, что у него есть духовная связь съ нами, пишущими и читающими — и то хорошо на первый разъ: на безрыбь и ракъ рыба. Впрочемъ, спѣшу оговориться, я только отъ одного галичанина слышалъ подобные анекдоты и остроты — другіе мнѣ и намека на нихъ не дѣлали.

Наконецъ, третій источникъ словъ, непохожихъ на наши, зависитъ отъ ихъ изолированнаго положенія. Представьте себѣ, что я, вы, онъ, кто-нибудь изъ насъ, заѣхалъ, лѣтъ съ двадцать назадъ въ Америку и знаетъ о Россіи только по иностран-нымъ газетамъ, которыя толкуютъ ему, что въ Россіи завелась, положимъ, *judges of peace*. Писать порусски этому господину нужно, и перевести на русскій *judge of peace* нужно; спрашивается, какъ онъ выразится: *судья мира?* *мирный судья?* *миряцій судья?* *судья примиритель?* *судья миротворецъ?* *миротворъ?* *миритель?* *Судимиръ?* *утишитель?* *униматель?* *укротитель?*.. выраженій можно прискакать сколько-угодно, а «мировой судья», все-таки, сдвали отыщется. Это одно; другое, за послѣднія двадцать лѣтъ нашъ книжный языкъ обогатился многими, болѣе или менѣе удачными, выраженіями, которыя хоть и всѣмъ признаны въ Россіи, но мнѣ неизвѣстны. Читаю я газеты и нахожу, о ужась! слово *локомотивъ*. Да, въ бѣдной, глухой

Галичинѣ, лучше народъ говорить — народъ говорить: *коломо-тыль*; народъ сдѣлалъ такой балабуръ, какой слѣдуетъ, *coûte que coûte*, внести въ книжный языкъ... Чѣмъ болѣе я чуждъ какой-нибудь литературѣ, чѣмъ болѣе безпристрастенъ къ ней, тѣмъ болѣе у меня охоты вводить въ нее реформы. Отрѣзан-ные отъ Россіи галичане, волею-неволею, изобрѣтаютъ новыя слова: одни потому, что не знаютъ книжнаго языка и потому берутъ что попало на реквизицію, другіе потому, что хотятъ поправить его. Отсюда, вы найдете что у нихъ *номеръ* назы-вается *числомъ*; экземпляръ — *примирникомъ*; книжная ланка — *книарня*; типографія — *печатня*; почтальонъ — *мистоноша*; уни-верситетъ — *всесулице*; экзаменъ — *истать*; вѣтренникъ — *слабодухъ* или *малодухъ*, очень употребительное у нихъ слово для означенія нетвердыхъ характеровъ... Не перечестъ всѣхъ этихъ галицкихъ изобретеній. Бываетъ даже, что иногда они и хорошо знаютъ терминъ, принятый письменнымъ языкомъ, но онъ кажется имъ противнымъ грамматикѣ или удобопереводимымъ — и дѣлаютъ реформу. Вы знаете «Золотую Грамату» г. Ливчака — онъ называетъ ее не *приложеніемъ* въ «Страхо-луду», а *прилогой*. Грамматически онъ правъ, какъ правъ былъ знаменитый острякъ, предлагавшій говорить и писать *мокро-стуны* вмѣсто *калоши*, *шарокатъ* вмѣсто *бильярдъ*. Причина Га-лицкихъ усилій преобразовать книжный языкъ проеется въ томъ, что этотъ языкъ чужой для нихъ. Мы осваиваемся съ нимъ въ приходскомъ училищѣ, въ уѣздномъ и въ гимназій; онъ намъ такъ входитъ въ плоть и въ кровь, что, благодаря ему, мы даже наши мѣстные говоры забываемъ — для нихъ онъ чужой, потому, что кругомъ ихъ никто не говоритъ на немъ. Что значить училище какъ средство распространенія языка — у насъ есть живой при-мѣръ на нашихъ семинаристахъ старыхъ годовъ. Помните, какъ они всѣ поражали насъ своимъ юннорусскимъ говоромъ на *о* и произношеніемъ *г* не какъ *д*, а какъ *н*. Въ XVIII вѣкѣ и въ концѣ XVII наши семинаріи управлялись и велись малорусами, потому что правительство боялось старообрядческихъ стремленій великорусовъ, и потому что малорусы, какъ и теперешніе галичане, были ученѣе насъ — духовенство все и заговорило языкомъ *кутейниковъ*. Теперь мы вытѣснили изъ школъ юннорус-скихъ преподавателей, теперь нашъ говоръ и наше словосочи-неніе въ ходу, хотя, повидимому, мы великорусы плохіе тру-женики науки, мы *сметкой* нашей дѣло рѣшаемъ, и «бьемъ и

мечемъ и въ полонъ беремъ»; нашъ характеръ отличается жпвостью и сметливостью: малорусъ тяжелъ на подъемъ, нескоръ, но упрямъ до крайности. Великорусъ и южнорусъ — легкая и тяжелая кавалерія.

Незнакомъ здѣсь литературный языкъ, рѣдко кто слышитъ живую книжную рѣчь — ей учатся здѣсь какъ латыни. А кругомъ звенитъ богатый и выработанный польскій языкъ, который здѣсь всѣмъ знаетъ и который вліяетъ на здѣшний говоръ. Путаются они, спотыкаются, и пишутъ, волею-неволею, варварскимъ языкомъ, тяжесть котораго они сами сознаютъ, но исправить ее не могутъ. Чтò изъ этого выходитъ — имѣйте терпѣніе прочесть слѣдующій отрывокъ, писанный однимъ изъ здѣшнихъ ученыхъ, знаменитымъ изслѣдователемъ галицкаго народнаго быта, Яковомъ Федоровичемъ Головацкимъ, труды котораго по исторіи, этнографіи и этнологіи здѣшняго края должны быть настоятельно книгою каждого, кто только занимается изученіемъ Руси. Я беру его средній, обыкновенный языкъ, не очень отходящій отъ народнаго и не очень приближающійся къ нашему. Беру именно его, потому что онъ знатокъ русскихъ нарѣчій и потому каждая строка, именно имъ писанная, можетъ быть характеристична въ синтаксическомъ и лексикальномъ отношеніяхъ:

«Переходъ Галицко-Перемышльской Земли, или древней Червенской Руси, подъ австрійское владѣніе *становитъ* эпоху въ «нашемъ политическо-общественномъ бытѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, «и эпоху въ развитіи словесности. Судьбы Божіи *исполнились* «надъ дряхлымъ зданіемъ шляхетско-польской республики. На «развалинахъ *Польши* въ старыхъ границахъ появились новыя «границы политически *подъленного* краю; вмѣсто давно *привилегированной* націи, явились народы исконные обитатели земли. И «наша Русь вынырнула изъ смута времени и показала свое «родовое *обличіе* свѣту. Но тяжело ей приходило отрисати въковыми неводами написанную пѣсень. Долгое время слабо слышимо было дыханіе ослабленнаго русина, *поки* не двинулся изъ «смертной болѣзни. Червенская Русь *горше* другихъ областей «пригнетена была въковымъ *панованіемъ* — и вѣрнѣе чудно «явленіе, что она совсѣмъ не *обумерла* и не погибла. Необыкновенной крѣпости и неимовѣрнаго усилія нужно было, что-бы удержати въ тѣхъ долгихъ смутахъ *вѣру* и народность».

Такъ и видится въ каждой фразѣ вліяніе польскаго языка и

нѣмецко-латинскаго образованія. Слышите этотъ малорусско-латинскій синтаксисъ съ народнымъ великорусскимъ — и вы придете къ чисто-литературному языку. Вотъ какъ, напримѣръ, турецкій казакъ-старообрядецъ изъ Добруджи описываетъ бѣдствія села Камень въ крымскую войну. Я привожу его въ примѣръ, чтобъ нагляднѣе показать происхожденіе нашего общаго русскаго языка; примѣръ замѣстую изъ турецкой русской литературы, довольно богатой некрасовскими мемуарами, которые надѣюсь современемъ издать:

«Послѣ того скоро и война *оказалась*, и потребовали (турки) «съ нашего села казаковъ двадцать человекъ, чтобъ были одѣты «хорошо, съ лошадьми и полнымъ *саутомъ*; и мы давали съ «четырехъ человекъ пятаго. И три года съ половиною они служили, и три раза ихъ перемѣняли, и они насъ было совсѣмъ «разорили: жалованье большое, и перемѣна *каждый* годъ. Какъ «выше сказано, три раза перемѣняли. И все это дѣло было на «моихъ рукахъ, и *исъ* меня все требовали, а я жалованья никакихъ не получалъ, а еще своихъ, можетъ, довольно *стратилъ*. «Село бѣдное. А особенно когда пришла армія и завала кара-«улами границу. У насъ въ Гирсовой стояло три *аташи* (наши): «Измаилъ-паша, Эсюбъ-паша, Ибрагимъ-паша арабскій. И тутъ «съ насъ стали требовать на армію муку, ячмень, ялововъ, ба-«рановъ, масло, сѣно, солому — и все это мы давали. И под-«возы еще на наше село положили, два пикета *спокоивать* хлѣ-«бомъ и соломою и дровами и водою, тридцать одного чело-«вѣка».

Этотъ языкъ свѣжѣе того, которымъ пишутъ галичане, но такъ далеко отъ литературнаго. Чѣмъ я больше сравниваю ихъ языкъ съ чистою южнорусскою и великорусскою рѣчью, тѣмъ болѣе цѣню литературный языкъ, который, при его церковнославянской примѣси, сглаживаетъ различіи обѣихъ нарѣчій, и дѣйствительно долженъ быть общимъ для обѣихъ русскихъ племенъ.

Несторъ никогда не писалъ бы *Великаго Князя Кіевского*, какъ пишутъ украинофилы; а Несторъ въ Кіевѣ жилъ. Украинофильство есть отреченіе отъ исторіи во имя ультра-чистоты провинціального говора. Оно оборвалось въ Галичѣ именно по своей исключительности, потому что оно отрицаетъ прошлое южнорусскаго народа и отрываетъ его не только отъ насъ, но и отъ всего славянства. Его здѣсь за врага приняли,

потому что оно хотѣло раздѣлить славянскія силы, когда только въ единствѣ ихъ и видится спасеніе. Отказаться отъ внизнаго языка украинцу такъ же необходимо, какъ и тамбовцу. Въ Темниковскомъ уѣздѣ есть удивительно хорошая форма третьяго лица множественнаго числа притяжательнаго мѣстоименія: *нихъ брать, ихъ сестра, ихъ жены*, кромѣ многихъ другихъ, весьма недурныхъ особенностей, изъ которыхъ Темниковскій уѣздъ имѣетъ полное право создать свой особенный языкъ. Здѣсь, въ Галичинѣ, издавалась «Мета», тоненькій органъ украинифильской партіи. «Мета» мнѣ очень нравится: въ ней хорошо все, начиная отъ антиславянской орфографіи, до брани на *москалівъ* и до чисто украинскихъ словъ, происхожденіе которыхъ относится къ такимъ доисторическимъ временамъ, что ни одинъ филологъ не отыщетъ имъ даже корня. Такое хорошее слово стоитъ даже на обертвѣ «Меты» — *грясть*, должно быть въ смыслѣ «оглавленіе» или «содержаніе»; откуда оно взялось, рѣшительно не могу понять, хотя я и смыслю кой-что въ славянской филологіи. Языкъ «Меты», какъ и языкъ всѣхъ подобныхъ попытокъ, имѣетъ одинакое происхожденіе съ галицкимъ литературнымъ языкомъ 1848—49 года, когда здѣсь все пробудилось и все бросилось писать по-русски, а по-русски никто не зналъ. «Бывало — говорить современники — пишешь и все думаешь, какъ бы неупотребить польскаго слова; хочется такъ написать, чтобъ ни одно слово не походило на польское — ну, и выдумываешь изъ патріотизма, неслыханныя слова и невиданные обороты рѣчи». Такъ и украинифильство. Крымская кампанія и вступленіе на престолъ будущаго Освободителя разбудили насъ отъ вѣковаго сна и отъ нѣмецкой неволи; мы все вдругъ задались вопросами: *какъ жить? чѣмъ спасаться?* Кто не помнитъ, какъ мы искали выхода въ перемѣнѣ календаря, какъ мы кидались въ крайнее славнофильство и въ крайній доктринаризмъ; какъ предполагалось Киргизскую Степь заселить крѣпостными?.. Чего мы не выдумывали тогда, начиная англійскимъ парламентомъ и кончая прудоновою анархіею! Многие ли изъ насъ не были нигилистами, революціонерами, украинифилами, полономанами? Мы не знали, чѣмъ дѣлать — знали, чего не хотимъ, а чего хотимъ, не знали. Панацею противъ стараго порядка, разрушеннаго новымъ царствованіемъ, подавалъ каждый. Россія, благодаря цензурѣ, никто не зналъ; создалась даже партія *почвенниковъ*, которая хотѣла постичь, чѣмъ такое мы, русскій народъ, и я думаю,

изъ всѣхъ желаній это было самое толковое. Кутерьма въ общественномъ мнѣніи шла бы до сихъ поръ, еслибъ поляки не помогли — поляки, которые эту кутерьму приняли за революцію, которые искали выхода изъ стараго, выражавшееся произведеніями разной подпольной литературы, приняли за рѣшительный приговоръ цѣлаго народа и уходили на языкъ-вѣчны Рѣчь Посполитую своими демонстраціями, результатомъ незнакомія своихъ *хлоповъ* и нашихъ *крестьянъ*. «Русскій умъ щетинкой», говаривалъ одинъ московскій профессоръ старыхъ годовъ; дѣйствительно, великорусъ, по природе своей, резонеръ и рационалистъ, механикъ и математикъ, духоборъ, скопецъ, нѣтовецъ, нигилистъ. Нечаянное, неожиданное, негаданное пробужденіе Россіи въ крымскую войну не могло не выкинуть «Современника» съ его такъ-называемыми нигилистами — остальные видѣли спасеніе въ народностяхъ, чертили проекты русскихъ, польскорусскихъ федерацій, и, наконецъ, пришли къ убѣжденію, что Россія должна быть устроена на манеръ Соединенныхъ Штатовъ или Австріи, по историческимъ народностямъ, съ автономіею каждаго племени, какое отмѣчено въ лѣтописяхъ — и явилось украинифильство, отрицаніе московскаго, исключительно великорусскаго славнофильства. Кіевское украинифильство и московское славнофильство оба — послѣднее слово двухъ русскихъ народностей, оба не терпятъ и не допускаютъ всего, что сдѣлалось въ Россіи съ половины XVII вѣка. Одни стоятъ за царя Алексѣя Михайловича, другіе — за гетмана Богдана Хмельницкаго. Начало и конецъ, времена Нестора и нынѣшнее время тѣ и другіе отрицаютъ; тѣ и другіе порѣшили, разъ навсегда, что какою-то родъ въ исторіи народа долженъ служить идеаломъ всей его остальной исторіи, и какъ одни тянутъ насъ въ «Государство Московское», такъ другіе тащатъ «у гетманство Богдана Хмельницкаго». Виновано во всемъ *le bon vieux temps*, старая цензура, которая упражнялась въ препятствованіи намъ изучать Россію и способствовала тѣмъ развитію всякихъ социалистическихъ, революціонныхъ, польскихъ, украинифильскихъ стремленій. Ненормальное повело къ ненормальному, новое поколѣніе богато «ошибками отцовъ, позднимъ ихъ умомъ». Что было искомымъ, то принято за рѣшеніе, теорія сдѣлалась догматомъ, намекъ — пророчествомъ. Критика социальныхъ отношеній, критика, во всякомъ случаѣ, полезная, породила социалистовъ (или нигилистовъ, какъ ихъ называютъ), критика исто-

рических и этнологических отношений разных русских племен к прочим славянам и между собою, произвела украинофильство. Виною всему этому не личности — виною наше общее прошлое, цензура, недостаточность «познания самих себя», а еще больше, поверхность нашего воспитания; наши гимназии и училища даже и сравнивать не следует с австрийскими. Наше поверхностное, энциклопедическое образование — естественный рассадник всяких пптетических догматов. Не число училищ следует уменьшать в Польше, а смотреть, чтобы все, что преподается, преподавалось и изучалось серьезно.

Все мы прошли диалектику нигилизма, славянофильства, украинофильства — и вонец концов вышел тот, что надо быть, просто-на-просто, русскими. Изъ языка *холодого* такъ же легко создать особый языкъ, какъ изъ языка *пошехонцовъ, богомазовъ, архангельскихъ кровельщиковъ* и т. д., и т. д., создать особое нарѣчіе. Назначьте мнѣ любой великорусскій уѣздъ — черезъ полгода я разовью вамъ нарѣчіе этого уѣзда въ особый литературный языкъ, ничѣмъ непохожій на нашъ общерусскій; я докажу вамъ, что въ этомъ, избранномъ вами уѣздѣ, мужикъ вовсе не такъ говоритъ, какъ мы пишемъ; я вамъ поставлю такіе *ходимши* и *приидиши*, *этого*, *этого* и *этого*, что всякую *грязь* за языкъ заткну — стало бы только охоты.

«Мета» львовская, кажется, запрещена у насъ — и это очень жалко. Я прочелъ ее отъ доски до доски: нѣтъ лучше возраженія противъ антиславянскаго правописанія, какъ эти брошюры, лежація теперь передо мною. Я не стилистъ и много великорусскихъ народныхъ выраженій попадаетъ въ этихъ строкахъ, но все, что я говорю, и все, что будетъ напечатано въ столбцахъ «Голоса», гдѣ появятся мои строки — все это пойметъ каждый православный, потому что я пишу книжнымъ, хаотическимъ языкомъ, полурусскимъ-полудерновымъ, который свято блюдетъ память Нестора, Кирилла и Мефодія, который туго поддается всякимъ нововведеніямъ. А эта «Мета», кому она понятна? «Вірємо, що піділя великої руської отчини на дві, двома царствомъ влучені, території одностайному розвоєві народности хочъ и *неконче сприяв*, однакъ и не *заваджає*, тому *порозумінне* и *повднання* въ моментахъ розвитку відъ політичного інтересу незалежнихъ, въ повнимъ правомъ діятись може!» Честное слово даю, что ничего не понимаю, хоть и занимался славянскими нарѣчіями и хоть понимаю здѣшняго мужи-

ка... Кому нуженъ такой языкъ? Мужикъ галицкій не пойметъ его, несмотря на русизмы, и полякъ не пойметъ, несмотря на полонизмы. Пало украинофильство въ Галичину единственно потому, что никто не хотѣлъ подписываться на «Мету», никто не сочувствовалъ ей сенаратистскому направленію...

Украинофильство, рассказываютъ здѣсь, выпло изъ Россіи: до шестидесятихъ годовъ объ немъ никто здѣсь и повѣтія не имѣлъ. Вдругъ, во время повстанія, здѣшняя молодежь заговорила о казачествѣ, стала одѣваться какъ-то по-казачьи и стала пить *горілку*: упоминаю объ этомъ обстоятельстве нарочно. Казачество было, разумеется, хорошимъ явленіемъ въ исторіи Южной Руси, но казачество можно толковать какъ угодно. Турецкіе украинофилы, казаки Садыкъ-паша, усвоили себѣ только казацкую удаля — грабить и плясуютъ, какъ настоящіе запорожцы, хоть въ составъ ихъ входятъ и не одни русскіе; тамъ найдете поляковъ-католиковъ, цыганъ безъ всякой вѣры, болгарскихъ и сербскихъ гайдуковъ и даже сыновъ Израили охидерами и солдатами. Но тамъ украинофильство дѣло искусственное; почему же въ Галичинѣ оно приняло тотъ же самый оборотъ? Украинофилами явились здѣсь студенты, и весь ихъ антимоскальскій патриотизмъ выразился въ пѣніи народныхъ пѣсень и въ *пляскахъ*: ни одной жизненной идеи оно не вынесло. Серьезные люди (сами *entre nous soit dit* *холоды*) къ нему не пристали, а почему именно не пристали — я до сихъ поръ не могу добиться. «Мы получили основательное образованіе въ австрийскихъ учебныхъ заведеніяхъ, говорятъ они: мы уважаемъ науку и ея органъ — нашъ общій языкъ; мы не хотимъ разрывать съ нашимъ цѣлымъ прошедшимъ во имя одного періода нашей исторіи — съ *великимъ княжествомъ кievскимъ*, за *велике князтво кievске...*» Не знаю хорошенько ихъ доводовъ — у меня времени нѣтъ изучать отдѣльные здѣшніе вопросы — но будь я сила и власть въ Россіи, я перехваталъ бы завтра всѣхъ нашихъ украинофиловъ и сослалъ бы ихъ въ Галичину мѣсяца на два, на три. Пусть потолкуютъ тамъ съ своими земляками, съ учеными, которые даже и *номоскальски* не знаютъ, а говорятъ какой-то *украинской мовой*!

Началось съ того, что молодежь вдругъ облеклась по-казацки, заплѣла, завила, принялась ругать москалей и мечтала объ образованіи не то отдѣльнаго малороссійскаго государства, не то малороссійскаго государства подъ скипетромъ австрийскаго до-

ма, не то въ союзѣ съ Польшею, не то съ Турціею. Украйнофильство есть, а идеи украйнофильской нѣтъ, да и быть не можетъ. Никто понять не могъ, откуда явилось въ Галичинѣ такое направленіе, а у молодежи явились деньги. Говорятъ — утверждать положительно нельзя — что молодой графъ Сапѣга былъ въ сношеніяхъ съ ними. Онъ далъ имъ 6,000 гульденовъ и сказалъ: «я полякъ — вы русскіе; мы и вы одинаково притѣсняемъ москалямъ; мы два народа, которые жить вмѣстѣ не могутъ, но врагъ у насъ одинъ — соединимся противъ этого врага, освободимся отъ него общими силами и простимся на вѣки вѣчные. Вы своею дорогою пойдете, мы своею». Если это правда, если дѣйствительно молодой Сапѣга такъ связалъ русинамъ, то это дѣлаетъ ему честь. Мало кто изъ поляковъ такъ искренно говорилъ въ Польшѣ... Другое дѣло, возможна ли эта Польша, которой польскій простолюдинъ (мазуръ, прусакъ, хамстриякъ) самъ не хочетъ, Польша, созданіе которой было бы сигналомъ вырзки ея же интеллигенціи. Ни въ кои вѣки Малороссія не встанетъ противъ Русскаго Государства, какъ ни въ кои вѣки Провансъ не отдѣлится отъ Франціи. Другое нарѣчіе, другія нѣсни, допустимъ даже, другое племя живетъ въ ней и другая исторія разыгралась въ ней, чѣмъ у насъ, великоросовъ; но всего этого недостаточно. Инсurreкція удаются, когда есть достаточная для нихъ причина. Путачевщина удавалась потому, что администрація была невозможная; польское повстаніе не удалось потому, что хлопъ польскій не видѣлъ, изъ-за чего онъ будетъ драться. Сапѣга ошибался, но ошибка его дѣлаетъ ему большую честь — дальше этого ни одинъ приверженецъ Рѣчи Посполитой идти не можетъ.

Казацщина не удалась, казацкаго полка молодежь не сформировала въ Галичинѣ, потому что здѣсь, опять-таки, благодаря Австріи, въ учебныхъ заведеніяхъ болѣе учатся, чѣмъ шалятъ. У насъ (на Волынѣ, если не ошибаюсь) былъ казачій полкъ изъ украйнофиловъ-католиковъ, подъ предводительствомъ батюшки атамана, пана Адама Вылежинскаго: у насъ болѣе шалятъ, чѣмъ учатся... Украйнофильство оборвалось какъ сила — оно стало работать, какъ идея и появилось въ образѣ «Метѣ», органа южно-русской «ародности». «Метѣ» слѣдовало бы перепечатать въ Россіи и распространить какъ можно шире, если думаютъ, что украйнофильство имѣетъ какую-нибудь будущность. Характеристикою этого единственнаго органа русскаго сепаратизма, мож-

но указать то, что въ немъ нѣтъ ни одной дѣльной статьи. Все выиграніе-то пробы пера разныхъ гимназистовъ и студентовъ. «Метѣ» войну объявляетъ москалямъ — и не приводитъ ни одного довода, почему именно Малороссія не нужна москалямъ и почему она съ ними жить не можетъ. Она прямо говоритъ, что разсчитывавъ только на студентовъ и чуждается стариковъ и вообще зрѣлыхъ людей... то-есть, всего, что знакомо съ жизнью не по теоріямъ, а на практикѣ, что идетъ за реальнымъ, а не за фантазіею. Понятно, что такіа партія не можетъ держаться, потому что каждый приходитъ въ зрѣлый возрастъ и важный, рано или поздно, получаетъ возможность опытомъ убѣдиться, на сколько всеспасительны и приложимы его юношескія утопіи. Пусть южнорусская молодежь украйнофильствуетъ, носитъ шаровары въ Черное Море, пьетъ горѣлку и пьетъ гайдамацкіи нѣсни — молодое пиво перебродитъ, только бы не фанатизировать его преслѣдованіями и гоненіями. «Метѣ» продержалась всего одинъ годъ (1865), да и то не цѣлый. Г. Ксенофонтъ Климовичъ, *видавця и редакторъ*, задолжалъ евреямъ и *тѣмъ* куда-то въ деревню, оплакивать равнодушіе Русъ въ судьбамъ Руси! тѣмъ все дѣло и кончилось.

Единый возможный и единый популярный языкъ въ Галичинѣ — нашъ книжный; другого здѣсь быть не можетъ, потому что даже у украйнофиловъ что ни писатель, то своя грамматика, что ни книга, то своя орфографія. Желаніе изучить и усвоить книжный языкъ видно у всѣхъ, а основывается оно на томъ, что исторія этого языка тождественна съ исторіею русскаго народа, гдѣ бы онъ ни жилъ, и, какъ общій вѣкъ русскимъ племенамъ, онъ одинъ можетъ имѣть прочную будущность. Будь въ Галичинѣ возможность получать русскія книги, иначе сказать, будь русская почта по-европейски устроена — черезъ годъ наша литература обогатилась бы новыми писателями и новыми дѣятелями. Но у насъ покуда соблюдаются старыя мѣры противъ распространенія нашей литературы между славянами и противъ полученія ихъ книгъ и журналовъ въ Россіи: такъ нечего и удивляться, что языкъ нашъ покуда мало распространенъ.

Вопросъ о правописаніи и объ украинскомъ нарѣчьи оказывается вовсе не шуточнымъ. Относится къ этому вопросу слегка было бы непозволительно. Къ нему относились съ ненавистью, упрекали малоросовъ въ стремленіи къ сепаратизму; мнѣнія и стремленія мальчишекъ принимали за мнѣнія и стремленія лю-

дей серьезных, и это было несправедливо. Гонение, поднятое на кулишевку въ Москвѣ и во Львовѣ, довело только до того, что послѣдователи ея ожесточились, приняли ее за символъ вѣры и до того осердились, что пришли къ убѣжденію, будто святорусская и малорусская народность до такой степени между собою разнятся, что примиреніе между ними невозможно. Мнѣ кажется, что украинофилы относились къ вопросу объ украинской народности весьма легко и весьма поверхностно. Но не менѣе легко и не менѣе поверхностно относились къ нимъ гг. великорусскіе патріоты, которые забросали ихъ грязью, обвинили ихъ въ государственной измѣнѣ и приписали имъ такіе тенденціи, которыхъ у нихъ въ сущности не было и даже быть не могло. Кто серьезно принималъ кулишевку за средство произвести расколъ между южнорусами и Москвой, то были развѣ поляки.

Въ моихъ странствіяхъ мнѣ случалось не разъ встрѣчаться съ вышеупомянутыми украинскими казаками, воевавшими противъ насъ подъ предводительствомъ батьки-атамана Адама Вылежинскаго. Это были разные пекончивіе курса студенты, гимназисты, мелкіе чиновники, которые въ Киевской, Волынской и Подольской губерніяхъ гарцовали на коняхъ, распѣвали украинскія думы и мечтали о томъ, что придетъ золотое время, когда южно-русскій народъ встрепенется, стряхнетъ съ себя иго какъ Петербурга, такъ и Варшавы и заживетъ своей собственной жизнью. Тогда на стѣнныхъ курганахъ разсыдуться бандуристы, стануть воспѣвать ихъ подвиги, казаки стануть гарцовать опять по степи, вся молодецкая жизнь Украины воскреснетъ, чуть-чуть Сѣчь Запорожская не заведется—это было увлеченіе весьма поэтическое, пожалуй, весьма благородное, но поборники его, увы, должны были подѣлаться въ Молдавіи городскими извозчиками и даже бить щепень на шоссе. Они за кулишевку стояли крѣпко, потому что каждый изъ нихъ хорошо зналъ южнорусское нарѣчіе нашего языка, но не одинъ изъ нихъ не былъ посвященъ въ таинство буквы *ъ*, *ѣ*, *ѐ*, *ѡ*. Кулишевка давала имъ исходъ, она составила имъ весьма не хитрое правило, что пиши какъ слышишь, произноси какъ читаешь. При помощи кулишевки, дѣйствительно, грамматики никакой не нужно; кулишевка средняя пропорціональная между исторіей русскаго народа и исторіей Рѣчи Посполитой. Она одинаково отрицаетъ Польшу, какъ отрицаетъ и все то, что случилось, какъ

Киевлянишки оторвалъ Украину отъ Польши. До Москвы и до Варшавы ей дѣла одинаково нѣтъ. Кулишевка исторію южнорусскаго народа начинаетъ заново, до прошедшаго ей дѣла нѣтъ. Если бы ее распространить, ввести въ школы, то, разумеется, малорусскому мальчику Польша показалась бы чужой, но точно также чужимъ показались бы ему церкви, летописи, литература, все то, что писалъ его отецъ, все, что заглажала бѣдному южнорусскому народу его бывшая исторія. При помощи ея южнорусскій народъ сдѣлался бы, дѣйствительно, самостоятельнымъ, они начали бы жизнь свою заново, они отрывали бы ото всѣхъ своихъ преданій, кромѣ псалмъ и думъ.

Спрашивается, какой толкъ бы изъ этого вышелъ.

Мнѣ, кажется, толкъ бы вышелъ крайне невеселый. Не умѣя читать по-книжному и не понимая книжнаго языка, южнорусъ сразу отъшлся бы ото всѣхъ злодѣвъ, которые намъ, святорусамъ, и имъ, южнорусамъ, принесла наша долгая и кровавая исторія. Русская литература стала бы для него невидимой. Онъ спотыкался бы на правописаніи, которое мы употребляемъ; слова, которыя мы употребляемъ, стали бы для него непонятны, онъ самъ бы сталъ писать, новую бы литературу развелъ, но какая была бы литература эта, какия его духовныя силы, про то нѣтъ до сихъ поръ не знаетъ.

Первымъ послѣдствіемъ введенія кулишевки былъ бы разрывъ между народомъ и церковью. Народъ пересталъ бы понимать церковный языкъ. На это-то украинскіе казаки, ратовавшіе подъ знаменемъ батьки-атамана Адама Вылежинскаго, и рассчитывали. Разрывъ съ обще-русскимъ правописаніемъ повелъ бы къ разрыву съ церковью, воротилъ бы южнорусовъ къ ихъ такъ называемой національной вѣрѣ—уніи. Стоило бы новому поколѣнію южнорусскихъ мужиковъ перестать понимать, что читается въ церкви, то они всѣ, разумеется, ринулись бы въ унію, потому что оторвались бы отъ родного гнѣзда, оторвались бы отъ тѣхъ традицій, которыя дѣлали тысячи лѣтъ свято и благочестиво хранили ихъ предки. Унія, какъ говоритъ Вылежинскій и его дружина, представляетъ передъ православіемъ своего рода прогрессъ. Православіе, говорятъ они, вѣра отсталая, средневѣковое непониманіе, не развитое, не давшее ничего ни литературѣ, ни цивилизаціи, не затѣвавшее ни крестовыхъ походовъ и не сумѣвшее произвести даже такихъ личностей,

какъ Гусъ или Лютеръ. Уніа, говорятъ они, въ сравненіи съ православіемъ все-таки прогрессъ. Уніатскіе монахи (василіане) хоть и были почти то же, что и іезуиты, но все-таки несли съ собою просвѣщеніе, все-таки боролись противъ старины, и хотя они стояли за Римъ, но все-таки нельзя отрицать за ними того, что они принесли огромную пользу дѣлу науки. Св. Владиміръ и св. Ольга до нѣкоторой степени признавали папу, стало быть, они были уніаты. Св. Владиміръ и св. Ольга княжили въ Кіевѣ, стало быть, это были національные государи южнорусскаго племени. Православіе, отрицавъ Римъ, отрицая все западное и такъ же дерзко относясь къ выводамъ западной мысли, какъ въ прошломъ вѣкѣ относился фанъ-Визинъ, а въ нынѣшнемъ Герценъ, разрываетъ союзъ Запада съ Востокомъ, отрицаетъ солидарность интересовъ цивилизаціи — поэтому слѣдуетъ ли южнорусскому племени держаться его такъ упорно и задерживать свое развитіе во имя грамматикъ того языка, котораго это племя не понимаетъ въ церкви, и того, котораго оно не понимаетъ въ вѣщахъ. Не лучше ли, во имя интересовъ цивилизаціи, дать этому племени его собственный языкъ, перевести на этотъ языкъ все, что перевести только можно, такъ чтобы каждый простолюдинъ, если онъ только грамотъ знаетъ, могъ бы читать на своемъ языкѣ безъ малѣйшаго затрудненія все такъ, какъ англійскій или французскій кучеръ читаютъ послѣднія французскія газеты и новѣйшіе романы. Введеніе подобнаго правописанія, которое не обязываетъ учиться грамматикѣ, и обособленіе этого племени отъ нравственнаго вліянія на его не принесло бы ему пользы въ матеріальномъ и въ моральномъ отношеніи. Освободясь отъ общерусскаго книжнаго языка, эти пятнадцать милліоновъ южноруссовъ составили бы собственную литературу, произвели бы собственные свои таланты, зачали бы свою новую жизнь и, благодаря своимъ либеральнымъ традиціямъ, они стали бы учителями славянства въ дѣлѣ всего того, что для всякаго порядочнаго человѣка дорого, — въ дѣлѣ свободы, просвѣщенія и прогресса. Къ чему южнорусамъ, въ самомъ дѣлѣ, тащиться съ великорусами, которые идутъ своимъ тяжелымъ шагомъ, народныя обычаи и преданія которыхъ до такой степени уродливы и тягостны, что даже подчиненіе имъ не представляетъ ничего привлекательнаго. Великорусы помѣшаны на созданіи государства, на расширеніи предѣловъ своихъ границъ, великорусы приходятъ въ восторгъ отъ того, что подчиняются себѣ Таш-

кентъ и Бухару, отъ того, что границы ихъ все болѣе и болѣе подвигаются къ англійской Индіи, что рѣка Усури входитъ въ предѣлы ихъ государства и что рѣка Сунгарь не сегодня такъ завтра будетъ русской рѣкой. Великорусы — сила, сила грубая, матеріальная; великорусы — народъ, съумѣвшій возвести въ идеалъ обоихъ Ивановъ, и Великаго, и Грознаго; великорусы готовы на все, на всякія жертвы, на всякое самоотверженіе, для того, чтобы создать свое государство. Для чего и въ чему этому пятнадцатимилліонному народу южноруссовъ ввязаться съ ними? Если есть возможность отъ великорусовъ освободиться, то освободиться должно. Великорусская литература груба. Стоитъ взять любую изъ современныхъ газетъ, чтобы каждое чуткое ухо разслышало эту грубость, азиатскость критикъ, этотъ жесткій, шероховатый стиль, дышущій чѣмъ-то семинарскимъ, чѣмъ-то наглымъ, ничего не признающимъ и все отрицающимъ. Какой народъ въ мірѣ можетъ примириться съ этой великорусской литературой и съ великорусскою жизнью, въ которой все топорно, угрюмо, неуклюже, гдѣ на каждомъ шагѣ слышится грубая сила, какіе-то бовы королевичи, который за руку дернетъ — рука изъ плеча вонъ, за ногу дернетъ — нога изъ бедра вонъ, гдѣ шутить не умѣютъ, гдѣ ни остротъ, ни изящества нѣтъ, гдѣ, начиная съ городского и кончая литературомъ, все дышитъ кулакомъ, затрепичкой, гдѣ нѣтъ ничего симпатичнаго, гдѣ нѣтъ ничего привлекательнаго, гдѣ лучшіе поэты загнаны, гдѣ лучшіе писатели, писатели, исполненные изящества, — поруганы, гдѣ царитъ проза, страшная, вонючая проза, проза, отталкивающая мягкое сердце и благоуханную душу южноруса. Възять отъ нихъ, отъ великорусовъ надо: ихъ манера, ихъ быть, ихъ грубость, ихъ манера гулять — все это возмутительно, все это безобразно, все это отвратительно...

И южнорусы, какъ поляки, возмущаясь великорусскими манерами, разумѣется, совершенно правы. Наша манера, наша жизнь, наше оружіе, наша способность аплодировать палачамъ — отвратительны. У насъ есть двѣ страшныя пословицы: «лежачаго не бьютъ» и «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Порядочный человѣкъ лежачаго бить не станетъ и старое не помянетъ. Но народъ, который съумѣлъ сложить эти двѣ пословицы и которому, стало быть, эти пословицы понадобились, которому пришлось припоминать себѣ подобное правило, — на-

родъ некрасивый. Зачѣмъ я или мой читатель станемъ другъ другу кричать: «будь въѣдливъ съ женщинами?» Намъ это съ моимъ читателемъ даже въ голову не придетъ, потому что мы и безъ того, безъ всякихъ напоминаній, съ женщинами въѣдливы. Народъ, которому понадобилось трубить другъ другу въ уши о «лежачемъ» и о «старомъ», стало быть, имѣетъ способность лежачаго бить и старымъ въ глаза колотъ.

Что же грѣха таить? Мы не красивы и не станемъ, передъ прочими славянами хвастаться изяществомъ и своею особенною гуманностью. Но у насъ есть одно качество, котораго ни у южнорусовъ, ни у прочихъ славянскихъ племенъ рѣшительно не хватаетъ. Качество это весьма не мудрое и, пожалуй, не завидное: мы — *сила*.

Мы — сила, которая съумѣла не только отстоять дрянное московское княжество отъ Татаръ, но изъ этого княжества создать русскую имперію. Не великіе князья это сдѣлали, не Иванны III, не Иванны Грозные создали Россію — ее создали *мы сами*, создали ее какіе-то московскіе тысящіе и бояре, тѣ самые господа, которыхъ по свидѣтельству одного изъ иноземцевъ, Петръ душилъ по шекамъ и одного за другимъ посылалъ въ Преображенскій приказъ, но которые на пиру и въ думѣ спорили съ нимъ смѣло и противорѣчили ему такъ, какъ могли противорѣчить ошибающемуся государю его лучшие подданные, предпочитавшіе дыбу, колесо и плаху всякой лести, нерадѣнію о пользѣ Земли Русской. При всѣхъ нашихъ недостаткахъ, при всемъ томъ, что было лѣтъ двадцать тому назадъ, и при всемъ томъ, что теперь такъ некрасиво дѣется у насъ, яа матери, на Святой Руси, у насъ дѣло все-таки идетъ впередъ и впередъ, все-таки спотыкаясь и сворачивая вправо и влево, русское государство не чахнетъ, не сохнетъ, а развивается со дня на день. Тяжелъ нашъ путь, трудны наши шаги, не легка наша борьба, но мы идемъ и идемъ такъ, какъ шли пятьсотъ лѣтъ тому назадъ наши предки во времена татарщины; мы идемъ и мы выйдемъ, а то что мы выйдемъ не только мы знаемъ сами, но это знаетъ и Западъ, который отъ каждаго нашего шага впередъ, шага неслышнаго, молчаливаго, не сопровождавшагося никакими трезвонами, никакимъ благоговѣніемъ, приходитъ въ ужасъ, въ негодованіе и становится въ недоумѣніи передъ этой страшной силой, которую мы собою представляемъ. Южнорусы, какъ и всѣ братья славяне могутъ намъ говорить что мы идемъ не

красиво, что нашъ шагъ не уклюжь, что наши пальцы заско-
рубли, что на ногахъ нашихъ мозоли, что на спинахъ нашихъ
до сихъ поръ еще свѣжи слѣды стариннаго кнута, но мы идемъ,
идемъ и еще разъ идемъ. Землю напашутъ желѣзной сохой, соха
изъ краснаго дерева нигде годиться не будетъ. Чтобъ вбить
гвоздь нуженъ молотокъ желѣзный, и такіе молотки только бу-
дущіе дѣлаютъ, а никакъ не ювелиры. Мы создаемъ государ-
ство, мы строимъ дома изъ кирпича, а не деревянныя. Только
дѣти сражаются деревянными штыками, намъ нужны штыки
желѣзные, и если вкусъ желѣза не хорошъ, и если разнажиу-
шася мышца попадаетъ иногда не туда, куда намѣревалась, то
все-таки Самсонъ Богатырь какъ другъ и пріятель лучше ка-
кого-нибудь дворянина Данила Безсчастнаго.

Изъ всего славянства одни мы, великорусы, съумѣли выступи-
тить впередъ, правдой и неправдой сложили свое государство,
съ Новгородомъ обошлись невѣжливо, со Псковомъ поступили
мы грубо, но та дикая сила, которая бродитъ въ насъ, разъ
насъ вывезла изъ татарскаго плѣна, другой разъ вывезла насъ
изъ плѣна нѣмецкаго, а третій разъ вывезетъ насъ изъ плѣна
европейскаго.

Куда южнорусамъ уйти отъ насъ? Занять наше мѣсто въ
исторіи, можетъ быть, хотѣли бы они? Но къ чему считаться
мѣстами, благо на своихъ плечахъ и на своихъ спинахъ мы
вынесли обузу тяжелую и, пожалуй, неблагодарную Всероссій-
ской Имперіи. Къ чему вытаскивать ее еще разъ и создавать
имперію славянскую, помимо насъ? Мы нажили капиталъ, ко-
торымъ мы дѣлиться готовы со всѣми нашими родными. Къ
чему начинать дѣло сызнова и этотъ самый капиталъ поста-
раться нажить помимо насъ? Капиталъ есть, стало быть, къ
чему жъ хлопотать? Можетъ быть, обидно то, что мы стоимъ
во главѣ движенія, благодаря той самой грубой и дикой силѣ,
о которой я только-что говорилъ. Ну и пускай же и южнорусы
и прочіе гг. славяне пустятъ насъ впередъ застрѣльщиками, пе-
редовыми стрѣльцами въ кулачномъ бою, благо есть передовые
бойцы, благо не перевелись еще на свѣтѣ Василь Буслаевы.

Вся цѣль и идеалъ славянства состоитъ въ томъ, чтобы
слиться, во что бы то ни стало, воедино; слиться въ одинъ на-
родъ, возымѣть одинъ языкъ, одну азбуку, одну церковь, такъ
чтобъ чехъ считалъ бы себя въ Москвѣ такъ же дома, какъ ве-
ликорусъ будетъ считать себя дома въ Прагѣ. Задача, стало
бы

быть, весьма не хитрая. Полагаясь на наши грубые плеча, полагаясь на наши тяжелые мышцы, братья-славяне могут къ намъ примкнуть и слѣдовать за нами, зная то, что плечо наше не дрогнетъ и мышца наша не встряхнется отъ чужаго удара. Языкъ, которымъ мы говоримъ и пишемъ, — наслѣдіе великихъ первоучителей славянства Кирилла и Мефодія. На сколько онъ южнорусскій, на столько онъ и сѣвернорусскій. Изъ-за чего намъ раздѣляться? Для чего эта кулишевка?

Украинофилы возражаютъ на этотъ вопросъ обыкновенно тѣмъ, что деревенскіе мальчишки книжнаго языка не понимаютъ, и что если ихъ учить по-книжному, то, разумѣется, развитіе южнорусскаго народа страдаетъ.

Да будетъ мнѣ позволено этому не повѣрять!

Цѣлыя тысячи лѣтъ и сербы, и великорусы, южнорусы учились и учатся по церковнымъ книгамъ, а церковный языкъ не совсѣмъ понятенъ каждому, кто не выросъ на церковныхъ книгахъ. Южнорусы, белорусы, сербы, болгария до сихъ поръ всѣ свои свѣдѣнія почерпали изъ этого церковнаго языка, и хотя каждый говорилъ по своему въ своемъ домашнемъ быту, но церковный языкъ все таки былъ единственнымъ средствомъ развитія и цивилизаціи. Церковный языкъ съ его двойственнымъ числомъ, съ его прошедшими временами, нисколько не препятствовалъ ни южнорусу, ни сѣвернорусу понимать грамматику Милетія Смотричаго, посланіе патріарха Гермогена и читать Кирилла Александрійскаго и Афанасія Іерусалимскаго. Не было жалобы до сихъ поръ, чтобы этотъ церковный языкъ, сильно обрусѣвшій, былъ бы препятствіемъ для сербовъ понимать, что читается въ церкви; всѣ турецкіе славяне читаютъ въ церкви до сихъ поръ по-церковному, да не чисто по-церковному, не на языкѣ Кирилла и Мефодія, а на языкѣ, сложившемся въ Москвѣ въ XVI и въ XVII в., и всѣ этотъ языкъ понимаютъ, за исключеніемъ людей, которымъ былъ или недосугъ или была лѣнь постараться этотъ языкъ понять. Нѣмцы превосходно справляются съ своимъ книжнымъ языкомъ, который такъ мало походитъ на *plattdeutsch* или на какія швабскія или тирольскія нарѣчія. У итальянцевъ то же самое. Венеціанское, сицилійское и неапольское нарѣчія разнятся отъ итальянскаго книжнаго языка больше, чѣмъ южнорусскій разнится отъ нашего книжнаго, а всѣ примиряются на одномъ обще-принятомъ итальянскомъ языкѣ. Нѣтъ спору, что въ *plattdeutsch* и

въ венеціанскомъ нарѣчій есть выраженія сильнѣе и даже изящнѣе тѣхъ, которыя приняла нѣмецкая и итальянская литература, но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ Венеціи образовалась бы литература своя, въ Неаполѣ своя, въ Гамбургѣ своя, въ Мюнхенѣ опять-таки своя. Разумѣется, на это можно возразить, что южнорусскій народъ не какой-нибудь Сициліи, не какой-нибудь берегъ Нѣмецкаго моря, а что это народъ въ пятнадцать милліоновъ, и что языкъ (если его только можно назвать языкомъ) этихъ пятнадцати милліоновъ имѣетъ полное право на то, чтобы къ нему относились съ уваженіемъ, и то, чтобы онъ сдѣлался литературнымъ языкомъ пятнадцати-милліоннаго племени.

Спрашивается, на сколько это пятнадцати-милліонное племя свободно отъ своихъ преданій. Пятнадцати-милліонный народъ можетъ или отрѣшиться отъ всего своего прошедшаго и во имя того, чтобы каждый полуграмотный человѣкъ возымѣлъ бы право писать все, что ему угодно, слѣдуетъ ли, чтобы нѣкое племя отказалось отъ своей литературы, которую оно само создало. Можетъ ли пятнадцати-милліонный народъ отречься отъ своего прошлаго и начать жизнь заново? Были въ Кіевѣ писатели, въ Острогѣ библія печаталась. Можетъ ли и благоразумно ли поступить этотъ народъ, если онъ во имя интересовъ цивилизаціи плюнетъ на все свое прошлое и дойдетъ до того, что перестанетъ понимать, что писали отцы его, что языкъ отцовъ его станетъ ему чуждымъ?

До сихъ поръ была литература русская, принадлежавшая одинаково какъ сѣвернымъ, такъ и южноруссамъ. Выкинуть всю эту литературу за ворота, пожалуй, можно. Сербы сумѣли это сдѣлать. Начать жизнь заново — но кто же поведетъ эту жизнь заново? Если даже мужикъ южнорусскій на подобную прощелку и согласится, то чѣмъ же гг. агитаторы подобной прощелки замѣняютъ ему то, что у него ужъ есть.

Слѣдуя Волку Степановичу Караджичу, сербы отреклись отъ всякихъ связей съ прошлымъ, и чего жъ они добились? Что такое представляетъ собой сербское княжество, порвавшее всѣ связи съ прошедшимъ? Сербское княжество дѣйствуетъ постоянно во имя прошедшаго, но сорокъ лѣтъ тому назадъ сербы, не порывавшіе связи съ прошедшимъ, сумѣли отбиться отъ турокъ; нынѣшніе ничего сдѣлать не могли; отказавшись отъ стараго, порвавши связь съ завѣтомъ отцовъ своихъ, они

дѣлались не болѣе какъ игрушка въ рукахъ Франціи и Австріи.

Единственное спасеніе славянства, какихъ бы племенъ оно ни было, — принять тотъ языкъ, который, при всѣхъ его недостаткахъ, благодаря Господу Богу, цвѣтетъ, существуетъ, и на которомъ и умные и глупые люди, какъ умѣютъ, пописываютъ. Все-таки тотъ книжный языкъ, созданный общими силами сѣверными и южными русскими, ни сѣвернымъ, ни южнымъ русскимъ не чужой. Языкъ этотъ таковъ, что каждый славянинъ долженъ ему учиться. Этотъ языкъ готовится сдѣлаться тѣмъ въ восточной Европѣ, чѣмъ до сихъ поръ былъ языкъ французскій, тѣмъ самымъ, чѣмъ языкъ Данте сдѣлался для итальянцевъ, а языкъ Лютера для нѣмцевъ. Какіе тутъ южно-русы, какіе тутъ сербы, болгары и платейчеры въ виду тѣхъ великихъ событій, которыя происходятъ въ дни наши, когда всѣ племена соединяются воедино? Къ чему тутъ вносить раздоръ въ школы и обучать какихъ-нибудь украинскихъ мальчишекъ не той азбукѣ и не тому языку, который долженъ быть господствующимъ языкомъ въ восточной Европѣ, какъ англійскій сдѣлался языкомъ Сѣверной Америки. Пусть будетъ принятъ одинъ общій языкъ, и пускай деревенскіе мальчишки не сбиваются съ толку во имя лишняго патріотизма. Первое дѣло и первый вопросъ для всѣхъ славянъ въ настоящее время состоитъ въ томъ, какъ бы слиться въ одно цѣлое, тотъ самый вопросъ, который такъ недавно изъ раздробленной Италіи создалъ — Королевство Итальянское. Потомъ, когда все это сольется въ одно единое, счетъ произойти можетъ. Что выйдетъ дальше, про то наши вѣи узнаютъ, но для насъ, людей второй половины XIX в. другой задачи быть не можетъ, а потому не благоразумно ли принять тотъ языкъ, который существуетъ готовымъ, то правописаніе, при всѣхъ его недостаткахъ, принять за законное и, не мудрствуя лукаво, идти на выручку тѣмъ, кого выручать въ настоящее время надлежитъ? Но то, что ясно теперь намъ въ 60-хъ годахъ, понималось совершенно иначе въ 20-хъ годахъ. То было время увлеченій, было время фантазій, фантазій честныхъ и благородныхъ, съ которыми мы можемъ не соглашаться, но не уважать которыхъ мы не можемъ. Повторять теперь зады, идти по дорогѣ Волка Караджича было бы, разумѣется смѣшно и нелѣпно, и лучшее тому доказательство, что это было бы смѣшно и нелѣпно, что

всѣ его послѣдователи обрываются, такъ что имена ихъ дѣлаются почти смѣшными. Но штука, затѣянная ими тогда, принесла свою огромную пользу, и относится къ нимъ, къ этимъ людямъ, создавшимъ славянскія литературы на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, легко нельзя. Свое дѣло они сдѣлали, свою службу они исполнили. Ребятишкамъ, разумѣется, надо читать дѣтскія книги. Славяне были тогда ребятишками, нужно было имъ не только разжевывать пищу, но и въ ротъ положить — славяне были тогда грудные младенцы, которыхъ кормить можно было только молокомъ. Все-таки славяне приучились читать, все-таки создали кое-какія литературы непзящныя, до такой степени жалкія, что нельзя даже посовѣтовать заняться славянскими нарѣчіями для изученія славянскихъ литературъ; но дѣло сдѣлано. Честь и слава тѣмъ, которые сдѣлали первый шагъ; камнемъ въ нихъ бросать нельзя, хотя они шли не по той дорогѣ, по которой въ наше время слѣдуетъ идти...

V.

Вотъ король двѣ недѣли, что я здѣсь, и все еще не успѣлъ осмотрѣть всѣхъ достопамятностей столицы Льва Галицкаго. Городъ чрезвычайно красивъ и отлочно вымощенъ, какъ всѣ австрійскіе города. Улицы, большею частью, прямыя и недурныя. Архитектура домовъ изрѣдка напоминаетъ краковскую, то-есть, стѣны идутъ не по отвѣсу, а откосомъ, отчего каждый домъ напоминаетъ собою крѣпость и свидѣтельствуетъ не то о неуверенности архитектора, не то о намѣреніи сохранить домъ для потомства на вѣки вѣчные. Много фонтановъ и много статуй на улицахъ; великолѣпный бульваръ (валъ) проходитъ по сѣрдинѣ города; красивыя площади (рынки) и порядочные отели. Выѣзды всѣ по-польски, изрѣдка по-еврейски и по-нѣмецки; польскій языкъ и польскій говоръ всюду такъ преобладаютъ, что проѣзжій можетъ и не догадаться, что онъ не въ Польшѣ. Даже черноработіе въ городѣ — поляки, даже если кругомъ Львова — мазурскія: прежнее правительство нарочно заселяло мазурами окрестности города, чтобъ распространить и языкъ, и вѣру господствовавшего въ Рѣчи-Посполитой племеніи. Костѣлы очень хороши. Большею частью стоятъ они на мѣстахъ русскихъ православныхъ и униатскихъ церквей; имъ

же досталась и большая часть русских церковных имуществ. Осмотрѣлъ я большую часть здѣшнихъ русскихъ (уніатскихъ) церквей — всѣ невелики и всѣ бѣдны; во всѣхъ слышится одна и та же жалоба на невозможность хоть немножко исправить обрядъ и на отсутствіе всякой моральной и матеріальной поддержки со стороны правительства. Изъ Россіи тоже ничѣмъ ихъ не поддерживаютъ, по нашей робости и застѣнчивости, которой ни у одного народа и ни у одного правительства на свѣтѣ нѣтъ. Пруссія открыто помогаетъ кляксамъ и обществамъ нѣмцевъ-протестантовъ въ Венгріи; Франція и Австрія явно поддерживаютъ католиковъ въ Турціи — одни мы церемонимся и трусимъ, потому что не освободились еще отъ нѣмецкаго формализма. мертвящаго всену душу живу, потому что... да мало ли найдется всякихъ «потому что!»

Есть здѣсь у русскихъ ставропигійская лавра Успенія Пресвятыя Богородицы, древность которой восходитъ къ XIII вѣку. При ней замѣчательно братство въ защиту отъ колонизаціи, существующее до сихъ поръ, типографія, книжная лавка. Лавра дѣлаетъ все, что можетъ, для поддержанія Руси: книги издаетъ, ученые журналы, мѣсяцословы; словомъ, все дѣлаетъ, на что только средствъ хватаетъ. Къ братству ставропигійскому принадлежитъ почти каждый порядочный русскій въ Галичинѣ: это и заключаю изъ «Альбума» протокола братства съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ. «Альбумъ» этотъ чрезвычайно любопытенъ въ поясненіи, откуда изилась наша гражданская печать и почеркъ прошлаго вѣка. Говорятъ, что Петръ Великій гражданскую печать выдумалъ, а оказывается, онъ, просто-на-просто, заимствовалъ ее у галичанъ и прочихъ малорусовъ, которые употребляли ее еще въ XVI вѣкѣ. Заголовки многихъ грамотъ и статутовъ, выданные мною въ Ставропигіи, начерчены чисто нашими гражданскими буквами, а текстъ, писанный въ XVI вѣкѣ — очевидный прототипъ нашей скорописи и нашихъ прописей елисаветинскихъ и екатерининскихъ временъ. Малорусы, которые столько содѣйствовали нашему просвѣщенію со временъ Никона, передѣляли нашу старую азбуку и скорописъ на свой ладъ — и къ счастью, передѣляли хорошо; ихъ почеркъ дѣйствительно былъ четче и проще нашего.

Видѣлъ я въ ризницѣ старія евангелія. Два изъ нихъ виленьскія изданія 1644, оба въ серебряныхъ позолоченныхъ окла-

дахъ. Надпись на первомъ изъ нихъ гласитъ: «*Арсеній Желибовскій, милостію Божією, епископъ львовскій, галицкій и камени-подольскій, сіе евангеліе тицаніємъ и ижедивеніємъ содѣлати и украсити повѣсть, мѣста Господня 1647 мѣсяца мая 11 го дня, благополучивъ въ то время царствующиу всевышнему крѣлю Владикасу IV за патриархи (sic) константинопольскаго Иоаннікія, престолъ же святая митрополія киевскія содѣржащу Селивестру Касову*». На переплетѣ распятіе; крестъ русскій, осьмиконечный; у Спасителя руны простерты, какъ всегда у русскихъ; подъ крестомъ купель; Симеонъ, Марія, Іосифъ. Тутъ же орудія казни, которыя обыкновенно сопровождаютъ русскій крестъ, и которыя, говорятъ, недавно запретили писать на крестахъ, ставимыхъ по дорогамъ, въ нашемъ Югозападномъ Краѣ, предполагая, что эти орудія казни занесены къ намъ католическимъ. Защищать церковь отъ раскола и отъ латинства надо чрезвычайно осторожно! съ плеведами можно и шпеннцу повредить... На оборотѣ моленіе о чашѣ. Работа, очевидно, не русская, но условія русской живописи сохранены. Другое евангеліе того же изданія: «*сви тетроевъ (тетраевангели) сътвори и окова Драгна и внулъ ся Иль Камарашъ; и да сь митрополіе о Сучавѣ*». На оборотѣ соборъ пресвятыя Богородицы, св. Осодоръ, Димитрій, Георгій, Онуфрій, Проконъ. Переплетъ обоеихъ этихъ евангелій сплошной по-старому. Третье евангеліе, печатанное въ Москвѣ при патриархѣ Іоакимѣ, переплетено уже по-новому: пять иконъ на бархатномъ полѣ.

Въ канцеляріи Ставропигіи висятъ портреты незапятнанныхъ русскихъ, снятые съ гробовъ XVI вѣка. Мужчины съ чубами и съ усами, женщины въ брызжатыхъ чепцахъ; только одна простоволосая, должно быть дѣвушка, и, судя по портрету, замѣчательная красавица. Есть еще портретъ старой монахини, въ каптирь безъ влобука. Имена этихъ людей неизвѣстны. Портретъ Зубрицкаго виситъ тамъ же: великаго галицкаго историка уже нѣтъ на свѣтѣ — онъ умеръ глубоко оскорбленный нашею старою цензурою, которая за весь его многолѣтній трудъ въ пользу русской науки и за всю его преданность Россіи — не пропускала его исторіи Галичины, потому только — о доброе старое время! — что въ исторіи этой онъ не призналъ Владимира Святаго *богатыремъ*, чѣмъ его ни былины народные не признаютъ, и чѣмъ его никто не считаетъ. Нелзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ каждаго святаго всѣхъ

мірскихъ совершенствъ: очень вѣроятно, что св. Борисъ не былъ писателемъ, а св. Глѣбъ не зналъ химіи — все это не лишаетъ ихъ права на наше поклоненіе имъ и нисколько не колеблетъ вѣры въ нихъ. Вотъ эта фраза покойнаго Зубрицкаго, которая такъ возмущала покойную цензуру: «Замѣчаемъ недостатокъ доблестныхъ качествъ въ характеръ Владиміра. Мы поклоняемся ти, святой Богоугодниче Владиміре, славословимъ тебя, какъ крестителя и просвѣтителя русскаго народа, озарившаго насъ свѣтомъ истиной вѣры, молимъ ти «быть нынѣ и присно заступникомъ русскаго племени и русскаго державы, но богатыремъ слагать тебя намъ невозможно!» И изъ-за этихъ фразъ, на которыя ни одинъ читатель и вниманія бы не обратилъ, ученое сочиненіе, плодъ долгихъ и серьезныхъ изслѣдованій, не попадало въ Россію, а прочіе галицкіе ученые руки опустили и не стали приниматься за большія работы, потому что Россія не можетъ быть надежнымъ сбытомъ для ихъ произведеній... Я видѣлъ у нихъ множество сочиненій, совершенно готовыхъ къ печати, но они боятся приступить къ издержкамъ, потому что не увѣрены въ возможности сбыта. Нѣмцы ихъ жмутъ, евреи грабятъ, поляки гонятъ; все мало — надо намъ было показать, что и наша копейка не шербата! Теперь, разумеется, времена другія, но не мѣшается приводить иногда себя на память это недавно прошедшее, чтобъ впередъ избѣгать тѣхъ же самыхъ ошибокъ.

Церковь построена въ концѣ XVI вѣка, но внутренность ея сильно передѣлана: иконостасъ почти вовсе безъ иконъ, старыя иконы подновлены такъ, что ничего и сказать нельзя о нихъ. Самое любопытное — куполъ, въ которомъ помѣщены два молдавскіе герба, польскій и московскій, потому что молдавскіе воеводы и царь Федоръ Ивановичъ жертвовали на устройство этой церкви. Надъ московскимъ гербомъ, надъ щитомъ, что по срединѣ орла, гдѣ теперь пишется императорская корона, поставленъ крестъ — восьмиконечный символъ русской церкви. Другіе гербы не удостоены этой почести. Вотъ вамъ и голосъ старыхъ вѣковъ, какъ русскіе граждане Рѣчи-Посполитой смотрѣли на свои отношенія къ Москвѣ, отъ которой были отчуждены и въ церковномъ, и политическомъ отношеніяхъ! Опять выходитъ, что слияніе русскихъ племенъ воедино никакъ нельзя считать интригою московскихъ бояръ и петербургскихъ министровъ, и что Польша должна была пасть,

потому что стояла на дорогѣ къ этому слиянію, потому что она противорѣчила историческому инстинкту массъ. Еще одну вещь я замѣтилъ — это старинный рукомоиникъ въ ризницѣ, на манеръ нашихъ тульскихъ, съ висачимъ крапомъ, который надо толкнуть внутрь, чтобъ вода потекла. Откуда завелся эти рукомоиники у насъ? ихъ, кромѣ Россіи, да, кажется, еще Польши, нигдѣ не видать: прочіе славяне о нихъ, какъ и о самоварахъ, понятія не имѣютъ...

Книжная лавна маленькая; но въ нее умѣщается вся галицкая литература, состоящая изъ маленькихъ книжечекъ, потому что большія ни у кого средствъ не хватаетъ печатать. Русскихъ изданій почти вовсе нѣтъ: наша почта и вообще пересылка книгъ какъ-то такъ довко устроены, что не то, что никто изъ славянъ, но даже галичане, не могутъ добиться получения нашихъ изданій, отчего, разумеется, наши авторы и издатели много теряютъ, а распространенію нашихъ идей и вообще всякому умственному общенію съ нашими братьями въ Австріи положены преграды. Выписанную книгу ждутъ по году и по два; вмѣсто *двухъ* рублей, она обойдется въ *десять*. Да еще книгопродавецъ русскій вышлетъ неполный экземпляръ, съ недочетомъ въ листахъ: пусть, дескать, бракованный, завалищій товаръ даромъ не пропадаетъ... А тутъ поляки, и французы кричатъ о русской пропагандѣ! Нечего сказать, нашли пропагандистовъ!

Нѣсколько мѣсяцовъ назадъ, призываетъ г. Паумгартенъ, бывший намѣстникъ Галичины — добрый нѣмецъ, но слабый, потому что не было у него поддержки въ Вѣнѣ — одного изъ начальниковъ ставропигійскаго заведенія.

— Ради Бога, что у васъ дѣлается? вы явно проповѣдуете православіе!..

— Что такое?

— Да въ вашей книжной лавкѣ на окнѣ выставлена — вотъ, у меня записано «Исторія Уніи» Бантыша-Каменскаго, которая напечатана въ Россіи, проникнута такимъ антикатолическимъ духомъ... Ксёндзъ одинъ увидѣлъ ее въ окнѣ, перекутался и подалъ рапортъ въ консисторію; консисторія снеслась съ нунціемъ въ Вѣнѣ; тотъ министру, министръ мнѣ... Помните, это ужъ изъ рукъ вонъ! Вы и себя и меня губите.

— Да позвольте, у насъ, въ Австріи, свобода печати. Здѣсь же во Львовѣ печатаются польскіе переводы Ренана «Жизнь

Исуса Христа», продаются открыто и разложены на окнах всех книжных лавок — это посолонье всякой истории уни.

— Знаю, знаю; но, это видите, общее, а книга Бантыша-Каменскаго прямо противъ власти святаго престола.

— Опять-таки, здѣсь же, во Львовѣ, печатаются и продаются такіе нѣмецкія книги о папѣ, что даже читать страшно. Пропаганда противъ святаго престола ничуть не запрещена; Австрія либеральное и конституціонное государство.

— Знаю, все знаю, все понимаю. Да сдѣлайте вы какъ-нибудь, чтобъ только эти поляки не зрчали. Продавайте тамъ что хотите, только не выставляйте на окно — имъ это глаза деретъ. Изъ пустяковъ они поднимаютъ тревогу, вводятъ правительство въ хлопоты, администрацію ставятъ въ затрудненіе — пожалуйста, снимите съ обна. По закону, вы правы — да, видите, поляки...

Анекдотъ этотъ рисуетъ вамъ все здѣшнія отношенія русскихъ къ ихъ двумъ правительствамъ: польскому и нѣмецкому. Поляки преслѣдуютъ ихъ за все и про все, во всемъ видятъ русскую пропаганду и русскія деньги (rubli moskiewski, mój panie!), а немцы ничего не понимаютъ, стараются упротворить обѣ стороны и потому мирволятъ полякамъ. По австрійскимъ законамъ, здѣсь каждый русскій книгопродавецъ могъ бы завести русскую книжную лавку, а еще лучше, летучую библиотечку. Здѣсь большая охота знакомиться съ нашею литературою; но для этого нужно, чтобъ нашимъ посольствамъ и консульствамъ было предписано наблюдать интересы русскихъ частныхъ людей, живущихъ за границею — тогда только можетъ быть всякая заграничная торговля въ рукахъ нашихъ русскихъ купцовъ, а не въ рукахъ разныхъ нѣмцовъ и евреевъ. Но ждате этого преобразования и обрусенія нашихъ посольствъ — долгая пѣсня.

Есть *Домъ Народный* во Львовѣ; такъ и написано на немъ русскими буквами: *Домъ Народный*. На крышѣ приделанъ золотой галицкій левъ, упирающийся на скалу. Задомъ къ этому дому стоитъ памятникъ Станислава Яблоновскаго, каштеляна ете., нѣкогда защищавшаго Львовъ отъ Хмельницкаго... Вообще, Хмельницкаго понять и русскіе, и поляки. Въ Перемишлѣ, во францисканскомъ костѣлѣ, есть образъ Божіей Матери, которая синѣла, зеленѣла, краснѣла и бѣлѣла, когда казаки подходили къ городу и, наконецъ, младенецъ отвернулъ лицо свое

въ сторону, смотритъ теперь не на мать, а къ дверямъ... толкуютъ какъ хотите!

Домъ Народный, слава и гордость галичанъ, очень невеселъ: въ четыре этажа и въ девять оконъ въ рядъ. Въ 1849 году императоръ Францъ-Иосифъ подарилъ своимъ *вернымъ рутенамъ* (die treue Ruthenen) развалины бывшаго университета, разбитаго во время бомбардировки. Много священники, чиновники, учителя, хлопы сдѣлали складчину и поставили этотъ домъ, палатку русской народности въ Австріи. Послѣнее, что было, отдавали; мнѣ указывали одного старенькаго чиновника, который имѣетъ всего 300 гульденовъ годового жалованья. Всю жизнь копилъ этотъ человекъ крестеры себѣ на старость, 500 гульденовъ скопилъ, а стали дѣлать складчину на русское дѣло, онъ ихъ все отдалъ. Священники по 1,000 гульденовъ давали, оставляя дочерей своихъ безъ приданнаго. Мужики развязали свою тугую мощу — не было русскаго, который не принесъ бы своей посланной ленты — и *Домъ Народный*, этотъ вѣчный памятникъ русскаго патриотизма нынѣшняго поворотня галичанъ, красуется, непримѣтный, невидимый, за гордою спиною статуи Яблоновскаго. Въ этомъ домѣ помѣщается русская гимназія, бурса для бѣдныхъ учениковъ, матица и русская бесѣда съ ихъ казино, то-есть, клубонъ; театръ и библиотечка. Библиотечка маленькая, только-что заводится добровольными взносами. Изъ Россіи въ нее почти ничего не посылаютъ, но зато посылаютъ все, что только замѣчательнаго выходитъ, въ польскую библиотечку Осолинскихъ; даже такое интересное для всѣхъ православныхъ изданіе, какъ самая польская библия, прислано было не русскою матицею, а именно польской библиотекѣ — *propaganda moskiewska, panie!* Въ библиотекѣ покуда замѣчательнаго очень мало, такъ что не знаю, на что и указать, кромѣ старой русской кольчуги, вынудой изъ Днѣстра. Въ музеумъ, который тоже въ зародышѣ, много старыхъ русскихъ натѣльных престовъ, бронзовыхъ, очень большихъ, створчатыхъ, похожихъ на норманскіе: едва ли не отсюда пошли тѣ маленькіе крестны сердечкомъ, которые теперь у насъ такъ любятъ народъ. Два бронзовые меча... но о бронзѣ и о бронзовомъ періодѣ мнѣ придется говорить еще особо. По нѣкоторымъ полученнымъ мною указаніямъ, я пѣтью основаніе думать, что онъ еще вовсе не прекратился, а живетъ и здравствуетъ въ Галиціи у здѣшнихъ русскихъ, какъ ни въ

чемъ не бывалъ. Археологи слишкомъ поторопились его похоронами...

Казинс заведено въ первыхъ числахъ ноября 1861 года, то есть, вскорѣ послѣ втораго возрожденія русскаго народнаго духа, по поводу польскаго предпріятія измѣнить русскую азбуку на латинскую. Не тронь поляки русской азбуки, галичане жили бы себѣ тихо и мирно; но когда г. Дѣдицкій, нынѣшній редакторъ «Слова», бывшій тогда въ Вѣнѣ, узналъ о покушеніи поляковъ окончательно отрывать русскіхъ отъ мнимаго вліянія на нихъ москалей, перемѣнить азбуку и тѣмъ порвать связь ихъ съ русскою церковью и съ русскою исторіею, онъ издалъ брошюру (1859 г.) о неудобности латинской азбуки въ письменности русской». Брошюра, какъ и все писанное этимъ замѣчательнымъ галицкимъ поэтомъ и публицистомъ, чрезвычайно хороша. Строго и послѣдовательно доказываетъ онъ въ ней, почему славяне должны уважать свою азбуку, почему она удобнѣе для славянъ путанной польской или безобразной чешской, писать которыми пужно гораздо дольше времени, чѣмъ русскою, потому что въ русской нѣтъ ни лишнихъ буквъ, ни надстрочныхъ знаковъ; опровергаетъ мнѣніе, что употребленіе латинской азбуки можетъ сблизить русскіхъ съ литературою Запада — предлагаетъ полякамъ читать Шекспира, не учась по-англійски, такъ какъ польская азбука одна и та же съ англійскою... Брошюра эта разошлась въ числѣ 2,000 экземпляровъ, что очень много для маленькой Галичины. Зашевелились русскіе при видѣ опасности; явилась русская газета «Слово», г. Дѣдицкій просилъ Вѣну, гдѣ онъ готовился въ учителя, и сдѣлался редакторомъ «Слова», издавши предварительно огромный ученый и литературный сборникъ «Зоря Галицкая або Альбумъ, на годъ 1860», — томъ въ 560 страницъ. Чего-чего нѣтъ въ этомъ сборникѣ! Первые ученые Галичины, гг. Петрушевичъ, Головацкій, Бѣлоусъ, Гушалевицъ, Желеховскій, В. Ильницкій, І. Ильницкій, В. Ковальскій, Кордасевичъ, М. Малиновскій, Попель, А. И. Торонскій, Цыбикъ, Шараневичъ, Ясницкій внесли свои труды по исторіи и этнографіи Галичины; первые поэты Галичины и даже Угорщины прислали свои стихи... Эта «Зоря Галицкая» должна быть настольною книгою каждому занимающемуся изученіемъ русской исторіи и русской народности. Появленіе ея произвело фуроръ. Подписчи-

ковъ однихъ было 630, что чрезвычайно много, такъ какъ цѣна изданія была довольно высока — *три гульдена*!

Движеніе на этомъ не остановилось: завелось казино въ Народномъ Домѣ, помѣстившемся въ трехъ комнатахъ. Члены его платятъ по гульдону въ мѣсяцъ на его содержаніе, и разомъ нашлось 127 членовъ. Откуда они на все это деньги берутъ? — поляки понять не могутъ и кричатъ что это все *Moskwa przeklęta robi, rubli posyła, szysmą zaprowadza*. А у *зависшихъ* русскіхъ, у священниковъ, у профессоровъ, у чиновниковъ, рѣдко у кого даже часы въ карманѣ найдутся, не то, *чтобъ рубли*! Сюртука себѣ новаго здѣшній русскій не сдѣластъ, а на поддержку русской народности противъ поляковъ и противъ католиковъ послѣдній гульденъ отдастъ. Это «възвѣзъ богатырей» сказалъ бы Денисъ Давыдовъ... Завели они это казино для того, чтобъ у нихъ былъ свой центръ, чтобъ сблизиться другъ съ другомъ, поддерживать другъ друга, знать, какъ борьба идетъ, чѣмъ поляки ихъ доконали собираются, и чѣмъ защищаться. Черезъ годъ уже и театръ г. Бачинскаго выписали, потому что польскій театръ, весь пропитанный польскимъ патріотизмомъ, губительно дѣйствовалъ на молодежь, а русскій языкъ на сценѣ, въ устахъ князей, графовъ, первыхъ любовниковъ и первыхъ любовницъ (!) переставалъ становиться языкомъ престопадобія. Театромъ они крайне дорожатъ и поддерживаютъ его всѣми силами; что онъ не прочесть и что мы имѣемъ право поддержать его, нисколько не оскорбляя вѣнское правительство, поддержать не тайкомъ, а гласно, напрямикъ — я уже говорилъ. Мы чеховъ поддерживали и поддерживаемъ въ ихъ мѣстцахъ и литературныхъ предпріятіяхъ съ какою же стати оставлять намъ русскіхъ безъ поддержки?

Но казино и театру грозила новая, неожиданная бѣда. Чисто литературное у насъ, украинофильское движеніе, явилось въ Галичинѣ движеніемъ политическимъ. Казино, вмѣсто центра сблизенія русскіхъ, дѣлалось какимъ-то политическимъ клубомъ, центромъ пропаганды разединенія. Въ протоколъ русской бесѣды, всегда лежащемъ на газетномъ столѣ казино, читаются слѣдующія строки: «Выдѣлъ (комитетъ) пріймае за заклады (принципы) своего въ каждомъ взглядѣ и отношеніи дѣйствования и поступованія: а) династичность, б) народность, в) недопусканье и отдаленіе всякихъ зачиповъ (придиоровъ) и споровъ обрядовыхъ народныхъ и языкословныхъ». Это значитъ,

что въ бесѣдѣ, учрежденной въ конституціонномъ и либеральномъ государствѣ, можно громогласно обсуждать дѣйствія правительства, но нельзя ничего говорить противъ вѣрности династіи и цѣлости монархіи. Этими бесѣда оградилась себя раз навсегда отъ молодёжи, «ревность имѣющей не по разуму», и спасла молодыхъ головы, которые начинали кричать, что Галичина, по своей исторіи и языку, принадлежитъ не Австріи. Принципъ — или какъ поляки лучше насъ выражаются *zasada* (у нихъ заимствовано это слово) — засада народности, положила конецъ и польскому и ультра-русскому агитаторству: казнно заведено не для агитированія приверженцевъ той или другой стороны: его цѣль — поддержка и развитіе русской народности въ Австріи, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе положены общими законами государства. Наконецъ, устраняются споры о вѣрѣ и объ языкѣ: не возбуждать, а заглушать следовало вопросъ, какой здѣсь народъ живетъ, русскій или рутенскій, и куда слѣдуетъ идти униі, въ католичество или въ православіе. Вотъ какъ умно и просто распорядились старшины этого клуба въ трудное для нихъ время польскихъ демонстрацій и повстанія, когда даже русская здѣшняя молодёжь забредила украинифильствомъ и казачиною. Запрещено ничего не было, потому что клубъ и не могъ запрещать; но изъ клуба были изгнаны всякіе задорные вопросы, и онъ остался нейтральнымъ ко всему, что на свѣтѣ дѣется. Право, сюда учиться надо ѣздить.

Обвиняють галицкихъ литераторовъ, зачѣмъ они пишутъ такимъ варварскимъ языкомъ. Я уже не въ первый разъ приложу примѣры ихъ языка, который, между нами будь сказано, возмущаетъ меня до мозга костей моихъ. Какъ имъ иначе писать, когда даже я, въ тѣ четыре недѣли, что въ Галичинѣ, то и дѣло борюсь съ подонизмами; когда здѣсь никто не учился въ школахъ общерусскому литературному языку, и когда подлѣ нихъ шумитъ молодёжь, увлеченная казацкими преданіями и доноситъ на нихъ, что они москаль! Не потому г. Голонацій, Петрушевичъ, Дѣдицкій, Гухалевицъ и проч. и проч., пишутъ безобразно, чтобъ они не умѣли выразиться иначе, а потому, что публика ихъ не привыкла еще говорить по-книжному, да и не для всѣхъ еще рѣшенъ вопросъ: одинъ народъ южноруссы и великоруссы, или два.

Изгнанные изъ казны украинифилы буйствовали, кричали противъ стариковъ-ретроградовъ, обвиняли ихъ, что они запрода-

ли души свои Москвѣ, вызывали ихъ на бой, хотѣли стереть ихъ съ лица земли доносами на нихъ полякамъ и нѣмцамъ. «Слово» и старшіе люди ничего имъ не отвѣчали. Они дали полную свободу броженію, ни въ чемъ не препятствовали ему, но не раздражали его полемикою и борьбою. Украинифильство разрышилось «Метой», которую никто даже не читалъ — и она рѣшительно пала; этому уже и я очевидецъ. Ничто меня здѣсь такъ не смущаетъ — ни даже приглашеніе явиться завтра на допросъ въ полицію, съ моимъ паспортомъ, съ показаніями, кто я, зачѣмъ и здѣсь, чѣмъ живу и есть ли у меня дѣти — какъ встрѣча съ здѣшнимъ юношею въ украинскихъ шароварахъ съ Чорное море, который обыкновенно радуется до крайности, что видать *настолицу* русскаго и выражаетъ мнѣ такіе стремленія, такіе мнѣнія объ Австріи, Польшѣ и униі, которыя для него вовсе не безопасны и которыя ему не слѣдуетъ высказывать. Перемололось и мука вышла. Ни одного серьезно образованнаго человека, замѣчаютъ здѣсь, не было между украинифилами, ни обик изъ нихъ даже и курса не кончилъ въ университетъ или съ семинаріи: егого, ни одинъ изъ нихъ не прошелъ серьезной, въ трудъ призывающей, нѣмецкой наукой. Такъ ли это, или не такъ — не умѣю сказать: лично я не знакомъ ни съ однимъ изъ бывшихъ предводителей этой партіи, поэтому, не берусь утверждать общаго приговора. Украинифильствомъ здѣсь всѣ почти болѣе или менѣе, прошли, когда оно еще и у насъ не заводилось; но если правда, что на его сторонѣ остаются только недоучившіеся, то оно смерть въ груди своей носить. «Мета» прекратилась; редакторъ ея, г. Ксенофонтъ Климовичъ *), скрылся; но теперь, когда я пишу эти строки, слухи ходятъ, что онъ вновь появился во Львовѣ, и появленіе его объясняютъ возрожденіемъ польскихъ надеждъ и програмою «*Gazety Narodowej*», которая была на дняхъ высказана; по этой программѣ слѣдуетъ запретить въ здѣшнихъ училищахъ русскую азбуку, очистить *русскій* языкъ отъ *московскихъ* словъ и оборотовъ, ввести польскій языкъ въ церквахъ и отставить отъ службы учителей и чиновниковъ изъ русскихъ. Если это такъ и если южный вождь украинцовъ (ему всего 25 лѣтъ) будетъ помогать полякамъ, то украинифильство рѣшительно безопасно. Его не

*) Теперь онъ сотрудникъ Ливчака и пересталъ, какъ благоразумный человекъ, увлекаться нелѣпостью.

поддержитъ и переходъ русскихъ стипендій въ распоряженіе сеймовой комисіи, состоящей почти исключительно изъ поляковъ. Забравъ эти стипендіи въ свои руки, комисія, разумѣется, вынудитъ многихъ молодыхъ русскихъ къ отступничеству — годъ не свой братъ; но въ остальныхъ раздѣлится за то такое отвращеніе ко всему не общерусскому, что не выдержитъ никакая Польша и никакая казачина этой моральной гайдамачины. Борьба пойдетъ теперь не на жизнь, а на смерть; отчаяніе придастъ силы гонимымъ, какъ ни мало у нихъ этихъ силъ и какъ ни ждуть они своего пораженія. Поляки ловко бьютъ ихъ; они ихъ обвиняютъ въ враждебности къ либеральнымъ яврамъ, предложеннымъ сеймомъ. Мѣры эти состоятъ въ ослабленіи *фактически* вліянія духовенства подчиненіемъ его (польскимъ) помѣщикамъ и въ введеніи уѣздныхъ думъ (рада повѣтова), изъ которыхъ должны исходить всѣ законы и всѣ мѣстные постановленія, а въ этихъ думахъ треть членовъ будетъ изъ крестьянъ (русскихъ), треть изъ горожанъ (поляковъ и ихъ орудія — евреевъ), и треть изъ помѣщиковъ (поляковъ), такъ что всякія *антиисторическія* попытки противъ поляковъ и высокой польской цивилизаціи, стремящейся къ объединенію въ колонизмъ и въ латинизмъ всего населенія Рѣчи-Посполитой, будутъ разрушены. Что дѣлалось прежде — дѣлается и теперь; ничто не забыто, ничему не научились. Во имя либерализма, крестьяне просили на сеймѣ, чтобъ имъ отдали лѣса и выгоны, въ этомъ имъ двѣ трети польскаго большинства на сеймѣ отказало, а самоуправленіе подъ преобладаніемъ шляхты и мѣщанства ввели, тогда какъ этого-то именно самоуправления и боится народъ. Польша несостоятельна именно, вслѣдствіе своихъ экономическихъ и политическихъ догматовъ, и я былъ правъ, когда нѣсколько дней назадъ, писалъ вамъ, что именно здѣсь можно видѣть, почему въ XVIII вѣкѣ, и православные, и униаты одинаково зывали къ Россіи съ просьбою о помощи. Россія старыхъ годовъ была, правду сказать, вовсе не привлекательна; knut moskiewski дѣйствительно былъ властью предержавшею, но кнутъ, все-таки, казался лучше шляхетства, потому что изъ-подъ кнута видѣлась нынѣшняя, хоть и неполная покуда, Россія, а изъ шляхетства ровно и ничего не вышло, кромѣ шляхетства. Польская литература не бѣднѣ нашей; поляки, благодаря эмиграціи, ближе насъ могли изучить учрежденія и бытъ Европы и Америки; науки ихъ никакая цензура не липала — и вотъ, че-

резъ это безъ малаго дѣтъ, сеймъ ихъ и стремленія ихъ тѣ же, что были. Русь не Moskwa, другое племя, другой языкъ, другая вѣра, говорятъ они — Русь ближе къ Польшѣ, чѣмъ къ *Moskwie*; допустимъ что все это такъ. Но Русь тянется къ *Moskwie* или *состоитъ въ подозрѣніи*, что потянется къ ней — и вся задача польской цивилизаціи состоитъ въ предотвращеніи этого *яла*. Что изъ этого выходитъ? De jure Польша и Русь — народности равноправныя: каждой предоставлено право развиваться какъ ей угодно; de facto возникаетъ необходимость възыскательства Польши во всѣ дѣла Руси, въ ея вѣру, языкъ, азбуку, костюмъ, литературу. Фаталистическая несостоятельность польскаго государства вынуждаетъ его къ насиліямъ надъ всѣмъ, что не приняло католической вѣры и не заговорило по-польски, и крики поляковъ, что мы не русскіе, а татары. желаніе ихъ, чтобъ мы въ Сибирь ушли, имѣютъ полный смыслъ, потому что Русь къ намъ тянется и вѣрою (хоть бы униатскою), и языкомъ, и преданіями. Да, — здѣсь разыгрывается теперь пятый актъ этой кровавой драмы...

Церковь хотя бы они построили подлѣ Народнаго Дома, да денегъ нѣтъ, а церковь должна бы у нихъ выйти на славу. По плану и по смѣтѣ, она будетъ стоить 70,000 гульденовъ одной каменной работы, безъ иконостаса и утвари, которые обойдутся тоже тысячь въ семьдесятъ гульденовъ. Видѣлъ я у нихъ планъ этой церкви — совершенно русскій; такая церковь и въ Москвѣ и въ Петербургѣ была бы не изъ послѣднихъ, по красотѣ архитектуры. Созданію этой церкви они придаютъ большую важность, потому что она, эта церковь, воздвигнутая въ ополченномъ Львовѣ, будетъ служить знаменемъ русской народности: о ней всѣ здѣсь, въ Галичинѣ, мечтаютъ, восемнадцать лѣтъ готовятся построить, но средствъ нѣтъ. Всѣ разорились на школы, на бурсы, ни у кого наличности нѣтъ. Мы, русскіе, въ Россіи, могли бы помочь, но мы косо смотримъ на этихъ *униатовъ*, отступниковъ отъ православія, *ренегаговъ*, потому что мы знаемъ все, кромѣ того, что творится на Великой Руси. Вольному воля, спасенному рай! Изучивши этотъ край, я смотрю совершенно иначе на унию и *прошу редакцію «Голоса» удержатъ изъ моего гонорарія 10 рублей серебромъ* на постройку въ Львовѣ *поганой* униатской церкви, церкви, въ которой будутъ служить ксендзы латинскіе проповѣдывать, въ которой будутъ служить бритые и стриженные священники, въ которой папу

будутъ поминать. Я бросаю ленту — и всякому искренно православному совѣтую отъ чистаго сердца послѣдовать моему при-
мѣру. Съ униатами, невинными орудіями Рима, только одна по-
литика возможна — политика всезабвенія и всепрощенія. Помо-
жемъ имъ въ чемъ возможно; христіанская любовь сильнѣе вси-
кихъ лжеученій.

Казино «Народнаго Дома», гдѣ я бываю каждый вечеръ безъ
исключенія, гдѣ я совершенно освоился, гдѣ даже хромоу Осипъ,
состоящій въ должности полового, ознакомился со мною и улы-
бается мнѣ обѣими своими бакенбардами — заведеніе чрезвычай-
но оригинальное. Три комнаты въ немъ: первая — бильярдная,
вторая — читальня, третья — такъ себѣ. Сбѣжаться начинаютъ въ
казино около пяти часовъ вечера, читаютъ, разговариваютъ,
играютъ въ карты и на бильярдѣ... какъ достался имъ этотъ
бильярдъ, опять цѣлая исторія, которую расскажу послѣ; а имъ
чуть не все казино держится. Вотъ двѣ недѣли, что я каждый
вечеръ сряду сидѣлъ въ этомъ казино, и все, что могу сказать
о немъ, что я нѣ въ одномъ вѣдѣ не встрѣчалъ такого *брат-
ства, равенства и свободы* между посѣтителями, какъ здѣсь. Ди-
ректоръ гимназіи и учитель приходскаго училища, соборный
протоіерей, членъ консисторіи, и деревенскій попъ, надворный
(по нашему тайный) совѣтникъ (hofrath) и писецъ въ его же
канцеляріи — всѣ здѣсь равны. Ихъ связываетъ одно чувство, од-
на мысль — что всѣ они, безъ исключенія, русскіе, что каждый
шагъ ихъ долженъ быть въ пользу Руси, и что каждый про-
мотанный крейцеръ есть крейцеръ украденный у народа рус-
скаго. Въ средѣ этихъ людей, волею-неволею, болѣе и болѣе
начинаешь любить Россію, цѣнить свои силы и понимать, что
русскій народъ, при всѣхъ его племенныхъ особенностяхъ и
нарѣчіяхъ — одинъ и тотъ же народъ, несмотря на унию, на
старообрядчество, молоканство, хлыстовство, на *кацанство* и
на *зохольство*.

ХЛОПЫ.

I.

ри недѣли слишкомъ я ничего не писалъ вамъ, потому что у
меня времени не было. Я все ѣздилъ да ѣздилъ вдоль и по-
перекъ Галичины, ѣздилъ на еврейскихъ бричкахъ и фурахъ,
ѣздилъ на крестьянскихъ возахъ, ѣздилъ по желѣзной дорогѣ;
ѣздилъ съ попами, съ попадьями, аптераторами и семинариста-
ми, покуда, въ одно прекрасное утро, наканунѣ димитрова дня,
не поѣхалъ совершенно неожиданно по Карпатамъ съ двумя
жандармами и не очутился подъ арестомъ въ волостной тюрьмѣ
Печенѣжинской волости, Коломыйскаго Уѣзда. Четыре дня си-
дѣлъ я въ этой тюрьмѣ, покуда съ меня снимали протоколъ;
покуда телеграфировали обо мнѣ Голуховскому и, когда испи-
салась навѣрно цѣлая стопка бумаги о моей личности и о си-
мѣреніяхъ — пришло рѣшеніе выпроводить меня за границу подъ
административнымъ надзоромъ, на мой собственный счетъ, что
и исполнено въ настоящее время въ точности, и я со вчераш-
няго вечера нахожусь въ Ясахъ, откуда и буду протестовать
противъ графа, неимѣвшаго никакого права поступать со мною
такъ невѣжливо. Я могъ бы и въ Печенѣжинѣ сдѣлать протестъ
и взять адвоката, но тогда мѣсяца два пришлось бы мнѣ про-
сидѣть въ комнатѣ моего тюремщика Яна и унимать его четве-
рыхъ дѣтей моею напирсницей, давая имъ играть ею, въ на-
граду за некричанье — что, согласитесь, не совсемъ пріятное пре-
провожденіе времени. Лучше жъ я пробуду эти два мѣсяца здѣсь
и тѣмъ временемъ изучу или постараюсь изучить эту Молдавію,
которая намъ, какъ все, что у насъ подъ носомъ, совершенно
неизвѣстна. Мы мѣшаемся въ дѣшніи дѣла, путаемся въ нихъ
какъ въ лѣсу, навлекаемъ на себя нареканія, а дѣла, все-таки,
только не знаемъ, чѣмъ и возбуждаемъ въ дѣшникахъ жите-
ляхъ симпатію къ Австріи и Франціи. Когда я кончу писать о

Галичинѣ, я напишу вамъ нѣсколько писемъ о Молдавіи, въ которыхъ передамъ всю правду о ней, какая бы то правда ни была, пріятная или непріятная. Я одинъ шнырю по этимъ глухимъ и невѣдомымъ закоулкамъ Европы, которые несравненно полезнѣе знать и понимать, чѣмъ то, что творится въ Бельгіи или на Рейнѣ. Пускай меня принимаютъ за правительственнаго агента — съ правительствомъ у меня нѣтъ ровно никакихъ связей — я путешественникъ по страсти, по специальности; меня никто не посылалъ — я изучаю эти заголустыя какъ ботаникъ новые виды растений, изучаю сравнительно, потому что я много уже видѣлъ и могу сравнивать, и переходя изъ панскихъ хоромъ въ тюрьму и изъ тюрьмы въ отель, разумѣется, знаю много такого, чего никто еще не знаетъ. Мнѣ каждая дверь открывается, каждый придетъ исповѣдовать мнѣ свое горе, свои надежды, свои политическія стремленія, и мало связей и дорогъ, которыхъ бы я не зналъ и не узналъ. Политическихъ русскихъ агентовъ нѣтъ — я могу завѣрить въ этомъ графа Голуховскаго и Комп. *Русскій шпiонъ и русскіе рубли* — выдумка польскихъ шляхтичей, которые дальше своей Коломыи ничего не выдали — *бука*, которымъ пугаютъ дѣтей, *домовой*, отъ котораго отрицается набожная помѣщица — призраки, ясновельможный пане. Гдѣ эти шпiоны? поймали ли хоть одного шпiона? Развѣ тотъ деревенскій учитель, который недавно высидѣлъ *семнадцать дней* въ тюрьмѣ, въ самомъ Львовѣ, за то, что давалъ въ корчмѣ размѣнять *рубли*? Сдѣлано было слѣдствіе — и что жъ по этому слѣдствію оказалось?... Австрійское правительство завтра можетъ перерыть сундуки у всѣхъ своихъ подданныхъ, и если хоть въ одномъ изъ нихъ найдутся рубли, происхожденіе которыхъ объяснить трудно, или хоть одну переписку съ русскимъ правительствомъ — я сейчасъ же ѣду въ Австрію, и пускай меня сажаютъ на всю жизнь въ Шнильбергъ. Я предлагаю графу пойти на это пари; графъ отъ этого ничего не потеряетъ, какъ и не заплатитъ мнѣ ничего за мои часы, за шубу, которые я долженъ былъ продать, захваченный врасплохъ его административною дѣятельностью: мнѣ вѣрно было ѣхать на мой счетъ и платить *amtsdiner* амъ (канцелярскіе сторожа) за ихъ прозвѣдь.

Русскіе шпiоны въ Австріи идутъ не изъ Петербурга — не рубли русскіе вина всѣхъ золъ: *двадцать пять* палокъ, которые, ни за что, ни про что, отсылаютъ хлопамъ въ каждомъ *bezirk* въ

не считая тѣхъ палокъ и зуботычинъ, которыми каждый войтъ надѣляетъ ихъ à discretion, по своему усмотрѣнію.

— Чого жъ вы, пане, ѣздите по свѣту? спрашивали меня хлопы: — чого вы сюда къ намъ заѣхали?

— Васъ, добрые люди, хочу посмотрѣть, какъ вы живете...

— Какая жъ вамъ, пане, корысть смотрѣть на нашу бѣду: заплатитъ вамъ кто за это?

— Книгу напишу я о васъ, такую великую, съ картинками, мнѣ ужъ вырѣзываютъ ихъ. Ваши шапки, ваши свиты, хаты, церкви, все, все, что у васъ есть — все напишу, продамъ, гроши заработаю — а о васъ цѣлый свѣтъ будетъ знать.

— Цѣлый свѣтъ! Ой, якій же вы добрый, пане, най (*нехай* — пусть) же вамъ Панъ Бѣгъ поможе! Напишите, пане, что мы бѣдуемъ, такъ бѣдуемъ, что и сказать нельзя. Може *другой монархъ* придетъ; тогда лучше будетъ.

— Что вы, человѣче, такое говорите! Развѣ можно такое говорить? Вашъ *царь* добрый человекъ.

— Добрый, пане; какъ же не добрый! да онъ бѣдный про насъ ничего не знаетъ: ляхи не допускаютъ его до насъ. Мы уже всякую надежду на него потеряли; може русскій настанетъ... Съ нашего села былъ одинъ хлопъ въ Москвитинъ; сказываютъ, тамъ не бьютъ палками, тамъ царь поотбиралъ у поляковъ лѣса и пасовиски (выгоны) и хлопамъ отдавалъ, и тамъ судъ хорошій, и тамъ подачей вдвое меньше нашего платять.

— Ну, оно, пожалуй, и правда, только вамъ, человѣче, не подобаетъ такъ говорить о нашемъ царѣ. Въѣдъ бѣда будетъ, если кто донесетъ.

— О! най буде — я ничего ужъ не боюсь; хуже того, какъ теперь, не можетъ быть. Прежде тамъ за кордономъ (за границею, въ Россіи) хлопъ намъ завидовалъ, что у насъ добрые попы, отъ папщины насъ освободили, и хотѣли они подъ нашего Царя достаться — а теперь ихъ Царь лучше для нихъ сдѣлалъ, чѣмъ наши попы; лѣса и пасовиски имъ отдавалъ: такъ они теперь насъ зовутъ подъ русскаго Царя. Слушайте, пане, напишите все, что я вамъ говорю; я бѣдный, слѣпой человекъ, и всѣ мы хлопы бѣдные и слѣпые люди, а каждый хлопъ вамъ тоже скажетъ. Пусть весь свѣтъ нашу бѣду знаетъ, пусть всѣ цѣсари, крули знаютъ, каково намъ здѣсь жить, и пусть русскій Царь придетъ, прогонитъ поляковъ, нѣмцовъ и жидовъ отъ насъ; а мы бѣдные, слѣпые хлопы, ничего сами сдѣлать

не можемъ, и согласія между нами нѣтъ. Напишите, пане, не забудьте.

И нужны тутъ шпионы, рубли, чтобъ привлечь этихъ слѣпыхъ къ Россіи? Моральное вліяніе русскаго государства, его сила, его жизненность влекутъ къ нему славянъ—а тутъ гонятся за призраками шпионовъ и агентовъ!

Утро; тяжелыя снѣговыя тучи висятъ на небѣ; холодъ до костей пробираетъ. Кучка моихъ товарищей-арестантовъ прижалась къ забору нашей тюрьмы и смотритъ въ щель, что на улицѣ дѣется. Смотрю и я—что жъ мнѣ дѣлать, если не смотрѣть? Кто не смотритъ, тотъ ничего не увидитъ.

Глухое, сдавленное рыданіе раздается въ толпѣ; одинъ арестантъ отдѣляется отъ кучки и съ плачемъ мечется по тюремному коридору.

— То что такого? спрашиваю я.

— Донька (дочка) у мене, пане, помирае.

— Съ голоду, комментируетъ другой арестантъ спокойно, безстрастно, какъ будто дѣло идетъ о мухѣ, а не о человѣческомъ существѣ.

— Баба изъ ихъ села сейчасъ сказала, вонъ та баба, что пошла...

— А если донька моя умереть, то и двое другихъ моихъ дѣтей умрутъ—она у меня старшая въ домѣ, а жонка у меня ужъ не ма, въ холеру умерла. Ой бѣда моя, бѣда моя!..

Страшно слушать какъ хлопъ рыдаетъ, и трудно мнѣ рассказывать это. Грудь сжимается у меня, слезы на глазахъ, бумага моя темнѣетъ, когда я это пишу, и грудь неровно движется. О вы, бѣдные Грынѣки, Грицѣки, Пяѣки, вы не прочтете моихъ строкъ, вы не будете знать, сдержалъ ли я свое обѣщаніе, что буду писать о васъ; а я пишу, какъ мнѣ это ни тяжело, и выдѣтъ въ свѣтъ книга, выдѣтъ съ картинками, и я постараюсь, чтобъ она была переведена на другіе языки, чтобъ знали люди ваше горе, вашу слѣпоту. Вы же, изъ вѣрности вашему цѣсарю, арестовали меня и даже убили бы, еслибъ не были жандармы въ вашемъ селѣ Акреншорахъ, на карпатскихъ вершинахъ. Перечеркнутую бумагу, вы, бѣдные, приняли за планъ вашихъ селъ, планъ Вѣны за карту горъ вашихъ, бинюкъ за подзорную трубу, которая на *двадцать миль бере*, фотографическій аппаратъ за инженерный. Вы блѣднѣли при видѣ моей чернилъницы, перьевъ, конвертовъ, и рылись въ моихъ

карманахъ, отыскивая револьверовъ, писемъ, рублей московскихъ. Будьте жъ вы всегда такъ вѣрны вашему цѣсарю, какъ и васъ видѣлъ, ждите молча, пока настанутъ лучшія времена...

— Та я жъ не розумѣю, человекѣ, якъ же то ваша донька съ голоду умирае.

— Мене, пане, арестовали въ лѣсу, когда я у цѣсари лѣсъ крадъ, не дали мнѣ домой сходить, у сусѣдей или у жида выпросить чего для дѣтей, привели сюда, замкнули. Ой, бѣда, овда!!!

— Такъ слушайте жъ, не можно кого тамъ найти зъ вашего села и послати дѣтямъ?

— Грошѣвъ, я, пане, не маю—я бѣдный человекѣ.

— Правда, отозвался мой колеги:—бнѣ грошѣвъ не мае. бнѣ дуже бѣдный.

Раскошелился я... Пусть не сердятся на меня исновѣдомые паны: я могу быть самымъ проклятымъ москалемъ, но я, все-таки, не виноватъ, что у меня въ груди хоть и чуждое, но не злое сердце. Даже котъ тюремщика, еслибъ понималъ о чемъ идетъ дѣло, удѣлялъ бы помысли для спасенія дѣтей несчастнаго.

Хлоповъ приводили и уводили изъ тюрьмы безъ конца. Къ нимъ приходили ихъ родные, пріятели, съ ними покалябать, заарестованнаго пана посмотреть.

— Зачѣмъ же этотъ человекъ у цѣсари лѣсъ крадъ? спрашиваю и ихъ.

— Та бнѣ, пане, може десятый разъ за лѣсъ спитъ...

— Бойтесъ же Бога, человекѣ; такъ не слѣдуетъ дѣлать.

Арестантъ понурилъ голову. Хлопство засмѣялось, засмѣялся какой-то еврей, пришедшій еще разъ поторгаться съ хлопомъ, его должникомъ, который тоже сидѣлъ съ нами.

— А гдѣ жъ онъ дровъ возьметъ? спросилъ онъ меня, тыча пальцемъ въ несчастнаго.

— Гдѣ люди берутъ.

— Люди покупаютъ, а у него такъ мало земли, что купить не на что дровъ. Ну, онъ и крадетъ. Ну, и какъ же онъ не будетъ красть, если дома надо печь затопить? Дѣтей заморозить? Ну! и панъ пошолъ бы красть лѣсъ, еслибъ пану было холодно, и у пана были бы дѣти, и у пана не было бы денегъ?

— Онъ крадъ, пане, отозвался одинъ старикъ:—чтобъ жи-

ду долгъ заплатить; грошей у него нѣтъ, такъ онъ платитъ дровами.

— Ну, чтѣ жъ? продолжалъ еврей: — ну и чтѣ жъ? А откуда еврей дрова возьметъ! Ну и чтѣмъ же ему хлопу заплатить долгъ? — Може пану чего купить нужно, или продать; я знаю, пана денегъ нѣтъ...

— Нѣтъ, поворно благодарю покуда.

— Сюртукъ, брюки, часы, полость, пледъ...

— Ничего рѣшительно.

— Какъ панъ хочетъ, а не то я всегда готовъ съ паномъ *geschäft* сдѣлать...

— Ой пане, пане! Бѣдуемъ мы бѣдуемъ. Будете, пане, писать о насъ, расскажите всѣмъ, пане, какъ мы бѣдуемъ. Подати у насъ большія: дерутъ, дерутъ, со всего дерутъ, а тутъ еще неурожай былъ, можетъ десятый изъ насъ съ голоду умеръ!

— Съ голоду? Да вѣдь вамъ цѣсаръ далъ денегъ въ помощь.

— Поляки, пане, раздавали деньги, а развѣ они знаютъ правду!.. Тошася-тошася хлопу съ голоду, потомъ вдругъ пухнуть начесть, свалится и умереть гдѣ-нибудь подъ заборомъ, какъ пѣсъ.

— И вы не помогали другъ другу?

— Гдѣ намъ, пане! Теперь помежи нами, съ тѣхъ поръ какъ жида сюда понабрались, согласія нѣтъ, хлопу хлопу крейцера не дастъ. Ой, такъ, такъ! хлопы мы дурные (глупые), слѣпые; ничего не знаемъ, ничего не умѣемъ и жида запановали надъ нами. Идетъ, пане, хлопу до жида, кланяется ему, проситъ дать ему въ долгъ; жидъ дастъ ренскій (гульденъ), велитъ черезъ мѣсяцъ два принести, или на шесть ренскихъ хлѣбомъ ему отдать. Такъ у насъ идетъ. Прошелъ срокъ — хлопу заплатить нечѣмъ, жидъ забираетъ у него скотину, хату, землю...

— Да вѣдь у васъ не вольно жидамъ покупать землю?

— Не вольно, пане, да жидъ мудрый, а хлопу слѣпой. Жидъ купитъ землю на лицитаціи (аукционѣ), или и такъ заберетъ на имя другаго хлопа; чтѣ жъ я съ нимъ подѣлаю?

— Ну, и будетъ жидъ самъ землю орать, какъ вы?

— Гдѣ жъ тамъ, пане! жидъ развѣ хлопу? Жидъ — жидъ. Онъ тому самому, у кого отнялъ землю, опять ее отдастъ

только на аренду, и тотъ будетъ на него работать всю свою жизнь.

— Да вы бы, люди, межъ собой какъ-нибудь это устроили, вѣдь передъ Богомъ грѣхъ такъ бѣдовать!

— Слушайте, пане, сказалъ мнѣ одинъ товарищъ: — мы такой народъ. Захочетъ вотъ этотъ хлопу купить у меня мою *шутку* (шапку) и будетъ мнѣ давать за нее ренскій — я ему не продамъ; а жиду сейчасъ отдамъ за полренскаго.

— Да отчего же такъ?

— Такой мы народъ, пане; такъ идетъ у насъ.

— Ой, такъ, такъ, пане; такъ идетъ у насъ.

— Ой, такъ, такъ, добрые люди; такъ идетъ у васъ. Ой, такъ, такъ!!!

Ночь; ни звѣздъ, ни мѣсяца. Я вду — со мной сидитъ хлопу. Какое-то село, огоньки свѣтятся въ окнахъ хатъ.

— Не спите, пане?

— Нѣтъ, не сплю.

— Бѣда вамъ, пане, ночью...

— Какая бѣда?

— Вы прѣехали смотрѣть нашъ край; ночью ничего не видно.

— Правда, что бѣда.

— А замѣтили ли вы, пане, что у насъ въ старыхъ хатахъ окна такія маленькія, что человѣку въ окно не влѣзть; а въ новыхъ окна большія, и человѣкъ влѣзетъ въ окно?

— Ну, еслибъ вы не сказали, я бы незамѣтилъ. Отчего жъ это такъ?

— Панъ поднесетъ въ корчмѣ горѣлки?

— Распопѣдайте, я поднесу.

— Мудрый вы панъ, горшки наши осматрѣли, по сподницамъ нашихъ бабъ и по ручникамъ и по носамъ нашимъ, какъ по книгѣ читаете, какіе народы къ намъ приходили, а слышали ли вы про *панцину*?

— Слышалъ. Теперь восемнадцать лѣтъ, что васъ освободили.

— Такъ, пане; вы все знаете; такъ слушайте же: тогда надъ нами были *атаманы*, хлопы такіе жъ, какъ мы, и они гоняли насъ на панцину. Три дня въ недѣлю работали мы на пановъ, а три дня на себя. Опоздастъ человѣкъ на панцину хоть пол часа, еще день въ недѣлю будетъ работать, а задолжалъ пану, то и пять и шесть дней работалъ.

— Такъ и вездѣ было?
— Не знаю того. Работали мы, а атаманъ стоялъ надъ нами съ нагайкою и постегивалъ.

— Хлопъ хлопа?

— Хлопъ хлопа, пане, постегивалъ, потому что еслибъ онъ не сталъ постегивать, то эконому панскій, или арендаторъ, или посесоръ позвали бы панскихъ *гайдуковъ*, и дали бы атаману двадцать, тридцать и сорокъ нагаекъ.

— Какія жъ такія нагайки эти были?

— А такія, пане, какъ мой бичъ, только ручка очень очень коротенькая, а ремень длинный, въ человѣка будетъ длиною, плетённый, съ узелкомъ на концѣ. Вотъ что у насъ было.

— Ну, а окна?

— А окна, пане, дѣлались маленькія для того, чтобъ ни атаманъ, ни гайдуки не влѣзли въ хату. Хлопъ провинится и убежитъ, и скоронится въ хату, заперъ дверь — вотъ никто и не войдетъ къ нему — не будутъ же стрѣху разбирать! А тѣмъ часомъ кто-нибудь изъ его родныхъ проситъ за него пана или тамъ эконома, и выпроситъ. Такъ для того въ старыхъ хатахъ маленькія окна, что панскіе гайдуки разбойничали по ночамъ и въ окна влѣзали. И еще для того окна маленькія, что, бывало, хлопъ провинится или задолжаетъ пану, панъ и велитъ вынуть у него окна: а зима, а дѣти — бѣда. Вотъ, хлопъ и дѣлалъ маленькія окна, чтобъ если и вынуть, то не будетъ большаго разоренія, и заткнуть всегда можно. Ой такъ, такъ панс, была у насъ панщина!..

— Ну, а теперь что жъ гайдуки?

А теперь, какъ панщины нѣтъ и гайдуковъ нѣтъ — мало у котораго пана есть два-три. Паны теперь разорились въ конецъ: позадолжались жидамъ все равно, какъ мы, люди.

Не втрять хлопъ, что панщина навѣки сгинула. «Буде Польша, буде й панщина», твердятъ они. Освобожденіе не дало имъ ни лѣсовъ, ни выгоновъ; хату затопить нѣтъ, скотину нѣкуда выгнать — и приходится работать на пана. За кордономъ, говорятъ они, лучше: тамъ Царь отдалъ хлопамъ все, что у нихъ было и гдѣ они работали. Тамъ Царь такъ сдѣлалъ, что изъ котораго пруда хлопъ во время панщины рыбу крали — и тотъ прудъ теперь ихъ, на которой мельницѣ хлѣбъ мололи — ихъ та мельница... Они это знаютъ отъ закордонныхъ, которые теперь не нахвалятся своимъ житьемъ-бытьемъ.

Лѣса и пасовиски, лѣса и пасовиски! только и слышите вы отъ галицкаго народа. Поляки не дають имъ ничего, потому что ~~мы~~ на нихъ за разореніе, потому что сами окончательно разорятся, если сдѣлають имъ еще уступку, а разорись поляки — и пропала Польша. Но она и такъ пропала — уже болѣе половины панскихъ имѣній перешло въ руки армянъ, евреевъ и ~~и~~ цыгъ.

— Это костель? спрашивалъ я разъ съ двадцать, когда пролѣзжалъ мимо какой-нибудь церкви. Церковь можно всегда почти отличить отъ костела по ея малорусской архитектурѣ, по ея бѣдности и старости.

— Костель, пане. Мы вѣжемо церковь.

— Какъ церковь? какая же это церковь?

— Такая, пане, наша, русская, куда мы, хлопъ, русины, ходимъ.

— Не зналъ я, что у васъ вѣра русская. Какая жъ она у васъ вѣра — та самая, что за кордономъ?

— Ну, ну, вотъ, пане, та самая.

— Да вѣдь вы уніаты?

— Нѣ, пане, русины.

Вотъ и толкуйте съ ними! Они даже существованія уніи не подозреваютъ. Только одинъ отставной солдатъ, желая блеснуть своимъ бывальствомъ на свѣтъ, сказалъ мнѣ, что вѣра у него русская, а *языкъ уніатскій*. Когда присоединится Галичина къ Россіи, унія въ одинъ день исчезнетъ. Священникъ запуститъ бороду, выкинетъ изъ символа вѣры *и отъ сына*, изъ церкви выкинетъ колокольчикъ — исправитъ мелочи въ обрядахъ, и хлопъ, все-таки, не будетъ знать, что онъ перешелъ на православіе, будетъ себѣ твердить попрежнему, что онъ русской вѣры.

— Москалей видѣли?

— А, пане, видѣли! то *тверда вѣра, твердис нашей*. Посты строго наблюдаютъ, молятся. У насъ на селѣ есть хлопъ; былъ онъ лѣтний до церкви и случилось, что поставили ему тогда на постой москаля: это когда москаль, дай имъ Боже здоровья, ходили нашего Цѣсари спасать отъ венгровъ и отъ поляковъ. Встаётъ утромъ москаль, вычистилъ амуницію, хочетъ на службу божію (къ обѣднѣ) идти и спрашиваетъ хозяина, чего тотъ не собирается. А тотъ съется: чего, говорятъ, я пойду — это все глупость, попы выдумали, чтобъ народъ обдирать. Какъ

услышалъ это москаль, какъ взялъ хлопа за шиворотъ, какъ отвозилъ тесакомъ — и повелъ въ церковь. «Молись, говоритъ, ты, хохолъ, дурень, не смѣй разсуждать!» Вотъ, пане, тому ужъ скоро двадцать лѣтъ теперь будетъ, какъ москали ушли отъ насъ, а этотъ человекъ съ тѣхъ поръ ни одной службы божіей не пропускаетъ. Твердая вѣра у москалей, твердаше нашей?

— И ходили они въ ваши церкви?

— А какъ же не ходили! Съ нами вмѣстѣ ходили. Одна вѣра, только твердаше у нихъ, они насъ набожнѣе.

Робокъ хлопъ; смиренъ какъ курица, этотъ хлопъ: вланыется низко — загребетъ шапку въ руку и все ее къ землѣ и къ вашимъ ногамъ подсовываетъ. Пройдите мимо ихъ — вскочатъ и побѣгутъ къ вашей рукѣ — такъ ни съ того, ни съ сего, просто изъ подобострастія. Побитый, задавленный, пятьсотъ лѣтъ пробывшій подъ гнетомъ польской и своей шляхты, лишенный даже собственной исторіи, онъ помнитъ только татарщину и панщину, гнется въ три погибели и, какъ все безсильные и безхарактерные, становится жестоко и неумолимо, если власть попадаетъ въ его руки. Я это на войтахъ и на дворникахъ видѣлъ, то есть, на старостахъ (въ Галичинѣ говорятъ *войта*, въ Буковинѣ *добринка*). Помните вы гоголевскихъ войтовъ и головъ. Вотъ они — живьемъ передъ вами, съ палкою въ рукахъ, съ арестантами, съ воишми самонаправствомъ и съ воспоминаніемъ, что онъ или царицу возилъ, или съ Голуховскимъ разговаривалъ. Чуть онъ почуветъ за собою власть и опору — нѣтъ границы его нахальству, а одинъ онъ ни на что неспособенъ — доказательство въ томъ, что между ними нѣтъ купцовъ: купцу надо уметь и смѣть разсчитывать на свои собственные силы. Нѣтъ, — въ Турціи болгаринъ или сербинъ далеко не такъ подавленъ, какъ эти *русини* и *руснаки*. Въ Турціи былъ разбой, а здѣсь была панщина, первообразъ нашей барщины. Въ Венгріи было лучше, и тамъ народъ бодрѣ смотритъ и предприимчивѣе. «Я плохо понимаю Россію и тамошнюю жизнь», сказалъ мнѣ одинъ священникъ. «Мнѣ дико себѣ представить, что названія улицъ написаны по-русски, вывески на присутственныхъ мѣстахъ по-русски, по-русски военная команда, въ церкви стоятъ генералъ и молится; но все это я еще кое-какъ могу вообразить себѣ; зато, воля ваша, я никакъ не могу понять, что купецъ, фабрикантъ, могутъ быть русскими — это ужъ выше моихъ умственныхъ способностей!» Вотъ до чего дошли галичане или, лучше

сказать, до чего довели ихъ паны и евреи. А было и у нихъ свое купечество — это лѣтописи и акты говорятъ.

Ходитъ хлопъ, пьетъ, вланыется и ненавидитъ молча своихъ учителей — поляковъ и евреевъ. У него одна мечта, одна мысль, одно стремленіе — избавиться отъ поляка и отъ еврея, и онъ ни за что принятъ не хочетъ, ожидая, когда наступитъ этотъ желанный часъ. Въ холеру мерли они какъ мухи, и радовались, какъ только ненавидящій можетъ радоваться, что и еврей мрутъ также сильно. Найдись у нихъ предводитель — не успѣетъ правительство ахнуть, какъ ни поляковъ, ни евреевъ не останется въ Галичинѣ — такъ насолили паны и корчмари. Но предводителей у нихъ нѣтъ, потому что нѣтъ ни у кого предприимчивости, потому что они вмѣстѣ держатся не умиютъ. Самые ихъ села поражаютъ своимъ безсильемъ: тамъ хата, тутъ хата, безъ общей улицы, безъ общаго плана. Сравните ихъ село съ великорусскимъ, словацкимъ или чешскимъ, и вы поймете великую силу нашего *міра* или *круга* въ сравненіи съ этою распутившеюся и расплзающеюся *громадою*.

Олегъ навѣрно не безъ причины перебрался съ сѣвера на югъ и промѣнялъ Новгородъ на Кіевъ. У великорусовъ было трудно хозяйничать варягамъ: великорусы звали ихъ дѣло дѣлать, суды ридити, княжити и володѣти, а не удалъ показывать. Великорусы призывали варяговъ и, потому, считали себя вправе проверять ихъ дѣйствія: они смотрѣли на нихъ, какъ старообрядцы на своихъ духовныхъ владыкъ — какъ на неизбѣжное зло, какъ тяжущійся смотритъ на своего страпача. Олегъ подумалъ, подумалъ, да и перебрался въ Кіевъ, а въ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ уже цинуютъ надъ хлопамъ — по шапкѣ ихъ! Пока собирались громады, пока войты съ присяжными скликали людей, пока люди лапти надѣвали, да потомъ думали, да ничего не рѣшали, да захотѣли посмотреть, что дальше будетъ, *яки вони вражи варяги фили будуть показувати и що зъ того всего буде*, а Олегъ объявилъ Кіевъ матерью городовъ русскихъ и пошелъ завоевывать всякихъ витичей да радимичей, древлянъ и бужанъ, и Цареградъ повоювалъ, и устроилъ дѣла, какъ только умный Карлъ Карловичъ уметь устроить. Вотъ *«откуда пошла есть русская земля»* — отъ безсилія хохлацкаго. Укрѣпилась она гайдамацкимъ нападеніемъ на Игоря, отчего Ольгѣ понадобилось усилить войско и надзоръ, окрестилась по волѣ Владиміра да его бояръ, вѣроятно, такихъ же войтовъ, и

пошла себѣ жить да поживать, пока не пришли татары и пока великорусы въ Суздали, во Владиміръ, въ Москвѣ не взялись за умъ и, къ ужасу удѣльныхъ князей, не стали распространять межъ купечествомъ и боярствомъ «московское согласіе единого православнаго толка» — о собираніи земли. А Южная Русь съ своею нервшителностью, съ своимъ выжиданьемъ, да почесываньемъ чубовъ, пошла гулять въ Литву, въ Польшу, въ Австрію, къ панамъ, жидамъ, изрѣдка отзываясь гайдамачинами и *утопалъ въ Сѣчи*, которая поевала-поевала и ничего не завоевала, тогда какъ такая же бѣглая Волга, уходя отъ бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, шла-шла и дошла вплоть до Канады.

Что такое было малороссійское казачество? — раздраженное хлопство, подъ предводительствомъ Хмельницкихъ, усвоившихъ себѣ польскую удалъ и польское неумѣнье что-нибудь прочно и толково устроить. Шестидесять лѣтъ прошло отъ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ, и стѣбло Петру арестовать войсковыхъ старшинъ, чтобъ казачество потеряло всякую силу, потому что малорусъ шагу не можетъ ступить безъ предводителей. Стѣбло захотѣлъ Екатеринъ — и вѣршное право явилось. Читайте исторію уни и особенно Конисскаго: — отчего они, эти бѣлорусы и малорусы сами не перевѣдались съ Польшею, сами не стряхнули ея ига? Стѣбло Конисскому воззваніе къ своей пастѣ сдѣлать, и былъ бы Польшѣ конецъ безъ иностраннаго вмѣшательства. Нѣтъ, онъ писалъ въ Россію, ждалъ, раздумывалъ, соображалъ, каждый шагъ разсчитывалъ; а поляки, между тѣмъ, тысячами переводили хлоповъ въ унию, били его священниковъ, замыкали церкви, отбирали монастыри, и не будь поляки безтолковы, не приглашай они сами иностранцевъ мѣшаться въ ихъ дѣла — не только православія, даже уни не было бы теперь въ земляхъ Рѣчи-Посполитой. Рѣчи-Посполитая цвѣла бы да процвѣтала, а русскіе въ ней, не только шляхта, но даже хлопья, были бы давно католиками 84-й пробы. Правду смѣются надъ мазуромъ, что *слыной мазуръ подъ темною звѣздой родился*: его доля дѣйствительно незавидна. Тысячу лѣтъ сряду выкидываетъ онъ изъ себя шляхту, пана, поляка, а самъ ничему не научился, ни впередъ не пошелъ, даже народныхъ пѣсенъ почти вовсе не имѣетъ; себѣ добра не сдѣлалъ и русскихъ въ бѣду ввелъ.

Ненавидитъ хлопъ пана; бѣда какъ онъ презираетъ его за его неудачи въ повстаніяхъ.

— Коли иншій монарха прійде до насъ, пане, толковалъ одинъ очень умный хлопъ: — а ляхи будутъ зновъ (снова) бунтовати, то мы справимся съ ними не такъ, какъ тамъ за кордономъ — у насъ дѣло живо пойдетъ. И чего тамъ войско на нихъ посылали и бились съ ними? — или тамъ хлопья такіе дурные, дурнѣй нашихъ? Поляки хвастаютъ, что каждый по двадцати москалей позабываетъ, а сами хлопа бояться: какъ хлопа увидитъ, такъ и въ ноги.

Чего только не выдѣлывали надъ ними хлопья во время повстанія — хлопья ихъ въ Польшу возили... Узналъ объ этомъ священникъ, призываетъ извозчиковъ:

— Что жъ это вы дѣлаете? Бунтовщикамъ помогаете! кро-
воточкамъ вашимъ и отновъ вашихъ! Вы одурѣли — вы Поль-
ши хотите!

Смѣются хлопья. «Просимъ его мость^{*)}; пусть его мость ничего не боится, и пусть также не гнѣвается. Мы просимъ его мость, мы Польши не хочемо, а най же гроши пански и насъ у бѣдныхъ хлоповъ ся зостанутъ».

— Якъ то? я не розумѣю.

— А прошу жъ его мость, вѣдь они намъ платятъ за провозъ и дорого платятъ, а Польши не будетъ, потому что ихъ тамъ москаля позабываютъ — що жъ они зрѣблять москалямъ? и у насъ въ Галичинѣ меньше поляковъ, и на свѣтѣ будетъ ихъ меньше, и намъ будетъ меньше хлопотъ, и москалямъ меньше. Прѣшу его мость, позвольте намъ ихъ возить къ моска-
лямъ... прошу его мость.

Священникъ только руками развелъ на такую логику.

Но это были еще добросовѣстные люди: они дѣйствительно доставляли сѣдоковъ до границы, или куда сговорились; а те и такъ бывало, что хлопъ возьметъ сѣдока, ѣдетъ съ нимъ и слушаетъ его разказы о томъ, какъ хлопамъ хорошо будетъ при Польшѣ. Когда хлопъ заслушается едоволь пронаганды, то вдругъ останавливаетъ лошадей:

— Ну, прѣшу пана — я теперь повезу васъ, пане, до войта; вы сте, пане, якъ я вижу, полякъ бунтовщикъ.

— Цо, цо?

^{*)} Такъ титулуютъ хлопья священниковъ, то, что у насъ батюшка, отче

— Треба буде васъ, пане, заарештувати...
 — За що?
 — Вы, пане, Польщи хочете: треба васъ буде заарештувати. Ту недалеко до вѣйта.
 — Але жъ, мой коханий!
 — Двадцать ренскихъ заплатите?
 — Проще — и блѣдный повстанецъ отдастъ все, что есть.
 — Слѣзайте теперь — идите пѣхотовъ, где хотите. Бувайте здоровы, пане.

И это еще хорошо. Во Львовѣ хлопы останавливали прохожихъ и спрашивали: «Прошу пана, може панъ потребуе взъ?»

— Потребую, потребую, мой коханий.
 — Пану треба ѣхати за кордонъ? шепчетъ хлопъ.
 — За кордонъ...
 — Я пана до Варшавы отвезу — и кони маю и пастъ маю!

Бѣдняга полякъ чуть не скачетъ отъ радости. Почтиный хлопъ даже за трудъ не дорого беретъ, садится и катитъ. О, теперь пришло его время, будетъ онъ теперь рубить москалей, такъ что черти въ пеклѣ будутъ тошно! теперь настало время отличиться и пролить кровь за отчизну. Теперь, теперь сбудутся всѣ мечты, лелѣяныя съ дѣтства, воссанныя съ молокомъ матери. Онъ или падетъ или отмститъ за кровь убитыхъ, за слѣзы сосланныхъ...

— А кто это сидитъ еще на возу?
 — Прѣшу пана, это нашъ человекъ, съ села.
 Льсокъ. Возъ останавливается — хлопы слѣзаютъ...
 — Всѣ гроши, пане, давайте!

Вычищаются карманы, хлопские кулаки гуляютъ по спинѣ мечтателя — онъ остается одинъ, безъ денегъ, поруганный, опозоренный, избитый.

— А, песня кровь москалей! это они подкупали хлоповъ, это все пропаганда московская, работа партіи святоюрской!... И не видятъ онъ, что не чужія интриги, а сама Польша-мать, за которую онъ подъ пули идетъ, деморализовала хлопа. Не видятъ онъ, что виноватъ не хлопъ-мошенникъ, а блестящая исторія блестящей шляхетской республики, и что никакія силы въ мірѣ не повернутъ назадъ Рѣчи-Посполитой.

Въ хату къ Грынцѣ входитъ Иванъ, служащій конюхомъ на панскомъ дворѣ.

— Грынцю, слухайть, що и вамъ расповѣдаю. Мени панъ послалъ къ вамъ; панъ говоритъ, что вы *почтиный злоп*, и что вы его любите и готовы за него въ огонь и въ воду. Онъ хочетъ, чтобъ вы пошли воевать съ москалемъ.

— А!?
 — Вы. Слухайть! Стухайть! Панъ дастъ новый кожухъ, шапелюхъ и чоботы. Я пойду; пойдите и вы; Петро возьметъ. Димитро, Данило, Василя...

— Що жъ вы, Пивасю, може вы съе съ дурнемъ зробили?
 — Слухайть, слухайть-но; возьметъ панелюхи, кожухи, чоботы, еще панъ може грошей дастъ, горѣлки поднесетъ — и дѣлу конецъ: проводимъ пана до кордона и утечемъ назадъ: пускай тамъ его москаль забьютъ...

Чешетъ хлопъ свой чубъ. Зовутъ на советъ Петро и Димитро — тѣ то же чешутъ чубы, думаютъ, думаютъ, ничего не придумаютъ. Зовутъ Василя. Василь разрубаетъ гордіевъ узелъ: «пойдемъ къ его мости и его запытаемъ».

— Пойдемъ къ Шмулю! догадываются всѣ и велятъ въ корчму, гдѣ ужъ навѣрно гордіевъ узелъ будетъ разрубленъ.

— Ну, вы, *гой* *), дурни; хлопы! чтожъ такое? отчего вамъ нейти? панъ дастъ вамъ все — идите; отчего вамъ нейти? День два дня, три дня побудете съ паномъ, тамъ москаля не найдете, дорогу потеряете, пана потеряете, придете домой — сюда, ко мнѣ. Отчего вамъ нейти? Продадите мнѣ — и видѣлъ кожухи и все видѣлъ, я куплю — десять ренскихъ дамъ. Вы дурни — хлопы — отчего вамъ нейти? — Польщи не будетъ, а кожухи будутъ! — выпейте горилки — вотъ вамъ по *келішк*у **) — послѣ заплатите.

— Да слухайть, Шмуле... начинаетъ Василь.

— Не хочу; чего я буду слушать? *гой* хлопъ, *гой* дурень — ты мнѣ долженъ ужъ пять ренскихъ, вотъ записано — иди, возьми — чего я буду слушать. Идите всѣ — возьмите у пана и приходите ко мнѣ — я васъ всему научу.

Прекрасно рассказываетъ панъ хлопамъ о Казиміръ Великомъ, о Львѣ Сапѣгѣ, о Константинѣ Острожскомъ, о томъ, какъ хорошо будетъ хлопамъ, когда возродится Польша, рассказываетъ имъ все про демократію, про равенство, даже вли-

*) *Гой* у евреевъ то же, что *муръ* у мусульманъ — вѣстникъ.

**) Нѣмецкая *Kelch* — чаша *келіш* — *шклян*ка.

нется и крестьяне целуют, что отдастъ имъ дѣла и пасовиски, дасть имъ право держать мельницы и корчмы — только помогите, помогите люди! И катятся слёзы по его усамъ, бьются искреннія слёзы — онъ не жметъ. Онъ вѣритъ въ возможность возрождения Польши, онъ вѣритъ, что она дѣйствительно будетъ либеральнѣйшимъ государствомъ даже для хлоповъ, онъ душою и тѣломъ готовъ на всѣ реформы, онъ даже на православіе согласенъ. Мало такихъ пановъ, какъ онъ, но есть такіе между поляками: *есть люди которые искренно вѣруютъ въ возможность либеральной Польши...* И обходить хлоповъ панская жена съ бутылкою стараго венгерскаго, и дасть имъ денегъ, и просить, умолиетъ ихъ не отходить отъ ея мужа, спасти его отъ вражескихъ пуль и штыковъ, не оставить его раненаго въ руки москалямъ-варварамъ, закликаетъ она ихъ всѣмъ свитымъ, ихъ церковью, ихъ дѣтьми, могилами отцовъ и дѣдовъ ихъ, она въ ноги падаетъ имъ...

— Вотъ вамъ еще ренскій, говоритъ панъ, осматривая револьверы: — сходите къ Шмулю; ничего ему не говорите — я знаю, вы умные и честные хлопы, не пьяницы, не обманщики — выйдите и приходите черезъ часъ. Ёдемъ.

До границы русской верстъ съ тридцать; отъ границы русской до штаба генерала польскаго верстъ десять — онъ держится ближе къ границѣ, чтобы легче получать амуницію, рекрутовъ, и имѣть возможность ретироваться когда угодно. Сытые кони пана духомъ домчали до штаба, — пріятель Шмуля, за приличное вознагражденіе, перевелъ повстанцевъ за границу.

— Пана енерале, я привезъ съ собою всего шесть человѣкъ моихъ хлоповъ — трудно у насъ набирать ихъ, свитоурцы и московская пропаганда все испортили; но за этихъ шестерыхъ я могу отвѣчать, что они готовы за насъ въ огонь и въ воду: прикажите позвать ихъ — это ихъ поощритъ: они еще не бывали въ огнѣ.

— Пана адъютантъ, позовите хлоповъ, что пріѣхали съ паномъ графомъ.

— Они куда-то ушли, пана енерале.

— Можетъ мѣстность осматриваютъ — я за нихъ смѣло ручаюсь. Будутъ отличные косильеры; панъ енераль увидитъ, какъковы они.

За третью цѣну продали хлопы кожухи Шмулю, нарѣзались какъ слѣдуетъ, денегъ не получили (и для чего же вамъ деньги?

спасалъ Шмуль), а получили право забирать въ счетъ что угодно.

— Гдѣ мой мужъ? гдѣ мой мужъ? плачетъ графиня.

— Намъ воротиться повстанскіе офицеры велѣли; говорятъ: *идите у васъ ружей нѣтъ.*

II.

Панщина еще была: пробужденіе духовенства отъ летаргіи только что начиналось; народъ спалъ. Никто не зналъ ни его страстей, ни его заветныхъ грѣзъ. Настала 1846 годъ.

Въ тишинѣ, неслышно, скупали поляки оружіе, составляли кружки, чтобы разомъ подняться возстаніемъ, захватить Краковъ и Галичину... Тогда глухо волновалась вся Европа: на дворѣ стоялъ 1848 годъ. Поляки, какъ теперь, такъ и тогда, вѣрили искренно въ возможность Польши, и имъ въ голову не приходило, что для хлоповъ не все равно — будетъ Польша или нѣтъ. А хлопъ думаетъ иначе: онъ думаетъ, что все же лучше, если у него есть *царь* въ Петербургѣ или *цесарь* въ Вѣнѣ или *король* въ Берлинѣ, чѣмъ *круль* въ Варшавѣ. Хлопу нельзя будетъ жаловаться полякамъ на поляковъ: полякъ поляка не выдастъ, соколъ соколу глаза не выклюнетъ. Онъ также несогласенъ на польскаго круля, какъ полякъ не согласится на воцареніе въ Варшавѣ барона Ротшильда, а вѣдь баронъ Ротшильдъ — претендентъ на іудейскій престолъ и, если не *de jure*, то *de facto* управляетъ евреями дѣлаго міра, въ родѣ того, какъ папа римскій управляетъ ксѣндзами. Баронъ Ротшильдъ имѣетъ такое же право на польскій престолъ, какъ и князь Чарторыйскій. Хлопъ ничего не значить; хлопъ — скотъ, дойная корова: только *интересы* и *капиталъ* могутъ имѣть голосъ въ государственныхъ дѣлахъ: стало быть...

Настало время возставать. Войска не было въ Галичинѣ. Прозорливое (совершенно слѣпое) австрійское правительство ни о чемъ не думало. У богатаго пана, въ рускомъ селѣ (не помню имени), собрались повстанцы и послали за хлопамъ. Хлопы яви-

лись, выслушали рѣчь, выслушали всѣ доводы, узнали, что панщины не будетъ, что всѣ будутъ равны—и панъ и хлопь, что хлопы будутъ засѣдать на сеймѣ, и объявили на отрѣзъ, что они не хотятъ Польши, а будутъ держаться цѣсаря.

— Я понимаю, что это значитъ, сообразилъ одинъ панъ:—нашъ хлопь упрямъ—безъ палки съ нимъ ничего не подѣлаешь. Нашъ хлопь добръ, но у него хлопскій разумъ—надо его запугнуть... Волей не пойдете за нами—силою заставимъ! Да что съ вами толковать, мы и безъ васъ спасемъ нашу отчизну; сидите себѣ тихо—вы не понимаете добра, которое мы хотимъ сдѣлать для края...

— Не можно, пане, бунтовати—прошу пана, обозвался ораторъ.

— Кто жъ это не позволяетъ?

— Прѣшу пана—мы не можемъ того позволить. Прѣшу пана—мы 'смо цѣсарски!

— Ахъ ты, песья кровь! и хлопь покотился убитый изъ пистолета.

— Тихо! вы! теперь видѣли—сидите смирно по хатамъ, и кто пикнетъ—тому также будетъ. За нами цѣлое войско польское придетъ.

Хлопы исчезли. Паны одни остались. Нужно было еще закупить, сигары раскурить, патроны приготовить—черезъ часъ въ походъ, за Польшу, за родину, за завѣтъ отцовъ...

Изъ-за забора показался хлопь, другой, третій, десятый, сотый—хлопство направо, хлопство налево, впереди хлопство, позади хлопство. И всѣ съ цѣпами, съ косами—и требуютъ, чтобы поляки положили оружiе, дались перевязать и отвести ихъ къ начальству. Паны не сдались—они надѣялись выдержать осаду: хлопы обложили домъ соломой, зажгли, стали у дверей и у оконъ, и пошла работа цѣпами!

Всѣмъ объ этомъ событiи быстро разнеслась по панамъ—возстанiе оборвалось. Паны пришибились, тихо сидѣли по своимъ дворамъ и даже въ гости другъ къ другу ѣздить боялись. Вездѣ мерещилась имъ грозная фигура хлопа съ цѣпомъ или съ косою, какъ и до сихъ поръ мерещится. Это поны уніатскіе и чиновники австрійскіе сбили хлопозъ съ толку, рѣшили поляки—и предали анаемъ тогдашняго полиціймейстера г. Хоминскаго (русскаго), который ни духомъ, ни тѣломъ не виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Вопросъ ясенъ; если поны и полиція могли сдѣлать про-

паганду въ народѣ противъ Польши, отчего же шляхта не могла сдѣлать пропаганду за Польшу? До послѣдняго повстанія вся власть въ Польшѣ, начиная съ полиціи и кончая ксендзами, была въ рукахъ ревнителей Рѣчи-Посполитой—отчего же хлопь не участвовалъ въ повстаніи (за весьма малыми исключеніями)? И, отчего, оттого, что вотъ какія бываютъ происшествія...

Пируетъ панъ со своими пріиателями панями. Венгерское льется рѣкою.

— Я знаю, панове, говоритъ панъ—кто виновникъ злу—поны русскіе мутятъ противъ насъ хлопозъ. Хлопъ—дурень, ничего не понимаетъ, скотъ, а вотъ тутъ у меня, на селѣ, попь подобиваетъ ихъ противъ меня: лѣсовъ требуютъ, выгона, пропашки не хотятъ. Вотъ такого зайца пона сдѣловале бы повѣсить въ примѣръ другимъ.

— И повѣсимъ, говоритъ гости, у которыхъ ужъ давно шумитъ въ головахъ.—Пойдемъ и повѣсимъ.

— Хлопы, я скажу вамъ, панове—добрый народъ: меня, какъ отца, любятъ, но каналья попь!... Вотъ хлопы, что у меня во дворѣ, каждый душою и тѣломъ мнѣ преданъ и все мнѣ пересказываютъ, чему ихъ попь учить; ну, я имъ за это кварту горѣлки дамъ, панове.

— Пойдемъ къ попу и повѣсимъ его, какъ жида, какъ пса.

И венгерское льется; его подносятъ лакей изъ хлопозъ, а панове не замѣчаютъ, что лакей блѣденъ, какъ смерть, и что брови его судорожно насунулись.

Венгерское льется—бутылочъ на столѣ довольно. Презанный пану не на животъ, а на смерть, лакей незамѣтно выскользаетъ за дверь, въ сѣни, въ конюшню... Въ конюшнѣ стоитъ панскій любимый жеребецъ, купленный за дорогую цѣну; лакей выводитъ его за ворота, карабкается на него и безъ сѣдла, безъ узда, летитъ по пашнямъ, по выгонамъ, по проселкамъ до первой крайней хаты разбросаннаго южнорусскаго села.

— Федько! Федько! Федько! отворяй!

— Що тамъ? Чого? Я уже сплю.

— Але бажу отворяй!

— Що жъ тамъ у васъ?

— Паны хочуть его мость повѣснн. Бувайте здоровы.

— Бувайте здоровы.

И лакей скачетъ назадъ во дворъ, и опять стоитъ за панскимъ столомъ, и никто не замѣтилъ, что онъ исчезалъ.

Утро. Старенькій пошъ, которому не то что агитировать, даже и говорить тяжело, проснулся, сотворилъ молитву, надѣлъ тулупчикъ и пошелъ на дворъ вздохнуть свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Отворилъ онъ дверь, взглянулъ и ринулся назадъ: на разномъ угламъ двора, у хлѣва, у стодола, у конюшни стояли хлопъ съ косами. «Господи Іисусе Христе, помилуй мя, грѣшнаго!» прошепталъ онъ, «что это, бунтъ? или меня хотятъ убить? Да будетъ воля твоя! Будь — что будетъ: я старъ, мнѣ и такъ не долго маяться по свѣту». И онъ снова вышелъ.

— Просишь его мось — не ся бойтъ: ляхи васъ не повѣсятъ. Священникъ ничего не могъ понять, какіе ляхи, за что его вѣшать.

Еще анекдотъ. Я очень люблю рассказывать дѣло анекдотами, потому что они лучше всего рпеуютъ характеръ края. Одинъ священникъ бесѣдуетъ съ паномъ о Польшѣ.

— Что вы мнѣ толкуете, говоритъ панъ: — что хлопъ не любитъ поляковъ. Послушайте хлопотъ, и вы увидите, что онъ болѣе недоволенъ своими попами, чѣмъ панамъ. Что вы сдѣлаете, если я скажу хлопамъ: «люди, повѣсьте попа, сожгите церковь; вѣру попы для своей наживы выдумали — не будете плакаться, что надо за требы платить».

— Я, пане непевсѣлможный, скажу только, отвѣчалъ священникъ: — «люди, не вѣшайте пана, а возьмите все панское: я вамъ все отдаю» — что тогда будетъ съ паномъ? Между нами, попами, есть дурные люди — гдѣ ихъ не водится — но пусть панъ попробуетъ спалить церковь — я знаю, что я сдѣлаю.

Была въ 1848 году революція во Львовѣ. Львовъ, какъ я уже говорилъ, — городъ чисто польскій, какъ Вильно, какъ Житомиръ, какъ Каменецъ. Польскіе студенты поставили тамъ баррикады, австрійское войско осаждало и бомбардировало городъ, а по селамъ все было тихо. Паны не выходили даже изъ дому. Бѣдетъ русскій семинаристъ домой на село; хлопъ останавливаютъ бричку.

— Пустить, добры люди, я русинъ емъ *), поповичъ...

— Русинъ 'сте? Добре-жъ, читайть «Вѣрую»!

— Вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя, творца неба и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единого...

— Добре, досытъ (довольно), ѣдить (поѣзжайте)!

*) Емъ, есъ, е, 'смо, 'сте, суть—есмъ, еси, естъ, есмы, есте, суть.

Хитрые хлопъ не спросили «Отче нашъ», потому что эту коротенькую молитву и полякъ, чего добраго, выучить, а спросили длинное «Вѣрую». Меня то же не разъ допрашивали, чтобъ повториться, точно ли я не полякъ, какія у насъ молитвы и которая когда за литургіею поется или читается — и это не только хлопъ, но даже образованные галичане. Вѣтъ оно, чѣмъ народъ-то различаются, чѣмъ своего отъ чужаго отличаютъ... Въ аудиторіи... мы толковали себѣ дѣло такъ, а на практикѣ, какъ выйдешь на онекурсію, на чистое поле — дѣло и онаяется иначе. Далеко еще не буду я агрономомъ, если хоть сотню агрономическихъ сочиненій прочту, — на дугахъ, на пашнѣ, тамъ надо учиться дѣлу. Вотъ оттого самого и надрываются понапрасну поляки и наши утописты, что они изъ своего кружка не выходятъ, что у нихъ не хватаетъ нравственной храбрости посмотреть, что внѣ ихъ міра творится: ахъ, и думать, несчастные, на висѣлицу, на каторгу, или въ эмиграцію... Ой, такъ, такъ! восклицаютъ галичане, когда имъ приходятъ въ голову грустныя мысли. Ой, такъ, такъ! скажу и я...

Въ нынѣшнее повстаніе поляки, для возбужденія патріотизма, вздумали ставить кресты изъ дубовъ, которые выросли еще во времена Рвчи Посполитой. Кресты эти дѣлались изъ нетесанныхъ голоменей, какъ дерево выросло, прямо изъ коръ. Ставили ихъ съ процессіями, съ демонстраціями — все какъ водится. Хлопы поняли, что это значить.

— Прощу пана — это такъ. Поляки пошли къ цѣсарю и просить его, чтобъ онъ снова завелъ панщину. Цѣсарь говоритъ: «я этого не могу», а поляки говорятъ: «вы это можете». Тогда цѣсарь сказалъ имъ: «добре! если срубленное дерево зазеленѣетъ, то и панщина будетъ». Вотъ они теперь — прощу пана — и сажаютъ въ землю кресты изъ срубленного нетесаннаго дерева и молятся, чтобъ оно зазеленѣло — а развѣ панъ Богъ услышитъ ихъ молитвы? Вы, пане, какъ думаете?

Легенду эту вы услышите отъ каждаго хлопа. Хлопъ самъ ставитъ кресты на перекресткахъ, на поляхъ (тѣ кресты, которые мы теперь уничтожаемъ въ западныхъ губерніяхъ, потому что копы и трость, придръванные къ нимъ, мы, въ простотѣ души, считаемъ не православною прибавкою); время того, онъ поставилъ кресты въ память своего освобожденія, съ надписями: 1848 року, 3-е мая. Памятка свободы. Ужъ и не знаю, эти кресты тоже будутъ ломать или нѣтъ? а на нихъ есть даже иногда

латинское J. N. R. J. вместо I. H. C. I. Будь тамъ какъ будеть — только съ крестами этимъ вышла такая исторія, что панъ отворачивается отъ *памятки свободы*, которая ему кричитъ о ненависти народа къ старымъ польскимъ порядкамъ, которая напоминаетъ ему, что хлопы, бестія, до сихъ поръ знаютъ, что подъ польскимъ владычествомъ панщина была шесть дней въ недѣлю, а что только цѣсарь австрійскій свелъ ее на три дня, а теперь и совсѣмъ отмѣнилъ. Хлопы же ѣдутъ мимо дубоваго креста и косятся на него: не выросла ли гдѣ зеленая вѣтка? Шапки передъ этимъ крестомъ онъ не снимаетъ, тогда какъ всѣмъ другимъ крестамъ отдастъ эту честь и перекрестится.

Встрѣчается русскій священникъ съ сосѣдомъ паномъ. Это было въ повстанье.

— А, очень радъ, что встрѣтилъ ксѣндзъ добродѣя — буду просить добродѣя во мнѣ дня черезъ два; хочется мнѣ крестъ освятить по нашему и по вашему обряду...

— Съ удовольствіемъ, отвѣчаетъ священникъ; ему и въ голову не пришло, о какомъ крестѣ плетъ дѣло.

Вечеромъ пришелъ къ священнику ксѣндзъ и панъ — тогда разрывъ между русскими и поляками не доходилъ еще до того, что уже другъ съ другомъ не знаютъ.

— Вотъ мы у пана будемъ скоро крестъ святить, говоритъ попъ ксѣндзу.

— Какой крестъ, пане? спрашиваетъ ксѣндзъ.

— За усоншихъ, добродѣю, отвѣчаетъ панъ, за мучениковъ нашей святой вѣры и нашего святаго дѣла — за убиенныхъ въ Варшавѣ...

— Панъ въ своемъ умѣ? спрашиваетъ ксѣндзъ.

— Какъ такъ?

— А что жъ хлопы скажутъ?

— Я не пойду, сказалъ попъ на отрѣзъ — у меня дьякъ (дьячекъ) убѣжитъ, а я не брошусь же во всемъ облаченіи, съ требникомъ въ рукахъ его догонять...

— Чего жъ добродѣи боятся? говоритъ панъ: хлопы тоже придутъ. Хлопы очень хорошо расположены къ нашему дѣлу, времена вражды между шляхтою и *любоми* прошли. Я самъ говорилъ съ многими изъ старшихъ и умнѣйшихъ между ними, и они всѣ за Польшу — всѣ, всѣ — могу добродѣевъ увѣрить...

— Съ которымъ, напирѣвъ? спрашиваетъ ксѣндзъ, очень умный и толковый человекъ.

— Съ Мацекомъ. Добродѣи знаютъ этого высокаго, сѣлаго *мазура*. Я ему рассказывалъ о Казиміръ Великомъ, о Янѣ Собескомъ, о Костюшкѣ, и онъ, умный хлопы, полякъ. Даже порты *запустилъ* въ сапоги — настоящий полякъ.

— Ну, пусть же панъ слушаетъ, сказалъ ксѣндзъ. Этотъ *Мацекъ* вчера у меня дрова рубилъ и моимъ людямъ рассказывалъ, что нужно ему у пана *лѣсу* купить — тамъ онъ что-то строить хочетъ. Говоритъ: одурачу я пана, прикинусь полякомъ, *авось* дешевле проластъ. Да и еще говоритъ, кабы стали *поляки* адѣсь у насъ Польшу заводить, я бы первый нашего пана *палкою* по башкѣ такъ хватилъ, что и духу Польши не осталось бы...

— Алезъ то бестія хлопы!

— Бестія, мой пане! такая бестія, что лучше и не думать о невинно-убиенныхъ...

— Да, какъ же? какъ же? Я еще надѣюсь, наше святое дѣло не пропадетъ. За насъ вся журналистика. За насъ общественное мнѣніе. За насъ Франція, Англія, даже Турція — вся Европа. Я хочу служить нашему дѣлу. Такое время! И стыдно и даже опасно сидѣть теперь сложа руки. Польша будетъ восстановлена и меня спросятъ, чѣмъ я заявилъ себя; я еще не старъ, я могу дѣлать карьеру...

— И прекрасно. Пусть панъ сдѣлаетъ себѣ карьеру, пусть панъ отличится — только ужъ никакъ не дубовымъ крестомъ. Пусть панъ возьметъ свою карабелю (*саблю*) и пойдетъ бить москаля. Если панъ погибнетъ, то погибнетъ какъ герой, какъ мученикъ вѣры святой и отчизны. Тамъ панъ что-нибудь сдѣлаетъ.

— О! я все по меньшей мѣрѣ десятка два проклятыхъ москалей поужоу!

— И прекрасно панъ сдѣлаетъ. Имя пана будетъ внесено въ исторію; ученые будутъ изслѣдовать біографію пана; поэты будутъ писать стихи о герояхъ; отцы дѣтямъ будутъ указывать на пана какъ на примѣръ. А тутъ что? тутъ панъ сегодня крестъ поставитъ, а завтра пана хлопы палкою забьютъ! Хлопы палкою забьютъ такого достойнаго пана!

Утомился панъ. Присмирѣлъ. Тихо и мирно просидѣлъ въ *нѣмнѣ* въ своемъ бѣленькомъ домикѣ, все время повстанья, и до сихъ поръ тамъ сидитъ и хозяйничаетъ, какъ умиетъ. Но-желаемъ же ему всего хорошаго.

— Но есть же хлопы, которые стоят за пановъ! Въ повстаніи были хлопы. Были хлопы коси́нъеры, и большая часть коси́нъеровъ были хлопы. Чтѣ жъ это такое?

Указывали и мнѣ такихъ хлоповъ; это — конюхи, гуменные, дѣвничіе, огородники, кучера, которые причисляютъ себя уже не къ простонародью, а къ чему-то высшему, которые держатся пановъ и имѣютъ интересъ въ возстановленіи Польши, потому что тогда они превратились бы въ вѣйтовъ и въ прочихъ сельскихъ аристократовъ, тогда бы они сами стали пановать. Есть хлопы, оцанатизованные краснорѣчіемъ пана или ксендза; есть хлопы, которыхъ еврей за долгъ послалъ въ коси́нъеры; есть хлопы, которымъ больше ничего не оставалось, какъ идти въ повстаніе — не съ голоду жъ было умирать и не въ Турцію бѣжать отъ тюрьмы. Были эти *почти*е хлопы — кто противъ этого говорить — но сколько жъ ихъ было относительно числа шляхты и ремесленниковъ, *польскихъ* ремесленниковъ и городской черни, о которой придется мнѣ еще говорить? Кузьма Мининъ цѣлой Русью двинулъ; въ 1812 г. весь народъ изъ Москвы ушелъ — ну, а въ повстаніи кто жъ былъ, кромѣ этой плохо учащейся польской интеллигенціи? Что жъ это не встала Польша противъ насъ отъ мала до велика, какъ мы да испанцы умѣемъ вставать противъ непріятеля? Польша была — Римъ, Византія, Венгрія, Австрія; Польша какъ и всѣ подобныя ей искусственныя государственныя тѣла, подлежала раздѣлу. Шляхта тянула въ одну сторону; хлопъ — въ другую, еврей — въ третью. Польша — Египетъ, Индія, въ которыхъ у каждой касты своя вѣра, свой языкъ, свои традиціи. Тутъ, разумеется, далеко не уѣдешь.

Живущій на границѣ православія съ католичествомъ, галицкій хлопъ удивительно индеферентенъ. У насъ добрые люди изъ одного стакана другъ съ другомъ не пьютъ, о чаѣ и о табакѣ догматизируютъ, объ *Ісусѣ* и *Іисусѣ*... здѣсь объ этомъ понятіи даже не имѣютъ. Позавидовалъ намъ одинъ священникъ: «какое счастье — сказалъ онъ, слушая мои рассказы о нашихъ сектахъ: — что у васъ народъ такъ глубоко преданъ церкви! Католицизмъ уже до того всѣмъ чуждъ, что даже и сектъ не производить. Секты доказываютъ, что народъ не равнодушенъ къ вѣрѣ, что онъ изслѣдуетъ ее, провѣряетъ ея догматы и обряды. Вотъ жизнь — такъ жизнь! А у насъ хлопъ сегодня пошелъ въ церковь, завтра — въ костелъ; а не будь ни церкви, ни костела — онъ и въ кирку пойдеть; а будь еврей пропагандисты — давнымъ

давно подѣлались бы эти хлопы жидами. Они давно и католиками были бы, еслибъ католицизмъ, въ понятіи ихъ, не былъ тождественъ съ панщиною; еслибъ ксендзы не были панами; еслибъ Польша была не аристократическою, а демократическою».

— Что наша вѣра, что вѣра за кордономъ — прошу пана — то все одно. Мы туда въ Кіевъ и въ Почаевъ ходили Богу молиться — только теперь насъ не пускаютъ.

— Не даютъ вамъ паспортовъ?

— Нѣ, прошу пана, нашъ цѣсаръ велитъ давать намъ пашпорты, а это тамъ, у русскаго Царя, не пускаютъ насъ...

— Вотъ! Да за чтѣ жъ это?

— А мы знаемъ? Мы — слѣпые хлопы, мы не знаемъ ничего, прошу пана. Въ Кіевъ насъ не пускаютъ уже давно — съ тѣхъ поръ, какъ поляки тамъ большую войну съ русскимъ Царемъ вели, а потъ теперь, какъ они теперь забунтовали, насъ даже въ Одессу не пускаютъ. Мы туда съ возами ходили, и въ Одессу, и въ Бесарабію. Бѣдуемо, пане, бѣдуемо, разоряется хлопъ, нигдѣ ничего заработать нельзя, поденщикъ у насъ въ день *двадцати крейцеровъ* (12 к. с.), на своихъ харчахъ, стѣбитъ.

— И никого отъ васъ туда не пускаютъ?

— Жи́ды, прошу пана, ѣздятъ. Жи́дымъ вольно, и полякамъ тоже вольно, и нѣмцамъ вольно. Намъ не вольно, а мы — мы слѣпые хлопы.

Бѣжала деревня поперекъ мужика,
Вдругъ изъ-подъ собаки лаютъ ворота,
Мужикъ изъ-подъ кнута тѣлгу вынималъ,
И ею подворотню подъ собаку загонялъ.

Помните вы эту старую шутку? Не правда ли, что она недурна?

И кто мнѣ повѣритъ въ такой шуткѣ, которую я передаю изъ достовѣрнаго источника. Между галицкимъ духовенствомъ и духовенствомъ нашей Волынской и Подольской губерніи споконъ вѣка существовали родственныя связи, и хотя политическія обстоятельства, строгая паспортная система и отчужденіи у насъ порвали эти связи, такъ что волынскому и подольскому священнику видѣться съ галицкимъ трудно, но иногда украдкой, тайкомъ они видаются. Это не доношу я пишу на то, что волынское и подольское духовенство сносится съ галицкимъ, а для того, чтобъ показать, какъ мы-то сами не умѣемъ пользоваться обстоятельствами, которыми старики наши поль-

зоваться умѣли. Старики наши создали государство, а мы чуть чуть не валимъ его.

Галичане завели свою, такую сякую литературу. Литература ихъ не шибкая, калосальныхъ талантовъ въ ней нѣтъ, но для того, чтобъ она существовала, для того, чтобъ въ Галичинѣ читали по-русски нужно, чтобъ была возможность издавать книги на русскомъ языкѣ, а для того, чтобъ была эта возможность, нужно, чтобъ были читатели. Въ Галичинѣ читателей, при той оѣдности, о которой я рассказывалъ, мало, и если книга разойдется года въ три въ числѣ шести сотъ экземпляровъ, то это считается праздникомъ для автора. Книжки и вся галицкая литература вообще отличаются тѣмъ, что въ нихъ ничего враждебнаго православію, и если есть вражда къ чему нибудь, то это къ польщинѣ и къ Риму. У насъ напротивъ, эта несчастная литература, такъ нуждающаяся въ дѣятеляхъ и въ читателяхъ, считается католической, иезуитской, униатской, василіанской, австрійской и какой еще, не перечтешь; и считается она таковой потому, что мы отличаемся талантомъ ничего не узнать, ни на что не обратить вниманія, а пугаться всего неизвѣстнаго, какъ иногда мужики пугаются путешественника, какъ меня испугались въ карпатахъ. Какъ бы, кажется, и въ интересахъ церкви и въ интересахъ государства не помочь галичанамъ, какъ бы не посылать имъ иконъ, крестовъ, не распространять ихъ письменности, въ которой если есть книгъ десятокъ антиправославныхъ, то и того много будетъ...

У насъ поступаютъ иначе. Ночью галицкій священникъ, рыцарный поборникъ русскаго дѣла и русской идеи, перебѣгаетъ черезъ границу къ православному священнику, своему дальнему родственнику и приноситъ ему только что вышедшую во Львовѣ книгу «Альбумъ Зори Галицкой». Православный священникъ читаетъ эту книгу и оставляетъ ее у себя на столѣ. На другой день совершенно неумышленнымъ образомъ нагрываетъ къ нему епархіальное начальство. Увидѣли эту книгу, — книгу невиннѣйшую и стоящую именно за православіе — а священникъ потерялъ приходъ за сношенія съ *униатами* (!). Ну какъ же не «ѣхала деревня поперекъ мужика»?..

III.

Вѣдуемо мы, пане Василю, бѣдуемо! Пишеть, пане, що грунтовъ не маемо.

Земли у нихъ нѣтъ. Нечего уже считать тѣ лѣса и выгоны, которые у нихъ паны пооттягали, нечего считать поля, что попереходили въ руки набожныхъ сыновъ Израиля, которые не орутъ, не сѣютъ, а въ житницы собираютъ: у нихъ земли нѣтъ еще по ихъ же собственной безтолковости. Только самые древніе старики помнятъ, что когда-то и у нихъ *младшій братъ на корню сидѣлъ*; но этотъ славянскій обычай утратили слѣпые, темные хлопцы.

Каждому, кто терся между простонародьемъ, извѣстно, что у великорусовъ до сихъ поръ, несмотря на сводъ законовъ, сохранился неприкосновенно *миноратъ*. На западѣ — все достается старшему сыну — и земля, и деньги и имя отца: у славянъ все доставалось младшему. Большая часть славянъ уже давно утратили это право; славяне его уже не помнятъ. Хотя оно и занесено въ извѣстный *Tripartitum*, кодексъ народнаго права въ Венгріи, драгоцѣннѣйшій источникъ для изученія славянскихъ законодательствъ. Одни великорусы блюдутъ заветъ отцовъ и объясняютъ его слѣдующимъ образомъ: «Какой же толкъ выйдетъ — говорить нашъ крестьянинъ — если я все старшему сыну отдамъ? Онъ — уже взрослый, уже на ногахъ стоитъ; порагопаетъ онъ братьевъ своихъ и сестеръ, обидитъ ихъ, на душу грѣхъ положить. А таперича, какъ это я узрю — все мое хозяйство младшему перейдетъ; а младшему пять голковъ всего, а всѣхъ сыновей у меня четверо. Младшій будетъ хозяиномъ, а старшій хозяйствовать будетъ, пока такъ ни нахозяичничается, что отдѣлиться ему будетъ можно, новую пазбу себѣ поставить и свотину завести. Какъ это онъ отдѣлится, такъ второй братъ будетъ хозяичничать, потомъ третій: каждому изъ нихъ охота стоять на своихъ ногахъ, свое пепелище завести; бабы ихъ къ тому нудить будутъ; извѣстно бабѣ дѣло — вѣчно грызутся. Пока старшіе отдѣляются, младшій подростетъ, и, какъ тамъ ни поразоритъ старшіе его хозяйство, все онъ не будетъ нищимъ, все мало-мало — а пазба и хозяйство у него есть». Былъ бы такой обычай у нѣмцовъ, у французовъ — какъ бы они о

немъ кричали, сколько бы томовъ они о немъ написали! Простыня ты, русскій человекъ—ничего дома не видишь! Какъ не было у тебя порядку безъ варяговъ — такъ вѣчно ты будешь у дерптскихъ студентовъ мудрость заимствовать!

Ну, и утратили хлопъ это исконое славянское право, и не дивлюсь я, что они его утратили: надъ ними цѣлые вѣка пановало римское и магдебургское право, а римское и нѣмецкое право хоть и безтолковы, да разработаны хорошо. До сихъ поръ добрые люди ищутъ свѣдѣній не въ избахъ и не въ хатахъ, а въ душевныхъ библіотекахъ и въ аудиторіяхъ. Библіотеки и аудиторіи надо посѣщать; но русскому языку, все-таки, надо у московскихъ просвирень учиться. У просвирень найдется много словъ и много выраженій, которыя нигде не годны, но онѣ все-таки знаютъ русскій языкъ.

И забылъ хлопъ о правахъ младшаго сына, и сталъ дѣлить свой *грунтъ* поровну между всѣми сыновьями. Община у него уже давно забыта. Дѣлился онъ, дѣлился и додѣлился до положенія французскаго крестьянина: всей земли у него два *морга* — то-есть, *одна десятина*, а Шмулю онъ долженъ два ренскихъ! Шмуль за два ренскихъ и за рюмку водки присвоить не только землю, но и его на вѣки вѣчные своимъ батракомъ сдѣлаетъ...

Даже австрійское правительство испугалось — австрійское правительство, которое ничего не знаетъ, ни о чемъ не заботится, которое все ушло въ министерство иностранныхъ дѣлъ! Оно запретило дѣлежи и утвердило наслѣдникомъ только старшаго сына — пролетаріатъ, все-таки не исчезъ; работника въ день, все таки можно имѣть за 20 крейцъ. (двѣнадцать копеекъ) на его харчахъ. Еврей не платитъ работнику крейцеровъ. *Гой* работаетъ ему цѣлый день за кусокъ хлѣба да за шкаликъ водки...

Крѣпко промотались всѣ славяне и въ духовномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, и, не будь насъ на сѣверѣ, не ожидай они, что мы, рано или поздно, явемся къ нимъ на выручку — давнымъ давно даже съ лица земли стерли бы ихъ. Только надеждою на насъ и живутъ они. Поѣзжайте въ любое племя, спросите перваго попавшагося мужика, что онъ думаетъ о *Билломъ Цартъ*, и вы убѣдитесь, что я не преувеличиваю. Надъ нами, надъ великорусами, сбывалась и пословица, что *младшій сынъ на корню сидитъ*, и сбывалась любимая тема славянскихъ, да и вообще индоевропейскихъ сказокъ, о загнанномъ, заби-

томъ дурачкѣ младшемъ братѣ, который и одѣвается плохо, и *битъ* бывалъ, и ума большаго не показывалъ, но царскій вѣнецъ и царевна красавица ему достались, потому что на немъ лежало родительское благословеніе, потому что онъ вѣренъ былъ отеческому преданію. Безъ всякаго сомнѣнія, мы едва ли не самое младшее изъ славянскихъ племенъ. Пока на югѣ и на западѣ славяне вели уже историческую жизнь, въ *Зальцѣ*, на Окѣ, крѣпко развивался никому невѣдомый новый народъ, народъ-колонистъ, племя бѣглецовъ съ Дуная, съ Днѣпра, съ Вислы. Шпиронимъ своимъ топоромъ расчищали эти выходцы дѣвственные лѣса Восточной Европы — до сихъ поръ великорусъ заклятый врагъ каждаго дерева — ставили сѣла, волости, погосты. Слабѣя племена туземцевъ, звѣродовы, не могли выжить въ сообществѣ пришлыхъ земледѣльцевъ. Меря, Муромъ исчезли такъ же, какъ исчезаютъ теперь въ Америкѣ всякіе гуроны и племена, какъ исчезаютъ у насъ самоѣды, камчадалы, какъ исчезнутъ зыряне и башкиры. И вотъ, когда овернули колоніи, тогда понадобилось имъ войти въ сношенія съ прочимъ міромъ — *людей посмотреть, себя показать*. явились богатыри — расчищившіе дорогу изъ лѣсовъ въ Европу, «примопутную прямую», а залегала та дорога ровно тридцать лѣтъ и три года». И привезъ Илья, крестьянскій сынъ, муромецъ, изъ села Корочарова, свѣтлому князю Владиміру чудо лѣсное, въ торокахъ связанное — и ахнули свѣтлый князь и дружина его удали богатыреной и невѣдомому богатырю, убранному по-старинному, говорящему архаизмами, неумѣвшему ни стать, ни сѣсть по кievскому придворному этикету. И узнали въ Кіевѣ, что Русь есть не только въ Новгородѣ, въ Смоленскѣ, въ Полоцкѣ, но еще и на Окѣ — Русь сильная, обрядная, дѣятельная. И почесала дружина княжеская чубы и бритые подбородки, глядя на эти древніе бороды и косые ворота и догадалась, куда перенесется современемъ княжескій престолъ.

Прошли вѣка. Ужъ и лѣсовъ нѣтъ, и ужъ и окно въ Европу прорублено *другимъ* Ильей; наши сказки, наши повѣрья, былины стали собираться и издаваться — и двяются славяне, видя, что у насъ все пѣло, все не тронуто, все по-старому, какъ мать поставила, и покачиваютъ они головами и догадываются, куда придется примкнуть имъ. Что ни толкуй поляки и нѣкоторые самихъ себя пережитившіе чехи, а славянство за насъ, потому что только въ насъ въ однихъ и есть

реальная сила, потому что великорусовъ 45,000,000, малорусовъ 15,000,000, а другія народности больше 7,000,000 на племя ни одна себя не сосчитаетъ.

Великое дѣло, что *младшій сынъ на коню сидитъ!* Какъ много этимъ объясняется въ исторіи и въ этнологіи! На Западѣ младшіе братья—враги старшаго, по милости котораго онъ лишаются отцовскаго наслѣдія; у насъ старшіе жмутъ младшаго, чтобъ скорѣе стать самимъ на ноги. Западъ и Россія — «Разбойники» Шиллера и «Сказка о Трехъ Братьяхъ». И бьдуютъ младшіе братья въ Галичинѣ, и ходятъ съ жонами и съ дѣтьми по чужимъ дворамъ вѣчными батраками, и мрутъ съ голоду, съ тифа, съ холеры—бѣдныя жертвы исторіи, подарившей ихъ сначала могущественными боярами, а потомъ переѣлавшей бояръ на пановъ. Пособить ихъ горю не трудно, и священники очень хорошо знаютъ, что надо сдѣлать для спасенія народа; но у нихъ силы нѣтъ, ихъ никто не слушаетъ; власть въ рукахъ поляковъ и евреевъ, а нѣмцамъ—все сподогоря. Нѣмецъ *нанялся* быть чиновникомъ и служить такъ же добросовѣстно, какъ дядя его булки печетъ, двоюродный братъ лекарства стряпаетъ, своякъ полками командуетъ; нѣмецъ все будетъ дѣлать—только жалованье платите ему, но за то и не требуйте отъ него, чтобъ онъ былъ прозорливѣе, чѣмъ ему предписано. Бездушный, пунктуальный, воплощенная машина, онъ не видитъ изъ-за чего ему хлопотать, когда онъ сдѣлалъ чтѣ нужно—и вотъ онъ даже и Австрію свою ухаживалъ, нанимаясь въ ней то въ нѣмцы, то въ мадьяры, то въ поляки, какъ теперь въ бѣдной Галичинѣ.

У насъ, да и не у насъ однихъ, такъ много писали и кричали, что въ Австріи германизируютъ славянъ. Дѣйствительно, Іосифъ II, Меттернихъ, Бахъ чуть не цѣлыя десятки лѣтъ ерѣду пугали міръ этимъ страшнымъ призракомъ германизации — и чего жъ они добились? Добились, что въ каждомъ селѣ есть два, много три хлона, которые знаютъ, съ грѣхомъ пополамъ, по-нѣмецки, потому что въ солдатахъ были, образованные люди знаютъ по-нѣмецки, лавочкии иногда знаютъ; затѣмъ, нѣмецкій языкъ попадается въ официальныхъ бумагахъ, слышится въ большихъ городахъ... а славяне какъ были славянами, такъ и остались славянами. Раздѣлять Прусію и Россію Австрію — пройдетъ лѣтъ съ десятокъ, и памяти о нѣмцахъ не будетъ. Въ Прусіи другое дѣло. Тамъ нѣмцы ордами вторгались въ

славянскія села, тамъ вѣра, обычаи, платье славянское преобладали и истреблялись — такъ тамъ и германизация могла имѣть успѣхъ, потому что тамъ она вводилась огнемъ и мечемъ. А Австрія хоть и была римскою и германскою имперіею, но никогда серьезно не думала о нѣмецкой народности, развѣ въ однихъ Чехахъ, и то по гуситскому и таборитскому дѣлу. Германизовать Іосифъ II началъ; официальнымъ языкомъ нѣмецкій сдѣлался вмѣсто латинскаго, да на томъ дѣло и остановилось. Добрыя люди причащъ «нараву!» нѣмчащъ славянъ!» и не подозреваютъ въ чистотѣ сердца, что чиновники-нѣмцы на все способны, но никакъ не на распространеніе нѣмецкой народности. Уже если правду говорить, то они сами теряютъ ее, какъ поприжмутъ ихъ молодцы мадьяры или поляки. Чтѣбъ мѣста тепленькаго не потерять, начнетъ нѣмецъ-чиновникъ вѣстись и божиться, что онъ такой же мадьяръ и такой же полякъ, даже на дѣтей конфедерации понаѣвываетъ. Припугнутъ нѣмца-купца или сапожника, что если не пойдетъ на демонстрацію, никто у него покупать ничего не будетъ—разомъ онъ ослабѣетъ или омадьярится, даже библию станетъ по-польски читать. Какіе ему принципы! какія тутъ убѣжденія! Онъ еще съ университета знаетъ, что все въ мірѣ имѣетъ только относительное значеніе, что всѣ вѣры и всѣ принципы важны только въ историческомъ отношеніи и что, хотя нѣмецкая народность въ сущности и стоитъ безконечно выше всѣхъ другякъ, но пусть же мадьяры побалуютъ: бѣды нѣтъ, а передъ вѣчною всею—прахъ и суета: вотъ кабы мужа Гретхенъ къ теплѣму мѣсту пристроить, да вдову стараго товарища Фогеля усадить въ-нибудь востаяншею или эконошкою при казенномъ заведеніи! — а тамъ все пустяки...

Изъ всего этого, я думаю, будетъ понятно, какимъ образомъ галичскій хлопъ дошелъ до того безвыходнаго положенія, въ которомъ я его засталъ. Бойкій полякъ и смиренный нѣмецъ согнули его въ три погибели и своимъ безучастіемъ къ его положенію, и своими своекорыстными разсчетами. Онъ боится ихъ, ненавидитъ ихъ молча, и если не берется за косу, то потому только, что забилъ себѣ въ свою упрямую хлопскую голову, что другой монарха прійде. Спорьте съ нимъ, если хотите, разувѣряйте его — вы даже далматинъ-католикъ, на Адриатическомъ Морѣ, въ этомъ не разувѣрите, не то что этого галицкаго хохла или такого словака, какъ тотъ чернорабочій

въ Вѣнѣ, который во время осажденія твердилъ мнѣ, что онъ и его товарищи удивляются и понять не могутъ, чего же Русскій Царь смотритъ — ужъ и пруссаки заняли ихъ Славенское (землю словацкую), ужъ и Цѣсарь разбитъ, а Русскій Царь не приходитъ и не беретъ ихъ къ себѣ? И эти люди ждуть верстахъ въ пятидесяти отъ Вѣны!!! Нѣтъ-съ, тутъ не то, что графъ Голуховскій, тутъ и самъ великій Меттернихъ не спасъ бы Австрію отъ Москвы Проклятой. Обнѣмчать славянъ не удалось, но удалось, безпутными финансами, ненужными войнами, неосторожною политикою, подорвать въ славянахъ довѣріе къ бѣднымъ Габсбургамъ и потрясти Австрію глубже, чѣмъ думаютъ. Въ крымскую войну Австрія сдѣлала пѣвѣстную демонстрацію противъ Россіи — ввела войска въ Галичину и въ Молдавію.

Шанды копаютъ противъ русскихъ, хлопство смотритъ:

— Прѣшу пана. Съ кѣмъ это нашъ Цѣсарь воевать будетъ, что сюда столько войска нагналъ? Здѣсь поляковъ мало, а за бордономъ только русины.

— Будетъ москалей бить, отвѣчаетъ конфедератка: теперь пришелъ ихъ часъ! Франція, Англія, Сардинія, Турція, вся Европа на Москаля, газеты противъ него, и Австрія теперь тоже на него подымается...

— Прѣшу его мось, спрашиваетъ хлопъ попа: правда, что нашъ Цѣсарь идетъ на Русскаго Царя?

— Правда! отвѣчаетъ попъ съ грустью.

— Прѣшу его мось — да вѣдь нашъ Цѣсарь только Русскимъ Царемъ и держится; если онъ его теперь разгнѣваетъ, чѣмъ же будетъ?

— Политица! отдѣливается попъ.

— Прѣшу его мось — нашъ пастухъ на селѣ былъ бы мудрѣе. Это, должно быть, поляки сбили съ толку Цѣсаря.

Ну, а знаютъ ли въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ, чему приписываютъ славяне неудачи этой войны? Игольчатый ружьемъ? Нѣтъ, просто говорить, что Русскій Царь прогнѣвался на Цѣсаря и не помогъ ему. Что жъ могъ бѣдный Цѣсарь сдѣлать безъ Царя? Цѣсарь такъ бѣденъ, что послѣдній грошъ съ народа беретъ — ему безъ Русскаго Царя нѣтъ спасенія. Такинь-то манеромъ разлагаются историческія государства, безъ всякой пропаганды мужикъ теряетъ въ нихъ вѣру и оглядывается по сторонамъ за другимъ монархомъ. Кто жъ виноватъ? и кто

спасетъ Австрію съ Турціею и съ Венгріею? Стоитъ разъ посылать иностранцевъ на помощь, чтобы потерять кредитъ у своего народа; спасая, въ 1849 году, Австрію отъ мадыарскаго возстанія, мы ее напавъ уходили...

Ходитъ въ Вѣнѣ, въ славянскихъ кружкахъ, острога, что во время войны, каждую ночь являлось Цѣсарю привидѣніе огромнаго роста, строгой наружности, одѣтое въ русскую военную шинель и въ каску, и спрашивало: помнитъ ли онъ крымскую кампанію...

Много фантазій роится въ человеческихъ мозгахъ. Умные и, повидимому, свѣдущіе люди кричатъ: австрійская политика! нѣмедная полиція! русскіе агенты и русскія деньги! Польща въ давнихъ границахъ! германизация! интересы цивилизаціи! величіе католической церкви! центральный европейскій революціонный комитетъ и петербургскіе дипломаты! Слушася и вѣрши, и благоговѣши! А какъ подойдешь поближе, да посмотришь, и оказывается, что всѣ эти мудрости — бабы сказки, которыми невѣждъ пугаютъ, что на дѣлѣ ничего нѣтъ, да и не было. Крикнулъ кто-то съ переполоху: «австрійскія интриги!» или что-нибудь подобное, добрые люди перепугались и заревѣли хоромъ про австрійскія интриги, заметались въ переполохъ, сами увѣровали и другихъ увѣрили. Я начинаю такъ думать, что, чѣмъ больше какой-либо партіи будутъ приписывать ума и ловкости, тѣмъ вѣрнѣе, что эта партія ровнехонько ничего не дѣлаетъ и потому, что чувствуетъ себя подъ надзоромъ, и потому, что просто на лаврахъ почіетъ. Русскіе агенты, у которыхъ карманы подумперіалами набиты! — страхъ! ужасъ! гвалтъ! А гдѣ же эти агенты? Кто догадается послать ихъ? и откуда набрать ихъ? и гдѣ обучить ихъ искусству быть агентами? Мы очень любезны съ Европою, приписываемъ ей умъ и политику, какия ей и во снѣ не снились, она, *par galanterie*, платитъ намъ тою же самою монетою, думаетъ, что мы не дай Богъ какіе хитрые и распорядительные. Ну, намъ это и лестно — оно хоть и ругаютъ, а, все-таки, считаютъ насъ умными — а развѣ не пріятно имѣть репутацію умныхъ людей? Хлѣбомъ меня не корми, только умнымъ считай — я за это даже молчать буду.

Нѣтъ русскихъ агентовъ и русскихъ имперіаловъ на помощь хлопъ. Помѣщикъ полякъ и чиновникъ нѣмецъ гнетутъ его. Куда онъ пойдетъ? къ кому?

А вотъ въ селѣ у него два каменные зданія: одно называется *церковью*, другое — *корчмою*.

IV.

мрутъ съ голоду хлопъ, благодаря панамъ, евреямъ, да еще отеческой распорядительности чиновниковъ-нѣмцовъ!

Въ слѣдующемъ году будетъ опять голодъ, хоть нынѣшній и былъ урожайный — запасовъ ни у кого нѣтъ. Кривда, великая кривда царствуетъ надъ хлопомъ въ Галичинѣ, и не даромъ онъ молить Бога, чтобъ Богъ далъ ему другого *монарху*.

Хлѣбныхъ магазиновъ нѣтъ по селамъ. Были они до французской войны, но тогда правительство забрало хлѣбъ на войско, обещая возвратить его — и не возвратило. Чиновники большею частью нѣмцы — такіе же какъ и вездѣ. Нѣмцу что за дѣло хлопотать о благѣ края? Развѣ для того онъ надѣлъ мундиръ? Онъ прошелъ гимназію, университетъ, даже докторомъ права сдѣлался для того только, чтобъ обезпечить себя на всю жизнь честнымъ кускомъ хлѣба, чтобъ жениться на давно любимой синеокой Каролинхенъ, чтобъ мать старуху прокормить, братьевъ и сестеръ на ноги поставить. Открылось мѣсто ему не въ Нейштадтѣ и не въ Альтенбургѣ, какъ бы ему хотѣлось, а гдѣ-нибудь въ Коломыѣ, въ Тернополѣ, въ этихъ Усть-Сысольскѣхъ и Соль-Вычегодскѣхъ Австріи — онъ и туда поѣхалъ, меблировалъ квартиру, накупилъ посуды, привелъ дѣла въ порядокъ, и сталъ онъ жить-поживать, да дѣтей наживать. Бумаги у него въ порядкѣ, каждая за номеромъ; упущеній нѣтъ ни въ чемъ; придраться къ нему никто не можетъ: ни начальникъ, ни подчиненный, даже хлопъ не можетъ сказать, чтобъ онъ обижалъ его. Вѣдать ему вести дѣлопроизводство по-польски — поведетъ онъ по-польски; вѣдать по-русски — онъ и по-русски поведетъ; вѣдать ловить подозрительныхъ лицъ — будетъ ловить, вѣдать ослабить надзоръ — ослабитъ. Если будетъ приказано ввести застѣнокъ и пытку — онъ и на то готовъ; прикажутъ сажать деревья свободы и надѣть на себя и на другихъ фригійскую шапку — онъ и то исполнитъ, да еще подрядчика найдетъ на поставку фригійскихъ шапокъ... Была бы Каролинхенъ здорова, были бы дѣти сыты, обуты и одѣты, да бутылка пива, да сносный турецкій табакъ на вечеръ — а тамъ хоть трава не расти! Онъ здѣсь чужой: изъ-за чего ему надрываться, проекты подавать, реформы производить? Ышь пироги съ грибами, да держи языкъ за зубами; прежде всего кусокъ хлѣба: кусокъ хлѣба, и

ничто же развѣ его; оттого-то нѣмецкій характеръ и нѣмецкая народность такъ и симпатичны евреямъ — свой своему поневоле братъ. Войдутъ поляки въ силу, начнутъ изгонять нѣмцовъ, вотъ какъ теперь — нѣмецъ мигомъ въ поляка превратится и даже съ женою и съ дѣтьми станетъ по-польски говорить, чтобъ куска хлѣба не потерять. Присоединять русскіе Галичину съ Буковиною — нѣмецъ присягу дастъ, что онъ русскій, и изъ-за вонъ ползаетъ, крича о своемъ русскомъ патріотизмѣ. Бездушный насинишъ, человекъ безъ отечества, орудіе въ рукахъ того, кто ему жалованье даетъ, нѣмецъ ничего не сдѣлалъ и не сдѣлаетъ для края, пока ему не прикажутъ. А кто жъ ему будетъ приказывать? Во Львовѣ намѣстники были тоже нѣмцы, въ исключеніемъ Голуховскаго, въ Вѣнѣ министры тоже нѣмцы — они думали о своихъ дѣтиахъ, племянникахъ, зятыхъ, а вовсе не о краѣ, вовсе не объ Австріи. Въ Пруссіи дѣло другое: тамъ нѣмецъ дома, тамъ онъ не варягъ — оттого Пруссія и стоитъ такъ высоко, а Австрія валится, какъ Римъ, какъ Византія, опиравшіеся на иноплемениковъ.

Одни священники хлопотали о заведеніи хлѣбныхъ магазиновъ и вспомогательныхъ кассъ для хлоповъ; но чтѣ жъ сдѣлаетъ іерей противъ еврея? Еврей бѣжитъ къ пану, у котораго онъ арендуетъ корчму. Право держать корчму (пропинація) принадлежитъ исключительно панамъ и управленію государственныхъ имуществъ.

— И что жъ то будетъ, неслелъможный пане? и какъ же то будетъ? Я не могу больше у пана пропинаціи держать! Попы бунтуютъ народъ — я разоряюсь, и панъ разорется, и хлопъ разорется, и цѣсаръ разорется, и всѣ разорятся...

— Что ты, Лейба! что такое случилось?

— Панъ не знаетъ, что случилось? И пусть же панъ не знаетъ, что случилось! — я не могу держать у пана пропинаціи; я пойду въ Молдавію, въ Турцію... Попы бунтуютъ хлоповъ. Попамъ изъ Москвы за это деньги платятъ — они имѣютъ на то свой интересъ. Еслибъ пану платили, и панъ бы тоже бунтовалъ; еслибъ мнѣ платили и я бы тоже бунтовалъ.

— Да что такое?

— Да что такое? Этого мало, что попъ имъ каждое воскресенье говорить, чтобъ горѣлки не пили? А не будутъ хлопъ горѣлки пить, съ чего я буду держать пропинацію у пана, платить пану 400 гульденовъ въ годъ? съ чего Мойше будетъ

платить пану 200 гульденовъ и Сруйлъ 300 гульденовъ? съ чего? А цѣсарю кто будетъ платить подати? — цѣсарь съ бѣднаго еврея живетъ? А попъ говоритъ, чтобъ даже и въ корчмѣ не ходили, а попъ заводитъ читальню въ шкодѣ для хлопцовъ, казино — точно хлопъ панъ!? А развѣ хлопъ панъ, что ему нужно газеты читать и въ казино ходить, о политикѣ толковать? развѣ это хлопское дѣло? Я бѣдный жидъ, а панъ умный человекъ — пусть панъ подумаетъ...

— Ничего изъ этого не будетъ — хлопъ какъ былъ, такъ и останется...

— Пусть панъ такъ думаетъ, какъ панъ умѣетъ, и пусть панъ заплатитъ мнѣ 529 гульденовъ 27 крейцера, которые мнѣ панъ долженъ; пусть панъ найдетъ себѣ другаго жидъ, а я не могу держать пропинаціи, если панъ на все согласенъ, что попъ дѣлаетъ. Вчера попъ сталъ собирать съ хлопцовъ подписку подъ прошеніе въ намѣстничество, чтобъ позволено было хлопамъ сылку сдѣлать, хлѣбный магазинъ завести. Хлопы не будутъ у меня брать хлѣба, когда имъ нужно, а я развѣ горькою панскою живу? Я живу тѣмъ, что хлопамъ хлѣбъ даю весною, а осенью назадъ отбираю съ небольшимъ процентомъ.

— За корецъ полтора корца? Эхъ ты, Лейба!

— Бываетъ, что за корецъ и два корца — кому до того какое дѣло? Не плачу я пану за пропинацію? Не плачу я цѣсарю? А теперь развѣ хлопъ пойдетъ ко мнѣ за хлѣбомъ? Пусть панъ дѣлаетъ какъ хочетъ, а я не буду держать корчмы.

— Ступай, Лейба, домой и спи спокойно. Я сдѣлаю такъ, что ничего не будетъ...

— А тамъ еще хочетъ попъ устроить имъ волостной банкъ... Я боюсь, пане; пусть панъ отдастъ мнѣ мои 529...

— Иди, иди, ничего не будетъ. Я во Львовѣ напишу...

Выходить Лейба на улицу (*veni, vidi, vici*). Идутъ хлопы.

— Ге, вы, *юи*! Акимъ, Петруню, Микита, Бучко! ходите сюда!

— Що вамъ, пане Лейбо?

— Дѣло къ вамъ; пойдѣте со мною въ корчму.

— Не ма коли.

— Дурни! я вамъ горѣлки поднесу.

Хлопы переглядываются. Они сейчасъ общались священнику не ходитъ къ Лейбѣ.

— Ну? чего тамъ? скорѣй! У меня тоже времени нѣтъ...

И хлопы идутъ, какъ бараны.

— Вотъ вамъ кварта горѣлки; вотъ вамъ закуска. Мнѣ нужны возы подъ хлѣбъ... послѣ поговоримъ... вы мнѣ свезете... у меня коротко. Ну, что жъ у васъ тамъ банкъ будетъ, и магазины будутъ?

— А якъ же! Его мосьте добру раду дали.

— Ге! Ицекъ *hörscht du!* Айзекъ! Абрумъ! Хайка! Слушайте всѣ — теперь наши хлопы будутъ паны! Теперь имъ ужъ не нужно будетъ жидъ...

— И по скольку процентовъ будетъ хлопъ платить въ банкъ? спрашиваетъ Айзекъ.

— По пяти, отвѣчаетъ хлопъ.

— А на полтора ренскихъ пять процентовъ — сколько будетъ? смѣется Ицекъ.

— И кто считать будетъ? кричитъ Хайка.

— А что крысы будутъ въ магазинѣ дѣлать? Може его мосьте ихъ за хвосты привяжутъ, чтобъ хлопскаго хлѣба не ѣли?

— А правда ли, спрашиваетъ Абрумъ: — что его мосьте гроши нужны выдавать дочь замужъ?

— А онъ умный человекъ, его мосьте, говоритъ Айзекъ: — ему бы не попомъ быть, а пропинацію держать. Умѣетъ съ дурнями съ хлопами дѣла дѣлать.

— Пейте, пейте! Я еще кварту поставлю, трещить Лейба: — мнѣ здѣсь ужъ недолго торговать. Я и пану сказалъ, что не буду больше пропинаціи держать. Заводите банкъ, казино, магазинъ — доброе дѣло! доброе дѣло!

— А если вашей Горпинѣ — слушайте Миньта — нужна будетъ шляпка — теперь вы панами уже будете — я сейчасъ до стану! хохочетъ Ицекъ.

Ну, на томъ и конецъ. А если не конецъ, если хлопы не дали себя одурачить, то прошеніе идетъ по инстанціямъ въ намѣстничество. Въ Австріи, какъ во всякомъ образованномъ государствѣ въ Европѣ, нельзя ногу на ногу переложить безъ разрѣшенія центральной власти. Мѣсяца черезъ три приходитъ отвѣтъ, что,

«такъ какъ, въ настоящее время, правительство уже занято начертаніемъ общихъ правилъ для заведенія сельскихъ насѣвъ, запасныхъ магазиновъ и тому подобныхъ учреждений, то прошеніе просителей будетъ отослано на разсмотрѣніе компетент-

ной комисіи, которая препроводитъ свое мнѣніе выдѣлу краевого сейма. Сей же, постановивши свое заключеніе, передастъ оное на будущее засѣданіе сейма, и буде сеймъ утвердитъ оный проектъ большинствомъ ($\frac{2}{3}$ поляковъ и $\frac{1}{3}$ русскихъ), то по разсмотрѣніи оного комитетомъ министровъ, будетъ положеніе сіе представлено на утвержденіе высочайшей власти»...

Далеко улита ѣдетъ, скоро ли доѣдетъ? А по дорогѣ христіанскія паны да челоуколюбивые евреи стоятъ...

Дождливое лѣто 1864 г. да сухое лѣто 1865 года — и поурожай, и голодъ. Голодъ былъ такой, что даже евреи осунулись въ лицѣ, сами ничего не ѣли. чтобъ найти денегъ — дать въ долгъ на вексель бѣднымъ хлопамъ. Голодъ произвелъ тифъ. Мерли хлопы отъ голода — набухали и умирали; мерли хлопы отъ тифа — горѣли въ жару и умирали. А тутъ прусская война изъ-за Шлезвиг-Гольштейна и изъ-за преобладанія въ Германіи — наборъ и подати. Покуда были пруссаки хлопамъ-солдатамъ подъ Садовою, подъ Крадевымъ Градцомъ, дома хлопы мерли отъ холеры — корчились и умирали. Не хочеть ли кто усыновить ребенка? Въ Галичинѣ и въ Буковинѣ, теперь, въ глухую осень, по полямъ, по большимъ дорогамъ, подъ окнами корчмы, въ которую вы зайдете, найдете вы кучи дѣтей, круглыхъ сиротъ, въ однихъ рубашенкахъ, съ блѣдыми лицами, которые попросятъ у васъ крейцеръ — они съ голоду умираютъ. Дайте имъ крейцеръ и помолитесь, чтобъ зима была холоднѣе, чтобъ бѣдные дѣти не мучились долго! Я давалъ крейцеръ и молился за упокой души этихъ невинныхъ жертвъ чиновничьей непредусмотрительности, жидовско-польскаго разсчета и черномыслии нашего общества, несмыслищаго вырвать ихъ изъ рабства.

Впрочемъ, что жъ? Львовскій сеймъ асигновалъ пятьсотъ тысячъ гульденовъ для вспоможенія голоднымъ. Раздавали эти деньги, разумеется, паны, а никакъ не русскіе священники — надо жъ показать хлопству, что оно отъ панства зависитъ и что панство печется объ немъ. Эти полмилліона отправились, разумеется, опять-таки, въ еврейскіе карманы.

Да еслибъ и не голодъ, какъ будетъ жить хлопъ безъ лѣса и безъ выгона? Тюрьмы полны хлопамъ, суда завалены дѣлами о порубкахъ и потравкахъ. Хворостомъ изъ панскаго лѣса хаты не натопишь, потому что хворостъ не скоро наберешь, а скотину надо жъ пасти. И выгоняетъ хлопъ къ пану, а не то

къ другому хлопъ скотину прямо въ овесъ!.. Это, положимъ, преступленіе; но потравы и неумышленно дѣлаются. Поля и лѣса въ Галичинѣ не огорожены, скотъ пасутъ дѣти: перешла корова или лошадь канаву — и плати за потраву, и выкупай скотину. Начали въ послѣднее время паны давать хлопамъ лѣса и выгоны — ужъ лучше я и писать не буду въ какомъ количествѣ! Когда Галичина перейдетъ къ Россіи, русское правительство ахнетъ на чудеса, которыя найдетъ въ тамошнихъ межевыхъ книгахъ.

Подать — три четверти годового дохода. Уменьшить ее австрійское правительство не можетъ, потому что оно въ долгахъ по уши, потому что оно все еще хочетъ играть роль великой державы. Неодоимы страшны! Собрать ихъ одна возможность — послать войска на экзекуцію, и я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, какъ въ Буковинѣ, въ волости Глыбовой, разставлялись солдаты по квартирамъ и какъ плакали хлопы. Я тогда былъ подъ арестомъ и сидѣлъ въ канцеляріи волостнаго писаря... Буковины я хорошо не знаю — мнѣ не дали ее осмотрѣть, меня выслали изъ Австріи: но тамъ, сколько я видѣлъ, народъ также разоренъ помѣщиками-нѣмцами, какъ въ Галичинѣ польскими панамъ. И въ Буковинѣ, и въ Галичинѣ евреи царствуютъ самодержавно. Разница одна: въ Галичинѣ хлопъ — ждетъ Русскаго Царя, въ Буковинѣ мужикъ ждетъ Турка, потому что онъ помнитъ, что нѣкогда былъ подъ Туркомъ, и что подъ Туркомъ у него ни пановъ, ни жидовъ, ни тяжельхъ податей не было. Нѣчего и говорить, что занятіе нами Буковины будетъ праздникомъ для мужиковъ...

Да что я, наконецъ, говорю все о хлопкахъ, да о мужикахъ; будто они одни желаютъ русскаго монарху!.. Отъ Кракова до Черновцевъ, по желѣзной дорогѣ, въ отеляхъ, въ кофейняхъ, въ банкахъ, наконецъ, съ кѣмъ я ни разговаривалъ, даже нѣмцы, даже сами поляки только того и ждутъ, что придетъ новое правительство. Подати разоряютъ всѣхъ; судопроизводство бюрократическое, борьба партій, невѣріе въ политическую будущность Австріи, паденіе курса, постоянная перемѣна монеты — все заставляетъ желать новаго, прочнаго правительства, опирающагося не на принципы, не на системы, а прямо на народъ. Сильно ошибется тотъ, кто будетъ судить о Галичинѣ по «Часу» и по «Газетѣ Народовой», по подтасованнымъ оцінкамъ Голуховскому. Между самими польскими агитаторами, члена-

ми сейма и представителями польскаго дѣла зародилось болѣе, чѣмъ сомнѣніе въ возможность Рѣчи-Посполитой. Въ средѣ ихъ возникаетъ партія за Россію, не потому, чтобъ эта партія любила Россію, но потому что она видитъ, что Польшѣ одинъ выходъ, — утонуть въ панславизмъ. Напрасно у насъ стараются нѣмечить Польшу за Вислою: это огромная ошибка. Исторія мазуровъ поворачивается совершенно въ другую сторону; между поляками, *очень вліятельными*, есть люди, жаждущіе примиренія и соединенія съ нами. Жаль, что нельзя приводить именъ — я могъ бы доказать, что говорю правду и что знаю коротко дѣло.

ІЕРЕЙ И ЕВРЕИ.

I.

І Е Р Е Й.

I.

ело — все изъ крохотныхъ бревенчатыхъ хатокъ, вымазанныхъ глиною и выбѣленныхъ известкою. Хлопъ не строитъ себѣ кирпичныхъ домовъ; онъ черезчуръ разоренъ *подавляю от третью часть всего дохода*, онъ въ долги по уши влѣзъ корчмарю, который чуть не силой спавшаетъ его съ кругу — ему было бы куда отъ дождя спрятаться, да гдѣ отъ морозу обогрѣться, онъ и тѣмъ будетъ доволенъ. Но въ селѣ все-таки есть каменные постройки: это, прежде всего, дѣдинецъ, то есть помѣщичья усадьба, (вотчина), которая гордо сторонится отъ бѣдныхъ хатъ, потомъ *церковь* и *плебанія* (домъ священника); но церковь и плебанія сызномъ и рядомъ остались еще деревянныя, сохраняя и бревна и архитектуру временъ Рѣчи Посполитой. Объ архитектурѣ галицкихъ церквей я уже говорилъ, да и еще придется мнѣ говорить, когда отъ изложенія тамошняго соціальнаго быта я перейду къ чисто этнографическимъ замѣткамъ, къ костюмамъ, пищѣ, къ ручникамъ, къ юбкамъ и т. п., когда я укажу не замѣченную, кажется, ни однимъ этнографомъ разницу между *русинами* и *руснаками*, между жителями *Поля* и *Горъ* между *хлопами* и *мужиками* *). Новыя плебаніи построены довольно комфортно, хотя тоже невелики,

*) Что будетъ изложено въ отдѣльномъ иллюстрированномъ сочиненіи, въ которое войдутъ мои археологическія и этнографическія изслѣдованія.

обыкновенно въ четыре комнаты съ кухней, а это очень немного для многочисленнаго семейства, какое обыкновенно бываетъ у священника. Старый плебанъ — ужасъ! онъ краснорѣчивѣ всякихъ памятникъ разсказываютъ положеніе православнаго и униатскаго духовенства во время Рѣчи Посполитой.

Другое каменное зданіе, также неизбежное въ каждомъ селѣ, какъ и церковь, — это корчма. Вся жизнь хлѣба проходитъ между храмомъ Спасителя и капищемъ Вакха: крестины, свадьбы, похороны, справляются поровну въ церкви и корчмѣ — *іереемъ и евреямъ*.

Это очень странные люди — іерей и еврей. Они оба всѣмъ своимъ бытомъ, понятіями, развитіемъ, одеждою резко отличаются отъ хлѣба. Они оба набожны, и оба надѣваются, при извѣстныхъ случаяхъ, ризы; оба вѣчно возятся съ книгами, толкующими о спасеніи души, о царствіи ему же не будетъ конца; оба привыкли смотрѣть на міръ, какъ на нѣчто преходящее, не заслуживающее ни особаго вниманія, ни особаго уваженія, а оба вѣчно обуреваются суетою мірскою. Оба носятъ долгополое черное платье — оба и бороду бы носили, но Римъ насильственно обрилъ и остригъ священниковъ, а цивилизація начинаетъ брить и еврея.

— Вы говорите, что вамъ глаза колютъ наши бритые подбородки и стриженные головы, смѣялся мнѣ одинъ чрезвычайно остроумный галиційскій священникъ, вамъ диковинно видѣтъ русское духовенство въ католическомъ уборѣ; вамъ кажется, что платье чловѣка дѣлаетъ. Успокойтесь, насъ *пятьсотъ* лѣтъ сряду давятъ, а чтожь насъ выдавили? Только то, что мы ихъ больше ненавидимъ, чѣмъ отцы наши, хотя они отцовъ-то преслѣдовали сердитѣй, чѣмъ насъ. Навязали намъ унию, которая намъ противнѣ, чѣмъ вамъ, исказили нашъ обрядъ, бороды намъ пообрили и увѣрили, что между нами и православной церковью все кончено — мы даже съ виду больше на латинскихъ ксѣндзовъ похожи, чѣмъ на русскихъ священниковъ. Но одну мелочь забылъ почтенный Римъ, онъ не сообразилъ, что стѣны нашихъ церквей, утварь, обрядъ, напѣвъ, преданія — все вопіетъ намъ о томъ, что у него называется *слизмой* (расколомъ), что никакимъ образомъ не можемъ мы отвязаться отъ идеи, что этотъ *расколъ* — вѣра отцовъ нашихъ, вѣра всего русскаго народа, всѣхъ его племенъ; что *расколомъ* этииъ Земля Русская единится и стоитъ, что онъ составляетъ

душу русской исторіи, и что не будь его, мы бы давно утратили свою народность и приняли польскую. Теперь полижи изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобъ довершить единеніе церквей во *Святой Уніи*, и единеніе народностей бывшей Рѣчи Посполитой въ *польскости*. Мы изъ кожи вонъ лѣземъ, чтобъ не поддаться, потому что поддаться — значитъ отречься отъ завѣта нашихъ отцовъ, мучениковъ Православія и Руси, потому что поддаться — значитъ погибнуть самимъ и отдать на гибель весь народъ, котораго мы единственные представители, предводители и друзья; мы одни дорожимъ его хлѣбскимъ и поповскимъ преданіемъ, мы одни преданы его вѣрѣ, его языку, его грамотѣ; насъ съ нимъ вяжетъ обоимъ надежда на славніе нѣкогда съ остальною Русью, и въ насъ кипитъ та же историческая, вѣковая вражда къ *ляху* и ко всему, что *ляху* пахнетъ... Насъ немного, мы бѣдны, незнатны и потому незамѣтны ни въ Австріи, ни въ Европѣ, даже въ самой Россіи, кажется, мало кто знаетъ объ нашемъ существованіи, а между тѣмъ, мы здѣсь, въ Галиціи, тихомолкомъ ведемъ упорную борьбу съ *ляхами*, и незамѣтно подкапываемъ всякое довѣріе къ нимъ народа. Они насъ гонятъ: власть въ ихъ рукахъ; но съ каждымъ днемъ они болѣе и болѣе теряютъ почву пѣз-нодь ногъ и становятся тѣмъ, чѣмъ имъ и быть у насъ надлежитъ — иностранцами. А мы, въ свою очередь, съ каждымъ днемъ дѣлаемся болѣе и болѣе православными, любовь наша ко всему русскому растетъ не по днямъ, а по часамъ; народъ нашъ начинаетъ фанатически вѣровать, что присоединеніе Галиціи и Буковины къ Россіи дѣло неизбежное, и что ему лучше станетъ отъ этого присоединенія. Пусть *ляху* крутить и мутить, какъ хочетъ — она ничего не подѣлаетъ своими преслѣдованіями. Мы — какъ наши бороды: чѣмъ больше ихъ брѣютъ, тѣмъ гуще онѣ становятся; придетъ часъ присоединенія къ Россіи, и онъ, къ общему удивленію, вдругъ выхолзутъ изъ голыхъ подбородковъ и роскошно разстелются по грудямъ. Насъ гонятъ — а мы все сильнѣе да сильнѣе становимся; бороды наши брѣютъ — а бороды все растутъ да растутъ; латинскіе и польскіе обычаи втерлись въ нашу церковь и въ нашу жизнь — а мы, все-таки, хорошо помнимъ, что русское и православное, и что нерусское и неправославное. Растутъ-съ бороды, растутъ, какъ ихъ тамъ ни брѣй...

А всѣхъ-то ихъ, болѣе или менѣе образованныхъ, русскихъ

въ Галичинѣ не будетъ болѣе 8,000 на 3,000,000 населенія. Цѣну эту, 8,000, или 8,300 галичане выводятъ слѣдующимъ образомъ:

Въ 2,100 приходахъ галицкой митрополіи священниковъ	2,100
При нихъ дьячковъ, сельскихъ учителей и т. п.	2,100
На каждую священническую семью можно подожить по сыну гимназисту или студенту	2,100
Чиновники, учителя, художники и т. п.	2,000
	8,300

И это все ихъ наличныя средства! На мѣщанъ, какъ на дѣятелей, какъ на русскихъ патриотовъ, разсчитывать нельзя: они слишкомъ ошлячены и слишкомъ стыдятся языка и вѣры отцовъ своихъ; они сдѣлаются отличными русскими, если только у нихъ будетъ поддержка, то-есть, если Галичина будетъ присоединена къ Россіи. Всѣхъ ихъ въ 43 городахъ восточной, то-есть, настоящей Галичины, считается 74,689 человекъ (поляковъ 95,817, а господъ-евреевъ 139,679); большинство русскіе мѣщане составляютъ только въ 25 городахъ. Весь разсчетъ, вся сила духовенства поконится исключительно на сельскомъ населеніи, котораго весьма мало коснулась колонизація и которое приверженіе къ церкви, чѣмъ къ костѣлу; и не буди это населеніе, по общему характеру малорусовъ и бѣлорусовъ, такъ индифферентно, лучше сказать, такъ страшно забито — давнымъ давно ни одного поляка, ни одного ксѣндза не было бы въ Галичинѣ.

— Чего ужъ мы не придумывали, ваше благородіе, только валь мнѣ другой священникъ (галичане также любятъ титуловаться въ разговорѣ, какъ и ихъ просвѣтителы-нѣмцы): — хотѣли нѣсколько разъ поднять народъ и выгнать поляковъ — только опасно, что народъ не выгонятъ ихъ станеть, а, попросту, перебьютъ; да и съ правительствомъ ссориться не хочется. Думали мы перейти всѣмъ выѣсть на православіе, но и то дѣло рискованное: между нами 2,100 священниковъ; но найдется человекъ съ двадцать, которые, или по убѣжденію, или по нерѣшительности характера, или, наконецъ, изъ личныхъ видовъ, не пристанутъ къ намъ, и тогда русская народность въ Галичинѣ распадется на два враждебные стана, на православный и на униатскій, что будетъ страшнымъ для насъ несчастьемъ. Да

еслибъ и всѣ священники, безъ исключенія, подписали заявленіе о принятіи ими православія, то, думаете вы, не повели бы поляки и прочіе католики упорнѣйшей агитаціи противъ насъ? Не стали бы навязать въ села слѣдственнымъ комисіи для запроса крестьянъ, какой они вѣры хотятъ? А что стали бы отвѣчать крестьяне? «Старой вѣры, просимо пана, мы хочемо; яку вѣру отцы наши тримали (держали) ту саму и мы, просимо пана, и мы хочемо тримати»... Вотъ и весь ихъ разговоръ будеть; тутъ и разбирай и разясняй какъ угодно. унии они хотятъ или православія; они ни того, ни другаго не знаютъ; твердятъ себѣ, что ихъ вѣра русская, та самая, что и въ Россіи, на мелочи въ обрядахъ вниманія не обращаютъ и потому они одинаково готовы матеріалъ и въ православные, и въ католики. Чиновники, разумѣется, воспользуются этою неопредѣленностью хлопскихъ воззрѣній и заставятъ ихъ, при помощи войтовъ да евреевъ-шинкарей, подписаться, что они хотятъ унии. Тогда русское дѣло въ Галичинѣ окончательно проиграно — мы потеряемъ приходы, а на наши мѣста насажаютъ людей далеко не такихъ твердыхъ, какъ мы. Поэтому и сидимъ мы тихо да смиренно, не предпринимая ничего рѣшительнаго и ведя неподоволь свою пропаганду.

Я видѣлъ очень много священниковъ, я бывалъ въ домахъ ихъ, гостилъ у нихъ по недѣлямъ, толковалъ съ передовыми и съ отсталыми, и невольно пришелъ къ заключенію, что всѣ они, даже самые робкіе, самые плохіе, въ глубинѣ души хоть завтра готовы принять православіе и ждутъ не дождутся, когда Галичина станеть русскою. Не всѣмъ я вѣдѣлся какъ *русскій* путешественникъ. Галичане, особенно старшее поколѣніе, удивительно робки и запуганы, и не одинъ изъ нихъ побоялся бы принять въ домъ русскаго изъ-за кордона, *москали* — побоялся бы криковъ и воплей сосѣдней Пोलоніи, обвиненія въ сношеніяхъ съ русскими эмисарами, хлопотъ, подозрѣній, допросовъ, разспросовъ и т. п. Поэтому, мнѣ, въ моихъ разъѣздахъ, случалось часто явиться въ плебанію седмиградскимъ фотографомъ, венгерцомъ, болгаринномъ. Я сидѣлъ между ними цѣлые часы, дѣлая видъ, что не понимаю, о чемъ они говорить, отвѣчалъ имъ на ихъ вопросы короткими нѣмецкими и румынскими фразами; меня забывали въ жару разговора, мною не стѣснялись, а я слушалъ, слушалъ — и радовалось сердце мое, видя, что даже эти отсталые, даже эти робкіе и низконо-

клонные передъ поляками люди до мозга костей ихъ проникнуты любовью къ Россіи и преданностью православію, (въ чемъ, между прочимъ, обязаны полякамъ, а вовсе не нашимъ успѣхамъ и стараніямъ).

У насъ многіе думаютъ, что Польша уже нѣтъ на свѣтѣ, и въ доказательство этого приводятъ рядъ административныхъ мѣръ для обрусенія поляковъ по сю сторону Вислы и — непонятно зачѣмъ и для кого — онѣмечиванія ихъ по ту сторону. Дѣйствительно, наша Польша съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе стирается съ картъ Россіи и переходитъ на карты Пруссіи; но это еще вовсе не доказываетъ, чтобъ она исчезла на дѣлѣ. Она живетъ въ нравахъ поляковъ, въ ихъ привычкахъ, въ ихъ *manière d'être*, и что дѣлалось въ Рѣчи-Посполитой, XVII и XVIII вѣка, то самое дѣлается и понинѣ, гдѣ-нибудь въ этой глухой и невѣдомой міру Галичинѣ. Вся разница между старыми и новыми поляками состоитъ только въ относительной мягкости нравовъ, въ служеніи широкимъ натурѣ, въ робости передъ крутыми мѣрами.

Священникъ, гостепріимствомъ котораго я воспользовался подъ видомъ трансильванина-фотографа, ищущаго заработковъ, ужасно сердился на сосѣдняго пана, который его и нѣсколькихъ его товарищей пригласилъ на похороны кого-то изъ своихъ родныхъ. Уніатскихъ священниковъ паны приглашаютъ въ себѣ вмѣстѣ съ католическими, для приданія большаго блеска церемоніи, которая, такимъ образомъ, совершается по двумъ обрядамъ одинаково признаннымъ и утвержденнымъ римскою церковью. Русскихъ священниковъ было человѣкъ шесть и ксендзовъ католическихъ было человѣкъ шесть. Ксендзовъ посадили за обѣдомъ поближе къ хозяину, между почетными гостями — поповъ помѣстили на конецъ стола, между всякихъ приживаловъ, управляющихъ, гувернеровъ и т. п. Спать ксендзовъ уложили въ комнатахъ, на мягкихъ диванахъ и на матрадахъ — поповъ отвели на сѣноваль. Ксендзамъ заплатили, помнится, по 10 ренскихъ (гульденовъ, флориновъ; 1 ренскій = 60 к. с.), попамъ дали всего по 5. Ксендзы поѣхали домой въ панскихъ каретахъ и коляскахъ, попы пріѣхали и уѣхали въ своихъ собственныхъ бричкахъ, купленныхъ гдѣ-нибудь назавтра по случаю, въ приданое взятыхъ за понадыми и назначенныхъ въ приданое дочерямъ. Хозяинъ мой и гости его были внѣ себя отъ негодованія: «Не будемъ больше ѣздить до

ляховъ! сердились они: — Чѣмъ мы хуже ксендзовъ? Мы ученые, мы нравственнѣе ихъ, мы полезнѣе ихъ для края! Да, наконецъ, и край этотъ — нашъ русскій край; мы здѣсь хозяева, а не эти латинники: они здѣсь пришлые люди, какое же право имѣютъ они ломаться передъ нами, передъ хозяевами?...

— Чекайть, ваше преподобіе, возражалъ другой священникъ: — чекайть трохи — пѣ-за кордону прійдуть, они дадутъ ляхамъ знати, що то такого русины...

А най *) прійдуть они. Най буде и вѣуть и вѣють, и Сибирь, и, дѣдко **) ихъ знае, що они еще тамъ мають, най все буде, що бы только отъ ляховъ они волю поотберали.

Но по имени насъ называть, называть, кого ждуть на выручку пѣ-за кордона, ни одинъ не оговаривался.

Вражда и презрѣніе къ восточной церкви и ко всему восточному всасываются поляками съ молокомъ матери — и вражда эта совершенно понятна. Литовская и киевская Русь хоть и вошли въ составъ Рѣчи-Посполитой, но православіе тануло ихъ все-таки къ Москвѣ, къ столицѣ митрополита *Всехъ Руси*. Гониміе на православіе, потому на унию, нынѣшнее гоненіе на русскую азбуку, на букву *ѣ*, на церковныя слова въ литературномъ языкѣ, на свѣтскихъ и духовныхъ предсказателей Руси, стремленіе полячить и католичить эту Русь — все это необходимыя условія существованія Польши. Развѣ можетъ существовать государство, религіозная и умственная жизнь котораго концентрируется за границей? Отчего во Франціи ведется такая ожесточенная борьба съ Римомъ? Отчего мы разрушили конкордаты? Москва тотъ же Римъ для Вальны, Житомира, Кіева и даже уніатскаго Львова. Москва въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ жила исключительно православіемъ; сами греки признавали ее единственною и законною наслѣдницею Царяграда, да въ добавокъ Москва была *единственнымъ независимымъ* православнымъ государствомъ. Во имя этого православія, какъ и во имя династіи Рюриковичей, во имя Земли Русской, она постоянно заявляла свои права — быть государствомъ *Всехъ Православной Руси*: могли ли поляки смотрѣть на это спокойно? Ихъ положеніе было вовсе незавидное при подобномъ сосѣдствѣ, и есте-

*) Най — нехай, пусть.

**) Дѣдко — чортъ. Въ язычествѣ у насъ всѣ божества назывались дѣдами. Дѣдушка-домовой.

ственное дѣло, что между ними и нами возникъ вопросъ, кому изъ насъ существовать — имъ или намъ: ни мы, ни они не могли, въ силу своихъ традицій и вѣрованій, отречься отъ гегемоніи надъ Восточной Европой. И вотъ, почти вся польская исторія XVIII вѣка вышла исторіею ужаса передъ нашею пропагандою и нашими подкупами. Каждый православный становился въ ихъ глазахъ измѣнникомъ польскаго государства, каждый священникъ — предателемъ отечества. Они въ страхъ то и дѣлали, что отыскивали агентовъ *чарицы*, которые, будто бы, развозили рубли и воззванія по православнымъ монастырямъ, и вѣшали всякихъ оленей, коробочниковъ, богомазовъ, кулаковъ и т. п. несчастныхъ, принимая ихъ за эмиссаровъ русскаго правительства. Что дѣлалось сто лѣтъ назадъ, то самое происходитъ и понынѣ въ Галичинѣ. Сеймъ, Голуховскій, публицистика, польское общество, въ каждомъ русскомъ, который не измѣняетъ своей народности, видятъ челоуѣка, подкупленнаго нами, и преслѣдуютъ его какъ только могутъ. Имъ вездѣ и во всемъ мерещится русская пропаганда, русскіе рубли, русское лауценіе — а у насъ, къ стыду нашему, даже и консула-то нѣтъ во Львовѣ *), такъ что мы лишены возможности даже знать, что именно происходитъ въ Галичинѣ, не говоря уже про то, чтобы помогать тамошнимъ нашимъ братьямъ.

Чтобы примириться съ поляками, галицкому русскому надо отречься сперва отъ всякаго сочувствія къ намъ — это значитъ ругать насъ напосады, ненавидѣть православіе и быть готовымъ идти съ повстаніемъ. Но было бы еще хорошо, еслибы польскія требованія могли этимъ и ограничиваться — въ томъ-то и бѣда, что, для возсозданія Польши, полякамъ необходимо требовать отъ русскихъ дальнѣйшихъ уступокъ. Во-первыхъ, русскіе должны очистить свой литературный языкъ отъ всѣхъ церковныхъ и старинныхъ словъ (непонятныхъ полякамъ) и пополнить его словами, заимствованными съ польскаго. Писать должны они какъ говорить, а говорить должны какъ пишутъ — это значитъ имъ слѣдуетъ порвать всякую связь съ своею старинною литературою, съ своими лѣтписями, съ церковью, — сло-

*) Консула у насъ во Львовѣ до сихъ поръ нѣтъ. Мы на это не рискуемъ. Мы завели консула въ Черневцахъ, но на сколько онъ специалистъ по буковинскому и галицкому вопросу, пока не знаемъ.

вить, забыть все свое прошлое и начать историческую жизнь заново. Хотя русскія буквы и употребляютъ всѣ православные словине, то-есть, что-то около 60,000.000 европейцевъ, и хотя употребленіе это идетъ отъ Триеста на Адриатическомъ морѣ до Новоархангельска на американскомъ берегу Тихаго Океана, отъ Царяграда до Соловецкаго Монастыря, но этихъ буквъ не употребляютъ ни французы, ни нѣмцы, ни мадьяры, ни поляки, чѣмъ и доказывается, что латинская азбука и облагораживаетъ народы, и прогрессу содѣйствуетъ, поэтому и малорусамъ съ белорусами слѣдуетъ писать латинскими буквами, и такимъ образомъ не имѣть никакихъ сношеній съ нами. Точно такъ же и съ уніею слѣдуетъ распорядиться. Восточный обрядъ, достояніе народовъ *полуварварскихъ* и, главное, опасное орудіе въ рукахъ русскихъ: малоросъ слѣдуетъ стараться всѣми силами очистить этотъ обрядъ отъ *средневековыхъ*, запоздалыхъ *безобразій* и сблизить его, сколько возможно, съ латинскимъ. Затѣмъ — ну, затѣмъ даже по-малорусски говорить не слѣдуетъ, потому что смѣшно же говорить по-хлопски, когда есть образованный языкъ, какъ смѣшно ходить въ церковь, когда есть смѣшно называть себя русскими, когда можно называться полякомъ...

Это все очень печально; но поляки иначе поступать не могутъ — исторія Польши такъ сложилась.

Не вѣтренность поляковъ, не шляхта, не іезуиты погубили Польшу — она, просто-на просто, не могла выжить подлѣ насъ, исповѣдывавшихъ всѣмъ нашимъ бытомъ нашу покорность передъ плахой, крѣпостнымъ правомъ и грабежомъ приказныхъ, нашу готовность все вынести и всѣмъ пожертвовать во имя единства Земли Русской, во имя торжества нашего государства, представителя Вѣры Православной, надъ вѣчными врагами. Польша также не могла выжить подлѣ насъ, какъ не можетъ выжить теперь ни Австрія, ни Турція, потому что она стала чась освобожденія не только сдвинувшихъ насъ народовъ, но уже и единоплеменныхъ, изъ-подъ чужеземнаго ига. Прочныя государства, государства слитыя изъ народовъ единоплеменныхъ, не боятся сосѣдей: что намъ Прусія, и что мы Прусія? Отчего намъ въ голову даже не приходитъ, чтобы англійское золото могло составить у насъ враждебную нашему государству партію, или, чтобы французская пропаганда могла посягать въ насъ любовь къ Россіи? А взгляните на поля-

ковъ въ Галичинѣ, на Австрію, на Турцію — тамъ только то и кричатъ, что недовольство тамошнихъ славянъ ихъ правительствами производится нашими эмисарами и нашими полуимперіалами. Это вопіющая ложь — ни наше правительство, ни наша читающая публика не пьютъ даже достаточнаго понятія о славянахъ, чтобъ *думать* сыпать имъ деньги; даже не знаютъ, на что служить имъ могли бы деньги. Но мы допустимъ, что деньги и эмисары дѣйствительно льются отъ насъ въ Австрію и въ Турцію Niagaraскимъ водопадомъ; допустимъ, что наше правительство и общество дѣйствительно подкупаютъ славянъ — спрашивается тогда, что жъ это за государства, существованіе которыхъ зависитъ отъ золота ихъ соседа? Отчего же иностранное золото не потрясаетъ ни Швеціи, ни Италіи, ни Германіи, ни даже какой-нибудь Испаніи или Румыніи? Боязнъ иностранныхъ агентовъ и иностранныхъ подкуповъ — знакъ, что государство не увѣрено въ возможности своего существованія, знакъ, что оно само чувствуетъ приближеніе своей смерти. Умерла Польша, какъ политическая особа, умираетъ Турція, Австрія и Венгрія — умираетъ міръ государствъ безъ опредѣленной народности, государствъ, существованіе которыхъ опирается только на трактатахъ, на историческихъ воспоминаніяхъ, на правѣ давности...

За что львовскій сеймъ и Голуховскій такъ неутомимо преслѣдуютъ русское духовенство? — за его привязанность ко всему русскому; а эта привязанность мѣшаетъ ополчанью малорусовъ, ополченіе которыхъ необходимо для великой sprawy воссозданія Польскаго Государства. Вотъ что писалъ въ «Словѣ» священникъ отецъ Иванъ Наумовичъ въ отвѣтъ «Газетѣ Народовой», которая требовала съ него отреченія «отъ всякой wspólności z Moskwą i z szczytą», если онъ хочетъ получить хорошій приходъ. Отецъ Наумовичъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ галицкихъ дѣятелей, отличный ораторъ на сеймѣ, ловкій дилектикъ, и потому поляки страшно ненавидятъ его, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ замѣтилъ, что имъ *кнута* нужно, чтобъ заставить ихъ понять свои отношенія къ малорусамъ.

«Такъ вотъ стало, говорить онъ («Слово», 1866 г., № 83), ультиматумъ; wypracie się wszelkiej wspólności z Moskwą i z szczytą! А извѣстно, что подъ Москвою «Газета Народовая» разуметь не городъ Москву, какъ весь свѣтъ, ни русское пра-

вительство, имѣть съ которымъ какія-нибудь незаконныя связи для меня, австрійскаго подданнаго, было бы дѣло преступное; оно разуметь народъ русскій, живущій въ Имперіи Россійской. Не стану ей тутъ толковать, что *народъ московскаго свѣта* нѣтъ, что на всѣхъ картахъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ стоитъ только: Россія, Rossya, Russko, Russland, Russie — Русскіе, Russove, Russes, Russians и пр., а нигдѣ не попадается карты *Москвы*, какъ края или державы. Для «Газеты Народовой» исторія, энологія, этнографія, которая не совпадаетъ съ фантазіями Духинскаго et Comp., все *zfałszowane* — такъ и всѣ эти карты *zfałszowane*. Но я принимаю выраженіе «Москва» въ ея смыслѣ, и осмѣливаюсь апеллировать къ здравому разуму всѣхъ поляковъ, спросить, правда ли, что Rusin i Moskal — два совершенно чуждые другъ другу народа, и возможно ли мнѣ, человѣку уже, безспорно, русскому, отречься отъ Москвы и раскола (схизмы) за какой бы тамъ ни было приходъ?

«Что бы тамъ ни было, но нельзя же отрицать, что въ Москвѣ, хоть бы и въ самой такъ-называемой *матрицѣ Москвиты*, живутъ люди. Какъ человѣкъ, я не могу отречься ни отъ одной естественной связи съ людьми.

«Какъ христіанинъ, да еще, сверхъ того, проповѣдникъ ученія христового, не могу я не видѣть въ Москвѣ моихъ ближнихъ, *братій*, не могу ихъ не любить, или меньше любить, чѣмъ люблю ближнихъ и во Христѣ братій въ Краковѣ, въ Варшавѣ, въ Познани.

«Какъ славянинъ, не могу въ Москвѣ не видѣть славянъ.

«Какъ русскій человѣкъ, не могу въ Москвѣ не видѣть русскихъ людей. А хоть я малорусинъ, а тамъ живутъ великорусы, хоть у меня выговоръ малорусскій, у нихъ великорусскій — такъ такой и я русскій, и они русскіе, какъ мазуры и великополяне и, такъ-называемые, васерполяки имѣютъ свои особенности, свой выговоръ, свою простонародную литературу, но все сходится въ томъ, что все они поляки и у всѣхъ одна общая книжная литература, общій книжный литературный языкъ... «Газета Народовая», утверждая, что Rusin и Moskal — два совершенно чуждые другъ другу народа, поставила парадоксъ подъ которымъ подписаться не позволяетъ мнѣ древній летописецъ Руси, и противъ котораго протестуютъ всѣ величайшіе славянскіе авторитеты; Шафарикъ зналъ одну mluvu rusku и нарѣчія

velko, malo и l'jelo-русскія. Что касается выработки нашего малорусскаго языка въ книжный языкъ, то нельзя отрицать, что народъ въ 15,000,000, (т. е. вдвое, сколько всѣхъ поляковъ на свѣтѣ), могъ бы, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, образовать свою собственную, независимую отъ великорусской, литературу; а слышалъ бы она или не слышалъ съ существующимъ уже книжнымъ русскимъ языкомъ, было бы вопросомъ будущаго. Но если этого не сдѣлалось, то кто же въ томъ виновать, какъ не сами поляки, подъ владычествомъ которыхъ столько вѣковъ жилъ малорусскій народъ и подъ властью которыхъ (большинства въ сеймѣ) живетъ здѣсь и нынѣ? Великорусы лучше умѣли пользоваться обстоятельствами. Они къ своему родному великорусскому нарѣчію примѣшали классическое церковнославянское и живое малорусское и изъ всего этого, при помощи ученыхъ велико-мало-и бѣлорусовъ, образовали *общій русскій книжный языкъ*, который всѣмъ русскимъ племенамъ равно доступенъ и равно далекъ отъ протонароднаго говора великорусскаго, какъ и отъ мало-и бѣлорусскаго. Для выработки же малорусскаго нарѣчія оставалось было еще *одно поле*, т. е. Галичина, гдѣ по истинѣ благопріятствовало ему не очень распространенное знаніе книжнаго русскаго языка, роскошно обработаннаго въ Россіи, и великорусскаго произношенія. Я самъ былъ подвижникомъ на этомъ поприщѣ и думалъ, даже до конца послѣдняго засѣданія галицкаго сейма, что поляки, братья славяне, имѣющіе на сеймъ преимущество составлять большинство, приложить всевозможныя усилія, чтобъ, подавляемъ нашимъ народнымъ школамъ и другимъ учрежденіямъ братской помощи, поставить насъ въ возможность выработать наше малорусское нарѣчіе въ независимое отъ великорусскаго. Голосъ мой, при предложеніи посла (депутата) Лавровскаго о глупыхъ 3,000 ренскихъ гульденовъ для нашего, ультрамалорусскаго театра, былъ лебединою пѣсней, съ которою упала послѣдняя надежда на братство сосѣдей поляковъ и самый исключительный малорусскій патриотизмъ, котораго первые поборники за кордономъ (т. е. въ Россіи), потерявъ послѣднюю опору на галицкомъ сеймѣ, перешли прямо въ великорусскій станъ, потому что ясно стало, что если малорусъ не хочетъ сдѣлаться полякомъ, то у него только одно прибѣжище — выработанная, готовая, богатая книжная *русская* литература. А кто въ этомъ хоть и малѣйшее имѣетъ сомнѣніе, пусть только внима-

тельно читаетъ «Газету Народовую», и пойметъ онъ, какъ нельзя ясно, для чего въ Галицкой Руси исчезли всѣ народныя партіи и стало одно общее мнѣніе, котораго вѣрныя выраженіемъ служатъ наше львовское «Слово».

«Пойдемъ дальше. Возможно ли мнѣ отречься *wszelkiej wspólnosci z Moskwą i z szuzmą*? Я греческаго обряда, и этого же обряда Москва держится. Какъ уніата, меня съ римской церковью связываютъ *три* догмата: о главенствѣ папы, о происхожденіи св. Духа и о чистилищѣ, а съ Москвою все остальное: тотъ же самый Богъ, единый въ Троицѣ, тѣ же самыя св. тайны, та же самая біблія, буква въ букву, тѣ же самыя святые отцы, та же самая, отъ тѣхъ же вселенскихъ учителей происходящая, литургія, тѣ же самыя боговдохновенныя молитвы и пѣснопѣнія, тѣ же самыя праздники, тотъ самый языкъ церковнославянскій, то же самое лѣтосчисленіе. У насъ рождество — въ Москвѣ рождество; у насъ богоявленіе — въ Москвѣ богоявленіе; у насъ мисоупустъ — въ Москвѣ мисоупустъ; у насъ поклоны — въ Москвѣ поклоны; у насъ «Христосъ воскресъ» — въ Москвѣ «Христосъ воскресъ» и пр. Съ Москвою, несмотря на унію и на обрядовыя аномаліи уніи, меня Господь Иисусъ Христосъ и общеніе святыхъ вяжетъ, потому что я молюся о всей *о Христѣ* братіи нашей, а мои праотцы, записанные въ помянникахъ нѣсколько вѣковъ назадъ, одни были уніаты, а другіе православные. Такъ ужъ если отречься *wzelkiej wspólnosci z Moskwą*, то значитъ: перестать быть русскимъ, христіанномъ, славяниномъ, отречься греческой церкви, греческаго богослуженія, лѣтосчисленія, праотцовъ своихъ и сдѣлаться — чѣмъ? Если ужъ не язычникомъ, то Душинскимъ, предателемъ церкви отцовъ и дѣдовъ своихъ, отступникомъ Руси? Спрашиваю саму «Газету Народовую», можно мнѣ это сдѣлать?

Теперь разберемъ здраво, возможно ли мнѣ отречься *wzelkiej wspólnosci z szuzmą*?

«Никому, а подавно «Газетѣ Народовой», подъ вѣдомствомъ которой я, какъ священникъ, не состою, не принадлежитъ право сомнѣваться въ преданности моей уніи, пока я пребываю въ общеніи съ св. римскою церковью, исповѣдую *я* ея догматы, почитаю видимаго главу церкви, папу римскаго, и за него всенародно молюся. Что касается обряда, я могу имѣть убѣжденіе, что онъ у насъ искаженъ и что нужно его очистить (т. е. отъ латинскихъ прибавокъ). Убѣжденіе это было и есть

не только мое, но и каждого, кто хоть какое-нибудь понятие имѣетъ о греческомъ обрядѣ, какъ то ясно выражено въ пастырскомъ посланіи къ перемышльской епархіи 28-го іюня 1862 г.: *Hic ritus, jam propter suam vetustatem venerandus, quod vobiscum, dilectissimi fratres, inter gemitus palam profiteamur, de primitiva sua puritate et eximio splendore tantum amisit, ut via orientalis dici queat, et a ritu graeco, sicut et a latino aequè remotus est.* Правды этой дѣвать некуда; но иное дѣло *убѣжденіе*, а иное дѣло *повиновеніе* власти. Какъ священникъ, я считаю своимъ долгомъ, и даже помимо убѣжденія, непонять въ точности, что мнѣ велитъ церковная власть. Предположивъ это, перехожу къ сличному требованію «Газеты Народовой», чтобы я отрекся *осякой* связи съ схизмою, т. е. восточною церковью. А какъ же это сдѣлать? Какъ мнѣ теперь войти въ церковь? Вольно еще мнѣ трижды перекреститься? Нѣтъ не вольно, потому что именно такъ крестится схизма, а я долженъ отречься отъ всякой общности съ нею. Начну съ богослуженія: «благословенъ Богъ нашъ»... Нѣтъ, нельзя — такъ начинается вся схизма отъ Соловецкаго Монастыря на Бѣломъ Морѣ, вплоть до береговъ Далмаціи, а мнѣ поставленъ ультиматумъ: отречься *wszelkiej wspólności z szysmą*. Да это еще что! Мнѣ даже войти нельзя въ мою церковь, хоть бы въ ту самую, которую я своимъ трудомъ, любовью братчиковъ и щедротами высокихъ благодѣтелей соорудилъ, потому что, знаете ли, на престолѣ этой церкви лежитъ — о, горе! — евангеліе, пзданное за *благословеніемъ четиристольныхъ патриарховъ*, — стало уже рѣшительно *схизматическое*! Каждый здравомыслищій человекъ пойметъ, что для исполненія условій, подъ которыми «Газета Народова» можетъ рѣшиться въѣхать мнѣ приходъ Глѣбовичъ — надо попросту отречься и обряда и народности, и сдѣлаться настоящимъ полякомъ. Счастье мое, что *vanas sine viribus igae* «Газеты Народовой».

«И удивляться теперь, что съ такими варварскими *засадами* (принципами) Полонія падаетъ! Развѣ это не естественно? Положимъ, что Польша воскресла, Польша въ старыхъ границахъ, въ которыхъ мѣстилось нѣсколько миліоновъ русскихъ схизматиковъ, что дѣлала бы съ ними *власть*, когда *безсиліе* нынѣ открыто исповѣдуется: *Szyzmatusy są istotnie i sprawiedliwie prześladowani w Galicyi!* Благословить слѣдуетъ намъ наше австрійское правительство, подъ гуманными законами котораго живутъ на Буковинѣ, живутъ спокойно и *nie prześladowani* са-

мые коренные *moskale*, русскіе старообрядцы, а живутъ спокойно потому, что тамъ еще не добралась до нихъ ни власть сеймоваго польскаго большинства, ни языческое бѣснованіе «Газеты Народовой»... «Газета Народовой» хочется съ лица земли стереть Москву и схизму, и нести на Востокъ западную цивилизацію. Желаю ей въ этомъ успѣха, но мнѣ сдается, что осуществленіе этихъ дерзкихъ замысловъ не обойдется безъ большихъ затрудненій! Что же меня касается, я бы покорно просилъ «Народовую» выпустить меня изъ подъ своей опеки — я уже совершеннолѣтній и пью нѣкоторые свои убѣжденія, оставивъ которыя могу только съ самою жизнью».

II.

Что о. Наумовичъ говоритъ, то говоритъ и каждый галлицій священникъ. Чѣмъ больше стараются ихъ отличивать, чѣмъ больше мѣшаются въ русскія дѣла, тѣмъ шире и шире раздвигается бездна, отдѣляющая Русь отъ Польши. Неделikatность поляковъ и безтавность ихъ — поразительны; на нихъ точно проклятіе какое лежитъ, что они не понимаютъ своихъ собственныхъ интересовъ и, стремясь возстановить Польшу въ старыхъ границахъ, сами же возбуждаютъ ненависть къ себѣ большей половиной населенія старой Польши. Они мѣшаются въ такіа дѣла своихъ названныхъ братьевъ, малорусовъ, въ которыя именно *имъ-то* мѣшаться бы и не следовало. Что за дѣла котолкамъ мѣшаться къ богослужебные обряды уніатовъ или православныхъ? Люди, которые употребляютъ латинскую абѣцеду, и потому незнакомы ни съ церковнымъ, ни съ древнерусскимъ языкомъ, развѣ могутъ имѣть право указывать своимъ братьямъ, употребляющимъ славянскія буквы и выросшимъ на старинныхъ славянскихъ и русскихъ книгахъ, какъ писать и какія слова употреблять и не употреблять? Неужели же справедливо было бы изгнать изъ малорусскаго правописанія *ъ*, только потому, что ренегаты и потомки ренегатовъ не знаютъ, гдѣ ставить эту букву? И гдѣ жъ, наконецъ, смыслъ въ этомъ преслѣдованіи *московскаго* языка и *московской* литературы? почему не слѣдуетъ ничего читать по-общерусски, чтобы быть *dobrym polakiem*?

Сдѣлаю еще выписку изъ того же нумера «Слова», который я взялъ на удачу — всѣ нумера «Слова» одинаковы, во всѣхъ одинъ и тотъ же протестъ противъ нападокъ «Газеты Народовой» на самостоятельность и самоправность Южной Руси. Священникъ о. Степанъ Григоришинъ, защищая «Слово» отъ обвиненія, будто оно занимается только возбужденіемъ ненависти къ полякамъ, а жизненныхъ вопросовъ края даже и не трогаетъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Если «Слово» часто затрогивало вопросъ о существованіи и о несуществованіи цѣлаго галицко-русскаго народа. то оно вынуждено было на это, — потому что того требовало общественное мнѣніе народа, а еслибы мы видѣли, что «Слово» не затрогиваетъ жезничайшаго нашего вопроса, т. е. не поддерживаетъ нашей народности, то мы на него не подписывались бы. Чтѣ толку человѣку во всемъ его благосостояніи, если ему грозитъ смерть? Поэтому и существованіе народа имѣетъ такое значеніе, переходъ которымъ всѣ другіе вопросы отступаютъ на задній планъ.

«Стремленіе «Газеты Народовой» et consortes клонится только къ тому, какъ бы русскій народъ лишить его народности. Стремленіе это очевидно. Сперва надо искоренить русскій языкъ, потомъ русское богослуженіе, и дѣло затѣмъ будетъ легкое.

«Идетъ дѣло о томъ, чтобы изъ русскіихъ выдѣлать поляковъ и на ихъ плечахъ поставить Польшу въ старыхъ границахъ. Какова будетъ эта Польша можно видѣть изъ того, что мазуры, уже самые коренные поляки, даже и знать о ней не хотятъ.

«Народовка» говоритъ: *уступка полякамъ страшное огорченіе «Слову»*. Какъ же она, бѣдная, ошибается! Ужъ если кто, то именно мы, русины, желаемъ полякамъ наибольшіхъ и наибольшіхъ благъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Каждый день молимся: «Не навидяція и обидяція насъ прости Господи»; а Народовъ-къ «дай знаніе и опанитаніе!»

«Но любовь къ ближнему такъ далеко не заходитъ, чтобы позволить скривдить себя въ томъ, что всего дороже; у насъ есть обязанности къ нашему народу, и то, чтѣ намъ передали цѣлымъ наши предки, мы должны цѣлымъ передать нашимъ наследникамъ, а именно: вѣру нашу русскую, народность русскую, языкъ русскій, грамоту русскую и нашу русскую землю, со всѣми принадлежащими ей правами и преимуществами.

«Narodów-ka» пишетъ: «Słowo» narzeka na ucisk Rusi, jeżeli gmina będzie mieć prawo o języku uchwalać («Слово» жалуется на притѣсненіе Руси, если община будетъ имѣть право рѣшать вопросъ объ официальномъ языкѣ). И тутъ она ошибается. «Слово» и всѣ мы стоимъ на томъ, чтобы это дѣлалось честно и добросовѣстно. Но, къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что польская опека такъ далеко распространилась на сельское населеніе, что оставила его въ величайшемъ невѣжествѣ, такъ далеко, что оно не можетъ даже обороняться противъ злоупотребленій пропсковъ, потому что его понятія о правѣ совершенно ребяческія.

«Забыла что ли «Narodówka», какъ говорилось: «ja niechcę aby chłop umiał czytać, aby mię nie procesował («не хочу я, чтобы хлопы умѣли читать: онъ мнѣ еще процессы будетъ подавать»)». Боятся, что ли, правый человѣкъ процессовъ? А если, помимо того, выучивался хлопецъ у дяка читать, то его мандаторы (управители имѣній, припашники) за наказаніе въ рубли сдавали. Отъ такой-то опеки глубокая темнота обняла народъ, а панове поляки, пользуясь ею, говорили хлопу: «а якъ вы хцеце, бы до васъ писано? не правда, же такъ, якъ тѣразъ до васъ мовеми, а бы-сьце розумѣли? а може по нѣмецку?» на чтѣ темные люди, разумѣется, отвѣчали «а такъ, такъ! мы не умѣемъ по-нѣмецки».

«Панове поляки не могли въ восемнадцать лѣтъ научиться русской азбукѣ, когда ребенокъ въ третьемъ классѣ гимназіи въ полчаса выучивается греческому алфавиту, а черезъ часъ уже и читаетъ...

«При такихъ заявленіяхъ отращеніи и злобы ко всему русскому, и при силѣ, которую имѣютъ панове ляхи, при темнотѣ простаго народа, въ какую его погрузили ляхи, можно развѣ разсчитывать, что русская община всегда такъ рѣшитъ, какъ того требуетъ сама природа, правда и разумъ? А когда *народолюбцы* глаза раскрываютъ общинѣ, чтѣ говоритъ «Narodówka»? «świętojurcy-popi do niczego niech się nie mieszają, jeno do cerkwi» («святоюрцы-попы пусть ни во что не мѣшаются: ихъ дѣло только церковь»). Разумѣется, что это не касается księdzów...

«Разъ, что ли, бывало, что, какъ русскій человѣкъ заговорить съ паномъ полякомъ по-русски, такъ и услышитъ отъ него непріятности? Удивительно ли, что громадянинъ, не могущій еще освѣтиться съ конституціонными идеями и все еще труся

нагайки, мучится, коверкает слова, чтобъ въ окружномъ правленіи говорить будто по-польски, тогда какъ дома, въ громадѣ и съ священникомъ, другого языка, кромѣ русскаго, и не употребляетъ.

«А не видѣли мы, что ли, какъ на сеймѣ наши послы (депутаты) хлопы отлично говорили по-русски и помогали русскаго языка въ громадахъ и въ школахъ? Нужно тутъ еще спрашивать русскія громады, какого онѣ себѣ языка хотятъ? А хочется вамъ, панове поляки, спрашивать — *ладно*; такъ спрашивайте, какъ мы уже сказали, у такихъ людей, которые пользуются довѣріемъ народа и не хотятъ баламутить его безцѣльными продѣлками. Само собою разумѣется, что *перекличковъ* мы къ русинамъ не причисляемъ. Здравый разумъ говорить, что громада иначе присудить не можетъ, какъ: гдѣ *gmina polska*, тамъ языкъ польскій, а гдѣ *gmina ruska*, тамъ языкъ былъ бы русскій, а гдѣ *gmina mieszana*, языкъ былъ бы и польскій и русскій. Но, чтобъ не поступалось такъ справедливо, уже теперь *Narodówka* начинаетъ терроризовать чиновниковъ, что удалены будутъ тѣ, которые непреклонны къ *исключительно* польскому элементу, въ чемъ «*Narodówka*» возлагаетъ надежду на графа Голуховскаго... Мы не знаемъ польскаго правительства, мы признаемъ только правительство его величества императора Австріи.

«Опека всегда въ тягость, и совѣтуемъ мы *Narodówkѣ*», чтобъ она ужъ разъ перестала опекуновать надъ нами, русинами; мы въ ея опеку вовсе не нуждаемся и безъ нея обходимся. Пусть лучше она опекуновуетъ надъ мазурами, которые не хотятъ признаваться, что они поляки, а насъ пусть въ покоѣ оставитъ.

«*Zniesienie grażdanki nie jest tylko żądaniem polaków, ale oraz i rusinów, którym leży dobro i przyszłość narodu na sercu. Отмена гражданской азбуки—желанье не только поляковъ (!) но также и русскихъ (перекличковъ), у которыхъ лежитъ на сердцѣ благо и будущность народа* (т. е. Польши въ старыхъ границахъ, на русскихъ плечахъ).

«Вельможная пани *Narodówka*! да развѣ форма буквъ можетъ создать *dobro narodu*?

«Кириллица — старинное церковное письмо, а гражданка — украшенная и закругленная кириллица. А какъ вы, панове по-

ляки, прежде писали и какъ теперь пишете *)? Есть у насъ подъ руками ваши старыя и новыя книги, могли бы мы вамъ показать...

«Вы выступаете противъ скорописи! Ваши бедирковые (во-лостные) подоманы хотѣли, чтобъ русины подавали правительству бумаги, писанныя кириллицею (т. е. уставомъ) — печатными буквами, а между тѣмъ, каждый народъ имѣетъ свою скоропись, даже турки, армяне и т. п., потому что, что за часъ напишетъ, долженъ бы былъ цѣлый день выписывать. Посмотрите же на нашу старинную галицко-русскую скоропись, которая сохранилась въ старыхъ метрикахъ и древнихъ. нѣсколько вѣковъ назадъ писанныхъ грамотахъ, и никому не мѣшала эта скоропись во времена вашего *królestwa*, а теперь вотъ и мѣшается, да еще кому? латинскому духовенству!... А вѣдь съ 1848 года по настоящее время преподавалась скоропись въ школахъ. Не наша же вина, если вы не хотѣли ей учиться; но духовенство-то ваше знаетъ, что оно живетъ тутъ на испоконной русской землѣ и что ему необходимо научиться по-русски, тѣмъ болѣе, что русское духовенство научилось по-польски, хотя поляки тутъ не болѣе какъ пришельцы».

«Гнѣвается *Narodówka*, что мы признаемъ себя *русскими*. Чѣмъ народъ есть, тѣмъ себя и чувствуетъ, тѣмъ себя и признаетъ. А еслибъ мы сказали, что мы не русскіе, а французы или нѣмцы, а что кому до того?..

«Мазуры говорятъ, что они не поляки — это жъ ихъ нудитъ быть поляками?

«Дальше вы говорите, что мы ехпамы хотимъ, — а вы хотите положить къ галицкой Руси основаніе Польши *отъ моря и до моря*. Теперь вѣдь вольно каждому заявлять свое мнѣніе, какъ кто захочетъ. Ну, а захотѣли бы мы лютеранами подѣлаться, развѣ намъ не вольно это? Упрекаемъ мы, что ли, васъ, что у васъ есть лютеранскіе обряды? Вѣдь у васъ есть кресты, костѣлы, органы, какъ и у нихъ. Упрекаемъ мы васъ въ этомъ? Ваши братья даже и на бусурманство попереходили, какъ Бѣмъ, Чайковскій и много другихъ, а мы черезъ это не задѣваемъ польскій народъ; пусть же и насъ панство не задѣваетъ — вѣдь

*) Прежде поляки писали и печатали готическими буквами, какъ и до сихъ поръ въ Австрійской Силезіи. Готическія буквы совершенно также относятся къ латинскимъ, какъ наши церковныя къ гражданскимъ.

въ схизмѣ, все-таки, семь тапнеть, а въ бусурманствѣ ни одного нѣтъ.

«Что у насъ тотъ же обрядъ, что у нашихъ братьевъ, великорусиновъ, то совершенно естественно, потому что мы греческаго и они греческаго обряда, и мы хотимъ постоянно держаться этого обряда, тѣмъ болѣе, что, черезъ вкравшееся къ намъ латинство, сдѣлалось *wszystko jedno—możecie chodzić do kościoła* (все едино—можете въ костѣль ходить). А въ церковь? *Boże broń, to nie wszystko jedno* (сохрани Господи—это не все равно)! И чрезъ эти-то махинаціи нѣкоторыхъ вашихъ есѣндовъ, многіе попереходили на латинскій обрядъ, а съ обрядомъ и народность свою оставили и ополячились. Отсюда-то, панове, и зависть, что, черезъ очищеніе греческаго обряда отъ латинской примеси, кладется рубежъ между вами и нами, и что не можно будетъ создать Польши на русскихъ пачкахъ.

«Мы не контролируемъ вашихъ дѣлъ — чѣмъ же наши мѣшаютъ вамъ? А наши вамъ очень мѣшаютъ. Мы употребляемъ ту же письменность, какая у насъ вѣками употреблялась, и вы говорите нашему монарху: у галицкихъ русиновъ та же письменность, что и въ Россіи; стало быть, они опасны въ политическомъ отношеніи; душить ихъ нужно, польскую абецеду имъ навязать, чтобъ они ополячились и помогли возсоздать Польшу.

«А свѣтому отцу, папѣ, говорите: у австрійскихъ русиновъ такіе же обряды, какіе и у *rossiyan* — душить ихъ нужно, чтобъ на схизму не перешли; иначе сказать, нужно ихъ облагородить и тѣмъ ополячить, чтобъ они помогли намъ возсоздать Польшу *отъ моря до моря*. А русины объ томъ и слышать не хотятъ. *Inde irae, inde clamores!*

«Знаете ли вы, что нашъ папа повелѣлъ намъ всецѣло сохранять обрядъ, преданный намъ отъ святыхъ отцевъ, и ввѣрилъ намъ его цѣлость и правильность? А знаете ли вы, что значитъ слово, данное святымъ отцомъ?

«Мы не хотимъ ни ляхами быть, ни быть подъ ляхскимъ правительствомъ. Поэтому-то вы и интригуете, какъ бы подорвать довѣріе въ намъ его величества цѣсаря и у папы, и тѣмъ погубить насъ. Но напрасны труды ваши! Вся образованная Европа хорошо это видитъ и знаетъ, и не дастъ такъ легко отвести себѣ глаза *).

*) Здѣсь отецъ Степанъ Григоришинъ, само собою разумеется, ошибается и ошибается жестоко. Не только необразованная Европа ничего не видитъ и

«Газета Народовая» говоритъ тоже, że *rusinizm w Moskwie prześladowany jest równo z polonizmem* (малороссійское направление преслѣдуется въ Россіи наравнѣ съ польскимъ).

«Эхъ, братцы, что жъ вы толкуете! Кто преслѣдуетъ *полонизмъ*? Да вѣдь недавно еще, до 1831 года, у насъ было свое польское войско, свои польскіе финансы, своя администрація польская, свои костѣлы польскіе. Вы были въ такомъ положеніи, въ какомъ насъ даже самая разгоряченная конституціонная фантазія не можетъ представить — а были вы этимъ довольны? Ни-чуть! Вы думали о томъ, какъ уничтожить Холмскую Русь, да бунты подымать, и гнѣваетесь, что Россія усадила насъ сплюю оружіемъ.

«А развѣ Австрія не была вынуждена поступить точно такъ же въ 1846 году?

«А что Россія велитъ намъ учиться по-русски, такъ развѣ у насъ не велитъ учиться по-нѣмецки? Есть въ этомъ что-нибудь необыкновенное? Развѣ это не вынуждается государственнымъ единствомъ?

«Что у насъ позакрывали нѣкоторые монастыри — нѣтъ ничего удивительнаго. Пока монахи смиренно служили Господу, не упражнялись въ революціонерствѣ, такъ и сидѣли себѣ спокойно, а какъ стали они вредны правительству, такъ и закрыли монастыри. А развѣ другія державы, какъ въ новѣйшее время Италия, не уничтожили множество монастырей? Что у насъ вводятъ славянскую азбуку — что жъ диковиннаго? Самъ Шафарикъ говоритъ, что вы славяне! А не хотѣли вы, нѣсколько лѣтъ назадъ, да и теперь не хотите, что ли, навязать намъ чужую, латинскую азбуку?

«Говорите, że *rusinizm prześladowany* (что малорусское направление преслѣдуютъ). Слава тебѣ, Господи! Ужъ есть, есть, есть русины, гдѣ недавно еще слышали мы: *nie ma Rusi! nie ma!*

«Россіи *rusinizm* тѣснить? Кто въ тое *зиритъ*, най *здоронъ* *отруе*! Мы только то знаемъ, что паны-братья, что подписыва-

ничего не знаютъ, но даже образованная Европа ничего видѣть и знать не хочетъ и чрезвычайно легко даетъ отводить себѣ глаза. То, что происходитъ въ Галичинѣ, мистерія, которой и у насъ не понимаютъ. Мы стоимъ чересчуръ высоко для того, чтобъ понимать, что дѣлается въ подобныхъ краяхъ. Мы интересуемся высшими вопросами, обще-европейской цивилизаціей, но спускаться до Галичины мы, если бы и хотѣли, то не умѣемъ. Вопль галичанъ намъ не слышенъ и не понятенъ.

лись подъ «золотыми грамотами» и баламутили нѣсколько времени чистую воду Украйны, не одно лихо сдѣлали и правдивому малорусизму, но теперь дѣло пошло иначе. Настоящіе русины-украинцы теперь въ Россіи въ гору пошли, а своихъ перекинчиковъ и сами чураются.

«Кто же хоче слухати, най слушає».

«Наше послѣднее слово: — Мы ни подъ какимъ условіемъ не сдѣлаемся поляками. Будемъ русскими; русскаго языка, уніи (но съ обрядомъ, первобытная чистота котораго обозначена намъ папою) и правительства австрійскаго хотѣмъ держаться. А съ другими нашей народности, которые насъ обсыпаютъ подлыми, отвратительными клеветами, попираютъ народность нашу, языкъ нашъ, безчестятъ предводителей нашего народа — разрывъ на зѣпки. Въковая исторія довольно насъ научила, что съ таковыми поносителями Руси компромисъ невозможенъ!»

Вотъ оно и выходитъ, что борода-то, въ самомъ дѣлѣ, растетъ да растетъ, и что платье далеко не дѣлаетъ человека. Подъ католическою сутаню бритаго уніатскаго священника, какъ подъ нѣмецкимъ мундиромъ бритаго русскаго солдата или канцеляриста, бьется сердце завитами отцовъ, преданіями и, пожалуй, предразсудками исторіи, ненавистью ко всему иноземному и страстью ко всему своему. Десятки, сотни дѣтъ проходить надъ Галичиною пятъ вѣковъ рабства прокатило; кажется, что все старое забыто, что народность выродилась, она голосу не подаетъ, она чуть что не ругается надъ своими святынями — и вдругъ, неожиданно-негаданно, оказывается, что бритва не только не уничтожила, но еще усилила и угостила бороду!

Государь Александръ Павловичъ, по воспитанію своему, былъ больше иностранецъ, чѣмъ русскій, а настанъ тяжелыя времена и пришла ему въ голову мысль запустить бороду, надѣтъ тулупъ и уйти съ народомъ въ Сибирь — и онъ не постыдился заявить это рѣшеніе, и народъ его понялъ.

Исторія валаесть, повидимому, вкривъ и вкось: то татарщиною пропечеть, то самозванщиною потрясетъ; тамъ унія, здѣсь расколъ; тутъ нѣмцы на шею съли, тамъ поляки шпорятъ, на одномъ концѣ все пошло смѣсью французскаго съ нижегородскимъ, на другомъ — смѣсью нѣмецкаго съ хохладскимъ; а вотъ, наступаетъ, у дверей стоитъ, время слѣпнѣи во единъ народъ и во едино царство всѣхъ племенъ русскихъ, и оказывается, что

дѣланія бритвы не уняли роста православныхъ бородъ. Это-то и приводитъ въ отчаяніе поляковъ и въ ужасъ Европу, которую, какими-то непонятными судьбами, сама, въ лицѣ Австріи и Турціи, толкаетъ даже нерусскихъ славянъ въ союзъ съ нами на правахъ Финляндіи (читатель, безъ сомнѣнія, знаетъ, что теперь заговорили чехи, словаки, словинцы, войводискіе сербы и прочіе славяне, благодаря дуализму барона Бейста). Исторія Россіи — исторія Иванушки-Дурачка: родная печь сама насъ вежеть, и Олѣна-Прекрасная сама врѣзываетъ намъ въ лобъ самоувѣрный камень. И при всемъ-то этомъ, мы такъ беззаботны, такъ нераспорядительны! Развѣ такъ поступали бы французы? Развѣ такъ нѣмцы и итальянцы дѣлаютъ? Большая половина публики даже не знаетъ, что Lemberg или Léopol то же самое, что Львовъ, что вмѣсто латинской *Галиціи* на дѣлѣ существуетъ русская *Галичина*, что Аггаш называется *Загребомъ*, Рагуза — *Дубровникомъ*; что польское Grodno — по-русски *Гродно*, а Брестъ-Литовскій — *Берестъ-Литовскій*. Разумѣется, при такомъ обломовскомъ ротоуѣствѣ, да съ остзейскими очками на носу, далеко не уѣдемъ, какъ тоже далеко не уѣдемъ, вѣдь, неизвѣстно зачѣмъ, въ очень далекій Парижъ и, не заглядывая въ полъ носомъ лежащую у насъ Галичину, Румынію, Болгарію, Сербію, Хорватію, Словенско (Словацкій Край), путешествуя по Волгѣ и не удостоивая своихъ посѣщеніемъ верховьевъ Днѣпра и Западной Двины. Американцы и англичане пустыни Америки, Африки и Австраліи изслѣдываютъ, французы въ глубь Китая забираются, во имя науки, во имя знанія — а у насъ, со временъ Хабаровыхъ, Дежневыхъ, Шелеховыхъ, точно перевелось покладѣніе желѣзныхъ рѣзокъ, равнодушность невѣдомыхъ странъ, псалмодистей невѣстныхъ племенъ и загадочныхъ человѣческихъ обществъ. Что съ нами такое? *Отчего у насъ, въ такое торжесъ время, такое поразительное отсутствіе пребрѣтчивыхъ личностей? Отчего у нашихъ редакцій такой вопіющій недостатокъ въ толковыхъ корреспондентахъ по дѣламъ славянскаго и православнаго міра?*

Что мы, не доросли или переросли?

Какъ почти нѣтъ хлопа въ Галичинѣ, который не жалъ бы нашего прибытія, чтобъ избавиться отъ невозможныхъ подачекъ и отъ еврейскаго гнета, такъ почти нѣтъ священника, который не думалъ бы одинаково съ отцами Наумовичемъ и Григоріинымъ. И напрасно было бы думать, что взгляды, высказанные ими въ приведенныхъ отрывкахъ, почерпнуты изъ

нашихъ книгъ или газетъ. Ничуть не бывало: въ Галичинѣ русскія книги рѣдкость, а газеты и подавно. Во Львовѣ получались въ мою бытность, т. е. въ сентябрѣ и въ октябрѣ 1866 года, только «Голосъ», «Русскій Инвалидъ», «Недѣля», «Современная Лѣтопись», «Московскія Вѣдомости», да еще, кажется, «Петербургскій Листокъ». Прочія редакціи не объявлялись тогда ни съ «Словомъ» Е. Дѣдицкаго, ни съ «Недѣлею» священника Попеля. Толстые журналы ужъ и вовсе не получаютъ въ Галичинѣ; о нихъ тамъ даже понятія не имѣютъ; даже самое существованіе ихъ мало кто подозреваетъ; и подписываться-то за нихъ у галичанъ капиталовъ не хватаетъ. Да еслибъ и получались по экземпляру каждаго изъ нашихъ повременныхъ изданій, то и тутъ не было бы большаго толку: на 8,000 читателей, все-таки, не хватало бы ни времени, ни возможности ознакомиться съ нашею литературою, съ языкомъ нашего образованнаго общества, съ нашими воззрѣніями и съ нашими стремленіями. Галицкіе русскіе развились и развиваются совершенно самостоятельно, безъ малѣйшей связи съ нами и безъ малѣйшей зависимости отъ насъ: они даже нашего общепринятаго языка не знаютъ, и чтó они пишутъ по-русски, то намъ болѣе чѣмъ трудно читать, по милости множества провинціализмовъ, полонизмовъ, да нѣмецко-латинскаго синтаксиса. Литература ихъ, прѣтому, стоитъ совершенно особнякомъ — она и по духу своему, и по направленію, и по языку, равно чужда нашей, провинціальной, южнорусской и польской.

Галичина — маленький русскій міръ, сторванный отъ общей русской жизни и ведущій нѣтъ нѣтъ свою особенную жизнь, жизнь борьбы и успѣй въ слѣпую воедино съ остальною, забывшею его, Русью. Поэтому-то, изученіе Галичины важно не только въ политическомъ значеніи, которое она начинаетъ теперь пріобрѣтать, становясь яблокомъ раздора между нами и Австріею, православіемъ и католичествомъ, ареною, на которой окончательно разрѣшится судьба бывшаго Польскаго Государства — Галичина имѣетъ еще другое важное значеніе, какъ наглядное, вопіющее доказательство необходимости единства русскихъ племенъ и какъ доводъ, что *собираніе Земли Русской* не интрига правительства и не ухищреніе дипломатовъ, а, просто на просто, инстинктъ Русскаго Народа. Все утратилъ этотъ маленький край: его дворянство ополчилось, его мѣщане или поополчались или ввали въ индифферентизмъ, его купечество не

выдержало конкуренцію евреевъ и исчезло безъ слѣда. Вся умственная жизнь и сознательное чувство народности осталось только въ попѣ, да въ поповичѣ, но и тѣ были уже вбиты нагайками въ унію... Изъязвленный, въ грязь затоптанный, одичалый народъ, народъ съ кругу спаиваемый евреями, казался, существовать даже пересталъ. Никто о немъ и не вспоминалъ: ни нѣмцы, ни поляки, ни русскіе. *Львовъ* такъ радикально преобразился у насъ въ *Лембергъ*, что officialный языкъ нашъ знаетъ только *Лембергъ*, нѣмецкій городъ, такой нѣмецкій. До такой степени незаботливы насъ, что намъ даже надобности нѣтъ имѣть въ немъ своего консула...

Старое и среднее поколѣніе галичанъ еще видѣло русскихъ въ 1849 году, когда наши войска ходили спасать Австрію отъ мадяровъ; но, само собою разумѣется, наши офицеры не могли, да и не умѣли сдѣлать что-нибудь для поддержки народнаго русскаго духа въ этомъ несчастномъ краѣ. Новое поколѣніе, особенно по селамъ и по маленькимъ городкамъ, не слыхало ни одного слова на нашемъ общепринятомъ языкѣ. На меня смотрѣли, какъ на чудо-юдо морское, прислушивались къ моему произношенію, заставляли меня читать, писать, и были крайне довольны, что черезъ полчаса бесѣды со мною привыкли свободно понимать меня, и что разниця между ихъ мѣстнымъ нарѣчіемъ и нашимъ книжнымъ языкомъ, съ его московскими *аканьемъ*, дѣйствительно, не мѣшаетъ взаимному пониманію. Жаль только, что, судя по моей худобѣ и болѣзненному виду, они невольно составили себѣ весьма невыгодное понятіе о великорусахъ, или *россиянахъ*, какъ они насъ называютъ съ книжнаго и прежняго officialнаго языка: во вина не моя, если и такимъ образомъ повредилъ репутацію моихъ многоуважаемыхъ соотечественниковъ; пусть же забираются въ эту глушь люди бровь съ молокомъ, косая сажень въ плечахъ — я уверю ихъ, что никто тамъ не усомнится въ ихъ великорусскомъ происхожденіи, какъ сомнѣвались въ моемъ, по милости моего до-кихотскаго сложенія. Отрѣзанные нелѣпыми трактатами отъ великой семьи русскихъ племенъ, герметически закупоренные въ свое захолустьѣ нашею паспортною системою и устройствомъ нашей границы (которое не столько спасаетъ насъ отъ еврейской контр-рабанды и отъ польской пропаганды, сколько охраняетъ Австрію отъ нашего вліянія на галичанъ, на угорскихъ руссинахъ и вообще на славянъ), галичане страшно идеализируютъ Россію.

У насъ все хорошо, все верхъ совершенства. Наша политика, наша литература, наше общество, наши учреждения, наши города, чистота нашихъ улицъ и нравовъ, самая физическая наружность каждаго изъ насъ — верхъ совершенства, по ихъ понятиямъ. Хотите обидѣть ихъ или навлечь на себя подозрѣніе, что вы *польскій шпіонъ* — а мнѣ и это случалось — расскажите имъ что-нибудь о темныхъ сторонахъ нашего быта, о сектахъ, наприимѣръ, или о нашей прежней безтолковщинѣ въ иностранной политикѣ — и вы увидите, по выраженію лицъ ихъ и по переимѣннѣ обращенія съ вами, что вы ихъ насмерть оскорбили въ ихъ завытныхъ вѣрованіяхъ. За то, восторженные, самыя утѣшительныя похвалы Россіи отворяютъ вамъ всѣ двери и всѣ сердца, и мнѣ не разъ случалось имѣть недѣлики давать совѣты моимъ тамошнимъ друзьямъ, чтобы они были осторожны на языкъ съ людьми, которые, какъ я, могутъ явиться безъ всякихъ рекомендацій — я долженъ былъ въ Краковѣ уничтожить мои рекомендацiонныя письма, чтобы нѣкого не компрометировать, а шпіоны, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть подосланы въемихъ *Regierung* или польскимъ *Rządem*...

— Откуда жѣ, спроситъ меня домохозяинъ-читатель: — взялся у галичанъ такой русскій патриотизмъ?

Статья моя вышла черезчуръ длинна для фельетона. Черезъ нѣсколько дней я расскажу исторію пробужденія русской народности въ галицкомъ духовенствѣ.

III.

Пробужденіе русской народности въ Галичинѣ возникло само собою, безъ всякаго вліянія или толчка со стороны насъ, русскихъ, живущихъ въ Россіи. До сихъ поръ мы ровно ничего не сдѣлали для поддержки русскаго элемента въ этомъ, такъ мало извѣстномъ намъ краѣ Русской Земли, отрыванномъ ошибками прошлыхъ поколѣній отъ русскаго государства.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія связь между Галичиной и остальной Россіей была совершенно порвана. Какъ ни худо было въ Австріи, но все же тогда Ав-

стрія была просвѣщеннѣе Россіи; администрація была въ ней честнѣе, гражданскіе законы мягче, и если при Меттернихъ политическая цензура была не слабѣе нашей, то все же людямъ, не мѣшавшимся въ политику, въ Австріи жилось легче, чѣмъ у насъ. То было время, когда славянскія массы спали непробужденнымъ сномъ, и только въ головахъ нѣсколькихъ передовыхъ людей зарождалась и выростала идея о національностяхъ и о правахъ ихъ на самостоятельное политическое существованіе. Извѣстно, что чехи, а за ними хорваты и сербы, возрожденіемъ своихъ національностей обязаны были преимущественно филологамъ, лингвистамъ, историкамъ, антикваріямъ, которые, начиная съ любви къ наукѣ собирать данныя о прошедшемъ и настоящимъ бытъ своихъ соплеменниковъ, полюбили ихъ, возгордились ими и бросили въ нихъ искру патриотизма. Вслѣдствіе изученія грамматики необразованныхъ и неразвитыхъ народовъ, начались попытки писать на этихъ нарѣчіяхъ; стали придумывать новыя слова для выраженія предметов отвлеченныхъ и для замѣны иностранныхъ техническихъ терминовъ народными, стали являться газеты, повѣсти, сборники пѣсенъ, и зародилась мысль о взаимной солидарности всѣхъ славянскихъ племенъ, которая довела и доводитъ славянство до его глубокой любви къ Россіи, какъ къ единственному независимому и могущественному Славянскому Государству, выкущему имъ теперь спасителей ихъ отъ вѣковаго нѣмецкаго, итальянскаго и турецкаго рабства. Первые начали чехи — за ними хорваты и сербы. Между сербами явился въ то время извѣстный Волкъ (по сербскому произношенію Вукъ) Караджичъ, величайшій знатокъ сербскихъ пѣсенъ и сербскаго языка. Познакомившись съ Гриммомъ, Караджичъ, не получившій никакого научнаго образованія, совершенно подчинился вліянію великаго лингвиста и, по его совѣту, принялъ за правило *писать какъ слышится*, т. е. отбросилъ всякую традиціонную орфографію буквы *h, g, v* — *p*, во имя чистоты сербскаго языка, порвалъ связь его съ церковнымъ, общеславянскимъ языкомъ. Дѣйствительно, стиль, введенный Караджичемъ, представляетъ собою сербскій языкъ во всей его чистотѣ, въ той чистотѣ, въ которой мы видѣли бы нашъ языкъ, еслибъ стали писать и говорить слогомъ нашихъ пѣсенъ, былинъ и сказокъ, т. е. чисто по-великорусски. Это то, что хотѣли сдѣлать наши украинскіе, тоже отвергающіе общеславянское правописаніе,

и ревниво изгоняющие изъ южнорусскаго нарѣчія всѣ слова, внесенныя въ него церковью, поляками и великорусами. То же самое движеніе происходило — и до сихъ поръ происходитъ — у всѣхъ славянскихъ племенъ, за исключеніемъ развѣ болгаръ, которые не держатъ такъ неблагоприятно обособляться и, во имя чистоты собственнаго языка, порывать связь свою съ остальнымъ славянствомъ *).

Движеніе двадцатыхъ годовъ принесло свою пользу, хотя вовсе не ту, какой ожидали его заводчики. Каждое племя со знало себя, стало учиться грамотѣ, стало гордиться своимъ языкомъ, своимъ прошедшимъ, какъ-бы темно и печально оно ни было, и познакомилось съ новымъ ему доселѣ чувствомъ народной гордости. Чѣмъ болѣе славяне обособлялись, тѣмъ болѣе они расходились между собою, и тѣмъ болѣе заводились между ними, незнакомыя имъ доселѣ, интриги и ссоры. Каждому хотѣлось преобладать, каждое племя надѣялось сдѣлать свой языкъ общеславянскимъ, и, въ концѣ концовъ, оказалось, что всѣ они беспильны, что ихъ комичныя ссоры и ихъ комичныя интриги для нихъ вредны, что и привело ихъ въ послѣднее время къ убѣжденію въ необходимости принятія нашего литературнаго

языка и къ исканію помощи у насъ. Начавъ съ желанія обособиться, они невольно пришли къ потребности утонуть въ общеславянскомъ морѣ русской жизни.

Движеніе, охватившее славянство, не могло не отозваться на галичанахъ. Галичане тогда уже совершенно забывали русскій языкъ, т. е. не литературный, котораго они никогда не знали, а даже свое мѣстное — червоно-русскаго нарѣчіе. Польскій, нѣмецкій и латинскій языки казались имъ единственными языками, заслуживающими какого-нибудь уваженія, какъ языки, имѣющие богатую литературу и способные выражать тѣ глубокія мысли и тѣ ученые предметы, для которыхъ въ червоно-русскаго нарѣчіи даже и словъ не доставало. Православіе было почти забыто; въ унию вѣрилось искренно, хотя къ латинству относились враждебно, потому что оно отбивало у нихъ духовенства, т. е. у образованнѣйшаго галичскаго класса, лучшихъ прихожанъ и смотрѣло на него свысока, какъ на нѣчто тернистое, но неодобряемое. О Россіи они имѣли понятіе какъ о странѣ варварской, гдѣ, кромѣ кнута, Сибири, каторги, солдатчины, ровно ничего нѣтъ и гдѣ, вдобавокъ, униа тѣснится и даже преслѣдуется. Польскія школы и польское общество, единственный ихъ умственный руководитель, поддерживали это мнѣніе очень усердно, а узнать правду о Россіи отъ кого-нибудь, кромѣ поляковъ и нѣмцевъ, было не откуда. Все спало, всеглохло; это была не жизнь, а какое-то прозябаніе, продолженіе пяти-вѣковаго сна народа, нѣкогда жившаго блистательною боярскою жизнью, кипѣвшаго своего рода цивилизаціей, опережаемаго всѣми другія русскія земли своимъ образованіемъ, но сломаемаго, забитаго и подавленнаго тяжелою патою Казиміра Великаго и его преемниковъ. И вотъ, въ это-то затишье, вдругъ проникаетъ слухъ о славянской народности, объ уваженіи къ народностямъ, о красотѣ народной поэзіи, о важности собиранія народныхъ бытіи, преданій, повѣрій, о необходимости записывать народные бытіи, изучать народный костюмъ, народную литературу — и Галичина стала пробуждаться. Бурсаки-семинаристы, эти гоголевскіе риторы, философы и богословы, стали ходить по деревнямъ и собирать пѣсни. Проникнувшись новымъ духомъ, они тоже стали гордиться своимъ червоно-русскаго нарѣчіемъ и стали стараться говорить между собою *по-руски*, а не по-польски, и вывели какъ-то, что Галичина есть настоящая, коренная, чистѣйшая Русь; вспоминали угнетенія и бѣдствія, которымъ она

*) За это замѣчаніе я получилъ печатный попрекъ; гг. мои рецензенты поняли, будто я издѣвался надъ южнорусами, и такъ поняли эту мою сразу люди, которыхъ я не только уважаю, но даже и люблю. Дѣло состоитъ все въ томъ, что нѣтъ народа чистой крови, и что великорусы точно такъ, какъ южнорусы — кровь, само собою разумеется, мѣшана. Если каждый изъ насъ, я ли, читатель ли мой, мой ли рецензентъ станетъ докапываться до прадѣда и прабабушки, мы, разумеется, придемъ къ татарамъ, къ евреямъ, къ финляндцамъ или къ тому, къ чему пришелъ авторъ Гулливера, разбирая, откуда происходитъ аристократія. Замѣчаніе это сдѣлано было мнѣ въ отвѣтъ Духинскому и его послѣдователямъ, которые говорятъ, что только мы, великорусы, не имѣемъ въ нашихъ жилахъ арійской крови. Негодованіе на меня за то, что я объявилъ, будто Шевченко по своему типу креоль, дошло до того, что мои этнографическія свѣдѣнія сравнили съ свѣдѣніями Духинскаго. На подобное заявленіе отвѣчать мнѣ рѣшительно нечего, но я только то могу сказать, что креолу ничего такъ не мѣшаетъ быть замѣчательнымъ поэтомъ, какъ еврей Гейне ничего не мѣшало быть однимъ изъ величайшихъ лириковъ нашего вѣка. Я не понимаю, умышленно меня не поняли или не умышленно. Въ нашъ вѣкъ происхожденіемъ своимъ никто не хвалится, и никто мнѣ не брезгаетъ. Мнѣ нужно было сказать полякамъ и южнорусамъ, для которыхъ отчасти я и писалъ, что въ нихъ самихъ водится всякая кровь, и найдя въ Шевченкѣ, котораго и тѣ и другіе одинаково уважаютъ, калмычскія черты, привелъ его имя въ доказательство того, что не одни мы, великорусы, креолы. Меня не поняли, на меня обидѣлись...

подвергалась отъ поляковъ — и въ груди ихъ вспыхнула въ первый разъ сознательная ненависть къ ихъ угнетателямъ.

Въ числѣ этой молодежи былъ хорошо извѣстный теперь русскому обществу Яковъ Федоровичъ Головащій. Тогда еще молодой студентъ, онъ пѣшкомъ исходилъ всю Галичину, забирался въ невѣдомыя ущелья Карпатъ, спускался въ долины Тисы, въ Угорскую Русь и изучалъ забытый Русью русскій народъ въ таинхъ его захолустяхъ, который даже въ географическихъ картахъ не показывается и въ географическихъ словаряхъ не упоминается. Плодомъ этихъ трудовъ былъ «Оборникъ галицко-и угорско-русскихъ пѣсенъ», печатаемый имъ теперь въ «Чтецкхъ общества исторіи и древностей». Но тогда, въ 1836—1837 годахъ, когда Яковъ Федоровичъ былъ еще студентомъ, ему и его товарищамъ, такимъ же собирателямъ, какъ онъ, хотѣлось издать что-нибудь изъ этой колекціи. Потребность въ этомъ они чувствовали самую настоящую. Всѣ славянскія племена въ Австріи заявляли о своемъ существованіи хоть какими-нибудь альбомами, альманахами, сборниками, чѣмъ-нибудь печатнымъ: тогда каждая книга казалась огромнымъ приобретениемъ для народной литературы, была заявлениемъ народности, протестомъ противъ навязываемаго иностраннаго языка; каждая брошюрка, какова бы она ни была содержаниемъ, была ли это политическая статья или кака-нибудь сказка, какой-нибудь диспутъ, написанный студентомъ профессору, канцелярскимъ чиновникомъ своему начальнику, принималась съ восторгомъ и возбуждала народное чувство, народную гордость, народное самосознаніе. Каждая новая книга приветствовалась, какъ признакъ возрожденія, и считалась приобретениемъ для литературы... Всѣ славянскіе народы ужъ имѣли такую литературу; у пнхъ было даже по шести (!) книгъ написано и напечатано на родномъ языкѣ, а у галицкихъ русскихъ не было ровно ничего. Нужно было заявить, что вотъ и мы существуемъ, и мы сами себя сознаемъ, и мы дорожимъ нашею народностью — и студенты составили «Русалку Днѣстровую».

«Русалка Днѣстровая» — книжечка весьма небольшая, въ малую осьмушку, въ палецъ толщины, напечатанная весьма разгонисто. Въ ней помѣщены историческія воспоминанія о Галичинѣ, кое-какія народныя пѣсни изъ временъ Хмельницкаго, перепечатана въ ней была одна древняя грамота; были въ ней переводы изъ Кракевдорской Рукописи; были переве-

дены въ ней сербскія пѣсни — содержаніе было самое невинное, и книжечка прошла бы у насъ совершенно незамѣтно, по бѣдности своего содержанія — но львовская цензура ея не пропустила, даже отказавъ въ дозволѣніи исправить ее — до того содержаніе «Русалки Днѣстровой» показалось ей ужаснымъ и возмутительнымъ. Дѣло въ томъ, что въ книжечкѣ этой толковалось все о русскомъ народѣ, о его прошлой славѣ, о его величіи, съ сочувствіемъ вспоминалось о временахъ Хмельницкаго; русский народъ представлялся народомъ, отдѣльнымъ отъ поляковъ — самостоятельнымъ. О полякахъ въ книжечкѣ не было сказано ничего худого, но она будто игнорировала самое ихъ существованіе, она какъ-то не подтверждала мысли, что Русь входитъ необходимымъ образомъ въ составъ Польши, что южнорусъ — видоизмѣненіе поляка; она недостаточно благоговѣла передъ поляками; признавала за русскими право на отдѣльное политическое существованіе. Это было сказано не прямо, но между строкъ такъ читалось. Ко всему этому, дерзкіе студенты собирались напечатать книгу гражданскимъ шрифтомъ, тогда какъ у нихъ есть свой національный русскій шрифтъ, въ отличіе отъ московскаго — церковный, на которомъ печатаются богослужебныя книги. Введеніе гражданского шрифта у галицкихъ русскихъ уже само по себѣ составляетъ государственную измѣну, потому что этимъ они сближаются съ москлями, измѣняютъ святой униатской вѣрѣ, пскажаютъ свой языкъ, уважаютъ Петра и Екатерину. Само собою разумѣется, что церковный шрифтъ неудобенъ, потому что церковный шрифтъ — какъ гражданскій — признакъ отсталости и дикости. Латинская азбука произошла отъ греческой; но кто же употребляетъ греческую? Всѣ просвѣщенные народы Запада, этого очага міровой цивилизаціи, пишутъ латинскими буквами. Если народы, пишущіе латинскими буквами, обогнали народы, пишущіе греко-славянскими буквами, стало быть, отъ введенія латинской азбуки, цивилизація рода человеческого сдѣлаетъ огромный прогрессъ. Еслибъ молодые люди, издающіе «Русалку Днѣстровую», были искренніе друзья своего собственнаго народа, они, разумѣется, стали бы вводить въ его языкъ не гражданскую азбуку, а латинскую, и именно съ польскимъ правописаніемъ, потому что тогда для невѣжественнаго русскаго народа сдѣлались бы доступныя языкъ и литература высоко образованнаго народа польскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ приблизился бы и къ общей европейской цивили-

защит. Къ чему? какая цѣль? какой расчетъ задерживать этотъ южнорусскій народъ при его *средневѣковомъ* обрядѣ богослуженія, при его плохо выработанномъ языкѣ и при его ретроградной азбукѣ. Впередъ во имя прогресса и науки!! Да сольется онъ воедино съ высоко развитымъ и великую будущасть имѣющимъ народомъ польскимъ!..

Студенты нось повѣсили. Къ москалямъ они никакой особенной симпатіи не имѣли, потому что все слышанное или о москаляхъ отъ тѣхъ же поляковъ и нѣмцовъ вовсе не располагало ихъ въ нашу пользу, и у нихъ не было ни малѣйшаго желанія смоскалить. Они были украинофилы и уніаты въ полномъ значеніи слова, и если о чемъ мечтали, то именно о возстановленіи независимой малороссійской народности со столицей въ Кіевѣ или во Львовѣ. Единоплеменности своей съ нами они не признавали; они даже готовы были на непререкаемый союзъ съ Польшей, съ тѣмъ только, чтобъ эта Польша соединилась съ ними, *какъ равный съ равнымъ*, а не *какъ нимъ съ холопомъ*, съ тѣмъ, чтобъ Польша признала права ихъ языка, ихъ обряда, и чтобъ латинское духовенство не вторгалось въ дѣла русской (уніатской) церкви. Но поляки имѣли ловкость обидѣть молодую Галичину на первыхъ же шагахъ, и съ этого времени начинается разрывъ между польскимъ и русскимъ элементомъ въ Галичинѣ, дошедшій въ наше время до ожесточенной ненависти.

Обиженные неудачей во Львовѣ, молодые люди не упали духомъ, сколотили сотни три или четыре гудьденовъ и напечатали книгу въ Пештѣ, гдѣ не было поляковъ, и гдѣ мѣстное правительство тогда нисколько не боялось ни русской пропаганды, ни какого-нибудь русскаго вліянія, гдѣ въ то время даже и понятія не имѣли о томъ, какое современемъ потрясающее движеніе будетъ имѣть на Угорщину самое слово *русскій*. Напечатанная въ Пештѣ, «Русалка Днѣстровая» пріѣхала во Львовъ — и была немедленно конфискована, какъ книга донельзя возмутительнаго содержанія. Студентовъ, ея издателей, которые всѣ были богословы, по нѣскольکو лѣтъ не позволяли рукоположить во священники, какъ людей ненадежныхъ и уже заявившихъ свою неблагонамѣренность. Чего стоили имъ хлопоты по этому дѣлу, какимъ способомъ покрывали они расходы, употребленные на печатаніе, было бы слишкомъ долго рассказывать въ письмахъ, въ которыхъ мы всегдѣ боимся утом-

лять читателей излишними подробностями, для него неинтересными. Но результатъ вышелъ, все-таки, блестящій: конфискованная книга, которой почти никто не читалъ и никто не видалъ, показала галичанамъ чѣмъ-то чрезвычайно смѣлымъ, невѣроятнымъ, какимъ-то откровеніемъ о судьбахъ галицкаго народа, и разговоры о ней заставляли въ ихъ умы и сердца сознаніе, что *они не одинъ народъ съ поляками, и что они сами имѣютъ право на политическое существованіе*. Но все это было смутно, неясно: все это бродило, готовилось къ протесту, и все не могло оемелить, что такое будетъ, и какого рода можетъ быть этотъ протестъ и этотъ разрывъ съ польскимъ элементомъ. Между тѣмъ, примѣръ чеховъ и хорватовъ дѣйствовалъ все заразительнѣе и заразительнѣе на читающее меньшинство галичанъ. Слово *народность* электрической искрой прожигало всю Австрію; толки о народности все увеличивались да увеличивались, каждый мыслящій человекъ сосредоточивался въ самомъ себѣ, ломая голову надъ вопросомъ, кто онъ такой, просто ли человекъ, или австріецъ, или галичанинъ, или полякъ, или русскій? Вопросъ: кто я такой, кто мои предки, что мнѣ отъ нихъ завѣщано и какія мои обязанности къ окружающему меня народу, не давалъ спать галичанину. Счаще и слѣще казался звукъ родной рѣчи, мигче и гибче казался родной языкъ, дороже и милѣе становились народные обычаи, и рѣзче выступали передъ глазами недостатки и смѣшныя стороны господствующей и гнетущей національности. Вотъ въ это-то время и стали появляться такіе смѣтливыя личности, какъ перемышльскій епископъ Снѣгурскій и, вслѣдъ за нимъ, митрополитъ Яхимовичъ, которые робко, нерѣшительно, краснѣя начинали предписывать священникамъ, чтобъ они говорили преимущественно въ церквахъ не по-польски, а *по-русски*; стало являться поповское писаніе *русскими* буквами, вымрять стало старое поповское священническое, неумѣвшихъ даже читать по-церковному и потому писавшихъ въ богослужебныхъ книгахъ между строками польскими буквами, какъ какое слово выговаривается: церковной азбуки они не знали. Новое поколѣніе уже выросло въ сознаніи, что оно принадлежитъ не къ польской, а къ русской, (то есть, южнорусской) народности; вѣзлаторовъ, *слизмятниковъ*, насильно обратившихъ южнорусскій народъ изъ святой уніи въ схизму, они очень не любили за ихъ варварство, за ихъ отсталость; но точно также не любили и по-

ликсѣвъ, отнимавшихъ у южнорусскаго народа всѣ его лучшія силы и обращавшихъ его изъ той же уни въ латинство. Въ аудиторіяхъ, въ обществѣ, началъ замѣтно обнаруживаться расколъ, и чаще и чаще стали показываться разныя азбуки, катихизисы, напечатанныя церковными буквами.

Заругъ грянулъ страшный 1848 годъ.

Вся Австрія веколыгнулась и затрепетала: Меттернихъ не стало. Всѣ народности подняли голову и заговорили. Пошла та кутерьма, которая продолжалась и до сихъ поръ; права національностей перешла съ правами историческими — и вышелъ невообразимый хаосъ, опутавшій Австрію своей паутиной сѣтью, изъ которой она выбивается и едва ли выбьется. Первымъ дѣломъ галицкихъ поляковъ, уже испытавшихъ, каково къ нимъ расположены хлопы и русское духовенство, было провозгласить, что Польша не погибла. Во Львовѣ и по всѣмъ городамъ Галичины поднялись демонстраціи, и явились польскія рады (собранія, совѣты, думы); но русскіе ужъ такъ были настроены, что немедленно по всей Галичинѣ, къ величайшему изумленію поляковъ, никогда ничего не предвидящихъ и вѣчно ошибающихся въ своихъ расчетахъ, открылись *русскія рабы*. Не польскихъ радахъ былъ поднятъ вопросъ объ освобожденіи Польши, на русскихъ — объ освобожденіи крестьянъ и о правахъ русской народности. Внутренне и легкомысленные поляки, въ увлеченіи минутнымъ успѣхомъ, низвергая существующую власть и провозносили приговоры о низложеніи съ *польскаго* престола дома Габсбурговъ, Гогенцоллерновъ, — а русскіе объявили себя вѣрноподанными изъ вѣрноподанныхъ цесаря и, въ благодарность за освобожденіе крестьянъ, заявляли готовность лечь на него коленомъ и усмирить всѣхъ бунтовщиковъ. Поляки приходили въ негодованіе отъ этой *измены* русскимъ *изъ общей польской отчизны* и нѣсколько разъ собирались разогнать русскія рады оружіемъ. Но около этихъ радъ, гдѣ заседали священники, учителя, кое-какіе чиновники, да хлопы поумнѣе — стояла толпа только-что освободившагося отъ польщины народа, съ цѣпами и съ ломомъ въ рукахъ, готовая въ клочья изорвать *лявовъ* при первой ихъ попыткѣ коснуться представителей русской народности и ея свободы. Само собою разумается, южнорусское хлопство, какъ и мазурское, рѣшительно не имѣетъ понятія о національности и чрезвычайно мало дорожитъ ею; но личную свободу оно понимаетъ какъ нельзя

лучше. Въ полякѣ оно видѣло тогда только пана, въ священникѣ — надежнаго защитника народности, толкователя манифестовъ, врага панства, которое, отнесясь съ презрѣніемъ ко всему хлопскому, никогда не умѣло почтительно обращаться съ унией — съ этой хлопской вѣрой. Панство сдѣлало все возможное, чтобы православный и униатскій священники ненавидѣли его отъ глубины души; панство унижало священника передъ ксендзомъ. Въмѣсто того, чтобы исправить церковь, валяющуюся на бокъ отъ ветхости, оно возмывало безъ всякой нужды величавыя костелы и перепутывало мирныя сельскія отношенія хлоповъ, вводя между ними религіозный расколъ.

Во Львовѣ, между тѣмъ, кипѣли демонстраціи, и все готовилось разразиться революціей. Тогдашній львовскій губернаторъ, графъ Стадіонъ, человѣкъ либеральный, мягкій и, что хуже всего, безхарактерный, допустилъ студентовъ и ремесленниковъ въ національную гвардію, позволилъ имъ взять изъ арсенала оружіе и уже раскидался въ своемъ благодушіи, видя, что это оружіе послужитъ не для сохраненія хоть какого-нибудь коридора въ эти тяжелыя минуты, которыми тогда переживала имперія, но обратится на разрушеніе ея. Является къ нему депутація львовской русской рады, отъ имени *галицко-русскаго* народа объявляетъ, что правительству безконечно нечего, что даже безъ войска можно усмирить *поляковъ*, потому что *галицкіе русскіе* преданы душой и тѣломъ благополучно царствующему дому: «Пусть правительство положится на своихъ вѣрныхъ русскихъ; пусть дастъ намъ одинаковыя политическія права съ поляками, раздѣлитъ королевство Галицко-Волынское на двѣ части — на Мазурскую и Русскую, границей которыхъ служитъ рѣка Сянъ, и оно найдетъ въ насъ не только вѣрныхъ подданныхъ, но и надежныхъ защитниковъ противъ всякихъ польскихъ поползновеній нарушить цѣлость имперіи».

— Хорошо, отвѣчалъ графъ Стадіонъ въ недоумѣніи: но правительство не можетъ положиться на васъ, потому что вы для него едва ли не опаснѣе самихъ поляковъ; вы *русскіе*, и вы, волей-неволей, тянете къ Россіи. У васъ съ русскими одинъ языкъ, одинъ обрядъ, одно имя. Россія имѣетъ огромный интересъ держать въ повиновеніи поляковъ, которые ее ненавидятъ, а на васъ, которые ее любите, она можетъ, не сегодня, такъ завтра предъявить свои права, и вы охотно броситесь въ ея объятія.

Графъ Стадіонъ былъ, разумѣется, правъ; но онъ имѣлъ дѣло не съ многоглаголивými поляками, а съ тѣмъ, что мы называемъ *хитрыми голами*, которые мало говорятъ, важутся науками, лѣнны, тяжелы на подъемъ, а въ сущности крайне хитры, упрямы и настойчивы.

— Пусть правительство не беспокоится, отвечали они: мы, во-первыхъ, вовсе не *русскіе*, а мы *русины*. Wir sind Ruthenen!

— Но вѣдь вашъ языкъ русскій.

— Нашъ языкъ *рускій*, а не *русскій-россійскій*; мы *русины*, а въ Россіи *россіане*; мы пишемъ слово *рускій* съ однимъ *с*, а россіане пишутъ съ двумя *с*; мы принадлежимъ къ двумъ разнымъ племенамъ; россійскій языкъ для насъ непонятенъ, россійская церковь намъ чужая; мы вѣрные сыны престола св. Петра, мы преданнѣйшіе слуги австрійской монархіи, потому что въ ней только наше греко-латинское исповѣданіе (унія) находитъ себѣ должную защиту и покровительство, тогда какъ въ Россіи насъ преслѣдуютъ. Чего намъ желать отъ Россіи, гдѣ царствуютъ кнутъ и административный произволъ, тогда какъ въ настоящее время наше отечество, Австрія, сдѣлалось въ нѣсколько недѣль однимъ изъ либеральнѣйшихъ государствъ Европы? Пусть правительство дастъ намъ политическія права, и оно увидитъ, что не только Россія не будетъ ему страшна, но оно будетъ страшно для Россіи. Наши единоплеменники, живущіе на Подолѣ, на Волынѣ и на Украйнѣ, узнавъ, что хлопъ освобожденъ въ Австріи, будутъ мечтать только о томъ, какъ бы и имъ подойти подъ благодѣтельный свистъ благороднаго дома Габсбурговъ. Наши единоплеменники за границей лишены святой вѣры отцовъ нашихъ, уній, россійскимъ насиліемъ. Пусть домъ Габсбурговъ дастъ намъ политическія права — все духовенство Украйны, Подола и Волыни пожелаетъ снова возвратиться въ унію, о которой оно теперь плачетъ. *Мы не россіане, мы русины*: Wir sind Ruthenen! Wir sind treue Ruthenen, Excellenz!

Дѣло было сдѣлано. Австрійское правительство признало вѣрныхъ *рутеносъ*, и такимъ образомъ 1848 годъ, между прочими чудесами, которыми онъ произвелъ, открылъ въ Австріи совершенно новое славянское племя, до тѣхъ поръ невѣдомое міру: *русиносъ* или *рутеносъ*, да еще и *вѣрныхъ рутеносовъ*, *treue Ruthenen*; и *die treue Ruthenen* получили нѣкоторыя политическія права.

Во-первыхъ, правительство признало, что они составляютъ отдѣльную національность отъ поляковъ. Это было выигрышъ огромный, вслѣдствіе котораго ихъ языкъ былъ признанъ языкомъ *краевымъ* и *державнымъ*, т. е., что на ихъ языкъ было разрѣшено вести канцелярскую переписку и принимать прошенія, даже въ Вѣнѣ. Всякіе правительственные манифесты, объявленія, должны были печататься для Галичины какъ по-вѣмски, по-польски, такъ и по-руски (*ruthenisch, russinisch*), а изъ этого вытекало, что они могли заводить свои собственные журналы. Первымъ журналомъ галичанъ была небольшая газета «Зоря Галицкая», издававшаяся первое время г. Павенскимъ. Это былъ небольшой листокъ, печатавшійся на языкѣ, смѣшанномъ изъ малороссійскаго съ церковнымъ, но все еще церковными буквами. Гражданскую азбуку тогда еще мало кто зналъ въ Галичинѣ. «Зоря Галицкая» была органомъ львовской и русской разы и такъ-называемой партіи святоюрцовъ. Св. Юръ, т. е. св. Георгій — монастырь и митрополитъ въ Львовѣ. Тогдашній митрополитъ Яхимовичъ и его клирошане были главными двигателями русской борьбы противъ поляковъ; а такъ какъ русская агитація сосредоточивалась въ монастырь св. Юра и изъ него исходила, то поляки прозвали всѣхъ галицко-русскихъ патріотовъ *святоюрцами* и *клерикальной партіей*, названіе, которое до сихъ поръ такъ за ними и остается. Органъ святоюрцовъ, «Зоря Галицкая», производилъ потрясающее впечатлѣніе на своихъ читателей. Въ первый разъ послѣ пятилѣтняго гробоваго молчанія, русскіе услышали смѣлое и откровенное заявленіе, что они *русскіе*, что поляки гнетутъ ихъ, стараются ихъ обезнародить, въ первый разъ вспомнили о прошедшей славѣ и величій Галицкаго Королевства, и волей-неволей, одинъ за другимъ, стали покидать поляны и гордиться своимъ происхожденіемъ. Переворотъ произошелъ замѣчательно вѣрно. Во многихъ приходахъ разсматривалъ и метрическія книги: до 1848 года въ этихъ книгахъ все писано или по-латыни, или по-польски, и, что всего забавнѣе, видно, какъ первое время священники не умѣли совладать съ нашей скорописью: одинъ писалъ уставомъ, другой перегибалъ русскія буквы съ латинскими, третій выдумывалъ даже свое собственное правописание... Слово имъ не хватало для того, чтобы озаглавить книгу. На ярлыкахъ читаете то *затиссаніе*, то *затиска*, то *вычисленіе родячимся, умирающимъ, грѣшнымъ* и *слюбы берущимъ*.

Язык вышел до неумолимости фантастический, и даже теперь, когда ужъ двадцать лѣтъ прошло, какъ русскіе обрусѣли, они все еще никакъ не могутъ справиться съ языкомъ, потому что, сознавая вполне неразвитость и недостаточность малорусскаго нарѣчія и не имѣя возможности не только слышать общерусскій литературный языкъ, но даже и читать что-либо на немъ, они постоянно находятся въ затрудненіи, какъ употребить какое-нибудь слово или какъ справиться съ какимъ-нибудь терминомъ. Для нихъ, напримѣръ, существенный вопросъ составляетъ, какъ писать: *Ирландія* или *Ирландія* и какъ сдѣлать прилагательное: *ирландскій*, *ирландскій* или *ирскій*? Въмѣсто человѣкъ, они говорятъ *мужъ*, и чувствуютъ другъ друга этимъ названіемъ. Въмѣсто голый — *голеный*, никогда — *ни коли*, на чужой сторонѣ — *въ чужилѣ*, смотрѣть — *глядати*, выгодный — *корыстный*, и хотя «они умиляются печальной судьбѣ за свое нелицемѣрное ревнованіе по дѣламъ народности», но, все-таки, при всемъ желаніи, никакъ не могутъ до сихъ поръ вріучиться хорошо говорить и писать по-литературному — до такой степени міръ ихъ замкнутъ и отрезанъ отъ общаго русскаго русскаго жизни.

Въ прошломъ вѣкѣ, въ домахъ галицкаго духовенства еще господствовалъ русскій языкъ, разумѣется, на червоно-русскомъ нарѣчіи, но съ начала нынѣшняго до 1848 года, русскій языкъ былъ совершенно изгнанъ изъ употребленія въ каждомъ маломальски порядочномъ русскомъ домѣ. Его замѣнилъ польскій, такъ что большинство дѣтелей русскихъ радъ 1848 года выросло на польскомъ языкѣ и знало по-русски на столько, на сколько нужно было для объясненія съ простонародьемъ. Изгнаніе польскаго языка сопровождалось непреодолимыми трудностями: во-первыхъ, по-русски говорить было смѣшно, — такъ смѣшно, какъ для насъ кажется дикимъ и нелѣпымъ одѣваться по-русски, для говорить съ какимъ-нибудь хохладскимъ или владимірскимъ акцентомъ. Женскій полъ, попадѣи и попадьянни, первыя пришли въ ужасъ и негодованіе отъ понозновенія своихъ благоговѣрныхъ отцовъ-іереевъ ввести въ дома *хлоскую* рѣчь и заставить ихъ играть на фортепьяно народныя *несилахетныя* мелодіи. Но движеніе было такъ сильно, поворотъ былъ такъ крутъ, что теперь въ Галичинѣ въ весьма немногихъ домахъ сохранился польскій языкъ, и то только у священниковъ, которые, вслѣдствіе ли какихъ обстоятельствъ, или по бѣдности прихо-

довъ, заходятся постоянно въ зависимости отъ помѣщиковъ, лѣстя имъ и угождая. Этотъ классъ духовенства пользуется тамъ великимъ презрѣніемъ отъ русскихъ и огромнымъ уваженіемъ поляковъ, которые называютъ его *porządny* (порядочнымъ). Поляки выставляютъ этихъ *порядочныхъ* либералами, прогрессистами и плачутся, будто святоюрцы тѣнятъ ихъ, будто святоюрцы хотятъ ввести москву и схизму.

Дѣло было сдѣлано. Галицкое возстаніе 1848 г. ограничилось одними Львовомъ; по селамъ ни одинъ полякъ не шелъ охотиться, потому что хлопство въ клочья разорвало бы каждого, кто только осмѣлился бы подняться на цѣсаря, его освободителя. Наши войска прошли Галичиной въ Угорщину, смута утихла, и настала для Австріи новая эпоха — эпоха тяжелаго сна и отдыха подъ централизационною системою Баха. Для галицкихъ русскихъ управленіе Баха было чрезвычайно выгодно: Бахъ не давалъ ни одной народности перевѣса надъ другою. Если онъ тѣснилъ, то тѣснилъ русскихъ наравнѣ съ поляками, и не давалъ полякамъ ни права, ни возможности давить русскихъ. Въ его управленіе литература галицкая стала развиваться довольно быстро, т. е. на столько, на сколько это возможно при трехмилліонномъ населеніи края и при десяти тысячахъ грамотныхъ людей, въ странѣ, гдѣ книга печатается не болѣе какъ въ 500 экземплярахъ, которые раскупаются развѣ лѣтъ въ двадцать. Журналы стали заводиться, кромѣ «Зори Галицкой», которая въ 1850 году перешла въ собственность ставропольской лавры. Движеніе, поднявшееся въ Галичинѣ, отозвалось и на Угорской Руси, ободрило словаковъ, языкъ которыхъ такъ близокъ къ русскимъ нарѣчіямъ, и пробудило въ нихъ охоту къ изученію русскаго языка; по симпатіи и уваженію къ Россіи въ пятидесятыхъ годахъ было еще очень мало, какъ у галичанъ, такъ и у прочихъ австрійскихъ славянъ. Во-первыхъ, въ Австріи было уже уничтожено крѣпостное право, а въ Россіи оно цѣло во всемъ своемъ блескѣ; во-вторыхъ, австрійцамъ печать была, все-таки, свободнѣе русской; въ Австріи не было тѣлеснаго наказанія, срокъ солдатской службы былъ короче, и, вообще говоря, Австрія, все-таки, имѣла, по крайней мѣрѣ, вѣнжность образованнаго европейскаго государства, тогда какъ Россія представлялась каконто варварскою страной произвола, кнута и цензуры. Обаяніе

русской силы, могущества наших штыков и удали наших казаков пало под стѣнами Севастополя: мы казались побѣжденными, униженными, а ничто такъ не возбуждаетъ вражды слабыхъ, какъ видъ падшаго богатыря. Славяне увидѣли, что Европа насъ не боится, и потому, не видя въ насъ проку, перестали любить насъ, а обратили все свои помыслы къ тому, чтобъ пересоздать Австрію въ *Славянское Государство*, направивъ ея силы на Востокъ — т. е. на Сербію, Болгарію и такъ-называемую Румынію, а если можно, то стянуть отъ насъ Польшу и Малороссію. Такое настроеніе умовъ было совершенно естественно и неизбежно, потому что другого пехода славянамъ тогда рѣшительно не представлялось. Броситься въ наши объятія значило бы взять на себя все наши тяготы, все наше неустройство, все наше плохое законодательство, утратить свою національность и политически погибнуть ни за что, ни про что. Къ этому же времени, при подобномъ ихъ настроеніи, явилась польская пропаганда, которая въ 1859, 1860, 1861 годахъ дѣлала въ Австріи громадный успѣхъ. Вопросъ народностей передъ тѣмъ сдѣлалъ огромный шагъ на поляхъ Сольферіо и Мадженты подъ знаменами Гарибальди. Каждый славянинъ, даже дравшійся противъ итальянцевъ въ австрійскихъ войскахъ, все-таки смотрѣлъ на нихъ съ завистью, мечталъ о томъ, какъ хорошо было бы какимъ-нибудь чехамъ, хорватамъ, словакамъ, полякамъ удруть съ Австріей такую же штуку, какъ удавалась итальянцамъ! Примѣръ итальянцевъ и революціонное настроеніе умовъ въ Россіи вскружили голову польской молодежи, которая, вполне рассчитывая на поддержку нашихъ революціонеровъ, рѣшилась начать незваную демонстрацію для заявленія передъ лицомъ Европы и славянства о нашемъ гнѣтѣ и нашемъ варварствѣ. Славяне вѣрили въ слово полякамъ, глубоко сочувствовали намъ и всю злобу на свое униженное положеніе, которая накопилась у нихъ въ душѣ вследствие иѣмецкаго, итальянскаго и мадьярскаго владычества, опрокинули на насъ. О реформахъ, совершавшихся у насъ, о такомъ громадномъ дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ, они, разумеется, плохо знали, да и знать не могли, потому что для нихъ Россія тоже великая загадка, и потому что для пониманія того, что у насъ происходитъ, надо близко знать насъ, наши права, наше правительство, наши порядки и нравы.

Россія отличается отъ всѣхъ другихъ государствъ тѣмъ, что ее изъ книгъ никакъ нельзя изучить. Въ такое-то критическое для насъ время пало министерство Баха, Австрія превратилась въ либеральное конституціонное государство, и началась та перемена конституцій, дождь хартій, патентовъ, переименовокъ государства, федерализма, дуализма, централизма, сепаратизма, мадьяризма, славянизма, германизма, индигенизма и еще Богъ знаетъ какого пизма, который продолжается до сихъ поръ, и который кончится развѣ съ самой Австріей.

Поляки, ожидавшіе, не сегодня, такъ завтра, возстановленія Королевства Польскаго, выхлопотали въ Вѣнѣ, чтобъ Галичина оставалась, попрежнему, единой и нераздѣльной, т. е. чтобъ галицкій сеймъ былъ одинъ какъ для западной мазурской, такъ и для восточной русской Галичины, потому что земли короны Ягелловоу не должны быть раздѣлены въ административномъ отношеніи. Затѣмъ, весьма ловкая маневромъ они подвели, чтобъ въ этомъ сеймѣ большинство членовъ было непременно поляки, и стали трудиться надъ введеніемъ въ униатскую церковь новыхъ латинскихъ обрядовъ, надъ измѣненіемъ русской церковной и гражданской азбуки, надъ введеніемъ въ народныя школы польскаго языка и надъ пропагандою польскаго патристизма въ средѣ какъ образованнаго, такъ и необразованнаго класса галичанъ. Это спора разбудило засыпавшій-было патристизмъ галицкаго духовенства. Въ отвѣтъ на это, оно выкинуло въ себя огромную партію *обрядовцевъ*, которые поставили себѣ задачей счистить униатскую церковь отъ всего латинскаго, т. е. отъ органоу, отъ звонка при вѣнчѣхъ естѣсныхъ даровъ и т. п. *Обрядовцы* стали затворять церковныя двери во время богослуженія (у униатовъ церковныя двери никогда не затворяются) отпустили волосы по плечамъ, усы, борода, показывали рисы и камизавки; но поляки сдѣлали на нихъ доносъ въ Римъ, и изъ Рима было предписано держаться латинизма. Графъ Голуховскій, бывший и тогда ламбегникомъ Галичины, отдалъ русское духовенство подъ надзоръ полиціи, и полицейскіе агенты бунтовали хлопцевъ противъ священниковъ, винуя народъ, что понамъ ничего не сдѣдуетъ платить за требы. Бандармъ стоялъ на паперти церкви и наблюдалъ, звонять ли колокольчики, играть ли органъ, не затворятся ли церковныя двери, не сего ли припадаютъ. Хлопство, несмотря на свой глубокій

индифферентизмъ въ дѣлѣ обрядъ, все-таки, смотрѣло и смотритъ на священниковъ, какъ на единственныхъ своихъ руководителей и своихъ безкорыстныхъ друзей. Несмотря на запрещеніе платить за требы, клоны тайкомъ носили священникамъ хлѣба, медъ, поддѣва, водку, такъ же какъ носили отцы ихъ; полиція не могла переизмѣнить народныхъ обычаевъ; но внимательство поляковъ въ дѣло вѣры, въ языкъ ихъ стремленія ополячить русскихъ удесятирили ненависть къ нимъ всего, что было лучшаго въ Галичинѣ. Въ 1848 году не каждый русскій былъ святоюрцемъ; теперь кѣтъ русскаго, который не былъ бы святоюрцемъ, за исключеніемъ разнаго рода личностей, которыя ополчались ко тому, что и въ домахъ говорить не иначе, какъ по-польски. Къ числу ихъ принадлежатъ, между прочимъ, издатель газеты «Нароноюю» г. Добржанскій, пле, какъ онъ себя называетъ по-польски, *Добржанскій*, и г. Костецкій, пле, какъ онъ себя называетъ по-польски, *Косцюцкий*. Подобные господа даже и не вращаются въ русскомъ обществѣ: они сдѣлались совершенными поляками и живутъ исключительно польскою жизнью, въ полномъ отчужденіи отъ тамошняго русскаго народа. Въ то же время освобожденіе крестьянъ въ Россіи благодушно отозвалось на прилегающей къ ней Галичинѣ. Хаосъ, который увидѣли, что въ Россіи крестьянамъ дано больше земли, чѣмъ въ Австріи, что дѣла и паштбаца не составляютъ въ Россіи исключительной собственности помещиковъ, что судъ мировыхъ посредниковъ справедливѣе суда австрійскихъ комиссаровъ, что въ Россіи подати легче, живется вольнѣе, и въ первый разъ потянуто на нашу сторону. Прежде, говорятъ галичкіе клоны, русскіе крестьяне (т. е. подольскіе и волынскіе) завидовали намъ и говорили намъ: «Отдали бы вы намъ вашихъ поповъ: наши попы ничего не дѣлаютъ, и насъ не освобождаютъ». А теперь мы завидуемъ волынскимъ и подольскимъ хлопамъ и говоримъ имъ: «У васъ царь лучше и добрее, много земли вамъ данъ и мало податей съ васъ беретъ, не такъ, какъ у насъ, берутъ третью часть всего валоваго дохода... Скажите вашему царю, чтобъ онъ насъ къ себѣ взялъ».

Освобожденіе крестьянъ, усмиреніе польскаго возстанія, льготы, дарованныя холмскому униатскому духовенству, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, успѣхи наши въ дипломатіи, на Кав-

казъ, въ Средней Азіи — все это дѣйствительно чрезвычайно сильно на настроеніе умовъ галичкихъ русскіхъ и постоянно наводило ихъ на мысль, что мы, великорусы, нѣмъ не душіе, что у насъ съ ними одинъ общій врагъ — поляки, что если они разнятся отъ насъ по вѣрѣ, то въ этомъ не ихъ вина, а вина историческихъ обстоятельствъ. И стали они козюмизировать, что, будь ихъ воля, они разонъ сѣрахнули бы съ себя не только примѣсь латинскихъ обрядовъ, но и самую связь съ Римомъ, и возвратились бы къ восточной церкви, и во время возстаній, въ галичинахъ все сильнѣй и сильнѣй, все горячѣй и горячѣй начала развиваться глубокая, страстная любовь въ Россіи и во всему русскому.

На подмогу явились украинифилы.

Въ то время, когда галичане съ такимъ жаромъ и рвеніемъ отстанивали русскую азбуку и русское правописаніе противъ поляковъ, которые изъ кожи лезли, чтобъ порвать съ литературною связью съ остальными русскими міромъ, вдругъ въ Россіи явилась партія украинифиловъ, которая вводила въ южно-русскій языкъ новое, не-историческое правописаніе, основанное исключительно только на фонетическомъ началѣ, правописаніе, порывавшее всякую связь Южной Руси съ ея предѣлами, съ ея церковью и съ нами. Поляки, какъ извѣстно, очень сочувственно отнеслись къ такъ-называемой *примітивній* южнорусской, она отдала южнорусовъ отъ великорусовъ — тѣ были для нихъ огромныя выигрышныя; во-вторыхъ, она избавила ихъ отъ труда изучать грамматику, и давала возможность каждому безграмотному человеку писать, никому не учась, вѣстную ченуку, какая ему придетъ въ голову. Опышныя южнорусы, окончившіе курсы студенты и всякаго рода школьники ухватились за фонетическое правописаніе, какъ за азору спасенія и сочли себя пророками пятнадцатилѣтней южнорусской національности, которая, по ихъ понятію, должна жить и развиваться по образу вавилонянъ, кѣтъ душа, сидѣть въ суртанѣхъ и гарцовать въ степи съ нагайкой въ рукахъ. Поляки съ радостью ухватились за это изобрѣтеніе: «ужь если южнорусы, разсчитывали они, не доставутся намъ, такъ пусть же они не доставутся и москалямъ», и Галичина сдѣлалась театромъ ожесточенной борьбы между святоюрцами, стоявшими за истинное правописаніе, и украинифилами, стоявшими за фонетическое правописаніе.

тисское. Святоюрцы были и есть люди серьезные, учившиеся много и основательно, кончившие курсы въ разных академіяхъ и университетахъ и издававшие журналы, которые читались съ уваженіемъ всеми серьезными и умными людьми. Партію украинофиловъ въ бараньихъ шапкахъ, въ шаравахъ съ Черное Море, въ красныхъ лункахъ составляли разные юноши, которые, по избытку народной даровитости, считали ненужнымъ учиться и предразсудкомъ кончать курсы, а рѣшились прямо, съ прорываваніемъ уговъ, просвѣтить своихъ соплеменниковъ на счетъ ихъ исторіи и политическаго значенія. Они торжественно объявляли, въѣздомъ со словъ Духинскаго, что въ мексалахъ нѣтъ ни капли славянской крови, что великорусскій гнѣтъ терзаетъ Малороссію, что малоросійскій народъ принадлежитъ къ иному племени, чѣмъ великорусскій, и представляетъ собою чистѣйшій славянский типъ (хотя они забывали, что типъ многихъ изъ малороссовъ до невѣроятности калмыцкій или киргизскій, что весьма естественно, потому что у нихъ были южно-руссы чрезвычайно много всякой половинкой, печенѣжской, торевской, восожской, хазарской и т. п. туранской крови)...

Полкип настаивали въ Вильнѣ, чтобы правительство признало юнетическое правописаніе официальнымъ, то-есть, чтобы все официальныя документы писались *кулишовкой*, но оппозиція образованныхъ людей изъ Галичанъ была такъ сильна, что въ Вильнѣ на это не рѣшились. Борьба идетъ до сихъ поръ, и мы не знаемъ, когда она уляжется — развѣ съ присоединеніемъ Галичины къ Россіи. Но чтобы читатель повѣлъ характеръ и взаимныя отношенія партій, мы заключаемъ эту главу слѣдующимъ, совершенно истиннымъ анекдотомъ:

Юный редакторъ одного прохотнаго журнальда, печатавшася во Львовѣ *кулишовкой* на чистомъ червоно-русскомъ нарѣчій, приходитъ къ священнику и предлагать ему подписаться на его издавище.

— Что вы тамъ будете писать? спрашиваетъ священникъ.

— Политическія статьи, повѣсти, ученые изслѣдованія, горзонтъ редакторъ.

— А гдѣ вы учились? спрашиваетъ священникъ.

— Я пробылъ два года въ университетѣ, но счелъ лишнимъ продолжать занятія, найди, что тамъ, кромѣ схоластики и ет-сталой, чертовой науки, ничего нѣтъ. Изъ книгъ, изъ чтенія, изъ жизни можно гораздо болѣе развѣстися.

— Ну, такъ вотъ что, сказать священникъ: — и пришелъ эту черствую схоластическую науку; и вамъ покажу мои дипломъ и, если хотите, дамъ вамъ прочитать писанныя мною, когда и была еще въ вашихъ лѣтахъ, диссертаціи, заслужившія почетныя отзывы. Жить и болѣе вѣст, знаю болѣе вѣст, такъ не лучше ли намъ пожить въ родимѣ? Вѣстъ того, чтобы я вамъ сталъ *платить* за то, что буду читать ваши ученическія упрямства, заплатите вы мнѣ за то, что я стану ихъ читать.

IV.

ного свѣдѣній и хорошихъ извѣстностей вызвало восре-сеніе русской народности въ 1818 г. Къ сожалѣнію, говорить объ нихъ печатно не совсѣмъ удобно, потому что это было бы выдачею ихъ полякамъ. Для характеристики галичанъ я возьму только нѣсколько человекъ, которые уже перебрались сюда изъ Австріи или перебираются.

Яковъ Федоровичъ Голованскій, такъ коротко намъ теперь извѣстный, долженъ былъ не только пожить въ край, гдѣ онъ былъ полезенъ, чѣмъ у насъ, но даже воеводу и почти отк-заться отъ дѣла, которому посвятилъ всю свою жизнь. Пере-селенный теперь въ Вильну и сдѣлавшись такъ предсѣдате-лемъ археографическаго комитетъ, Яковъ Федоровичъ можетъ быть похваленъ только какъ ученый, тогда какъ въ Галичинѣ онъ былъ и кабинетнымъ ученымъ, и собирателемъ писемъ изъ чужаго простого народа, и политическимъ дѣятелемъ. Милый, уступчивый, уклончивый, о. Голованскій заслуживалъ у польсовъ названіе переметчика, потому что нѣсколько разъ онъ дѣйствительно держалъ ихъ руку и нѣсколько разъ становился на русскую сторону. Онъ писалъ свое имя польскими буквами: *Janina Głowacki*, иногда *Holowacki*, а наконецъ *Głowacki*; надъ нимъ изъ этого много подымалась и подымается «Газета Народная», а это ро-ждаетъ величайшую честь новому русскому подданному. Это ро-ждается, можетъ быть, парадоксомъ, а въ сущности это такъ, потому что не даромъ же честный и талантливый человекъ ро-ждается въ бывшихъ владѣніяхъ Речи-Посполитой и въ австрійскомъ государствѣ, морально порвать съ ними. Только

пустые люди сразу приходят къ рѣшительному убѣжденію, — для людей мысли и дѣла нужны года, чтобъ на чемъ-нибудь остановиться. Я выше разсказывалъ, какъ о. Головацкаго преслѣдовали за то, что онъ издавалъ въ Пештѣ «Русалку Днѣстровую» гражданскимъ шрифтомъ и съ малороссійскими тенденціями; какъ нѣсколько лѣтъ онъ не могъ добиться рукоположенія въ священники, къ чему съ дѣтства готовился, какъ потомъ безъ копейки денегъ, онъ съумѣлъ, несмотря на всѣ враждебныя условія, обойти всякомъ выданіи дровушки, если не выданію хату въ Галичинѣ и въ Угорской Русіи, собрать лѣсныя преданія; попытаться во всѣхъ церковныхъ архивахъ, написать массу историческихъ елишевій и все это будучи простымъ деревенскимъ священникомъ, имѣющимъ тотъ ничтожный доходъ, о которомъ я упомянулъ выше. Настоячивостью, желѣзной волей о. Головацкій добился того, что попалъ на кафедру львовскаго университета профессоромъ русскаго языка и словесности, гдѣ ему приходилось съ бою отстаивать передъ поляками преподаваемый имъ предметъ. Поляки хотѣли чуть не двадцать лѣтъ сразу, во что бы то ни стало, чтобъ онъ преподавалъ студентамъ русскій языкъ, а не русскій (т. е. не россійскій, не московскій). Они требовали, чтобъ онъ содѣйствовалъ имъ уходить насмерть традиціонное правописаніе; они требовали, чтобъ онъ изгонялъ изъ галицкаго литературнаго языка всѣ общерусскія выраженія и замѣнялъ ихъ польскими, говорилъ бы напр. *стосюнокъ* вмѣсто *отношеніе*, *стани* вмѣсто *положеніе*, *товариство* вмѣсто *общество* и т. д. и т. д., т. е. запутать бы мѣстный языкъ полонизмами и провинціализмами до такой степени, чтобъ всякій возвратъ къ общерусскому языку или къ его родному брату, церковному, сдѣлался бы невозможенъ. Ужь какъ ни ухаживали за о. Головацкимъ поляки, какихъ пружинъ они ни пускали въ ходъ, чтобъ склонить его на свою сторону — онъ, колеблясь, уступая въ частности, въ общемъ выигралъ; его имя стало символомъ русской народности въ Галичинѣ, его припѣръ — заклинаніе галицкому люду. Самъ онъ началъ съ правописанія фонетическаго, какъ и напечатана — «Русалка Днѣстровая» — одна изъ безчисленныхъ попытокъ сдѣлать изъ южнорусскаго не простонародное, а литературное нарѣчіе. Сочувствовать намъ, особенно въ 40-хъ годахъ и даже, сказать правду, въ 50-хъ, было не за что — плеть, цѣлура, грѣбное право, кулачная расправа живого не могли предъявить, и люди, искренно

желавшіе добра южнорусскому народу, не разъ садумывались, а не порвать ли съ великорусами? или не столковаться-ли какъ-нибудь съ поляками? Все, какъ ни была плохо Рѣш-Польша, но при Степанѣ Басорѣ русскому народу жилось хорошо, да и на совѣмъ плохо жилось при Головацкѣхъ. Что дѣйствительно тогда начиналось порабощеніе простонародна панствомъ и еврейскими элементами, то въ этотъ моментъ были, кажется, не столько поэмы, у которыхъ въ Краковѣ тогда не только литературы не было, но даже приконились языкомъ быть русскій, а Краковъ весь былъ накрытъ привадами ными церквами — виноваты сами русскіе. Само божество Бѣлої, Милої и Червоной Русіи поработило народъ, бросило свой языкъ, свои обычаи, само добровольно поддало въ польскій кузовъ. Его изжилъ блескъ латинской цивилизаціи, и оно, какъ Исавъ, продало свое первенство за чашку похлебки, за что не изъ какихъ-нибудь грѣшечекъ, а изъ самой простой несправедливости. Такъ мудрено ли, что южное и западное русское племя, расстрѣпанъ въ лица своихъ представителей, тогдашнихъ божества и оглашенъ мѣщанства, до сихъ поръ не можетъ выдѣлаться изъ-подъ гнета польской народности, и что каждому галицкому русскому тяжелыя процессы мысли и души мешаютъ возможности воротиться въ общее русло русской жизни. Остатъ колеблется надъ выборомъ между Варшавой и Москвою, другой вздыхаетъ о Кіевѣ, третій о Одессѣ, четвертый утонувъ въ уни, а пятый даже въ католицизмъ. Порежь для нихъ стала легче, благодаря задаткамъ, положеннымъ въ извѣстное царствованіе, не десяти лѣтъ тому назадъ эти задатки существовали только въ видѣ плана, а никакъ не въ видѣ факта. Тяжелымъ грузомъ нужно было пройти, чтобъ изъ (Hłowackiego превратиться, въ своихъ собственныхъ глазахъ, въ Головацкаго (Hłowacko), а изъ этого наконецъ дойти до Головацкаго.

Товарищъ, пріятель и дѣятельный помощникъ о. Головацкаго, ратый за русское дѣло, замѣчательный администраторъ, распорядитель, это — клирошанинъ Куземскій, кованно рукоположенный въ холмскіе униатскіе епископы, человекъ, отъ котораго мы имѣемъ полное право ждать, что онъ заручится нашу холмскую униатскую епархію отъ власти поляковъ. Куземскій былъ въ послѣднее время душой Народнаго Дома, стражемъ всякихъ церквей, основателемъ русскихъ школъ и строителемъ чудесъ, служа божественно школъ при новейшемъ матери-

полить Яхимовичъ. Когда онъ вступилъ въ управленіе приходскими училищами, ихъ было не болѣе тридцати. Черезъ десять лѣтъ ихъ стало тысяча тридцать—цѣфра, которая говорить сама за себя. Неправильно помянуть къ Куземскому одинакова съ ихъ ненавистью къ Голозацкому, и если римская курия согласилась намъ отдать Куземскаго, то далеко за причиною подобной любезности ходить не слѣдуетъ. Теряя съ каждымъ днемъ почву въ Россіи, католицизмъ и польщизна хотѣли укрѣпиться въ Австріи и поэтому стараются легальнымъ образомъ сбить съ рукъ всѣхъ столбовъ галицкой Руси. Оо. Голозацкій и Куземскій были у нихъ бланкомъ на глаза. Если бы они могли избавиться еще отъ трехъ, четырехъ подобныхъ личностей, которыхъ я не назову, ихъ дѣло было бы выиграно.

— Знаете что, говорилъ мнѣ однакъ изъ тамошнихъ русскихъ дивителей — насъ такъ мало, мы такъ слабы, что потеря одного *доброго русина* *) для насъ страшное несчастіе. Отъ добраго сердца русское правительство недавно предложило нашей молодежи прѣзжать въ Россію и поступать въ коронную службу учителями и чиновниками. Съ лучшими рекомендаціями мы послали къ намъ двадцать человекъ молодыхъ людей, которые уже выучились, въ которыхъ правительство можетъ събѣло положиться, но мы угостили ихъ намъ сэрвіи сердце, потому что вы въ нихъ гуждальсь, а мы готовы всею жертвовать для русскаго дѣла. У насъ лишній русскій чиновникъ, лишній русскій учитель имѣетъ колоссальное значеніе; у насъ они потонутъ въ массу и, чего добраго, не принесутъ еглько пользы русскому дѣлу, сколько бы намъ хотѣлось. Берите у насъ молодыхъ священниковъ, берите старыхъ священниковъ, вы намъ сдѣлаете услугу, потому что духовное знаніе для насъ самое цѣнное и надежное средство существованія, а сверхъ того величайшее орудіе борьбы противъ польщизны. Въмѣсто русскихъ чиновниковъ, учителей, посадятъ у насъ поляковъ или нѣмцевъ, тогда какъ на мѣсто жена, священника, ксендза посадить поляка, а я на мѣсто ксендза состоять могу. Требникъ латинскій коротковъ, хитреей онъ никакимъ не представляетъ, посижу и на нихъ подѣлку, вотъ я и ксендзъ, въ особенности если же я двѣтвенникъ или вдовецъ; латинскому же ксендзу въ священники

*) Русинъ, забылъ я сказать, пропознестъ съ удареніемъ на первое, а не на послѣднее слѣтъ.

испасть мудрено. Народъ они вообще неразвитый, потому что какому же молодому чадовцу охота идти въ ксендзы, когда первое условіе его сана бытъ двѣтвенникомъ, и послѣ въ ксендзы идутъ люди, которымъ двѣтвеніе болѣе похуи. Свѣдѣности бытъ юристовъ у него нѣтъ, механикомъ тоже нѣтъ; а курсъ латинскаго богословія прохочется въ два семестра (духовныхъ академіяхъ) спустя рукава, а даже тѣ, которые идутъ въ ксендзы изъ политическихъ цѣлей, изучаютъ богословіе даже не такъ серьезно, какъ мы. Мы знаемъ и латынь, мы знаемъ и по-гречески лучше ихъ, да, сверхъ того, мы знаемъ и по-церковному. Чтобы бытъ священникомъ, надо знать Уставъ, а Уставъ нашей восточной церкви выучить довольно не легко; надо знать наизусть всю литургію Василия Великаго, да сверхъ того литургію Іоанна Златоуста, адобновъ, всенія невендизан, вечерни, утрени, полунощницы, всенностности службы, и отъ этого отпихахнется съ ужасомъ доброй ксендзъ. Потомъ, русскій священникъ волей-неволей долженъ хорошо знать русскій языкъ, а на мѣсто польскаго ксендза Іосифъ II, чтобы освѣдчить поляковъ, сажалъ ихъ не только чеховъ да хорватовъ въ ксендзы, а даже просто нѣмцевъ! Священникъ съ народомъ живетъ, а ксендзъ можетъ съ народомъ и не жить. Поэтому вы, русскіе священники, не можете бытъ нерусскими по происхожденію. Такъ берите же вы, господа русины, въ виду хмельскую епархію насъ священниковъ, и берите сколько вашей душой угодно. Мы вамъ будемъ за это безконечно благодарны; намъ больше будете брать, тѣмъ больше выданы будетъ отърыгиванъ на приходы, тѣмъ будетъ и для насъ душно, да и для насъ тоже — только не огнижайте у насъ чиновниковъ и учителей. Священниковъ намъ выгодно посылать въ Польшу: въ Польшу имѣтъ много униатовъ. Униаты, изъ недоразумѣнія, цугаеся бороды православнаго священника и считаютъ православіе ехизмомъ, идутъ схотите въ костелъ, съмъ въ православную церковь, и отъмъ, разубѣтены, помятятся. Если онъ женатъ на католичкѣ, то въ Польшѣ онъ долженъ престить своихъ дѣтей у ксендза, а е. записывать ихъ въ католики. Остуете униатскихъ церквей во всѣхъ городахъ Польши — зло страшное для насъ, зло тѣмъ болѣе исправимо, что какъ въ униатской церкви католическое енархіальное начальство можетъ нехотѣть себя и право поставить католическій алтарь, такъ точно и наше униатское енархіальное начальство, гдѣ-нибудь въ Польшѣ, когда бы почти

во всем костеламъ подвѣзать русскіе приѣзды. Посмотрѣли бы мы, галицкіе священники, толго ли бы тогда продержался католицизмъ въ Польшѣ! Уиіа, какая ян на есть, все-таки вѣра русская, и вся разница между православіемъ и ею состоитъ покуда въ борахъ, въ оргахъ, въ незакрываніи царскихъ вратъ во всю службу, да въ двухъ, въ трехъ мелочахъ. Уніатскій священникъ не можетъ не привлечь на свою сторону мазуровъ, а мазуры, разставившесъ съ своей польскою вѣрой, католицизмомъ, разсталися означательно съ польскою народностью.

Признаться сказать, этотъ проектъ галицкаго агитатора повараденъ явъ извѣстнѣе страннымъ. Я усомнился въ его практичности.

— Хотите, сказалъ онъ мнѣ — я вамъ докажу, что даже при всемъ нашемъ естественномъ положеніи, мы производимъ эту операцію надъ здѣшними мазурами? Я вамъ покажу священника, который съ сѣмъ дѣтъ управленіи однимъ львовскимъ подгороднымъ приходомъ присоединилъ въ русской церкви дѣвети восьмьсотъ мазуровъ и присоединилъ ихъ отъ соседняго ксендза, считающагося однимъ изъ талантливейшихъ и умнѣйшихъ католическихъ богослововъ и человѣкомъ очень способнымъ и очень честнымъ?

Курьдъ меня взялъ большой. Я познакомился съ этимъ священникомъ и получилъ отъ него приглашеніе прѣхать къ нему на нѣсколько дней въ его село, гдѣ я и прогостилъ что-то дней съ десять, такъ что имѣлъ полную возможность видѣть домашній бытъ галицко-русскаго духовенства и, узнать многое, тонкую съ многъ гостепріимнымъ хозяйствомъ съ утра до вечера о польскихъ дѣлахъ и о средствахъ распространенія русской народности.

V.

Вотъ мой хозяинъ, о. Р... человекъ еще очень молодой, находится въ застоявшее время уже въ Россіи приходится священникомъ около Сѣзда и навѣрное не погрѣшаетъ, если я передамъ часть его разсказовъ. Завѣтная его мечта, выбрать себѣ широкое поле дѣятельности, теперь осуществилась, и на вѣрное онъ уже открыто можетъ прилагать свою систему въ окрестному католическому населенію. Систе-

ча эта весьма несложна. Священникъ беденъ, потому что получаетъ всего триста гульденовъ, имѣетъ семью, дѣтей, тратить послѣдніе гроши на русскую дѣло, на поддержку театра, на поддержку литературы и дорожитъ каждымъ запискомъ своихъ прихожанъ. Онъ за тѣбѣ торговаться не ставитъ, — ему, беднягѣ, жить нечемъ. Дадутъ ему двугривный — онъ и двугривный возьметъ, дадутъ ему гривенникъ — онъ и отъ гривенника не откажется. Что дѣлать? Бѣда, нужда, есть нечего. И паразитъ не брезгаетъ; не брезгаетъ имъ потому, что священникъ надъ нимъ не догадается и ночью войдетъ исповѣдать больного, и съ похороны не слишкомъ много сдеретъ, да и наконецъ всегда его можно застать дома, запросто, въ его саноглахъ по колѣно и въ длинномъ черномъ сюртукѣ, потому что онъ ни съ кѣмъ и незнакомъ, кромѣ соседнихъ священниковъ. Прондуть поклономъ, побегучать, покрихигъ ноль, надѣвуть длинные сапоги, достанутъ сюртукъ, шлану на свою гладко зашитую и рѣзъ тѣбѣху остриженную голову, возьметъ наложку, зашнуровъ лапы и войдетъ. Ксендзу этого дѣлать некогда. Онъ пригласитъ, онъ барина, онъ съ панамъ заагетъ, и ему жить никакою охоты залзвать въ эти курны хаты, въ эти кануры и трушобы, гдѣ въ вѣковомъ снѣ почіетъ забавное простонародное бызиннхъ владѣній Рвач-Поселитой. Навѣрнѣ, у него гостеп, обвѣдъ, узаннѣ, соседній помѣщикъ прѣхалъ съ нему переначевать; тутъ политика, соображеніе о томъ, какое участіе можетъ принять Турція въ случаѣ новаго восстанія въ Польшѣ, тутъ Наполеонъ; интересы паны волнуютъ его думу; вѣтъ вопросъ о томъ, насколько Кенігсбергъ и Одесса польскія города; планъ о напавеніи нашего Новороссійскаго края польскими чинами; вопросъ о Drang-nach-Osten-Veria't разработывается! Что ему до этихъ сѣбныхъ мазуровъ, которые разлзисъ ноль тѣмной звѣздой, и что ему въ ихъ вѣрнѣрахъ, тогда у соседняго пана онъ за каждыя престыны получаетъ двадцѣть гульденовъ по меньшей мѣрѣ? Костель у него блестящій, представленный пнегда даже на русскомъ церковномъ погостѣ, въ нѣсколькихъ саженихъ отъ развалившейся церкви, воздвигнутой дѣтъ дѣвети тому назадъ праѣлами этого самаго пана, отецъ котораго, сѣздался, при помощи проважнаго іезуита, некривнѣйшимъ католикомъ. Ксендзъ привыкъ служить въ костелѣ приличномъ, а не въ лачужкѣ, гдѣ попросту некривнѣйшимъ, воды плашутъ, гдѣ утварь чуть-чуть не оловянная, разы въ

заплатахъ, и куда, кромѣ самого помѣщика да его двора, почти никто изъ села не ходитъ, такъ какъ мазуръ бываетъ въ костелъ только тогда, когда родится и когда умираетъ, потому что ему тамъ съ латинской мессой дѣлать нечего, да еще потому, что чего жъ свою дыравую суню показывать невольможнымъ, а въ русской церкви изъ вышнихъ сословій могутъ быть только бѣдные чиновники, которыхъ, какъ у меня выше было вычитано, весьма немного, учителя, да еще два офицера австрійской арміи, изъ которыхъ одинъ и проживаетъ постоянно въ Виль... Наконецъ, мазуръ не идетъ въ костелъ еще потому, что латыни не обучался, а всендзу дѣнь серьезно заниматься устройствомъ для него школы, хотя бы даже польскихъ. Ксендзъ зависить не отъ хлопотъ и потому не имѣетъ особаго интереса развивать ихъ. У насъ католицизмъ все еще понимается довольно смутно; у насъ не видятъ его воинопущихъ слабыхъ сторонъ. Католицизмъ оборвался на латинскомъ языкѣ. Все духовенство, несомнѣнно миссіонерствовавшее въ Германію, въ Галію, въ Британію, состояло преимущественно изъ итальянцевъ, римлянъ, не знавшихъ ничего на свѣтъ, кромѣ латинскаго языка и считавшихъ варварскіе языки даже недостойными для проповѣди слова Божія, такъ какъ надпись на крестѣ ни на одномъ варварскомъ языкѣ сдѣлана не была. Сверхъ того варварскимъ языкамъ нужно было тоже учиться, а какъ же римляне могли унизиться до чего-либо подобнаго? Они несли къ варварамъ цивилизацію римской церкви, но несли ее совершенно готовую, со всеми ея формами, съ ея языкомъ, съ ея молитвенникомъ, костюмомъ; они дѣлали то, что дѣлаютъ теперь американскіе негры въ Либеріи, которые просвѣщаютъ Африку при помощи англійскаго языка, костюма, по формамъ правительства Соединенныхъ Штатовъ и съ протестантскими катехизисами въ рукахъ. Въ Либерію забираются разные ди-кари Анантси, Дагомей, Мандинго, дѣти злодѣдовъ и мусульманъ приходятъ туда учиться, выучиваются и, возвращаясь домой, строятъ у себя европейскіе каменные дома, чрезвычайно полезные подлѣ экваторомъ, носятъ сюртуки, жилеты, крахмаленныя рубашки, одѣваютъ своихъ женъ и дочерей въ кринолины и употребляютъ въ домашнемъ быту не родной, а англійскій языкъ—то же самое значеніе для средневѣковой Европы имѣлъ языкъ латинскій. Римская имперія пала, но Римъ Римомъ остался. Какъ теперь для африканскихъ негровъ англійскій

языкъ сдѣлался языкомъ цивилизаціи, такъ тогда языкомъ цивилизаціи дѣлался языкъ римскій и, разумеется, какъ въ протестантскихъ киркахъ въ Африкѣ проповѣдь идетъ по-англійски, такъ въ тѣ времена въ церквахъ итальянскихъ, британскихъ, новообращенные варвары слушали Евангеліе по латыни и звали за непонятной изъ латинской логикой блаженнаго Геронима или Амвросія Медіоланскаго. Варварская аристократія, разумеется, понимала, о чемъ идетъ дѣло, но масса понимать не могла и ходила въ церковь со страха или — съ нечего дѣлать, дѣлать несмотрѣть, себя показать. Свидѣніемъ тоже не всегда понималъ, что онъ такое читаетъ, а если и понималъ, то священнодѣйствовалъ неохотно, — слушатели ему не сочувствовали. Мало-по-малу явилась потребность сокращать богослуженіе, и потребность эта была вызвана именно непониманіемъ свинскаго языка. Чѣмъ дальше шло, тѣмъ скорѣе становилось богослуженіе, тѣмъ небрежнѣе дѣлалось латинское духовенство, и тѣмъ болѣе стало оно заботиться о томъ, чтобы какъ-нибудь непонимательнѣе сдѣлать богослуженіе, чтобы молящіяся не следы засыпали. Стройное воинное пѣніе явилось подспорьемъ непонятному тесету, краснорѣчивая проповѣдь загрозѣла съ высокой каедрой, и наконецъ явился органъ. Писоты западной церкви были соблюдены, благодари единству ея языка. Высшіе классы отъ этой цѣлости выиграли все, низшіе все потеряли. Искусство възъ отъ языка становилось все болѣе и болѣе самостоятельной потребностью, а здравый смыслъ массы сталъ болѣе и болѣе утрачиваться. Месса свелась на возможно короткую болтовню; духовенство, чуждое массы, принуждено было оторваться отъ нея окончательно и примкнуть къ вышнимъ сословіямъ. Рыцарская жизнь кончилась, дамы носили латинскіе стихи, богатые пріоры чуть не на турбаркахъ красовались, папа и епископы командовали войсками, нѣтъ аристократіи наполнилъ новастыри, а масса была такъ забыта, какъ никогда ни у одного православнаго племена она не была забыта. Гдѣ прошла тяжелая руса латинизаціи, тамъ явился полудикіе лазароны, тупоумный французскій раузанъ, разбѣзанный тиролецъ, свѣшной швабъ; Испанія задохлась въ ея обѣатіяхъ и задушила въ нихъ южную Америку съ Мексикой. Смѣшны понаты Гуса и Лютера, при вебъ ихъ они убѣдахъ, расчленили эту душную атмосферу и дали высшимъ классамъ право разбираться, во что имъ слѣдуетъ вѣрить. Но ка-

голицизмъ—поверхностный, блестящій,—остался и по наше время тѣмъ же католицизмомъ. Православіе въ этомъ отношеніи несравненно выше его и слѣдовательно сильнѣе. То, чего добиваются теперь либеральные католики, т. е. употребленія понятнаго языка при богослуженіи, женатаго духовенства, нѣкоторой свободы изслѣдованія въ православіи все это есть. Православіе вездѣ церковь національная и любимая своими послѣдователями. Католицизмъ проклинаетъ все лучшее, что есть во Франціи, въ Италіи, въ Испаніи, въ южной Америкѣ. Православіе никогда серьезно не входило въ борьбу съ государствомъ; католицизмъ вездѣ знамя реакціи отступаетъ, онъ всюду status in statu, всюду, врагъ прогресса. Православіе столько для науки и для искусства, даже для цивилизаціи не сдѣлало, сколько сдѣлалъ католицизмъ; но оно дало своимъ послѣдователямъ крѣпкія силы и великіе залоговъ на будущее: оно дало имъ свободу мысли. Это странно, но это вѣрно. Церковь загнѣнная — достоиніе канониковъ, специальныхъ богослововъ, и догматы ея разрѣшаются на соборахъ специалистами по богословію, ея интересы охраняются конкордатами, враги ея казнятся инквизиціями, личность у нея непочемъ и непричемъ, міръ лишены права разсуждать о догматахъ. Въ восточной церкви все иначе: нѣтъ патриарха и нѣтъ собора, который могъ бы хоть что-нибудь измѣнить. Малѣйшій переиначеніе въ обрядахъ вызвали въ православіи бурю расколовъ. У православія вѣра въ народѣ, у католиковъ въ спеціалистахъ и въ умственной и родовой аристократіи. Въ каждомъ русскомъ селѣ стоятъ церковь, иногда бѣдная, чахлая, но въ воскресенье эта церковь полна народа. Въ католическомъ селѣ народу въ церкви дѣлать нечего, и, сравнительно, костелъ всегда пустеетъ церкви. Народъ ходитъ въ костелъ потому, что нельзя жъ не идти куда-нибудь въ воскресенье. Звѣя вѣетъ это въ потребность, въ привычку, но католикъ въ костелъ вовсе не то, что православный въ церкви. У католиковъ тысячу разъ мѣнялись обряды, и постоянно измѣнялись новые договоры, у православныхъ все стоитъ по старому, потому что на сторонѣ православія большинство, на сторонѣ же католицизма — меньшинство.

Вотъ и приходится къ ксендзу хлопъ съ просьбой вѣнчать его, крестить его дѣтей, приобщать умирающихъ, хоронить покойниковъ, — словомъ за тѣбами. Ксендзу скучно возиться съ чернью, и онъ самъ посылаетъ его къ русскому священнику.

— Мнѣ некогда, говоритъ онъ, — я занятъ. Пойди ты къ русскому добродѣю.

— Да какъ же, отвѣчаетъ ему хлопъ, — пойду и къ русскому добродѣю, и вѣдь не его обрядъ?

— Ты, хлопъ, дурень, о чемъ ты со мной говоришь? Единая церковь, единая вѣра, едино спасенье, единый святой отецъ у насъ въ Римѣ.

И хлопъ идетъ къ русскому священнику и говоритъ, что ксендзъ послалъ его справиться свою потребу къ чему, что ксендзу некогда, что у ксендза гости. Русскій священникъ ни дуть не прочь: единая церковь, едино спасенье, единый святой отецъ въ Римѣ, вѣра одна и та же, онъ совершаетъ потребу, прислуживаетъ хлопъ, обходится съ нимъ по-человѣчески и высылаетъ его или въ церковь или домой. Выходитъ такъ, что хлопъ, другой, третій разъ оттолкнувши ксендзовъ, значитъ обращается къ священнику и опять возмущается въ распри, а изъ этого получается примыкъ послѣдствіемъ, что онъ начинаетъ заглядывать въ церковь, и что дѣла его крещены по русскому обряду, стало быть, дѣлаются на всю свою жизнь русскими, и что когда составились списки, кто въ селѣ какого обряда, то оказывается, къ великому удивленію ксендза, что многіе мазуры подвизались русскими. Дѣло идетъ въ Римъ, если ксендзъ оказывается довести это до Рима, откуда его, разумеется, за оплошность не похвалятъ. Во всякомъ случаѣ, оказывается такая путаница, а мазуры до такой степени обрусѣли, что, послѣ долгой переписки, ихъ оставляютъ въ покое.

Въ селѣ Рудномъ подобныя провѣщенія доходили даже до дѣловъ несправившихъ. Мазуры начинали колонить своихъ женовъ за то, что тѣ не ходятъ въ русскую церковь, и вѣтъ въ множествѣ разсказовъ о. Р. одинокъ, который у меня остался въ памяти:

Избѣгая баба побѣжала жаловаться къ ксендзу. Ксендзъ отправился къ о. Р. за объясненіемъ.

— Вы поймите, отвѣчалъ о. Максиміанъ, — что я уже никакъ не стану научить этого хлопа быть женою. Пополуйте съ ней и дайте мнѣ съ ней поговорить;—что и было сдѣлано.

Слушай, сказала ей о. Максиміанъ, — мужъ твой дѣлаетъ глупость, что онъ тебя бьетъ; и этой глупостью онъ осуждается вѣру. Христосъ никого силой къ себѣ не привлекаетъ, и если мужъ твой будетъ вести себя съ тобой такъ душно и

такъ не по-христіански, то я постараюсь, чтобъ онъ во мнѣ въ церковь не ходилъ: подобной паствы мнѣ ненужно. Между костеломъ и православной церковью разницы нѣтъ никакой, разница развѣ только въ томъ, что въ костелъ ходятъ паны, а во мнѣ ходитъ только простой народъ. Разница въ томъ еще, что я даю вамъ причастіе подъ двумя видами, а въ костелѣ дается вамъ подъ однимъ видомъ. Русская церковь — вѣра простаго народа. Причащаю я васъ не пальцами, не въ перчаткахъ, не вынимаю въ перчаткахъ пизъ чаши тѣла Господня, а просто смѣшиваю его съ кровью, даю вамъ каждому по ложечкѣ, не взирая на то, что у панаго ротъ нечистъ или губы болѣзны, а потому все, что отъ васъ остается, самъ вытираю. Въ костелѣ дѣлается иначе: костелъ простаго народа не любитъ. Хочешь ты молиться тамъ вмѣстѣ съ панствомъ — молись, вѣра одна; а мужъ твой тебя бить не посмѣетъ, потому что иначе я наложу на него такую эпителию, что онъ спасибо не скажетъ.

Это было въ субботу. Съ воскресенья баба стала ходить исключительно въ церковь къ силу убѣжденій.

Противъ подобной системы можно возразить, что она не лишена нѣкоторой доли іезуитизма. Да, но не такъ ли іезуиты поступали и поступаютъ съ уніатами? И не такъ ли же самими мѣрами они оттягали отъ нихъ все русское дворянство? Не такъ ли мѣрами они лишили ихъ вѣры, языка, убили въ нихъ патристизмъ, извратили ихъ пониманіе, и не они ли довели уніатское духовенство до того, что оно должно было прибѣгнуть къ подобной системѣ? *A la guerre, comme à la guerre*. Не поступать такъ, значить сдѣлаться поляками. Хлопы пойдутъ за дворней, какъ дворня пошла за панами. Поляки встали было противъ насъ во имя своей національности и встали въ то время, когда мы сочувствовали Гарibaldi, а послѣ своего повстанія борятся съ нами въ то время, когда мы такъ громко заявляемъ свое сочувствіе славянскимъ національностямъ. Разбирая безпристрастно, мы не имѣли ни малѣйшаго права ихъ усмирять, а должны были уступить имъ и Одессу, и Смоленскъ, и Кіевъ, да и, пожалуй, по теоріи Духинскаго, Псковъ и Новгородъ; по теоріи же Чайковскаго — Донъ, Волгу, Уралъ и, пожалуй, Томскъ, потому что тамъ населеніе составилось отчасти изъ казаковъ, потомковъ, по его словамъ, польской шляхты и новгородскаго купечества. Къ этому мы должны были-бы пристегнуть Киргизскую степь, такъ какъ въ Киргизской степи со-

хранился до сихъ поръ рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ, и такъ какъ Киргизская степь выработала аристократію, такъ называемую *блудую кость*. По теоріи Чайковскаго, намъ слѣдовало бы отказаться и отъ Кавказа, и не держать его въ рукахъ, потому что черкесы народъ тоже рыцарскій, а на правомъ флангѣ даже и аристократическій. Ташкентъ, Хива, Бухара, имѣютъ право развивать свою татарскую національность; національность зырянская и якутская тоже, можетъ быть, что-нибудь принесетъ въ сокровище рода человѣческаго и т. д. и т. д. Съ ихъ точки зрѣнія, мы, разумеется, несправы, мы ларвары, о чемъ намъ чуть не ежедневно заявляютъ иностранныя газеты, въ чемъ намъ съ ними спорить, само собою разумеется, не приходится. Но намъ предстоитъ выборъ или поступиться принципами во имя государства. Средняго вѣтъ пани, но крайней мѣры, не видно, — стало быть, приходится по одежѣ протирать челаки — не такъ живи, какъ хочешь, а такъ живи, какъ Богъ велѣлъ. Очень жалко, что противъ поляковъ приходится употреблять такіе крутые мѣры; очень жалко, что надо русскія дѣти племена во что бы то ни стало; при всей гуманности и при всемъ отвращеніи къ кровопролитію, занесаться игольчатками ружьями и нарезными пушками, — но илѣтью обука не нерешаешь, а солому только сила ломать. Прекрасны дѣйствія таковы поборниковъ русской церкви, какъ Р. но не можемъ же мы все сказать нумъ спасибо, и, какъ бы то ни было, мы обязаны имъ содѣйствовать, хотя бы изъ эгоизма. Наши братья времени Дмитрія Донскаго, Василія Темнаго, Семіона Гордаго и Иванъ Гордый были люди, но всей вѣроятности крайне неспаслнательные, но не будь ихъ, мы до сихъ поръ были бы холодами татаръ, или точно также подлазили бы подъ костелъ, какъ эти галицкіе хлопы. Отъ политическихъ дѣятелей, какъ и отъ дѣятелей мысли изищества не требуется, — илѣго въ виду не поставитъ Бисмарку его личныхъ недостатковъ... Кому какое дѣло до нихъ?

Благо есть возможность помирить польскій вопросъ, то — и да будетъ онъ конченъ. Намъ меньше хлопотъ, да и поимамъ меньше мученія. Система священника Р. приложима къ сѣбу, а коли приложима, то, значить, и родится, то, значить, и надо съю пользоваться, — во всякомъ-же случаѣ, переселеніемъ его въ

Россію мы приобрѣли великаго дѣятеля и великаго пропагатора русской народности.

Говорить о священникѣ Лавровскомъ, Ливчакѣ, братѣ псалтыря «Страхопуда», мы не станемъ; послѣдній тоже въ Россіи и тоже усердно трудится въ пользу русскаго дѣла; вообще мы скажемъ, что хотя не знаемъ, кому мы этимъ обязаны, что подвѣтъ духовенства, перешедшаго къ намъ, вообще какъ нельзя болѣе удаченъ и такъ удаченъ, что возбуждалъ ненависть мѣстнаго нашего духовенства, которое подняло противъ пришельцевъ вопль оппозиціи и негодованія. Наше униатское духовенство, пріѣзжавшее въ томъ 1868 г. въ Львовъ за рукоположеніемъ, изумило духовенство галицкое своею полуграмотностію, своимъ отсутствіемъ патріотизма, польскою и отвращеніемъ ко всему русскому. Введеніе въ нашу униатскую епархію галицкихъ священниковъ произвело негодованіе въ средѣ священниковъ холмскихъ и сѣдлецкихъ. Всѣ ихъ польскія стремленія были оскорблены, поруганы, и противъ нихъ возсталъ русская сила, возсталъ въ нихъ собственная среда, ворвалась въ ихъ жизнь, въ ихъ бытъ, разрушила всѣ ихъ взрванія въ превосходство западной цивилизаціи передъ восточной. Ново-прібывшихъ окружили интригами, угостили доносами, но лѣнные галицкіе дѣятели не смутились, не выдали русскаго дѣла. Честь имъ и слава!

VI.

Что меня болѣе всего удивило въ Галичинѣ, это — домашній бытъ священниковъ. И опять-таки долженъ напомнить читателю, что тамъ, кромѣ священниковъ, образованныхъ русскихъ почти нѣтъ. Для сыновей ихъ есть гимназіи и семинаріи (духовныя академіи), для дочерей нѣтъ ровно ничего. Отдавать ихъ въ польскіе пансіоны священники съ 1848 г. не рѣшаются потому, что польское учебное заведеніе, во-первыхъ, внушаетъ дѣвочкѣ отвращеніе къ родному обряду — а обрядъ тамъ есть народность — къ родному языку, къ роднымъ преданіямъ и отучить ее ото всего, что дорого родителямъ, такъ что дочери получаютъ воспитаніе только дома, — воспитаніе, ограничивающееся знаніемъ русскаго, нѣмецкаго и

-польскаго языковъ и игрой на фортепіано. Если къ этому прибавить первоначальныя свѣдѣнія въ арифметикѣ, въ географіи, въ исторіи, то дальше и требовать будетъ нечего, т. е. ни одна изъ нихъ многого не читала, не знаетъ ни по-французски, ни по-англійски, ни одна изъ нихъ не въ состояніи поддерживать серьезнаго разговора, и вообще ни одна изъ нихъ по развитію своему, не равняется своему будущему мужу. Мнѣ случалось даже видѣть попадьянокъ, т. е. дочерей попаковъ, не умѣвшихъ писать. Вообще на женское воспитаніе галичане обращали чрезвычайно мало вниманія, но винить ихъ въ этомъ нельзя. Они положили всѣ свои силы, они владутъ всѣ свои послѣднія деньги на образованіе дѣтей. Дѣтей-мужчинъ у нихъ нѣтъ, потому что, кромѣ польскихъ школъ, у нихъ ничего нѣтъ. Отцы сами не могутъ заниматься съ дочерьми, потому что и самъ отецъ прошелъ только тяжелую семинарскую науку и потому, что учить своихъ дочерей по-латини и по-гречески, богословію, философіи, хотя бы и не мычало, по, во-первыхъ, не принято, а во-вторыхъ, времени даже не хватаетъ. Вообще, развитіе галицкихъ русскихъ замъ, за весьма немногими исключеніями — безъ исключеній правила нѣтъ — не превосходитъ развитія нашихъ двѣхъ духовнаго и чиновничьяго званій средняго класса, хотя и видѣлъ я между попадьями и попадьями-ками женщинъ очень умныхъ, которыя меня занимали вопросами о Турціи, о Молдавіи, западной Европѣ. Средствъ достигнуть развитія нашихъ свѣтскихъ замъ у нихъ не было. Вина въ этомъ не ихъ, но надо имъ отдать колоссальную честь, во-первыхъ, въ томъ, что они хлопочутъ о воспитаніи своихъ дочерей, и что они сами оказались хорошими говоращими своими мужьями. Въ 1866 г., когда я съ ними познакомился, они всѣ были въ великомъ негодованіи на насъ. Только-что пересѣлъ въ Холмъ, въ Холмѣ была открыта женская униатская гимназія; было не то избыточно, не то слухъ прошелъ, будто въ эту гимназію будутъ принимать *бесплатно* ихъ дочерей. Человекъ съ шестидесять священниковъ, собравши по двѣ-три гульденъ и запрягши собственныхъ лошадей въ свои конные брики, двинулись въ городъ и воротились съ покоемъ; имъ сказали, что комплектъ неполонъ, канцарій нѣтъ и нѣтъ много предписаній принимать ученицъ изъ-за границы. Попадья и попадьики негодовали и винили въ этомъ опять-таки не наше правительство, а приписывали все эту предѣлу какой-

то польской интригъ, агитація знаменитой графини Кобагъ, которая, по ихъ словамъ, нарочно для этого ѣздила въ Варшаву и, пользуясь своими таинственными связями съ католическимъ духовенствомъ и мѣстной аристократіей, разстроила все дѣло. Рассказывали мнѣ, что эта старая графиня — знаменитый пропагандаторъ польской національности въ Галичинѣ; она зашла тамъ инстинктъ *служебнически*, т. е. служанокъ: забираетъ польскихъ и русскихъ дѣвушекъ въ себя, учитъ ихъ католическому катехизису, водитъ ихъ въ костелы и, пользуясь своими вліяніемъ, заставляетъ ихъ переходить изъ русской вѣры въ латинскую, а урожденныхъ католиковъ фанатизируетъ, доставляетъ имъ мѣста въ частныхъ домахъ. гдѣ онѣ, подъ видомъ прислуги, проповѣдуютъ католическую вѣру и польскую народность іезуитскими манерами.

Галицкія попадьи — народъ хорошій и веселый. Былъ я въ одномъ галицкомъ селѣ на именинахъ у священника. Именины священника тамъ справляются всѣмъ его соседямъ всерѣхъ на двадцать въ окрестности. Именинникъ былъ человѣкъ молодой, мѣсяцевъ шесть тому назадъ занявшій приходъ, а мѣсяцевъ восемь тому назидъ женившійся. Молоденькая его понадьа, можетъ быть, всего лѣтъ шестнадцать, семнадцать, очень хорошенькая собой, сидѣла за фортепиано и играла польки, вальсы, смѣнялась своей еще болѣе юной сестренкой, сама танцевала, танцовали учителя, танцовали чяновники, и когда послѣ ужина перерекое вино, которое тамъ очень дешево, такъ что каждый бѣдный чяновникъ можетъ поставить его цѣновалко бутылонъ, сацумало въ голову, то и сами ученые отцы-духовники и наставники русскаго народа, въ своихъ длинныхъ сюртукахъ и въ сапогахъ по козѣнс, приударили въ мазурку и въ мазури. Въ первый разъ, долженъ я признаться, видѣлъ я эти два танца, и въ первый разъ понималъ я, какъ они хороши! Наша обыкновенная балланъ мазурка — карикатура на то, что я видѣлъ, а о мазурѣ у насъ даже и понятія не имѣють. Это танецъ чрезвычайно живой, наложивающій собой французскій вальсъ, но, разумеется, безъ всякаго занкана. Одна пара держится за руки, другая ныряетъ подъ эти руки, становится за нею, ныряетъ третья подъ вторую, выходитъ невѣроятная цѣпь, подъ которой мелькаетъ то цопъ съ понадьей, учитель съ учительницей, чяновникъ съ чяновницей, дьячекъ съ дьячихой, студентъ съ понадьинкой, застѣвъ все смѣстается, перекрещивается, разбѣ-

гается по разнымъ комнатамъ, снѣкъ перелетается, мѣняется дамами, падаетъ на козѣни, и все это такъ весело, такъ честно и благопристойно весело, то, что у французовъ встрѣчается не особенно часто. И сграино мнѣ было стоить у дверей, съ однимъ старымъ, седымъ какъ дунь кзирониваюмъ (качанкомъ).

— Да развѣ у васъ, ваше высокопреподобіе, спросилъ я его, — привыкли къ мѣстному способу выраженія — привыкается духовенству танцовать?

— Ивѣтъ, отвѣчалъ онъ — по Уставу не можно. То добро знаемо. А що жъ? суть молодіи люди!

Хорошіи народъ эти попадьи. Наши мамы съ гостинной уходятъ въ свой собственный кружокъ, отдѣлились отъ мужичинъ, точь-ть-точь какъ галичанки. Но наши мамы, на сколько я ихъ знаю, гораздо менѣе сочувствуютъ народному дѣлу. То, что у нашихъ мамъ французскій языкъ, то слово у понадей и понадьинокъ былъ языкъ польскій. За этого языка ихъ принимали въ высшее польское общество, за этого языка ихъ вѣду принимали или, пожалуй, *журнали*; съ этого языка ихъ съ готовностью шли въ католическіе оаѣ могли выходить заужъ даже за панонъ. Наставъ 1848 г... Воскресла Галицкая Русь, и понадьи съ понадьянками заговорили дома по-русски, а это, при мѣстныхъ нравахъ, былъ водитъ немыслимъ.

— Глядите, говорили мнѣ одна молоденькая понадьа, выходящая ко мнѣ съ полторагодовымъ ребенкомъ на рукахъ — глядите, шо мнѣ Ясю вамъ буде отпаведати (отвѣчать). Запытайте го (спросите его), кто онъ такинъ?

— Добро, сказала я — запытай. Ясю, мнѣ поханыи, кто онъ такинъ есь?

— Юсень, (т. е. русскій) отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Ивѣ, Ясю, отвѣчала мать — ты есь языкъ.

— Ивѣ, мама, я емъ юсини! чуть чуть не заплоталъ Иси

А это была женщина молодая, врасная, и если бы еи Иси ко была русинкомъ, она была бы допущена во общество соседнихъ панскихъ домогъ; изъ патристима она отстранена отъ общества.

Пріѣхалъ я къ другому священнику. Это былъ человекъ лѣтъ сорока, страстный охотникъ до всякихъ птицъ, съ которымъ онъ прежде всего счастъ долготъ мени познакомиться, что, впрочемъ не мѣшало ему быть очень гуманнымъ человекомъ вообще и весьма дѣлительнымъ русскимъ въ особенноти. Какъ все въ

лиціе священника, онъ очень переконфузился моимъ появленіемъ въ его домъ, во-первыхъ потому, что я былъ православный, стало быть, человѣкъ, котораго пригнать къ себѣ и безъ того преступленіе; а во-вторыхъ, россиянинъ, турецкій подданный. Отрекомендовавъ мени своимъ птицамъ, онъ юркнулъ въ другую комнату и выпелъ во мнѣ съ извиненіемъ, что его жена больна и лежитъ въ постели, но такъ какъ она отъ роду не видала россиянина, а тѣмъ болѣе россиянина изъ Турціи, то просить меня извинить ее, что приметъ меня въ постели, и онъ провелъ меня къ ней. Мы вошли къ ней. Она извинилась по-малороссійски — по-кипяному она не знала, — что принимаетъ меня дома.

— Но, сказала она — я не хочу упустить случая познакомиться съ путешественникомъ. Послушайте, вы въ Россіи говорите на нашемъ языкѣ?

Я придвинулъ стулъ къ кровати. Мужъ и семнадцатилѣтній сынъ ея, семинаристъ, сѣли подле. Я не помню хорошенько, что мы именно говорили съ ней, но помню, что однимъ изъ первыхъ словъ было сожалѣніе, что Галичина до сихъ поръ не принадлежитъ Россіи, что я, она, ни ее мужъ, ни ее сынъ не умѣютъ говорить обще-русскимъ языкомъ, и что русская народность такъ загнана. Что-то очень умное и теплое слышалось мнѣ изъ устъ этой большой женщины. Подали кофе. Придвинули столъ, чтобы поставить на немъ чашки.

— Знаете, господинъ, я слышала, что вы будете писать объ нашей Галичкѣ, и если вы меня хорошо понимаете — я и худо говорить по-малороссійски — будьте вы добры, помните изъ нашей книгъ объ насъ, объ галицкихъ жондиплахъ. У насъ нѣтъ средствъ къ образованію; мы далеко не то, чѣмъ могли бы быть, мы далеко не такіе товарищи нашимъ хозяевамъ, какими бы намъ быть слѣдовало. Учиться нѣтъ средствъ, мы бѣдны. Слава Богу, что у меня нѣтъ дочерей. Я сама не получила серьезнаго образованія что и брешу на «орснїано, что я знаю по-польски и по-немецки, еще ровно ничего не значить. Нашъ, галицкый жондиплахъ, даже книгъ нельзя достать, чтобы развиваться. Только мужья наши, наши жены отстаиваютъ русскую народность, мы нѣмъ помочь не можемъ. Пожалуйста, помните въ вашей книгѣ объ насъ, бѣдныхъ. Пусть бы нашихъ дочерей воспитывали въ Холмѣ. Мы здѣсь гибнемъ, мы здѣсь задыхаемся и бороться не можемъ съ

польками, которыя, получивъ свѣтское образованіе, отбѣгаютъ насъ отъ общества; мы перестъ ими конузимся, мы не владѣемъ съ тѣхъ поръ, какъ пераили все съ поляками. свѣтскостью. Господицъ, не забудьте насъ, позадой. ил. нашей книгѣ.

Въ одномъ селѣ поповникъ нарочно поставилъ каменный костелъ священныхъ въ трехъ отъ старой русской покринившейся церкви, да каменный домъ ксендзу, священныхъ въ трехъ отъ деревяннаго дома русскаго священника. Былъ какой-то католическій праздникъ. Къ ксендзу съѣхалось озерство икнство, потому что ксендзъ хотъ и много получаетъ, но доажеть, по обычаю, давать вечера и въ одинъ приходѣй праздникъ принять у себя ивстную аристократію. Былъ ужинъ. Полаки или и, какъ все поляки на свѣтъ, заговорили о политикѣ. Разговоръ оборвался знаменитой пшеною, загавурой бланкъ изъ гостей:

Jeszcze Polska nie zginęła,
Pokie my żyjemy.
Co nam obca moc wyderła
Mocą odberzeiny *)

Попадья, женщина очень простая не хитрая, — въ эту минуту спокойно хлопотала около дѣтей и въ духу, но звуки польскаго марша наконецъ надѣвали ей до того, что отъ нихъ нигуда не могла дѣться. Дѣло было зѣтокъ. Призо противъ околотъ ксендза проходилась ей гостинная, въ которой егидь «ортепнано. Она приѣхала, ударила по клавишамъ и запѣла извѣстную народню этой самой пѣсни, сложившуюся въ Различнѣ, разувается, на тотъ же мотивъ:

Jeszcze Polska nie zginęła,
Ale zginąć musi!
Czego Niemiec nie wyderł,
Moskal to dodał! **)

.....

*)
Еще Польша не стонула,
Покуда мы живемъ.
Что у насъ слезой выдерло,
Слабой воротежъ.
**)
Еще Польша не стонула,
Но стонуть должна,
Чего немцы не выдервали,
То москаль доднитъ.

ІЕРЕН И ЕВРЕИ.

II.

ЕВРЕИ *).

I.

В галицкомъ селѣ, сказалъ я, начиная этотъ отдѣлъ моихъ записокъ, среди бревенчатыхъ, выбѣленныхъ известкою хатъ, стоятъ два каменныхъ зданія: церковь и корчма — первая, впрочемъ, сплошь и рядомъ деревянная, но корчма почти всегда каменная. Между бѣлыхъ хлопковъ два черные человека: это священникъ и корчмарь, служитель нравственности и служитель разврата. Оба они, своими понятіями, своимъ образомъ жизни, своими стремленіями, резко отличаются отъ окружающихъ ихъ хлопковъ, насчетъ которыхъ они живутъ и которые безъ нихъ обойтись не могутъ. О значеніи іерея въ Галичинѣ мы рассказывали — переходимъ теперь къ еврею.

Много было писано въ послѣднее время про и contra этого страннаго племени, гонимаго, презираемаго и такъ жестоко мстимаго своими гонителями. Едва ли есть на землѣ какой другой народъ или секта, до такой степени непронизительная, какъ эти люди, считающіе себя потомками Авраама, Исаака и Иакова. Страны, въ которыхъ они поселились, равно ничего не выиграли отъ гостепріимства, оказаннаго ими евреямъ;

*) Слѣдующія мои письма объ евреяхъ возбудили негодованіе людей, которыхъ я не имѣю причины не уважать. Нѣкоторые изъ этихъ людей писали мнѣ объ этомъ письма, дѣлали мнѣ упреки, обвиняли меня ретроградомъ и консерваторомъ. Оскѣливаясь печатать снова мои жесткіе отзывы, я долженъ сдѣлать оговорку, что между евреями у меня есть не только близкіе пріятель, но и лучшіе друзья, и что нѣтъ правила безъ исключенія. На эти мои письма объ евреяхъ я прочиталъ много возраженій; но все эти возраженія не убѣдили меня въ томъ, чтобы евреи были бы народъ дѣйствительно производительный, хозяйственный, полезный для государства и могущій быть патриотами. Я, можетъ быть, ошибаюсь, но такая ошибка я себя равно ничего не желаю. Пусть то, что я рассказываю теперь объ нихъ, окажется клеветой. Никто такъ опроверженію этой клеветы радоваться не будетъ, какъ я самъ.

земли бывшаго Королевства Польскаго до сихъ поръ не отличались ни фабриками, ни мануфактурами, ни ученостію, ни особеннымъ благосостояніемъ. Еврей — промышленникъ, но промышленность его ни на шагъ не поднимала народнаго богатства края, въ которомъ онъ поселился, а, напротивъ, разорила его и довела массу населенія до той степени умственного паденія, которое поляки такъ вѣрно характеризуютъ, называя хлопковъ *бидломъ*. Перебравъ старыя архивныя дѣла, старыя законы и литературу Бѣлой, Малой и Червоной Руси, мы постоянно находимъ, что тамъ до нашествія евреевъ существовалъ огромный и зажиточный классъ мѣстнаго христіанскаго кунечества, которое было такъ сильно и значительно, что для него требовались особыя привилегіи, особыя уставы, суды, пониженіе въ пошлинахъ; а въ настоящее время мы не только не видимъ кунца южнорусскаго или белорусскаго, но даже себя представлять не можемъ, какіе кунцы могли бы выйти изъ этихъ двухъ отраслей великаго русскаго племени. Хлопокъ всегда можетъ представить себя, что у него будетъ не пара воловъ или лошадей, а десять паръ, что у него будетъ не простая бревенчатая хата, а каменный домъ, что у него будетъ не двѣсти, а двѣсти морговъ земли, а двѣсти; но не представить себя, что онъ завелъ лавочку или корчму — это выше его умственныхъ понятій, это для него также невозможно, какъ нашему мужику невозможно думать о томъ, что онъ сдѣлается пегромъ. Еврей совершенно убилъ всякую національную промышленность, духъ предприимчивости въ западномъ русскомъ народѣ и приучилъ его думать въ чемъ бы то ни было. Стоитъ перекрестъ прежнюю границу Королевства Польскаго, чтобы замѣтить огромную разницу между нашимъ бытомъ и бытомъ, сложившимся въ этомъ несчастномъ государствѣ. У насъ, на станціи желѣзной дороги, въ гостиницѣ, никто не осаждаешь путешественника какими-нибудь предложеніемъ услугъ, предложеніемъ купить что-нибудь, продать, отыскать; у насъ каждый долженъ думать самъ о себѣ и самъ за себя стараться, вследствие чего національный нашъ *) характеръ представляетъ несравненно болѣе самостоя-

*) Я говорю, разумеется, не о мелкихъ классахъ; вслѣдствіе особаго политическаго условія, они въ западныхъ губерніяхъ распорядительнѣе, чѣмъ у насъ. Привычка смотрѣть на правительствѣ и на мѣстныхъ властяхъ, какъ на личныя враговъ, дала имъ закалъ совершенно особаго рода — дозволялось и должно во всякаго рода дѣлахъ.

тельности и дѣловитости, чѣмъ характеръ уроженцевъ Западнаго Края или Царства Польскаго. Мы привыкли дѣлать все сами, несмотря на то, что полтора вѣка не-русскаго вѣзпитанія и барства сдѣлали насъ, даже въ помѣщичьихъ сельскомъ хозяйствѣ, людьми крайне непрактичными; но несмотря на то, что у насъ такъ легко донаются всякія торговыя предприятия и акціонерныя общества, въ насѣ нашего народа, въ нашемъ купечествѣ есть бездна практическаго смысла, умѣнья дѣла обдумывать. Еслибъ наше законодательство прежнихъ временъ не стало на каждомъ шагѣ стѣснять нашу промышленность разными узаконеніями о припискѣ и увольненіи отъ обществъ, о цехахъ, еслибъ политическія обстоятельства не заставляли насъ до сихъ поръ строго придерживаться паспортной системы — словомъ, еслибъ намъ въ нашемъ развитіи не сопутствовало, какъ выражается графъ А. Толстой: «горе прежнихъ временъ» то, мы не сомнѣваемся, что у насъ былъ бы и торговый флотъ, и промышленность, и избавились бы мы отъ рукъ иностранцевъ, отбивающихъ у русскихъ и кусокъ хлѣба, и охоту предпринимать что-нибудь серьезное. Въ земляхъ бывшаго Королевства Польскаго все шло иначе: хлѣбъ ничего не покупалъ у нава, панъ ничего не покупалъ у хлопа, потому что оба, благодаря еврейскому элементу, совершенно потеряли всякую способность торговать. Еврей ни фабрикъ не заводилъ, ни за ремесло не брался, ни земли не пахалъ, а былъ и есть посредникомъ между производителемъ и потребителемъ, на счетъ которыхъ жилъ и живетъ, благоденствуя, впрочемъ, весьма незавиднымъ образомъ.

На это можно сказать, и говорить обыкновенно, кто же жѣмаетъ христіанамъ конкурировать съ евреями? Вѣдь христіане пользовались всегда особыми преимуществами передъ сынами Израиля? Христіане были дома; что же заставило ихъ закрыть двери, оставить ремесла и свести свою жизнь или на нѣту панства или на тяжелую земледѣльческую работу холопства? Въ чемъ состоятъ тайная сила, которая отдала бывшее Королевство Польское въ руки этихъ пришельцевъ?

По тому, сколько я изучалъ еврейскій вопросъ въ Галиціи, и, потомъ въ Молдавіи, мнѣ кажется, что загадка разъясняется особою манерою евреевъ вести дѣла и особеннымъ характеромъ, унаследованнымъ ими если не отъ сыновъ Израиля, то, по крайней мѣрѣ, отъ ихъ братьевъ по крови и по языку,

финикійцевъ. Во-первыхъ, христіанскій-торговецъ скрѣпъ въ своей лавкѣ и дѣлаетъ всевозможные обороты съ полнымъ убавленіемъ къ своему званію и къ самому себѣ. Кто не знаетъ, какъ русскій или нѣмецкій купецъ, или ремесленникъ гордъ своимъ занятіемъ? Русскій мальчишка, котораго отдають въ ученье портняжному дѣлу, учится ему съ серьезной цѣлью сдѣлаться портнымъ, и хвастается своимъ умѣньемъ шить жилеты или пальто. На ремесло свое онъ смотритъ какъ на своего корыстнаго; онъ собирается быть портнымъ во всю свою жизнь и неизменно такъ думаетъ о томъ, что выгоднѣе было бы сдѣлаться часовымъ мастеромъ, музыкантомъ или контрабандистомъ. Исключенія, разумѣется, бывають, но христіанскій-портной, которому достались какими-нибудь судьбами рублии сто, обыкновенно употребитъ ихъ въ оборотъ по своему портняжному ремеслу — изъ его, задача его жизни, его ріишъ desideriumъ быть въ подмастерьяхъ, а хозяиномъ, открыть магазинъ гдѣ-нибудь не въ Угль-сысольскѣ, а въ Петербургѣ, и въ Петербургѣ не въ Коломяжѣ, а на самомъ Невскомъ. Онъ серьезно относится къ своему ремеслу, онъ имъ доволенъ, оно его слава, его гордость, его честь, и вѣдь его онъ ничего знать не хочетъ и ничего не уважаетъ. Поэтому, ремесленники-христіане — будутъ ли то англичане, французы, немцы или русскіе — всегда бывають ремесленниками дѣльными и серьезными. У насъ, у русскихъ, разумѣется, серьезный ремесленникъ представляетъ еще большую рѣдкость, потому что наши потребности слишкомъ еще чужды для насъ и не успѣли создать правильнаго класса производителей. Но если мы затрудняемся силою и рядомъ обратиться съ заказомъ къ ремесленнику русскому, предпочтѣвая ему иностранца, то не забудемъ же, что все, что потребляетъ народъ нашъ въ одеждѣ, въ домашней утвари, въ богослуженіи и въ развлеченіяхъ, все производится имъ же самъ, и производится весьма не плохо.

Совершенно другой типъ представляетъ еврей. Трудно отыскать еврея-ремесленника, который не зналъ бы еще какого-нибудь ремесла сверхъ того, каковымъ онъ занимается въ настоящую минуту. Еврей-столяръ въ то же время и слесарь, и саночникъ, и парикмахеръ и, сверхъ всего этого, непременно корчмарь, не говоря уже, что онъ, неизбѣжнымъ образомъ, фаворитъ. Отдать зайти въ любую еврейскую мастерскую, чтобы видѣть, какъ они *не работаютъ*. Они занимаются не столько работой,

сколько разговоромъ и разсказами о томъ, какъ Ицекъ пизъ рубля сдѣлалъ десять рублей, и какъ Шмуль оборвался и потерялъ свои, невѣроятною бѣготней нажитые сто рублей.

Нѣтъ натуры подвижнѣе еврейской: еврей вѣчно въ хлопотахъ, вѣчно въ занятіяхъ. Вы заказываете ему столъ, онъ прежде всего заламываетъ, какъ и русскій, невѣроятную цѣну, торгуется, разъ двадцать уходитъ, разъ двадцать возвращается и, наконецъ, соглашается на предложеніе, которое кажется безобиднымъ и для васъ и для него. Затѣмъ, онъ отправляется въ свою мастерскую; но по дорогѣ онъ видитъ трехъ приятелей на улицѣ, которые размахиваютъ руками, кричатъ, спорить и разсуждаютъ о томъ, кто какъ нажился и кто какъ разорился. Живая натура еврея-столяра не выдерживаетъ. Онъ вступаетъ въ разговоръ и узнаетъ, что въ такомъ-то домѣ продается очень выгодно, за четверть цѣны, старый жилецъ, который, если его только почистить и въ двухъ мѣстахъ подштопать, то можно будетъ продать съ барышомъ въ 500%. Сейчас же въ головѣ у него начинается мелькать расчесть, что изъ денегъ, которыя онъ получитъ отъ васъ за столъ, онъ можетъ сдѣлать оборотъ, и онъ принимается за работу не съ любовью къ ней, а съ отвращеніемъ: она стыдитъ его, она ему въ тягость, потому что у него въ головѣ завязла мысль, какъ выгодно торговать подержаннымъ платьемъ, и отъ этой мысли онъ освободиться не въ силахъ. Столъ дѣлается намъ скверно: если онъ хорошо выструганъ, то дурно склеенъ, если онъ хорошо склеенъ, то дурно собранъ, если хорошо склеенъ и собранъ, то навѣрно доски сырыя. Этотъ почтенный столяръ-еврей вовсе не разсчитываетъ оставаться столяромъ всю свою жизнь: у него не то на умѣ. Онъ столярничаетъ потому, что надобно же чѣмъ-нибудь перебиваться, покуда какой-нибудь ловкій оборотъ или какая-нибудь комсія не дадутъ ему возможности распрощаться съ столярнымъ ремесломъ, завести лавку и торговать хоть бакалейными товарами. И вотъ этотъ столяръ, послѣ разныхъ невѣроятныхъ оборотовъ, послѣ отчаянной бѣготни, крику, завелъ лавку, завелъ капиталецъ—кажется, разжился; кажется, какъ бы тутъ не успокоиться ему, какъ успокоивается христіанинъ, способный всю свою жизнь просидѣть въ мастерской, или въ той же бакалейной лавочкѣ и мечтать о томъ, что свое ремесло, или свое занятіе, свой кусокъ хлѣба передать по наслѣдству своимъ дѣтямъ? Юр-

кость натуры еврея томить его за прилавкомъ. Онъ недоволенъ своей лавкой: оборотъ идетъ слишкомъ медленно, доходъ слишкомъ малъ; ему не десятки рублей въ день хочется выработать, а сотни—ему хочется разомъ составить себѣ ротишльдовское состояніе, и чтобъ добиться этого, онъ не столько закупаетъ товару, сколько пускаетъ въ оборотъ всю свою выручку, на разныя отчаянныя предпріятія, въ невѣроятные проценты. Вывезетъ ему—онъ дѣлается банкиромъ, не вывезетъ—онъ дѣлается опять столяромъ. Но и въ банковской конторѣ и уже съ боронскимъ титуломъ, окруженный почетомъ и уваженіемъ, имѣя влияние на биржѣ и огромный кредитъ во всевозможныхъ коммерческихъ домахъ и банкахъ, онъ, все-таки, не можетъ утомиться: его все томить та же жажда дѣлать невѣроятные обороты, и онъ также легко и смѣло пускается на все отчаянное, и дѣйствительно, или получаетъ барышъ въ 100% на капиталъ, весь пущенный въ оборотъ на мѣсяцъ, или опять дѣлается столяромъ, которому даже и пилы кунить нѣ на что. Христіанинъ трудится для того, чтобъ нажиться, еврей потому, что его подвижная натура требуетъ дѣятельности и не даетъ ему покоя. Даже ученый еврей, уже невѣрующій не только въ талмудъ, но въ самую библію, потерявшій въру, не уклоняется отъ своего національнаго типа. Медиковъ-евреевъ—пропасть: они охотно идутъ на медицину, потому что она даетъ вѣрный кусокъ хлѣба, т. е. возможность быстро стать на ноги и опереться; но какъ, сравнительно, мало изъ нихъ знаменитыхъ врачей и ученых! Иначе и быть не можетъ: они смотрятъ на свое занятіе какъ на пѣчоту унижительное для нихъ и бросаютъ его при первой возможности. Гейне, Мейерберъ, Спиноза то и дѣло приводится намъ въ примѣръ даровитости еврейской расы; но отчего же такъ мало производятъ она подобныхъ личностей? Kein geschäft!

Существуетъ мнѣніе, что еврей трусы и оттого такъ неохотно идутъ въ солдаты. Отчасти это правда. Еврейки-матери не позволяютъ своимъ дѣтямъ лазить по крышамъ, по деревьямъ, драться, буянить, считают это унижительнымъ для еврейскихъ мальчиковъ, будущность которыхъ должна состоять въ такъ-называемомъ geschäft, а не въ тяжелой работѣ христіанъ. Матерямъ-еврейкамъ кажется, что если дѣти ихъ будутъ слишкомъ сыты, будутъ слишкомъ развѣдывать свои физическія силы, то ихъ умственная способность отъ этого постра-

даёт sie werden, keine geschickten Juden werden. Отъ этого еврей растетъ трусомъ и всю свою дѣтскую шаловливость ограничиваетъ бросаньемъ въ прохожихъ камешками и грязью пиз-за угла, особенно въ праздникъ, когда деревенскія бабы и дѣвки, разряженные въ ленты и вышивныя сорочки, идутъ въ церковь или изъ церкви. Другой забавы и другой игры у еврейскихъ дѣтей, сколько я ни присматривался, къ сожалѣнію, не видалъ. Но я не думаю, чтобъ въ самомъ дѣлѣ трусость побуждала евреевъ избѣгать военной службы. Они далеко не трусы и далеко не такъ боятся пули и сабли, какъ думаютъ. Въ любомъ еврейскомъ мѣстечкѣ вы услышите прощальныя рассказы объ ихъ смѣлости въ защитѣ отъ разбойниковъ, или даже въ нападеніи на нихъ, а особенно въ контрбандномъ дѣлѣ, гдѣ, вооруженные ножами и дубинами, они схватываются съ нашею пограничною стражей, съ объѣзчиками и казаками, не столько защищаясь отъ нихъ, сколько спасая отъ нихъ возы съ контрбанднымъ товаромъ, и идутъ первые въ атаку; вся наша граница съ Пруссіей, съ Австріей и съ Молдавіей переполнена рассказами о подобныхъ подвигахъ. Не трусость заставляетъ ихъ избѣгать военной службы, а скука, безцѣльность солдатской жизни. Какой Geschäft можетъ сдѣлать солдатъ, стоя на караулѣ, или на ученьи? Еврею скучно безъ оборотовъ, какъ бѣлкѣ безъ колеса: его живая натура задыхается отъ бездѣйствія, и ее томитъ эта солдатская шинель. Солдаты-христианнѣ, или въ полку по улицѣ, любитъ на магазины, на разношниковъ, на извозчиковъ, на прохожихъ: еврей съ неудовольствіемъ тащитъ ружье и ранецъ. Вотъ и я сталъ бы съ лоткомъ, думая: вотъ и я могъ бы перекупать эти глиняныя горшки и чашки; вотъ этому человѣку, который ищетъ какой-то домъ, я предложилъ бы свои услуги и заработалъ бы съ него хоть пятакъ.

Часто въ дорогѣ, гдѣ-нибудь въ корчмѣ, или иногда нарочно забравшись въ какой-нибудь еврейскій домъ, по цѣлымъ часамъ наблюдалъ я, какъ они молятся, и меня поражало сходство ихъ молитвенныхъ обрядовъ съ ихъ народнымъ характеромъ. Должно быть, и въ древнія времена еврей былъ сильно развлеченъ заботами о насущномъ хлѣбѣ, что законъ предписывалъ ему навязывать разные узлы на руки и на лобъ, носить тесемочки на ризахъ и соблюдать безчисленное множество обрядовъ, омовеній и т. п., чтобъ не забывать Бога отцовъ

его. Весь законъ и весь талмудъ направлены плменно къ тому, чтобъ еврей не слишкомъ увлекался суетою мірскою. Христианство, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось, никогда такъ настойчиво не связывало личность безчисленнымъ множествомъ обрядовъ, какъ иудейство. Христианинъ или мусульманинъ молится спокойно, кладутъ земные поклоны или поютъ, и считаютъ грѣхомъ отвлечься безъ крайней необходимости отъ молитвы. Нѣтъ ничего невѣжливѣе у насъ, какъ перебить человека молящагося, разговаривать въ церкви считается почти святотатствомъ. Въ молитвѣ христианина все дышетъ свободой, сосредоточеніемъ, безъ всякихъ искусственныхъ возбужденій личности къ благочестивому настроенію и безъ всякихъ усилій забыть о мірѣ. Молитва еврея представляетъ нечто совершенно особенное. Чтбъ вспомнить о Богѣ и забыть о geschäft'ѣ — онъ надѣваетъ на лобъ и на руку ремешки, ставитъ лицомъ въ уголъ, закрываетъ глаза, беретъ свой молитвенникъ (га-сидеръ) и начинаетъ читать молитвы, раскачиваясь всемъ тѣломъ. Спросите его, къ чему эта странная ужимка, къ чему этотъ безобразный востокъ, эта сѣбшная кибическая шинка на лбу? и онъ вамъ скажетъ, что всѣ эти поныяки служатъ для того, чтобъ онъ помнилъ о Богѣ; что онъ качаетъ головой для того, чтобъ вытрясти изъ головы всякое помышленіе мірское. Онъ изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобъ думать о Богѣ, чтобъ стряхнуть съ себя помыслы житейскіе — и никакъ съ собою не справится. Чуть дочиталъ онъ одну молитву, какъ ни въ чемъ не бывало, подходитъ онъ къ вамъ, гостю, покаяваясь, или выбѣгаетъ въ лавку налить стаканъ водки покупателю (въ Молдавіи я не знаю почти ни одной еврейской лавки, чѣмъ бы ни торговали, хотя бы матеріями, въ которой, въ то же время, не продавалась бы водка и ромъ, то есть, которая не была бы въ то же время кабакомъ), побранившись съ женой или сдѣлавъ распоряженіе по хозяйству, и потомъ снова затрясется, закачается, и снова затянется молитву изъ своего га-сидера.

Однажды пошелъ я на шѣбашъ — въ пятницу вечеромъ — къ одному еврею, молодому человѣку, учившемуся, если не ошибаюсь, въ житомирской гимназіи, и говорившему довольно бойко по-французски и по-англійски. Это былъ господинъ безъ пейсовъ, съ большими претензіями на образованность, человѣкъ прогрессивный и либеральный. Супруга его играла на фор-

тепьяно, читала «Les Misérables», «The Pickwick's Papers»; стало быть, это были люди если не высокаго образованія, то, во всякомъ случаѣ, по развитію своему, стояли не ниже нашихъ чиновниковъ, нѣмецкихъ бюргеровъ и французскихъ буржуа. Во время ужина хозяинъ долженъ былъ, по еврейскому обычаю, читать извѣстныя молитвы. Мой monsieur Samuel (попросту Шмуэль) надѣвалъ фуражку — потому что молиться съ открытой головой не позволяется — и расхаживая по комнатѣ, напѣвалъ нѣтъ га-сидера. Я тѣмъ временемъ говорилъ съ его женою о новостяхъ французской литературы. Monsieur Samuel нѣсколько разъ прерывалъ молитву, подходилъ къ намъ и, поддерживая нашъ разговоръ, дѣлалъ два-три замѣчанія, затѣмъ бралъ книгу и снова расхаживалъ по комнатѣ, распѣвая чтò слѣдовало. Эта операція произошла разъ шесть. Мнѣ стало странно.

— Послушайте, сказалъ я ему: — я вамъ сдѣлаю нескромный вопросъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вы чѣловѣкъ вѣрующій?

— Да, я вѣрю...

— Какъ же вы можете въ торжественный пятничный вечеръ въ одно время молиться и разговаривать о литературѣ?

— Чтò же насъ въ этомъ удивляетъ? Я разговариваю съ вами, когда кончаю молитву. Въ антрактъ между двумя молитвами я имѣю полное право остановиться и заняться мірскими дѣлами — законъ еврейскій въ этомъ отношеніи гуманенъ. Нельзя же молиться слишкомъ долго — чѣловѣкъ устанетъ. Богъ милосердъ: онъ требуетъ отъ насъ молитвъ, но въ то же время не отрываетъ насъ отъ житейскаго. Посвятить себя одному житейскому — было бы великій грѣхъ и великая неблагодарность, а посвятить себя исключительно молитвѣ мы не можемъ, потому что мы оторвались бы тогда отъ дѣла и могли бы съ голоду умереть.

— Да, это я понимаю; такъ и у насъ, у христіанъ; у насъ есть тоже утренн., обѣдн., вечерни, всенощныя; но когда мы молимся, мы не прерываемъ моленія, по крайней мѣрѣ, по часу, и, выходя изъ церкви, или вставая съ молитвы, не можемъ такъ легко заговорить о чемъ-нибудь житейскомъ, особенно когда нѣтъ крайней надобности. При гостяхъ, или если когда какое дѣло есть, мы лучше совсѣмъ не начинаемъ молиться, боясь

осквернить высокое чувство молитвеннаго настроенія и нарушить рядъ мыслей о Богѣ чѣмъ-либо житейскимъ, будничнымъ. Мы молимся искренно и *искренно не молимся*, но Христа съ Веліаромъ не смѣшиваемъ. Меня поражаетъ рѣзкій переходъ вашего лица отъ торжественнаго молитвеннаго выраженія въ выраженіе салонное, и переходъ вашихъ мыслей отъ го-сидера къ «Les Travailleurs de Mer».

Я не помню, чтò мнѣ отвѣчалъ на это мой monsieur Samuel, но помню, что у сколькихъ евреевъ я ни добивался разрѣшенія этой загадки, никто изъ нихъ не умѣлъ мнѣ ее объяснить и никто не хотѣлъ сознаться, что еврейскій умъ до невѣроятности мірской и суетный, такъ что только строгость закона моисеева и талмуда могутъ заставить ихъ молиться.

То же самое, когда вы войдете въ синагогу. Первое, что васъ поразитъ, — это страшный безпорядокъ и отсутствіе гармоніи между молящимися: одни сидятъ, другіе стоятъ, одни повернулись направо, другіе налево, кто лицемъ къ кафедрѣ, кто спиной, кто стоитъ, кто расхаживаетъ. Въ сѣняхъ и на дворѣ пропастъ евреевъ въ ризахъ и съ повязками, которые выпали потолковать между собою о geschäft. Впечатлѣніе производятъ это чрезвычайно тяжелое; вы чувствуете себя не между молящимися, а точно между актерами, которые, порываясь на сценѣ, выходятъ за кулисы и болтаютъ тамъ между собою обо всякомъ вздорѣ, въ костюмѣ, готовые каждую минуту опять выйти и придать своему лицу требуемое трагическое или комическое выраженіе. Даже въ синагогахъ, устроенныхъ на новый ладъ и такъ рѣзко напоминающихъ протестантскія церкви, васъ невольно поражаетъ эта нелѣпость и безалаберщина; половина сидитъ лицемъ къ кантору и къ ковчегу со свитками закона, а другая половина, ни съ того, ни съ сего, повертывается спиной къ этимъ свиткамъ и смотритъ на двери, на входящихъ и на выходящихъ. Отъ жизни еврей отрѣшиться не можетъ, а жизнь онъ понимаетъ тяжелою суетой и заботой о хлѣбѣ насущномъ, не тою заботой, которая бываетъ и у христіанина, а заботой изъ любви къ этой заботѣ — суетливостью.

И между тѣмъ, при всей этой неспѣлости еврейскихъ общинъ, нельзя не удивляться ихъ невѣроятному умѣнию держаться другъ за друга. Вездѣ онѣ селятся отдѣльными кварталами, вездѣ занимаютъ отдѣльные рынки и вездѣ брѣвно и ослѣпительно стоятъ другъ за друга. Стоитъ христіанину подражаться съ евреями на

улицъ, какъ откуда ни возьмется цѣлая толпа евреевъ, которые, не разбирая дѣла, бросаются на христіанина не съ кулаками — евреи до кулаковъ не охотники — а со щипками; они зацѣпляютъ, вырвутъ волосы, разорвутъ платье, заплечутъ, закидаютъ грязью, и если дать имъ воду, то замучать до смерти, но прямо, сразу никогда не убьютъ. Между собою они постоянно въ есорѣ, другъ про друга рассказываютъ исторіи, отъ которыхъ волосъ дыбомъ на головѣ становится, презираютъ и ненавидятъ другъ друга до невозможности; но чуть дѣло коснется ихъ національности и ихъ исповѣданія, чуть вопросъ зайдетъ о правахъ евреевъ, они всѣ встаютъ какъ одинъ человѣкъ. Любовь ихъ къ своимъ у нихъ сильнѣе, чѣмъ у христіанъ: у христіанъ любовь раздѣляется между своей народностью и своей родиной, а у еврея родины нѣтъ — ему *ubi bene ibi patria*, и мы не имѣемъ никакого повода вѣрять, когда они кланутся намъ въ любви и преданности русскому дѣлу, точно такъ же, какъ поляки не имѣютъ повода вѣрять имъ, когда они выдаютъ имъ себя за поляковъ монсеева исповѣданія (за *polaków mojżeszowego wyznania*).

II.

Одѣ назадъ, въ Яссахъ, зашелъ я къ одному моему старому знакомому, польскому эмигранту, бывшему доводцу какого-то отряда Люблинской Губерніи. Мы сидѣли и припоминали старыхъ знакомыхъ въ Константинополѣ, въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Отворилась дверь; вошелъ старый еврей, чрезвычайно почтенной наружности, съ пейсами, въ ермолкѣ, въ долгополомъ сюртукѣ, въ туфляхъ и въ чулкахъ. Я остановилъ разговоръ, думая, что старикъ явился къ моему поляку по какому-нибудь *geschäftu*. Но онъ вошелъ, пожалъ руку и сѣлъ на диванъ, съ видомъ пріятеля и друга дома.

— Вы еще незнакомы съ нашимъ Шмулемъ? спросилъ меня полковникъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я въ недоумѣніи.

— Въ такомъ случаѣ, познакомьтесь: это очень почтенный господинъ и нашъ польскій эмигрантъ.

Я поклонился польскому эмигранту.

— То-есть, какъ, политическій? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Да, политическій.

— По какому же дѣлу?

Мнѣ становилось странно, при взглядѣ на эту почтенную сѣдую бороду.

— А какъ же! отвѣчалъ полковникъ: — нашъ Шмуль ужъ давно долженъ былъ эмигрировать. Онъ еще въ крымскую войну доставлялъ союзникамъ провіантъ, а полякамъ на Украинѣ, на Волынѣ и на Подолѣ письма отъ эмигрантовъ, бывшихъ въ союзномъ лагерѣ — онъ тогда содержалъ почты, былъ богатый человѣкъ, и потому сообщеніе между Крымомъ и нашими губерніями было въ его рукахъ. Дѣ, нашъ Шмуль патріотъ, настоящий полякъ и очень порядочный человѣкъ — *prawdziwy polak i bardzo porządny człowiek*!

Настоящій полякъ и очень порядочный человѣкъ улыбался и покуривалъ трубку.

— Дѣ, заговорилъ онъ по-русски, съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ: — я за Польшу много потерялъ: все свое состояніе, а вотъ я теперь бѣдный эмигрантъ, безъ денегъ, безъ семьи; жениться не могу; а у насъ, по нашему закону, каждый вдовецъ долженъ жениться, потому что грѣхъ не жениться, потому что грѣхъ одному жить, и вотъ я дѣлаю грѣхъ — и вотъ я одинъ, и вотъ я безъ денегъ и все за Польшу, все за польское дѣло, и деньги, которые у меня были, всѣ теперь въ рукахъ поляковъ. Честные люди, которые хотѣли заплатить, не могутъ, потому что они сами безъ денегъ, а нечестные люди не платятъ, хоть и есть деньги. И вотъ я теперь здѣсь, на чужой сторонѣ, не женатъ — и безъ дѣла; а поляковъ я, все-таки, люблю, потому что я родился въ Польшѣ, въ Житомирѣ; потому что я выросъ на польской землѣ, польскимъ хлѣбомъ кормился, и я долженъ помогать имъ — и каждый долженъ помогать имъ; и грѣхъ и неправда будетъ, если евреи не будутъ помогать полякамъ, потому что мы живемъ на одной землѣ; мы, стало быть, братья.

Полковникъ расхаживалъ по комнатѣ, торжественно вымѣлясь.

— Дѣ, говорилъ онъ: — вотъ вы не вѣрите въ жизненные силы Польши. Побывайте какъ-нибудь у насъ на Волынѣ, на Подолѣ, или на Украинѣ, и увидите вы тамъ, не говорю нашихъ поляковъ, т. е. католиковъ, которые готовы каждый лечь за наше святое дѣло, но вамъ хлопны скажутъ то же самое; и жи-

ки скажутъ то же самое. Вы вотъ удивляетесь на Шмуля, а я вамъ сотни... нѣтъ, тысячи Шмудей могу показать; каждый изъ нихъ въ душѣ искренній полякъ, каждый изъ нихъ со вздохомъ припоминаетъ времена польскихъ королей. Вотъ теперь хоть этотъ Шмудъ — развѣ ему позволять въ Россіи носить его пейсы и его долгополый кафтанъ, и его ермошку? А въ Польшѣ ему было свободно. Евреи наша сила, евреи наши братья, и, если у насъ еще не умѣли воспользоваться ими и двинуть ихъ, то это, признаюсь, не дѣлаетъ чести намъ самимъ; но мы еще сами не освободились отъ средневѣковыхъ предрассудковъ. А кто намъ доставлялъ оружіе? кто у насъ былъ лазутчиками? откуда мы провіантъ брали? Все отъ евреевъ. Заидите въ любую корчму, въ любую лавку и спросите любого еврея: желаетъ ли онъ Польши и любитъ ли онъ насъ, русскихъ, и онъ вамъ скажетъ всю правду.

Я возражалъ то, что возражается при подобныхъ случаяхъ, но полковникъ и Шмудъ стояли на своемъ и утѣрали меня къ еврейско-польскому патріотизмъ. Споръ, какъ и всѣ подобные споры, разумѣется, ничѣмъ не кончился, и, посидѣвъ еще съ часикъ, я встаю и отправился домой. Шмудъ вышелъ вмѣстѣ со мною.

— И какіе же дураки поляки — и ахъ, какіе же дураки поляки! Вы видѣли, какіе они дураки! Они говорятъ, и сами не знаютъ, что говорятъ. Что они говорятъ про евреевъ? Я бѣдный еврей, а былъ я богатый еврей, и держалъ я почты — и вотъ я теперь разорился и все разорился отъ поляковъ. Я все думалъ, что это умные люди, и что все это дѣльные люди, а они дураки; и какая имъ Польша? и зачѣмъ имъ Польша? Что они сдѣлаютъ со своей Польшей? Они съ Польшей справиться не сумѣютъ, они никакихъ дѣлъ сдѣлать не сумѣютъ!

— Зачѣмъ же вы, спросилъ я: — помогали имъ? Что-жъ васъ побуждало къ этому?

— А какъ же мнѣ было не помогать? Я держалъ почты — у меня все дѣло было съ панамъ, все съ большими панамъ — всѣ паны ко мнѣ, и панамъ и вино доставалъ, и панамъ и лошадей доставалъ, и панамъ и собакъ доставалъ — что нужно панамъ, такъ сейчасъ: «Шмудъ достань», безъ Шмуля и жить не могутъ. Это было дѣло мое — каждый человекъ хочетъ нажить — а поляки ничто не могутъ дѣлать: безъ еврея полякъ ничего сдѣлать не можетъ; еврей все достаетъ, но достаетъ, ра-

зумѣется, не даромъ — еврей беретъ очень маленькій процентъ; еврей всегда беретъ маленькій процентъ, за многими еврей не гонится — еврей малымъ доволенъ, но, все-таки, ему надо жить и ему нельзя отказывать въ чемъ-нибудь, въ какой-нибудь услугѣ. Сегодня скажутъ: «Шмудъ, достань мнѣ собаку!» завтра скажутъ: «Шмудъ, достань мнѣ лошадь!» а послѣ завтра скажутъ: «Шмудъ, отвези письмо!» а тамъ черезъ недѣлю скажутъ: «Шмудъ, отвези ищикъ съ ружьями!» а черезъ мѣсяцъ скажутъ: «Шмудъ, спрячь ружья!» Какъ же Шмудъ откажетъ? Развѣ Шмудъ можетъ отказать? Если Шмудъ откажетъ въ одномъ, со Шмудомъ не будутъ имѣть дѣла въ другомъ, а у Шмуля жена, у Шмуля дѣти, Шмудъ бѣдный человекъ — ну, Шмудъ и дѣлаетъ все.

— Однакожъ, вы удивительный человекъ, Шмудъ! свизать я: — вы ихъ такъ не уважаете, такъ браните, а съ ними, все-таки, ладите и лѣстите имъ такъ безсовѣстно.

— А какъ же? А развѣ иначе можно? У нихъ всѣ мои деньги. Да и какъ же я буду съ ними ссориться? Они, какъ дѣти, какъ маленькія дѣти, сами не знаютъ, что дѣлаютъ, сами не знаютъ, что говорятъ. Развѣ съ ними можно спорить и развѣ ихъ можно переспорить? И пускай себѣ думаютъ, что хотятъ, и пусть воюютъ, и пусть терпятъ голову, — никакой Польши они не сдѣлаютъ, только сами пропадутъ. Уже и теперь они всѣ разорились, и все, что у нихъ есть, перешло въ руки евреевъ. Евреи никакихъ полковъ не собирали, никакихъ бунтовъ не дѣлали, а Польшу всю завоевали!

Знакомство съ Шмудомъ, который поикамъ ругалъ русскихъ, а мнѣ, русскому, ругалъ поляковъ, живо напоминаетъ мнѣ одну встрѣчу на варшавской желѣзной дорогѣ въ началѣ 1862 года, т. е. въ самый разгаръ демонстрацій. Я ѣхалъ изъ Динабурга въ Петербургъ въ вагонѣ третьяго класса. Подлѣ меня сидѣли полякъ и старикъ еврей съ блдой какъ свѣтъ бородой; противъ меня помѣстились двое какихъ-то должно быть, канцелярскихъ чиновниковъ, молодыхъ, золотунныхъ и находившихся въ томъ пріятномъ состояніи, которое называется бытіемъ на первомъ взводѣ. Свое веселое расположеніе дула и остроуміе они обратили на поляку и на еврея. Поляка краснѣла, хотя была ужъ не молодыхъ лѣтъ, еврей хмурился и отмалчивался. Мнѣ стало досадно. Я вступился за моихъ соседей и заставилъ молчать остроумцевъ. Это меня подружило съ евреемъ и съ полякой.

— Вы откуда? спрашивалъ меня еврей.

— Я долго за границей былъ, отвѣчалъ я: — и вотъ возвращаюсь въ Россію, и совершенно не знаю, какъ ее найду послѣ четырехъ лѣтъ отсутствія. Все перемѣнилось: крестьяне освобождены, всѣмъ стало легче, и поляки освобождаются, а ваши евреи, слышалъ я за границей, добиваются тоже какихъ-то правъ, братаются съ поляками и признаютъ себя гражданами Польши.

— Это за границей говорятъ? перебилъ меня старикъ.

— Да, отвѣчалъ я: — вотъ незадолго до моего отъезда я былъ въ Лондонѣ на одномъ польскомъ митингѣ, гдѣ слышалъ, между прочимъ, оратора еврея, уроженца Виленской Губерніи. Зачѣмъ онъ попалъ въ Англію, я не знаю; но этотъ господинъ изволилъ говорить, что евреи такіе же граждане земли польской, какъ сами поляки, и что еслибъ поляки не унижали и не оскорбляли ихъ, а откровенно и искренно признали бы ихъ своими братьями, то еврейская молодежь точно также взяла бы ружья и косы и отправилась бы избивать и изгонять русскихъ, *унижающихъ* польскую народность.

— И это онъ говорилъ?

— Онъ говорилъ еще, что теперь въ Варшавѣ поляки догадались о томъ, какую нравственную и матеріальную поддержку они могутъ найти въ евреяхъ, начали съ ними брататься, и я самъ читалъ въ иностранныхъ газетахъ, что евреи участвуютъ въ демонстраціяхъ.

— И это онъ говорилъ? и никто не сказалъ, что онъ дуракъ?

— Да, говорилъ.

— И никто не сказалъ, что онъ дуракъ?

— Да позвольте, чтѣжь такое? Развѣ не правда, что евреи участвуютъ въ Варшавѣ въ демонстраціяхъ?

— Ну да, участвуютъ, и отчего жъ имъ не участвовать?

— Ну, если участвуютъ, стало быть, они стоятъ за поляковъ.

— И вы этого не понимаете? И какъ же вы этого не понимаете?

— Я понимаю, что они хотятъ Польши.

— И зачѣмъ же вамъ Польша? И для чего намъ Польша?

— Для чего евреямъ Польша? Скажите, для чего евреямъ Польша?

— Сколько я понимаю, отвѣчалъ я (а я тогда вѣрилъ въ Польшу) евреямъ при польскомъ правительствѣ будетъ втрое легче, чѣмъ при нашемъ.

— Отчего такъ?

— Да просто оттого, что у васъ въ Рѣжницяхъ есть лавка?..

— Ну и есть.

— Вотъ вы должны давать взятки полиціи, платить всякіе тяжелые налоги, барашковъ въ бумажекъ подносить каждому, кто можетъ васъ притѣснить, потому что, при русскихъ порядкахъ, только лѣнивый не грабитъ, а въ Польшѣ, суди потому, какъ поляки думаютъ устроиться, будетъ больше справедливости и законъ будетъ наблюдаться строже. Согласитесь сами, вѣдь тяжело и разорительно давать взятки.

Старикъ быстро повернулся ко мнѣ и уставился въ меня глазами.

— При Польшѣ, вы говорите, будетъ лучше? а это неправда: мы, евреи, всегда будемъ стоять за Россію и всегда будемъ стоять за русское правительство!

— Да вѣдь васъ грабятъ!

— И пускай грабятъ; чтѣ-жъ такое, что грабятъ? За то и цѣль, и жена моя цѣла, и дѣти мои цѣлы, и зятья мои цѣлы, и снохи мои цѣлы, и у каждого голова на плечахъ. Вотъ у меня голова на плечахъ — вы видите, она у меня на плечахъ...

Старикъ при каждомъ словѣ *голова* стучалъ себя двумя пальцами въ голову, и такъ усердно, что сосѣди наши всѣ невольныо оглянулись на него, пораженные этимъ страннымъ звукомъ; я никогда не слыхалъ, чтобъ кто-нибудь такъ громко стучалъ себя въ голову.

— Т. е. какъ же цѣла?

— А такъ цѣла, что съ меня взятки берутъ, а голову мою берегутъ, жены моей голову берегутъ, и дѣтей моихъ берегутъ, и всѣхъ родныхъ моихъ головы берегутъ.

— Но при полякахъ развѣ не то же самое будетъ?

— Нѣтъ, при полякахъ не то самое. У поляковъ первое дѣло — жидъ, а жидъ нужно повѣсить, жидовку надо повѣсить, жиденята надо повѣсить, и побить жидъ нужно, и жидову побить нужно. Русскіе взятки берутъ, а жидовъ не обижаютъ, а которые и обижаютъ жидъ, тѣ отъ поляковъ научились, и нехорошему научились, и нехорошему ихъ поляки научили. Вотъ, когда они, тридцать лѣтъ назадъ, бунтовали, мало ли они съ Виленской Губерніи перевѣшали жидовъ! И за чтѣ вѣшали? И сами не знаютъ, за чтѣ вѣшали. Евреи ни въ чемъ не были виноваты, а ихъ вѣшали, и дѣтей вѣшали. Еврей ни во что

не мѣшается, еврей знаетъ свои дѣла, ни о чемъ не говоритъ, ни во что не суется — еврей смиренный человѣкъ; за что вѣшать бѣднаго еврея?

— Ну, тогда ужъ я совсѣмъ ничего не понимаю. Зачѣмъ же вы говорите, что не хотите ни поляковъ, ни Польши, и сами же говорите, что въ Варшавѣ ваши участвуютъ въ демонстраціяхъ?

— Я же васъ и спрашиваю, какъ вы этого не понимаете? Развѣ за границей не плачутъ, идѣтъ это было?

— По крайней мѣрѣ, я ничего не знаю. Расскажите, пожалуйста.

— Я и расскажу. Поляки начали демонстрацію; приходятъ къ нашимъ и говорятъ: «Мы поляки, а вы жида, поэтому, мы братья и друзья, и будемъ вмѣстѣ бунтовать противъ русскихъ; а не будете вы съ нами бунтовать такъ бѣда вамъ будетъ». Наши и сказали, старики сказали, умные старики — въ Варшавѣ много умныхъ людей — наши старики и говорятъ: «Дайте подумать». Подумали, подумали и пошли къ князю Горчакову; пошли къ князю Горчакову и говорятъ ему: «Ваше сіятельство, позвольте намъ бунтовать, говорить». А князь Горчаковъ, даже умный человѣкъ, и говоритъ: «Зачѣмъ же вамъ бунтовать?» А они говорятъ: «Намъ, ваше сіятельство, нельзя не бунтовать: насъ поляки вѣшать будутъ, если мы не будемъ бунтовать. Позвольте намъ бунтовать съ поляками. Мы бѣдные, смиренные люди, мы добрые люди, худого Государю ничего не хотимъ, а если мы не станемъ бунтовать, такъ насъ поляки вѣшать станутъ. Позвольте намъ бунтовать съ поляками — мы вреда никакого не сдѣлаемъ. Побунтуемъ, да и останемся такими, какими были». Ну, а князь Горчаковъ умный человѣкъ, очень умный человѣкъ, онъ имъ сказалъ: «Ну хорошо, ну и пойдите, ну и бунтуйте, я на васъ сердиться не буду». Вотъ наши и бунтуютъ въ Варшавѣ. Теперь вы понимаете?

— Понимаю, отвѣчалъ я пораженный невѣроятнымъ рассказомъ моего старика.

Патріотизмъ евреевъ — дѣло болѣе чѣмъ подверженное сомнѣнію. Намъ кажется просто, что его вовсе нѣтъ; кланяются они тому, у кого сила въ рукахъ, и если они что-нибудь уважаютъ, то это силу. Покуда въ Западномъ Краѣ и въ Царствѣ Польскомъ сила въ нашихъ рукахъ, до тѣхъ поръ они наши; приди туда французы, поляки, китайцы — они, не задумываясь,

принесутъ имъ присягу въ вѣрнопопданствѣ, а что самое грустное — это то, что, по духу своей цивилизаціи, они если къ кому-нибудь льнуть, то это къ нѣмцамъ. Фамиліи ихъ нѣмецкія, языкъ ихъ смѣсь средневѣковаго нѣмецкаго съ еврейскимъ, славянскимъ и еще Богъ знаетъ какимъ, и этотъ языкъ имъ такъ дорогъ, что они до сихъ поръ не сумѣли забыть его въ Польшѣ, въ Молдавіи и даже въ Турціи, гдѣ, сплошь и рядомъ, можно видѣть цѣлые кварталы евреевъ, говорящихъ на этомъ *jüdische Sprache*, подлѣ кварталовъ евреевъ-выходцевъ изъ Испаніи, которые называютъ себя эспаньйолами и говорятъ на ломаномъ испанскомъ языкѣ. Рѣдко бываетъ, что еврей сдѣлается православнымъ: его тянетъ въ нѣмцы, и если онъ стыдится своего еврейскаго происхожденія, то навѣрно изъ кожи будетъ вонъ лѣзть, чтобы выдать себя за нѣмца. Быть нѣмцомъ — это его завѣтная мечта; ему пріятнѣе говорить по-нѣмецки, чѣмъ по-русски, и даже въ самой Россіи мы, сплошь и рядомъ, встречаемъ весьма образованныхъ евреевъ-медииковъ, купцовъ, маклеровъ и тому подобныхъ людей, русскихъ подданныхъ, родившихся гдѣ-нибудь въ Вильнѣ, или въ Витебскѣ, которые въ семьяхъ своихъ говорятъ не иначе какъ по-нѣмецки. Ихъ презрѣніе ко всему славянскому то же, что у нѣмцевъ, и если есть у насъ въ Западномъ краѣ какіе-нибудь пионеры германизаціи, то, само собою разумѣется, это евреи.

Сплошь и рядомъ, приходилось мнѣ слышать отъ евреевъ увѣренія, что они любятъ страну, изъ которой родились. Галицкіе, волынскіе, подольскіе и литовскіе евреи очень часто уявляли мени, что ихъ душитъ тоска по родинѣ, что они любятъ родину, и что ея интересы для нихъ близки. Сначала я имъ совершенно не вѣрилъ, но потомъ понялъ, что они дѣйствительно любятъ родину, но только по-своему. Еврей можетъ любить Житомиръ, но отъ любви къ Житомиру до любви къ Россіи еще далеко, и въ Житомирѣ онъ любитъ извѣстный кварталъ, извѣстныя личности, извѣстныя улицы и извѣстный способъ веденія *geschäft*. До какой степени это справедливо, доказывается тѣмъ, что при первомъ невыгодномъ для нихъ правительственномъ распоряженіи они обращаются съ жалобой къ иностранному правительству, т. е. прибѣгаютъ къ государственной измѣнѣ.

III.

Въ великому нашему сожалѣнію, намъ кажутся праздными и ровно ни на чемъ неоснованными всѣ возгласы образованныхъ евреевъ и филантроповъ изъ христіанъ о томъ, что евреи суждѣются быть когда-нибудь гражданами того государства, въ которомъ они живутъ. Два такіе гражданина во Франціи, два-три подобные въ Англіи, десятокъ въ Австріи и Пруссіи представляютъ исключенія, которыми ровно ничего не доказываютъ. Говорить, что они этого достигнутъ только образованіемъ. Гдѣ жъ мы видимъ или, лучше сказать, много ли мы видимъ евреевъ гражданъ земли русской, и на сколько positively можно сказать, что есть евреи искренніе французы, или искренніе американцы?

Первое условіе, которое вѣняется въ долгъ гражданину, не только закономъ, но просто естественнымъ чувствомъ — это правило, что свои собаки грызутся, чужая не приставай. Гражданское чувство клеймить позоромъ эмигрантовъ, которые изъ-за домашнихъ соръ, положимъ даже, изъ-за самыхъ возвышенныхъ политическихъ убѣжденій, старались подчинить свою родину иностранному вліянію, дрались противъ нея въ рядахъ иностранныхъ войскъ и ставили свои убѣжденія выше ея чести и ея независимости. Прошедшее наше, великорусовъ, извѣстно, чрезвычайно незавидно; стоить просмотрѣть наши старыя грамоты, архивныя дѣла или прочесть иностранныхъ путешественниковъ, о насъ писавшихъ, — волосъ дыбомъ стоитъ отъ этого безсметнаго количества отрубленныхъ головъ, рваныхъ ноздрей, обрѣзанныхъ ушей, спинъ, непопосанныхъ плутомъ или батожьемъ за пустяки, по прихоти всякихъ воеводъ, приказныхъ и даже простыхъ земскихъ иржжжжж. До послѣдняго времени, кто изъ насъ не помнитъ того положенія, изъ котораго нынѣшнее царствованіе начало извлекать Россію? Но — замѣчательный фактъ въ нашей исторіи — эмигранты, которые обращались бы за помощью къ иностранцамъ, представляютъ чрезвычайно ничтожныя исключенія, и именно этимъ обстоятельствомъ они сдѣлались извѣстны, какъ явленія, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, какъ явленія, крайне несочувственныя нашему народному духу. Курбскій и Котошихинъ стоятъ для насъ отдѣльными загадочными личностями. Цвѣтъ Некраса,

прижнувшій къ татарамъ, не можетъ называться государственнымъ измѣнникомъ къ полному значенію этого слова, потому что онъ могъ не признавать права Москвы надъ Дномъ, такъ какъ казаки смотрѣли на себя въ тогдѣшнее время не какъ на подданныхъ русскаго государства, а какъ-бы на его васаловъ, служащихъ ему за то, что онъ даетъ имъ извѣстныя права и вольности. Петръ Великій не признавалъ этихъ вольностей: стало быть, по мнѣнію Булавина и братіи, онъ какъ-бы порвалъ контрактъ и будто-бы развязалъ имъ руки дѣлать что угодно. Какъ ни натянуто будетъ подобное объясненіе, но другое, все-таки, не найдется въ нашей исторіи исключительному происхожденію некрасовцевъ. Затѣмъ, у насъ есть огромное число выходцовъ, которые пользовались гостепріимствомъ иностранныхъ правительствъ, вели изъ-за границы религіозную или политическую пропаганду въ Россіи, какъ наши бѣлые сектанты въ Австріи, Молдавіи и Турціи. Но нѣтъ ни одного примѣра, по крайней мѣрѣ, сколько намъ извѣстно, чтобы они старались добиться чего-нибудь въ Россіи при помощи иностранныхъ правительствъ, развѣ примѣръ некрасовца Осипа Семеновича Гончара, хлопотавшаго въ послѣднее время у державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ 1856 г., о возвращеніи въ Турцію двухъ старообрядческихъ архіереевъ, арестованныхъ и увезенныхъ въ Россію изъ Тульчи, когда она была занята нашими войсками въ крымскую войну. Оставляя въ сторонѣ примѣръ постоянной такой дѣятельности курляндцевъ и ливонцевъ, то и дѣло интриговавшихъ противъ тѣхъ державъ, которымъ ихъ подчиняла ихъ слабость, потому что тутъ, можетъ быть, найдется то же натянутое оправданіе, что и некрасовцамъ, обратимся къ другому государству, нѣкогда сильному, которое убило наповалъ самого себя, постоянно, по доброй волѣ, путая иностранцевъ въ свои дѣла: польскіе магнаты и польская шляхта своими руками убили на смерть свое отечество. Тарговицкая конфедерація поддерживалась неоспоримо нашими деньгами, такъ, какъ барская поддерживалась французскими; но отчего жъ въ нашей исторіи нѣтъ ни одного примѣра, чтобы иностранцы могли заводить смуты въ нашемъ государствѣ? Самые самозванцы созданы нами самими — едва поляки, вызванные ими, задумали управлять нами, какъ явился Кузьма Мининъ. У насъ, какъ въ цѣлой Европѣ, иностранныя правительства могли иногда даже подкупать министровъ, но извѣстно, что Петръ подкупалъ

англійскихъ, и что подкупы подобнаго рода прошли совершенно незамѣтно, не произведя ни одного серьёзнаго потрясенія въ государственномъ бытѣ, тогда какъ польскіе магнаты постоянно обивали пороги у иностранныхъ пословъ съ просьбой о деньгахъ и съ предложеніемъ услугъ, вліянія на сеймъ и т. п.; а это началось не въ прошломъ вѣкѣ, и не въ XVII, а по мѣншей мѣрѣ, въ XVI. Понятно, отчего искренніе подданы и честные люди тѣхъ временъ съ такимъ негодованіемъ смотрѣли на шляхту и на магнатию и почему они могли предвидѣть, что подобная манера мѣшать иностранцовъ, даже порой и не за подкупъ, въ государственныя дѣла, должна привести государство къ гибели *).

Отсюда понятна ненависть къ евреямъ у тѣхъ народовъ, между которыми они живутъ. Ихъ ненавидятъ не за вѣру — на изуѣрство сваливается много грѣховъ, тогда какъ изуѣрство никогда не было сильно до такой степени, чтобы совершать государственные перевороты; экономическія и патриотическія причины дѣлали больше, чѣмъ фанатизмъ. Простой народъ въ Европѣ, даже въ западной, до сихъ поръ такой же фанатикъ, какимъ былъ и въ средніе вѣка, но онъ фанатикъ про-себя. Считая иновѣрца поганымъ, онъ уживется съ нимъ легко, покуда этотъ иновѣрецъ не задѣнетъ его по карману, и если есть сильныя антипатіи въ наше время, какъ напримѣръ, грековъ къ туркамъ, славянъ и итальянцовъ къ нѣмцамъ, то онѣ основываются не на догматахъ, а просто на житейскомъ разсчетѣ. Словаки и мадьяры точно также католики, какъ итальянцы и хорваты; латыши и нѣмцы одинаково лютеране, а ненависть между ними пышетъ до того, что даже примиреніе становится невозможнымъ. Самый патриотизмъ польской шляхты завтра бы потухъ, еслибъ ее не только возстановили во всѣхъ ея средневѣковыхъ правахъ, но еще прибавили бы новыхъ. Теперь спрашивается, можетъ ли еврей быть истиннымъ патриотомъ?

Еврей разоряетъ край, въ которомъ поселился, и за что

*) На это мнѣ возражали, что неужели тотъ, кого душатъ, не имѣетъ права крикнуть о помощи? Имѣетъ право, само собою разумѣется, если ему дороже его личность, чѣмъ его домъ; если ему дороже интересы партіи или секты, чѣмъ самостоятельность государства. De gustibus non est disputandum. Но скопеемъ или хлынее болѣе дорожить интересами государства, чѣмъ еврей, а стало быть, съ точки зрѣнія государственнаго злонизма, они полезнее евреямъ.

приобрѣлъ онъ себѣ репутацію такого великаго промышленника, торговца и производителя — про то онъ и самъ не знаетъ. Во-первыхъ, какъ мы сказали выше, еврей не фабрикантъ, не мастеровой и вовсе не хитрый купецъ, а если даже и хитрый, то крайне невыгодный для покупателя.

Пріѣзжаетъ онъ въ село покупать хлѣбъ. Онъ не торгуется, какъ русскій, а просто называетъ хлѣповъ дураками оттого, что они люди простые и темные, ничего не знаютъ; сжалится надъ ними, сунетъ имъ водки, и прежде чѣмъ они успѣютъ опомниться, онъ ужъ вернетъ имъ въ руки задатокъ, какой самъ положитъ, и всю эту продѣлку совершитъ въ какіе-нибудь два часа. Не только съ простолюдиномъ, но и съ образованнымъ человѣкомъ, который или не приновился или не умѣетъ приновиться къ его методѣ, онъ сдѣлаетъ то же самое. Нужна ему отъ васъ какая-нибудь вещь, положимъ, старый сюртукъ: онъ къ вамъ приходитъ, снимаетъ шапку, кланяется.

— Я слышалъ, что у васъ есть сюртукъ, а я торгую подержанными вещами; я и хотѣлъ бы его купить.

— Чтожъ! можешь посмотреть.

— И чтоже! и сюртукъ совсѣмъ старый, и вотъ здѣсь потерлось, я тутъ пятнышко. И много ли вы за него хотите?

— Семь рублей, говорите вы.

— Ой, вай-миръ! и какъ же это можно! И какой вы все-лей! и зачѣмъ вамъ такъ шутить?

— Ну, сколько же?

— И послѣ того, какъ вы шутили, я съ вами торговаться не буду, потому что я тоже веселый человѣкъ. Я расчучусь и дѣла не сдѣлаю. И вотъ вамъ два рубля.

Вы опомниться не успѣли, какъ два рубля у васъ въ рукѣ, сюртукъ взятъ, свернутъ и унесенъ.

Смѣлость, проворство, изворотливость еврея границъ не знаютъ. Каково же послѣ этого жить въ краѣ, гдѣ ничего нельзя ни купить, ни продать, ни заказать, какъ у того же еврея? А еврей иначе и поступать не можетъ, потому что онъ равно ни къ чему неспособенъ и ничего сдѣлать не умѣетъ, кромѣ geschäft. Но онъ не могъ бы существовать, еслибъ не привыкъ жить до невѣроятности тѣсно, грязно и неряшливо. О комфортѣ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія и даже потребности въ немъ не сознаетъ. Города еврейскіе, какъ извѣстно, славятся своимъ неряшествомъ; еврейскія колоніи, заведенныя у насъ

въ Западномъ краѣ, тоску наводитъ на проѣзжающаго своею наготой и пустынною. Кормится еврей только лукомъ, чеснокомъ, рыбой, и рыбой-то развѣ по особо торжественнымъ днямъ. Войдите въ домъ богатаго еврея, даже и образованнаго, васъ непременно поразитъ какая-нибудь тряпка на бархатныхъ креслахъ, какіе-нибудь сапоги, сброшенные въ гостиную, въ-шалка съ платками его жены, зачѣмъ-то залѣзшая въ залу, и вуча его ребятишекъ, расположившихся на коврѣ его кабинета со всеми прелестями, которыми такъ удобно заводить около себя невинные грудные младенцы. Онъ невзыскателенъ къ домашнему быту, и это освобождаетъ его отъ тысячи неудобствъ, которыя всю жизнь преслѣдуютъ христіанина. Онъ можетъ работать и продавать все дешевле, чѣмъ христіанинъ, вѣчно желающій жить periodically, мечтающій обстроиться, обзавестись экипажами, поставить церковь, отлично воспитать своихъ дѣтей, набраться титуловъ и т. п. И еврею, разумѣется, того же хочется, но для еврея это не составляетъ существенной потребности; для него роскошь — положительная прихоть. Изъ этого и выходитъ, что страны, гдѣ нѣтъ евреевъ, богаче всякихъ Галичинъ, Молдавій, нашихъ западныхъ губерній. Теперь, само собою разумѣется, что ненависть къ евреямъ какихъ-нибудь галичанъ и молдаванъ, беспильныхъ съ ними бороться, доводить ихъ, отъ времени до времени, до изступленія, и периодически невольнo возникаетъ у нихъ мечта, исполненная только въ Испаніи, объ изгнаніи евреевъ изъ края, что, разумѣется, въ нашъ вѣкъ, совершенно неосуществимо.

Молдаване, которыхъ, въ послѣднія тридцать лѣтъ, затопила эмиграція бѣглыхъ евреевъ изъ Россіи и изъ Австріи до такой степени, что край замѣтнымъ образомъ обдѣлѣтъ, города сдѣлались какими-то клоаками холеры, тифа и еще Богъ знаетъ чего, рѣшились прибѣгнуть къ двумъ мѣрамъ: во-первыхъ — къ высылкѣ вонъ изъ края всѣхъ людей, неимѣющихъ опредѣленнаго образа жизни (такъ называемыхъ праздношатающихся), какова бы вѣроисповѣданія они ни были; къ недопущенію евреевъ жить и сидѣть гдѣ бы то ни было безъ согласія самихъ общинъ, даннаго каждому особенно; и во-вторыхъ — къ запрещенію евреямъ торговать нѣкоторыми жизненными припасами. Объ эти мѣры были, правда, въ высшей степени благоразумны, такъ какъ пазбавляли край отъ огромной массы тунеядцовъ, а сельское населеніе и вообще бѣдный классъ на-

рода отъ разоренія и отъ необходимости питаться такою дрянью, которую торговать могутъ едва ли не одни евреи.

Дрянные съѣстные припасы продаются вездѣ, но вездѣ мясникъ бываетъ настоящимъ мясникомъ, хлѣбникъ настоящимъ хлѣбникомъ. У евреевъ помощниками хахама (кашернаго мясника) бываютъ часовые мастера, портные и прочіе артисты. Какъ нарязано мясо, какъ оно сохраняется — это превосходить всякое впрятіе. Все куплено дешево, и все продается дешево, а грабежъ потребителей совершается безъ малѣйшей пользы для кого бы то ни было, потому что вся масса евреевъ живетъ изо дня въ день, пускаясь въ вѣчную спекуляцію, вѣчно разоряясь, за все принимаясь и ничего не держа. Да и нельзя требовать, говоря по правдѣ, чтобы они продавали съѣстные припасы чуждымъ: изъ-за чего и для чего станутъ заботиться о моей нищѣ чуждымъ, которому все равно, что онъ самъ ѣстъ?

Разскажу пустой, но довольно характерный случай.

Пригласилъ я однажды къ себѣ нѣсколько изъ евреевъ ето-толковѣ и пообтесаннѣ. Гостиамъ нужно подать какую-нибудь закуску. Маса нашего они не ѣдятъ, изъ посуды нашей тоже; стало быть, пришлось поставить на столъ что-то отъ плодовъ земныхъ, сыру подать и рыбы. Изъ рыбы и выбралъ сардинки. Гости мои собрались; это были люди зажиточные, атъ изъ нихъ, которые ужъ успѣли обанкрутиться, были, по крайней мѣрѣ, въ свое время зажиточными, и, въ величайшему моему удивленію, объявили мнѣ, что сардинокъ они еще не видали и не ѣдали, но что онѣ имъ чрезвычайно нравятся. Хозяину лестно, когда гости хвалятъ его столъ. Приглашая ихъ въ другой разъ на толки, и снова споря съ ними о томъ: дѣйствительно ли они промышленники или вовсе не промышленники, а такъ себѣ *schacher-macher*'ы (срывщики) и опять велѣлъ подать сардинокъ. Другой, третій, четвертый разъ, какъ я имъ мѣнялъ состава закуски, но сардинки сдѣлались у меня необходимой принадлежностью, чуть являлся какой-нибудь Лейба Горнштейнъ, Шуль Плякъ, Хаймъ Эстрейхеръ или Мойше Гиршъ. Признаться сказать, все я съ ними перетолковалъ, что мнѣ хотѣлось, и пріяи къ убѣжденію, что я правъ, и что ихъ ни въ чемъ не убѣдишь, я началъ приглашать ихъ рѣже. Между тѣмъ, я ли имъ понравился, или потому, что какіе-то праздники подступали, одинъ за другимъ пристали они ко мнѣ съ нозомъ къ горлу, чтобы я побывалъ у нихъ. Къ которому изъ

нихъ я ни нблюсь, на столѣ сардинки и сардинки, которые мой хозяинъ ѣстъ съ восхищеніемъ, а я и въ ротъ взять не могу, потому что, достопочтенные мои знакомы-евреи все покупаютъ послучаю или гдѣ-нибудь крайне дешево залежалый товаръ. Какъ они это ухитрялись, я не понимаю, но этотъ пустой случай, рѣзко и наглядно показалъ мнѣ разницу между ними и нами. Извозничество забрали они въ свои руки такъ, что если и есть христіане-извозники, то это или по найму отъ нихъ, или просто ихъ батраки. Въ Яссахъ и въ Бухарестѣ конкуренцію городской ѣзды съ ними выдерживаютъ только лишь наши *божьи люди*, и опять-таки замѣчательный фактъ: коляска скопца всегда и въ порядкѣ содержится, и красива, и вымыта, а у еврея, что бы онъ за нее ни заплатилъ, и какъ бы мало онъ на ней ни ѣздилъ, она удивительно грязна. Еврею противно заботиться о своей коляскѣ, потому что, сидя на козлахъ, онъ мечтаетъ о цѣнѣ хлѣба и о томъ: какъ бы онъ разбогатѣлъ, еслибъ вдругъ, откуда-нибудь онъ досталъ, тысячу десять червонцовъ. Извозный промыселъ еврей совершенно убили. Взгляните на эти страшныя фуръ, въ которые впрягаютъ чуть-ли не осьмерку лошадей и въ которые вваливается человекъ до двѣнадцати. Введеніе подобныхъ фуръ, въ сущности, не представляло бы зла, еслибъ онъ были устроены такъ, какъ устроиваются вездѣ дилижансы, въ которые усаживается определенное число пассажировъ и которые ходятъ за определенную плату. Сдѣлай это еврей и содержи эти экипажи чисто, каждый сказалъ бы ему за это спасибо. Но что они сдѣлали? Исторія умалчиваетъ, съ которыхъ поръ завелись эти телеги-девятоухи, но, кажется, есть полная возможность предполагать, что именно на нихъ евреи перебрались изъ Германіи въ Польшу. Нѣтъ народа консервативнѣе евреевъ. Они вѣчно въ дорогѣ, въ мѣховой шапкѣ, въ длинной шубѣ, въ легкой обуви и съ палочками въ рукахъ — такъ и видите въ нихъ путешественниковъ. Самое существованіе этихъ фуръ, несокрушимо крѣпкихъ и неотмываемо грязныхъ, доказываетъ, на сколько евреи традиціонны въ своей промышленности и на сколько незаботливы даже о своемъ бѣдственномъ comfortѣ, потому что больше всего они же сами изволятъ вояжировать въ подобныхъ удушливыхъ экипажахъ. А не будь этихъ экипажей безъ сидѣній, тѣ же самые молдаване или русскіе могли бы завести что-нибудь путное; но чуть христіанинъ вздумаетъ что-нибудь завести, какъ еврей возмечтаетъ, что тутъ можно

нажить полтора милліона въ полтора года и отобѣтъ, а не то сниметъ на аренду и испортитъ. Стало быть, вопросъ, поставленный въ Румыніи, былъ, если и жестокъ къ евреямъ, то во многомъ отношеніи вызванъ настоятельнѣйшими потребностями мѣстнаго населенія, и совершенно стоитъ вопросомъ жизни и смерти.

Раздраженіе по поводу этого вопроса съ обѣихъ сторонъ разрослось до-нельзя. Евреи кричали, шумѣли, махали руками и, разумѣется, все на улицахъ, потому что дома не услышишь ни о какомъ *geschäft*. Подымали цѣну на товары, спускали ее опять, толковали о своей полезности для края, указывали на то, какія подати они платятъ правительству, и что безъ ихъ промышленности и само правительство не могло бы существовать, предполагая искренно, что христіане безъ нихъ чуть бы съ голоду не поумирали.

Народъ злился, съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда начнется это изгнаніе, а правительство не знало, что дѣлать и кому пожертвовать: принципу ли, свободѣ личности или прямо наличной выгодѣ? Между тѣмъ, чтобы успокоить массу, сдѣлали облаву въ Яссахъ, набрали какихъ-то сорокъ человекъ несчастныхъ-оборванцовъ изъ евреевъ, посадили ихъ въ тюрьму, съ тѣмъ, чтобы подвергнуть ихъ вѣчному изгнанію за границу, т. е. или въ Россію, или въ Австрію. Что все это сдѣлано было и грубо и безтолково, понятно само собою — нѣтъ ничего неспособнѣе и продажныѣ, а въ то же время и жесточе румынскихъ властей. Еслибъ попенали толкомъ, такъ въ Яссахъ нашлось бы не сорокъ, а по мѣньшей мѣрѣ, четыреста, если не четыре тысячи, безпаспортныхъ, бездомныхъ и ровно ничѣмъ не занимающихся евреевъ, бѣжавшихъ отъ рекрутчины, за контрабанду, и кто ихъ знаетъ еще за что, въ Молдавію и тамъ не принимающихся ни за какое дѣло. Стоять себѣ на улицѣ, смотри на прохожихъ и измышляя средства, какъ бы вдругъ сдѣлать такой *geschäft*, чтобы обзавестись капиталомъ въ сорокъ тысячъ для давно задуманнаго оборота, дождепетушаго принести четыреста тысячъ и баронство въ три мѣсяца. (Извѣстно, что никто на свѣтѣ не имѣетъ такой слабости дѣлаться баронами, какъ евреи. Это у нихъ доходитъ до пункта помѣшательства).

Арестъ былъ произведенъ, поднялся шумъ, гамъ, вошь, плачь и рыданіе великое. Богачи сдѣлали складчины для вы-

купа этих несчастных; складчик их, однако, не принял, да и принять было нельзя въ виду раздраженія молдаванъ, и выпроводил ихъ за границу, давъ имъ по хлѣбу на дорогу.

Я видѣлъ эту страшную, раздирающую сцену, стоя подлѣ магистрата, въ арестантской котораго сидѣли изгоняемые. Ихъ жены и дѣти плакали. Нельзя себѣ представить еврея безъ жены и дѣтей: еврей, по закону, обязанъ быть всю жизнь женаты — жены и дѣти валялись по мостовой въ той истерикѣ, до которой доходить могутъ только евреи и еврейки по ихъ крайней впечатлительности. Они плакали и просились, чтобъ и ихъ изгнали, «потому что, кричали они, намъ жить нечѣмъ безъ нашихъ отцовъ, братьевъ, сыновей», а молдавскія власти, неизвѣстно почему, къ общему удивленію, не отпускали ихъ. Евреи металсь, съ испугомъ оглядывались, на насъ, христіанъ, стоявшихъ въ ихъ тоиѣ, съ какимъ-то молчаливымъ упрекомъ людей, привыкшихъ къ гоненію и къ несправедливости. Подлѣ меня стоялъ какой-то молдаванъ съ длинными сѣдыми усами и съ очень умнымъ лицомъ, одѣтый по-европейски. Онъ тоже глядѣлъ невесело, да, впрочемъ, весело никому не было, за исключеніемъ солдатъ, которые прикладами отгоняли отъ арестантской любопытныхъ и ликовали, что могутъ показать свою власть. Молдаванъ вообще смиренъ, а образованный человѣкъ даже и безукоризненно вѣжливъ; но солдатчина, трусливая и бѣжавшая даже отъ горсти повстанцовъ Милковскаго, бросая не только ружья, но даже раницы, кушаки и кепи, и крича другъ другу: fugi, fugi, frate! (бѣги, бѣги, братецъ!) — это было единственное сраженіе, данное румынскимъ войскомъ — солдатчина до безчеловѣчности зла и нахальна, чуть только можетъ показать свою силу.

Усатый молдаванъ стоялъ, и, видимо, ему приходилось не по себѣ.

— Видь вотъ проклятые, сказалъ онъ, обращаясь почему-то ко мнѣ: — смотрѣть на нихъ жалко, а оставлять ихъ здѣсь, все таки, нельзя. Вы иностранецъ? спросилъ онъ меня неожиданно.

— Русскій, отвѣчалъ я.

— Вотъ видите, васъ, иностранцевъ, здѣсь много. Богъ васъ знаетъ, зачѣмъ вы сюда ѣдете къ намъ, всякіе нѣмцы, французы, поляки, англичане и американцы? Что васъ сюда къ намъ гонитъ?

— Я путешественникъ, отвѣчалъ я: — мое дѣло другое; и здѣсь проѣздомъ: пріѣхалъ только посмотрѣть на вашу стору.

— Да я не къ тому говорю, возразилъ онъ съ досадою: — пускай ѣдетъ къ намъ кто хочетъ, пусть селится; но, по крайней мѣрѣ, толкъ есть отъ васъ, отъ иностранцевъ: тотъ фабрику заведетъ, другой хорошую лавку откроетъ, хорошій домъ построятъ, обживется у насъ. Ну, вотъ поселитесь у насъ вы, русскій, дѣти ваши будутъ русскіе, а ужъ внуки ваши будутъ, все-таки, молдаване. А эти что, жиды-то? Я бы по тысячѣ ихъ отдалъ за одного нѣмца.

— У нѣмцовъ вѣра другая, — скромно замѣтилъ я.

— Пускай другая будетъ! Пускай всякій, какую хочетъ вѣру держать, да все опъ, хоть и другой вѣры, а молдаваномъ станетъ и все какую-нибудь намъ пользу принесетъ, хоть что-нибудь покажетъ, чему-нибудь научить. А эти только кровь изъ насъ сосутъ, а пользы отъ нихъ никакой не видимъ. Сердце болитъ смотрѣть, какъ они плачутъ, а нельзя не порадоваться — совсѣмъ насъ задушили, всю кровь выпили. Развѣ такой городъ были Яссы?

— Будто ужъ вы такъ радуетесь наплыву къ вамъ иностранцевъ? усомнился я.

Молдаванъ задергалъ усами.

— Да нѣтъ же, вовсе не радуемся. И иностранцы у насъ отбиваютъ кусокъ хлѣба, да по крайней мѣрѣ съ толкомъ, толкъ отъ нихъ хоть какой-нибудь есть, а отъ этихъ и толку нѣтъ! Иностранецъ все молдаваномъ станетъ, а этотъ никогда, рѣшительно никогда ничего путнаго не сдѣлаетъ, только у христіанина хлѣбъ отобьетъ. Иностранецъ берется за промыслы, которыхъ у насъ еще не было — а еврей дѣлаетъ то же самое что и мы, да только хуже насъ, хоть и дешевле.

Странно было смотрѣть, что дѣлалось въ этотъ вечеръ на улицахъ еврейскаго квартала. Все еврейское населеніе кричало, рыдало, старухи колотились головой о камни мостовой. Ко мнѣ пристапи какіе-то два студента яснаго лица, подобно мнѣ недоумѣвавшіе, для чего изгоняютъ празднующихся не семьи, а одиночкой, и именно тогда, когда семьи сами просятся слѣдовать за изгнанными.

Австрійское и прусское консульство были окружены евреями. У воротъ и у подъѣздовъ было совершенно темно отъ этихъ

долгополыхъ катановъ, препоясанныхъ бедръ и выющихся передъ ушами пейсовъ. Это евреи подавали жалобы и телеграфировали иностраннымъ правительствамъ, Ротшильду, Монтефьёре, съ просьбой о защитѣ. Вотъ тутъ-то меня поразила та разнища, о которой я говорилъ выше, между настоящими гражданами государства и евреями.

Еслибъ гоняли молдаванъ, какихъ-нибудь праздношатающихся, дѣло было-бы совершенно домашнее и никакъ не отдавалось бы на судъ иностранцевъ. Еврейскій же вопросъ вѣчно принимаетъ обще-европейскій и интернаціональный характеръ. Послѣдствія извѣстны. Сколько шуму произошло въ европейской печати по поводу семи человѣкъ евреевъ, утонувшихъ въ Дунаѣ по милости турецкой и молдавской пограничной стражи, а въ сущности, въ этомъ происшествіи не было ничего, что бы не повторялось каждый день въ тѣхъ краяхъ. Турецкія власти даютъ *сюртукъ* въ Молдавію всѣмъ безпаспортнымъ, которыхъ почему-либо захватятъ: молдавскіе отвѣчаютъ тѣмъ же. *Сюртукъ* — это изгнаніе, экспатріація людей неопредѣленнаго характера, почему-либо подозрительныхъ или считающихся вредными; оно совершается на берегахъ Дуная почти ежедневно: молдавскихъ бродягъ выгоняютъ въ Турцію, турецкихъ въ Молдавію. Потопленіе, правда, не происходитъ, или если оно и происходитъ, то, по крайней мѣрѣ, объ немъ ничего не слышно, а жалобъ не бываетъ частью на томъ основаніи, что каждый, забредшій въ Турцію или Молдавію, считаетъ себя какъ бы обязаннымъ заплатить за гостепримство полною покорностью мѣстнымъ законамъ. Еврей, напротивъ, почему-то считая себя привилегированной расой, указываетъ на Ротшильда, на Монтефьёре, прибѣгаетъ къ защитѣ англійскаго парламента, и съ нимъ рѣшительно ничего нельзя подѣлать. Если въ Молдавіи дѣйствительно совершится изгнаніе евреевъ, то эта страна навѣки будетъ наказана ихъ финансовыми величествами, а подобное наказаніе хуже всякихъ папскихъ отлученій отъ церкви! Папа не можетъ серьезнымъ образомъ вступить за католиковъ, конклавъ безсиленъ: но не безсиленъ l'Alliance Universelle Israélite, приобретающій съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе силы и становящійся во главѣ евреевъ чѣмъ-то въ родѣ ихъ конклава и государственнаго совѣта, присвоившаго себѣ право писать ноты. Въ скоромъ времени можно ожидать, что при каждомъ дворѣ онъ будетъ имѣть своихъ акредитованныхъ представителей, и

тогда мы посмотримъ, какъ станутъ распоряжаться Россія, Румынія, Австрія и Пруссія со своими образованными гражданами, пользующимися всѣми политическими правами, гражданами, у которыхъ, кромѣ мѣстнаго правительства есть еще свое, сидящее на сундукахъ съ золотомъ и властвующее финансами цѣлой Европы. Передъ поляками можно не бѣднѣть, потому что за поляковъ будутъ только нотами; за евреевъ же будутъ бить по карману — а это ударъ самый тяжелый.

Молдаване рѣшительно не знаютъ, какъ быть и какъ поступать въ этомъ жизненномъ для нихъ вопросѣ, который имѣетъ для нихъ значеніе борьбы за самое свое существованіе. Оставить дѣла такъ, какъ они идутъ теперь, значитъ исчезнуть и политически, и національно, значитъ, благодаря вліянію Alliance Universelle Israélite, перессориться со всѣми державами, навѣсь на себя упреки въ отсталости и въ варварствѣ. Словомъ, драма, разыгрывающаяся въ настоящее время въ Соединенныхъ Княжествахъ, представляетъ не только глубокий интересъ для изученія, но и великій урокъ для всѣхъ народностей, подавленныхъ евреями. Чѣмъ она разыграется, сказать трудно, но относительно возбужденія страстей приведу только одинъ примѣръ.

Послѣ трехъ или четырехъ облавъ и изгнаній, подобныхъ видному мною, разнесся въ Яссахъ слухъ, будто Ротшильдъ, Монтефьёре и баронъ Оппенгеймъ настояли у румынскаго правительства, чтобъ евреевъ возстановили во всѣхъ ихъ прежнихъ правахъ. Зашелъ ко мнѣ одинъ старикъ, молдавскій священникъ, съ препочтенной сѣдой бородой, искренній христіанинъ и большой молдавскій патриотъ, ворчавшій на всіакия нововведенія, на упадокъ нравственности, на соединеніе княжествъ и т. п. Мы съ нимъ толковали о еврейскомъ вопросѣ.

— Не можетъ быть, чтобъ ихъ не выгнали, говорилъ старикъ: — нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ, великія державы рѣшились отдать нашъ бѣдный народъ на явную гибель! Евреи насъ съ кругу споятъ: въ каждомъ домѣ по кабаку завели, а черезъ каждый третій домъ по увеселительному заведенію. Народъ разоряется, храмы божіи пустѣютъ, свадьбы годъ отъ году играютъ меньше, годъ отъ году дѣтей меньше рождается, а это ужъ совсѣмъ плохой признакъ, когда дѣтей мало рождается! И прежде у насъ не Богъ знаетъ какая была нравственность, но все не доходило до того, что теперь. Выдѣте вы на улицу, по-

смотрите, много ли ребятшек играет, а дѣтъ сорокъ назадъ — улицы наши ими кишѣли.

— Да нельзя же всѣхъ евреевъ выгнать, замѣтилъ я: — ну, какъ вы это сдѣлаете? куда вы ихъ всѣхъ выгоните?

— Всѣхъ не всѣхъ, а девять десятыхъ, все-таки, надо, разнять старикъ.

— Хорошо, девять десятыхъ; но какъ же вы это сдѣлаете? Все у нихъ здѣсь кое-какіе пожитки есть. Куда они пойдутъ?

— А намъ что за дѣло, куда пойдутъ? Жалко, разумѣется, и по христіанству, и по человѣчеству жалко, да самихъ-то себѣ, все-таки, жалче.

— Я совершенно не понимаю, какимъ манеромъ можно совершить это изгнаніе? Еслибъ можно было препроводить ихъ назадъ въ Святую Землю, такъ еще куда не шло; а то вѣдь и того рѣшительно нельзя, потому что тамъ имъ жить нечѣмъ будетъ. Еслибъ они были дѣловые люди, — пахаря, ремесленники, фабриканты, а го вѣдь ничего, ровно ничего! Что имъ тамъ дѣлать въ Святой Землѣ?

— Ну, пускай ихъ отвезутъ куда-нибудь въ Америку, что ли — намъ все равно.

— Опять-таки, отче честной, и въ Америку нѣтъ возможности переправить десятки тысячъ людей съ женами и съ дѣтьми — вѣдь на это нуженъ цѣлый флотъ: да еслибъ такой флотъ и нашлся, то нельзя же опять выпустить ихъ на пустой берегъ, гдѣ имъ придется перевезти другъ друга съ голоду. Народъ они не дѣловой, мастеровые плохіе.

— Не знаю, какъ будетъ и какъ это сдѣлать, говорилъ старикъ, треся головой: — не моего ума это дѣло. Жалко мнѣ ихъ, по человѣчеству жалко — все-таки, люди, а не скоты безсловесные, но лучше пусть ихъ отъ насъ вышлютъ: они доведутъ до того, что даже я, старикъ, возьму въ одну руку крестъ, а въ другую ножъ и поведу за собой христіанъ!

— Что вы, батюшка! Неужели вы можете до этого дойти?

— А что станешь дѣлать, коли въ Бухарестѣ ничего не рѣшится, а будутъ тннуть, да затягивать! Пожалуй, волей-неволей, до этого дойдетъ.

И это говорилъ человѣкъ далеко не злой и не глупый; а говорилъ онъ то, что было мнѣніемъ массы, которую онъ, представлялъ собой.

Я разговаривалъ о еврейскомъ вопросѣ въ Молдавіи именно потому, что тамъ имѣлъ я возможность всего ближе ознакомиться съ нимъ. Теперь, надѣюсь, изъ того, что рассказано мной, станеть понятнѣе ужасъ, который испытываетъ несчастная Галичина отъ этого, несчастнаго племени евреевъ.

IV.

Въ селѣ, среди бревенчатыхъ хатъ, какъ я уже указывалъ выше, есть два каменные зданія: корчма и церковь. Изъ кожи вонъ дѣзетъ несчастный священникъ, чтобы какъ-нибудь отвратить народъ отъ пьянства, поглощающаго всѣ его тяжелые заработки и отдающаго его въ рабство евреямъ. Воскресенье за воскресеньемъ громить онъ прихожанъ проповѣдью — а галицкіе священники вообще мастера проповѣдывать. Наконецъ, старики начинаютъ колебаться, начинаютъ понимать, что егомость говоритъ правду, что водка губитъ народъ и что въ ней корень всему злу, и рѣшаются основать общество трезвости. Со слезами на глазахъ — а извѣстно, какъ южнорусъ способенъ растроняться и расплакаться — выходятъ сельчане изъ дома священника и, понури голову, приходятъ мимо корчмы.

— А ну! и что вы? и что вы не зайдете?

— Нехочемо, отвѣчаютъ старики.

— И дурни! — и хлопны всегда дурни! — хлопъ дурнемъ родится. Кто что хлопну скажетъ, тому хлопъ и вѣрнѣе. Егомость скажетъ, чтобы вы не пили; потому что егомости за это деньги дадутъ; кому что выгодно, тотъ го и говоритъ. Не будете въ корчму носить деньги, будете егомостью носить, и егомость будетъ богатый человѣкъ, и еяность купитъ себѣ коляску и пару лошадей, будетъ первая пани; а я съ женой и съ дѣтьми отсюда уѣду; а вы хлопны будете всегда дурнями, и всегда на васъ кто-нибудь будетъ ѣздить, — потому что вы хлопны; а хлопъ всегда дурнемъ родится, — а изъ хама не выйдетъ пана.

И задумываются старики, и находятъ, что Янкель правъ, потому что вѣдь все равно: изъ хлопа дальше хлопа ничего не выйдетъ! Вѣдь не можетъ же хлопъ торговать: развѣ это его

ума дѣло? Развѣ видѣлъ кто-нибудь на свѣтѣ, чтобъ изъ хлопа вышелъ купецъ? Скорѣе панъ выйдетъ, а купцомъ хлопъ быть не можетъ, какъ не можетъ быть корчмаремъ. На то есть еврей, чтобъ торговать, а развѣ есть на свѣтѣ такой край, гдѣбъ торговалъ не еврей или не нѣмецъ? Еще панъ можетъ купцомъ сдѣлаться, а хлопъ какъ же купцомъ станетъ? Хлопъ считать не умѣетъ, купить не умѣетъ, и онъ самъ знаетъ, что не умѣетъ купить, потому что онъ продать не умѣетъ.

Страшно глядѣть, въ самомъ дѣлѣ, на положеніе этихъ несчастныхъ хлоповъ. Положеніе нашего мужика было во многомъ отношеніи лучше и завиднѣе хлопскаго даже въ разгаръ крѣпостнаго права: нашему мужику предстояла, все-таки, карьера сдѣлаться хоть разнощикомъ, не говоря ужъ о томъ, что онъ могъ достигъ до положенія лабазника или мелочнаго лавочника. Нашъ мужикъ могъ быть плотникомъ, слесаремъ, сапожникомъ, и всегда сознавалъ, что міръ для него не замѣнуетъ въ тѣсныя рамки земледѣльческой жизни. У галицкаго, какъ и у нашего южнорусскаго или бѣлорусскаго хлопа, ровно ничего нѣтъ въ виду, кромѣ его клочка земли. Скажите ему, что онъ можетъ сдѣлаться маляромъ, онъ васъ сочтетъ сумашедшимъ: торговля и ремесло положительно отняты у него евреями. До какой степени это справедливо, испытывалъ на себѣ каждый, вѣзжавшій въ Россію изъ западныхъ губерній *); послѣ того, какъ вы пообшпаетесь въ еврейскомъ край, вамъ странно покажется по приѣздѣ въ Вѣлкорусскія губерніи, что стекла вставляють русскій, печь чинить русскій, сапоги шьетъ русскій, что слесарь, столяръ, часовщикъ и даже бриллиантикъ люди свои, а не евреи, и что все это дѣлается порядочно.

Въ русскихъ земляхъ Рѣчи-Посполитой—иначе. Всѣ свѣдѣнія, все умѣнье хлопа ограничиваются земледѣліемъ. Выходитъ изъ него иногда мельникъ и винокуръ; но какъ бы хорошъ ни былъ этотъ мельникъ и винокуръ, онъ, все-таки, никогда не сдѣлается хозяиномъ мельницы или винокурни, потому что у него даже въ убѣжденіе вошло, что хозяиномъ долженъ быть непременно еврей. Это такъ вошло въ убѣжденіе, какъ у насъ то,

*) Со мной объ этомъ спорятъ — я обращаюсь къ знатокамъ западнаго края и провинціальныхъ губерній съ покорнѣйшей просьбой заявить по-счастно, правду я говорю или неправду? Если я говорю неправду, если я ошибаюсь, я буду первый чрезвычайно радъ.

что аптекаремъ, провизоромъ и гезелемъ непременно долженъ быть нѣмецъ. Привычка — дѣло великое. Въ Галичинѣ, чтобъ купить что-нибудь, хоть бы той же муки или сѣна, вы непременно станете описывать еврея, хотя, можетъ быть, у того самаго крестьянина, у котораго вы спрашиваете, гдѣ бы найти еврея, есть огромный запасъ и муки и сѣна. Вы даже и не купите у него, если онъ покажетъ вамъ свой запасъ, потому что вы такъ привыкли обращаться во всемъ къ еврею, что вамъ кажется, будто у еврея и мука добротнѣй, и выборъ побольше, и уступитъ онъ вамъ подешевле.

Говорятъ про евреевъ, и они сами намъ хвастаютъ, что женщина у нихъ эманципированнѣе, чѣмъ у любого изъ христіанскихъ исповѣданій. Что еврейская женщина пользуется нѣсколько большими правами, чѣмъ у насъ — это вѣрно, особенно, если принять въ разсчетъ, что разводъ у евреевъ довольно легко и освященъ талмудическими законами. Дѣйствительно, нашей христіанской женщинѣ далеко до еврейки: еврейка, хотя и обязана выйти замужъ въ пятнадцать, шестнадцать лѣтъ, все-таки, пользуется такой свободой, какой мы въ нашемъ быту и не видимъ. Ревность у евреевъ почти невѣстна; мужа нѣкогда не бываетъ дома; жена остается одна, въ квартирѣ ли, въ лавкѣ ли, торгуетъ и кричитъ сколько ей угодно, принимаетъ кого ей заблагоразсудится: она полнаго хозяйка дома, неограниченный владѣлецъ надъ своими дѣтьми, кассиръ своего мужа, его руководитель; надъ ней нѣтъ власти — она вольна дѣлать все, что ей угодно, вѣчно занята разными *шефтами* мужа или своими; по цѣлымъ днямъ, а иногда по цѣлымъ недѣлямъ хозяйничаетъ безъ мужа. Всѣмъ суднымъ и грязнымъ еврейскимъ хозяйствомъ завѣдуетъ жена, и завѣдуетъ полновластно. По развѣтлю своему, еврейская женщина, безъ сомнѣнія, стоитъ выше христіанки. Еврейскія извѣстны всякія кагалыя и политическія дѣла на столько, на сколько слухи о политическихъ событіяхъ доходятъ до кагала; голосъ ея паѣтъ вліаніе на кагалъное общество если не по праву, то по обычаю, но его громкости и визгливости.

Что еврейка стоитъ выше еврея, что она нравственнѣе его, лучше его, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и надо сказать правду, что лучше, что есть въ кагалѣ, все, что онъ выработалъ и могъ выработать — это, ни въ всякаго сомнѣнія: еврейская женщина, развѣтая, самостоятельная, серъ-

езная опора своему мужу, его правая рука, отличная жена и отличная мать. Но, къ несчастію, среда, въ которой вращается эта женщина, до такой степени удушлива и губельна, что вырабатывается изъ нея нѣчто для насъ, привыкшихъ къ нашему христіанскому быту какого бы то ни было исповѣданія, весьма странное и антипатичное. Съ развязностью ея можно помириться, какъ можно помириться съ тѣмъ, что жена, въ силу религіозныхъ предписаній, обязана брить голову. Голова, изволите видѣть, брѣтся на томъ основаніи, что двѣ недѣли въ теченіи мѣсяца, до и послѣ извѣстнаго періода въ женской жизни, еврейка считается нечистою и обязана омываться, а талмудъ, предписываетъ совершать омовеніи купаньемъ, и именно погруженіемъ въ воду съ головой. Если у нея на головѣ отпущены волосы, то, во всякомъ случаѣ, она, при погруженіи въ воду, останется нечистой, и вотъ, во имя чистоты, голова обривается. Благочестивая еврейка, поэтому, постоянно носитъ парикъ и живетъ супружескою жизнью только четырнадцать дней каждый мѣсяцъ. Чтобъ не обнажать наготы, она обязана, какъ бы ни была бѣдна, носить чулки и башмаки. Разумѣется, у образованныхъ евреевъ многіе изъ обычаевъ ихъ соплеменниковъ уже не соблюдаются. Затѣмъ, постыженіе синагоги обязательно для еврейки только на половину. Законъ заботится о ней мало и предоставляетъ ей жизнь хозяйки, сплетницы, крикуны, торговки, чѣмъ она, волей-неволей, и пользуется. Нравственность ея, вообще говоря, стоитъ довольно высоко, уже потому, что каждый еврей женатъ. Если онъ овдовѣлъ или развелся, то онъ *обязанъ жениться*, такъ какъ одинокая жизнь и отсутствіе дѣтей считается не только грѣхомъ, но даже проклятіемъ. Христіанинъ, не обрѣзанный *гой*, противенъ еврейкѣ, и рѣдко бываетъ, чтобъ еврейка сошлась съ христіаниномъ. Гулять, ходить, расхаживать ей дозволяется сколько душъ угодно, и вотъ она, мало по малу, принимаетъ тотъ характеръ, который для насъ кажется страннымъ.

Выше я говорилъ о моемъ пріятелѣ, довольно образованномъ еврей, monsieur Samuel, съ которымъ я очень коротко сблизился въ Яссахъ. Monsieur Samuel (по просту Шмуэль) постоянно звалъ меня къ себѣ, и наконецъ, заставилъ меня явиться къ нему на шабашъ, т. е. въ пятницу вечеромъ. Это былъ мой первый ему визитъ. Я зашелъ къ нему въ лавочку, гдѣ онъ торговалъ табаконъ (и въ то же время мыломъ и туфлями) и от-

правился къ нему на вечеръ въ полной вѣрѣ, que je verrai quelque chose de comme il faut, que je passerai ma soirée dans la société d'israélites bien élevés.

— Ce soir vous verrez, monsieur, nous ne sont pas comme cette canaille. Ma femme et tous mes convives sont des gens bien élevés, et vous ne vous repentirez pas d'avoir passé la soirée avec nous.

Monsieur Samuel былъ уроженецъ Каменецъ-Подольска, по какимъ-то особеннымъ дѣламъ, кто его знаетъ, хорошимъ или нехорошимъ, поселившійся въ Яссахъ и женившійся на дочерп одного изъ тамошнихъ еврейскихъ тузовъ. Жилъ онъ въ домѣ своего тестя, человѣка очень богатаго и, какъ меня предупреждалъ, жилъ очень хорошо. По лееки домъ этотъ былъ не изъ послѣднихъ: онъ былъ довольно великъ, украшенъ какими-то барельефами, и чугунное крылечко, на которое мы поднялись, было весьма недурно не только для Яссъ, но для любого европейскаго столичнаго города. Monsieur Samuel отворилъ изъ сѣней обитую клеенкой дверь и вошелъ; я за нимъ и на порогъ остолбенѣлъ: раздался женскій визгъ, и госпожа въ совершенномъ дезобильѣ, девальте до невозможности, набросала полотенце на голую шею и шмыгнула въ дверь противъ той, въ которую мы вошли.

— C'est ma femme, сказала мнѣ monsieur Samuel, пожимая плечамъ: — она готовилась къ шабашу и мылась, не ожидая, что мы придемъ такъ рано.

— Mais enfin, не ужели у васъ уборная прямо изъ сѣней, и дверь не замыкается?

— Да вотъ видите, это очень маленькая комнатка и выходитъ прямо въ сѣни; это неудобно, и мы сдѣлали изъ нея уборную, столовую и спальню.

— Видѣ это неудобно, замѣтилъ я, нѣсколько смущенный конфузомъ madame Хайка.

— Ничего, отвѣчалъ мнѣ monsieur Samuel: — vous comprenez bien, — мы, образованные люди, стоимъ выше всякихъ предразсудковъ — и онъ провелъ меня въ гостиную, которая слѣдовала немедленно за этой передней, превращенной въ спальню.

Гостиной была комната окна въ три: полъ убранъ великолѣпнѣйшимъ ковромъ; бархатная мебель стояла по стѣнамъ, закрытая бѣлыми чехлами. Мы устали на диванъ, и покуда monsieur Samuel доставалъ мнѣ папирсы, я успѣлъ замѣтить, что на столикѣ передъ диваномъ, на серебряныхъ

канделябрахъ висѣли ярычки съ нумерами и съ кажимито именами: такъ и пахнуло на меня квартирой ростовщика. Но, къ довершенію всего, при этомъ, все-таки, великолѣпномъ убранствѣ гостиной, у самыхъ дверей стояла на трехъ ногахъ высокая краснаго дерева вѣшалка, на которой красовались только что выглаженные и накрахмаленныя юбки, кофты, блузы и прочія принадлежности туалета de madame Хайка, si bien élevée et si délicate.

Удивительное дѣло, какъ подумаешь, это глубокое отсутствіе чувства изящнаго, которое такъ присуще этому странному племени! Не только еврей, держащійся монсеева или, пожалуй, талмудическаго исповѣданія, до такой степени не умѣетъ благоприсойно устроить своей собственной квартиры, но даже еврей-выкрестъ, если онъ, само-собой разумѣется, выросъ въ еврейской средѣ, непременно отличается тѣмъ же самымъ отсутствіемъ изящества въ своей обстановкѣ и въ своихъ манерахъ. Есть у меня пріятель въ Тульчѣ, нѣкто Ф., человекъ весьма образованный, бывшій австрійскимъ и турецкимъ офицеромъ, кончившій курсъ не го въ пражскомъ, не то въ вѣнскомъ университетѣ, стоящій выше всякихъ предразсудковъ и, въ то же время, еврей до конца ногтей по наследству. Отецъ его былъ выкрестъ. Ф., кончивъ курсъ въ университетѣ, сдѣлался не то поручикомъ, не то штабсъ-капитаномъ, и для карьеры эмигрировалъ въ Турцію, потурчился, перенесъ операцію обрѣзанія, которая весьма не легко дается совершеннолѣтнему человеку, то есть, требуетъ цѣлаго мѣсяца страшной боли и лежанія въ постели; затѣмъ, бросилъ и турецкую службу и мусульманство, отарывъ кофейную въ Константинополь, за кофейной—булочную, за булочной отель; наконецъ поселился въ Тульчѣ и сталъ поставлять камни для работъ, производившихся европейской международной комиссіей по очищенію дунайскихъ гирлъ; затѣмъ, мостилъ улицы въ Галацъ и т. д. Этотъ человекъ большого ума и колоссальныхъ способностей, былъ болѣе чѣмъ хорошимъ отцомъ семейства и, совершенно по-еврейски, не осмѣливался держать въ домѣ острыхъ столовыхъ ножей изъ боязни, чтобъ какъ-нибудь не обрѣзался его дѣти. Пускался въ разнаго рода невѣроятныя спекуляціи, Ф. никогда не задумывался о десяткахъ червонцевъ и вѣчно дрожалъ надъ грошами; а это былъ человекъ, по уму и образованію стоявшій не только выше всякаго еврейства, но выше

всякихъ предразсудковъ, и человекъ въ полномъ смыслѣ слова умный, развитый и необыкновенно доброй души. Кровь—вещь въ высшей степени загадочная, и нѣтъ сомнѣнія, что она отзывается на второмъ и на третьемъ поколѣніи.

Шабашъ у monsieur Samuel оказался весьма цивилизованнымъ, безъ традиціонной, чѣмъ-то начиненной щуки, безъ чеснока, но съ сардинками, употребленіе которыхъ monsieur Samuel отъ меня же позаимствовалъ. Въ среднѣ нашего пира отворилась та же дверь изъ сѣней въ спальню, а мы въ спальнѣ-то и сидѣли, и вошло нѣсколько дамъ.

— Ma cousine, рекомендовать мнѣ monsieur Samuel: — l'amie de ma femme, l'amie de ma cousine.

Я раскланялся.

Двѣ традиціонныя свѣчки—у monsieur Samuel еще не было дѣтей—освѣщали комнату. Вошедшія дамы усадились у окна довольно далеко отъ меня, въ полусвѣтѣ. Разговоръ свернулъ на литературу, толковали что-то такое о Барбье, о Гюго, о Дрезденѣ, куда уѣзжала одна изъ гостей, и мнѣ сказано было нѣсколько любезностей за то, что я корреспондентъ, стало быть, литераторъ; литераторовъ же эти дамы въ Дрезденѣ не видали, а въ Яссахъ и видѣть не могли, потому что въ Яссахъ еще кое-какіе публицисты молдавскіе водятся, а литераторовъ совсѣмъ нѣтъ. Ужине кончился. Въ разговоръ я подвинулся поближе къ дамамъ, которыя то и дѣло заявляли мнѣ свою образованность, цивилизацію и отсутствіе всякихъ предразсудковъ. Признаться я, грѣшный человекъ, нѣсколько увлекся и увѣровала искренно, что эти госпожи, толковавшія со мной о литературѣ, о музыкѣ, о цивилизаціи, о прогрессѣ, были то же самое, что наши образованныя женщины, и вдругъ, сѣвши къ нимъ поближе, я въ глубинѣ души своей ахнулъ во все горло: это были Хайки, Малки и Мирки. Ни на одной изъ нихъ не было платья!.. Бѣлый костюмъ, который я принялъ было за блузы или пеньюары, оказался просто юбками и кофтами, и на ногахъ у этихъ барынь, весьма достаточныхъ, были совершенно стоианные туфли! Мнѣ вдругъ все стало ясно. Эти барыни, считающія себя, и не безъ основанія, образованными, явились въ гости sans façon, такъ, запросто, какъ онѣ сейчасъ выскачили бы на улицу потолковать о городскихъ еврейскихъ сплетняхъ, покричать *vay-mir*, поплакать и купить дешево какой-нибудь браслетъ, который и надѣлся бы въ шабашъ не потому,

чтобъ онъ былъ очень хорошъ, не потому, чтобъ онъ заслуживалъ вниманія по своей цѣнѣ или по отдѣлкѣ, а просто потому, что имъ можно похвастаться, какъ доказательствомъ своей ловкости и изворотливости въ умѣннѣ торговаться и покупать. Да, — эти господа читаютъ Гюго, можетъ быть, даже Паскаля и Шекспира, можетъ быть, великолюбно играютъ на фортепьяно, но въ жизни ихъ, въ ихъ домашнемъ быту, господствуетъ та вопиющая *проза, которая такъ страшна въ женщинахъ*. Можетъ быть, это предразсудокъ, но мы, люди XIX вѣка, требуя отъ женщины извѣстной доли практичности, все-таки, возмущаемся, когда эта практичность доходитъ до степени торговли, — а еврейка этого не минуетъ.

Да, странная вещь въ еврейкахъ — отсутствіе изящества. Любого изъ нихъ возьмите, посадите съ вами полчасца, и его глубокая прозаичность такъ и станетъ вамъ рѣзать ухо, какъ лопнувшая струна въ роялѣ *). Говорить, что гоненіе все это надѣлало. Очень можетъ быть; но невозможно-же, чтобъ гнали евреевъ только за ихъ неовѣданіе, только за то, что они не христіане?

АРЕСТЬ.

I.

вотъ, ваше высокоблагородіе, явилъ топорикъ уживающій наши гуцулы, сказалъ мнѣ кто-то въ Львовѣ, показывая на палку, съ ручкой въ видѣ топора.

Ручка эта была мѣдная. Подобныя палки не рѣзкость; ихъ фабрикуютъ такъ же, какъ палки съ разными лѣсными мордами, съ оленями, съ ножками серны, молотками и тому подобными украшеніями.

Палки съ рукоятками въ видѣ топоровъ продаются обыкновенно желѣзные, и форма этихъ топоровъ съ рукояткой бываетъ обыкновенно фантастическая. Но гуцульскія палки, такъ-называемые топорники, поразили меня чѣмъ-то чрезвычайно знакомымъ, будто я гдѣ-то видѣлъ эту форму, чѣмъ-то древнимъ пахнуло на меня, и вдругъ я вспомнилъ, что точь-въ-точь такіе топорники дѣлались во времена бронзоваго періода, и что стиль и форма этихъ топорниковъ такъ и напоминаютъ египетское оружіе XVII и XV в. до Р. Х.

— Всегда дѣлаются мѣдные? спрашивалъ я.

— Всегда. Купить гуцулъ подвѣсничка или какой-нибудь мѣдный ломъ, перелезть его въ такой топоренцъ, насадить на палку и расхаживаетъ съ нимъ. Ни одинъ гуцулъ-франтъ не выйдетъ въ праздникъ безъ топорца: по такъ какъ мѣль, все-таки дорога, то въ послѣднее время стали они дѣлать эти топорцы просто деревянные, а только насаживаютъ на нихъ лезвіе мѣдное; по дереву же стали набивать мѣдные гвоздики или прибивать его мѣдной проволокой, тѣмъ же самымъ узоромъ.

Въ Москвѣ, въ этнографическомъ музеѣ, читатель можетъ видѣть эти самые топорцы. Сходство формы и чекана гуцульскихъ топоровъ съ топорцами бронзоваго періода было до того поразительно, что било въ глаза. Правда, на гуцульскихъ

*) Недавно въ одной польской брошюрѣ было дѣлано замѣчаніе, что никто не выдастъ еврея выходящаго изъ говнъ. Еврей — прозваніе до невозможно-сти. Какъ бы то ни было однако, я прошу моихъ читателей, а особенно читателей евреевъ понять, что если я напааю на евреевъ какъ на касту, то вовсе не отрицаю, что отдѣльныя изъ нихъ личности превосходны и знаютъ толкъ въ цѣтахъ, какъ есть евреи храбрые и даровитые; есть изъ евреевъ поэты, музыканты, мыслители, замѣчательные профессора и ученые; но опять таки, повторю, я говорю не объ *исключеніяхъ*, а объ общихъ свойствахъ непроизводительной касты евреевъ.

топорцах сохранился только один рисунок бронзового времени, именно углем — спирали я никогда не видал; но та же самая малость объема, та же самая пригодность для весьма маленькой руки, и, наконец, то же неслучайное употребление медных сплавов, не могли не бросаться в глаза.

— Для чего же употребляют они эти топоры? только для прогулки?

— А вы? отвечали мы: — они когда пляшут, так подбрасывают их вверх и ловят в руку, и до такой степени мастера видать им, что сажень за пять бросить его в указанную точку и топор в нее войдет. Перепляшутся иногда, и какую-нибудь нежную сплоскленную дьву, которую надо *разбить*, потому что она лишится невинности, привяжут за косу к столбу и отбьют ей косу, метая в нее этими топорами.

Подобное употребление топорцов, как метательного оружия, опять-таки, ясно указывает, что протекание их относится к бронзовым временам. Маленькие бронзовые топоры, которые мы находим в землях, не годились, разумеется ни для рубки дров, ни для какого-нибудь хозяйственного употребления, разве для столарных подлокот, а значение их, как оружия метательного, необходимо выходит из их малой величины, что и указывается гуннами.

Мысль о гуннах засела у меня в голову, а с нею вместе охота съездить в них и осмотреть их мѣстѣ, это за загадочное племя, жившее в Карпатах. Но всякъ разспросивъ оказалось, что они большие мастера во всякихъ медныхъ подвѣсахъ, что все ихъ украшеніе медью и т. п. Отыскать сѣды бронзового періода въ XIX вѣкѣ было трудно, но еще труднѣе было отыскать ихъ у русскихъ, и какъ ни отговѣчивали мнѣ мои львовскіе друзья повѣдку въ Карпаты, я не могъ воздержаться, несмотря на весьма позднюю пору — это было въ концѣ октября.

Оставивъ во Львовѣ разныя хрупкія вещи изъ своей коллекции, въ одно прекрасное утро отправился я на желѣзную дорогу и очутился въ Коломыѣ, городкѣ, лежащемъ въ гундальской сторонѣ и замѣчательномъ развѣтвѣ, что слово Коломыя до сихъ поръ не объяснено ни однимъ ученымъ, и что ему придаютъ значеніе римской colonia. Единственная достопримѣчательность Коломыи — директоръ тамошней гимназіи, Фе-

доръ Бѣлоусъ, изъ-за котораго въ послѣднее время произошло столько шума въ Галичинѣ. Это действительно, замѣчательный человекъ.

Крестьянскій сынъ, онъ началъ свою житейскую карьеру съ того, что пасъ свиней. Сельскій священникъ обучалъ его грамотѣ и далъ мальчику средства понасъ не только въ уѣздное училище, но пробиться въ гимназію. Голодая тамъ, пройдя всѣми ужасами сиротства и нищенства, Бѣлоусъ кончилъ курсъ, попалъ въ университетъ, выдержалъ тамъ блестящій экзаменъ, сдѣлался учителемъ и, сверхъ того, замѣчательнымъ педагогомъ. Этотъ маленький блѣдный человекъ обладаетъ глубоко страстной и любящей душой, той натурой, которая не умѣетъ дѣлать дѣло на половину, а отдается ему целикомъ, несмотря ни на какія препятствія, не боясь никакихъ жертвъ. Онъ добился того, что сдѣлался директоромъ гимназіи, что дало ему тысячу двѣсти гульденовъ жалованья (т. е., по нашему, семьсотъ двадцать рублей серебромъ) въ годъ, но, такъ какъ гульденъ тамъ почти равняется практически нашему рублю, то можно считать, что онъ имѣлъ тысячу двѣсти рублей въ годъ — сумму, на которую, повѣстно, извернуться весьма нелегко даже одному человеку. Этой суммой Бѣлоусъ распорядился такъ, что не напималъ себѣ даже квартиры, а ставилъ кровать въ гимназическую бібліотеку, сводилъ свои статьи на хлѣбъ и на воду, гардеробъ свой на самое необходимое и уступалъ каждаго крейцера, каждую копейку на вспоможеніе бѣднымъ ученикамъ. Для себя онъ не дѣлалъ ровно ничего — все для русскихъ, все для русскаго дѣла. Но разсказывая, бывающіе ученики разсказывали онъ по селамъ съ письмами къ священникамъ съ просьбами о помощи. Священники, какъ и уже говорятъ, народъ крайне небогатый, но, зараженный патристизмомъ Бѣлоуса и его любовью къ дѣтямъ опять изъ нихъ дѣлали гульденъ, другой книгу, четвертый листъ три булуги; понадули давали имъ крупы, муки, хлѣба; и ученики, вѣнкомъ, босикомъ, съ мѣшками на плечахъ, тащались въ устроенную имъ бурсу и перебивались опять до слѣдующаго праздника. Въ церковные праздники, онъ ихъ отправлялъ пить на базаръ въ сѣль. Хлопы и жѣны отваливали имъ тоже всякаго провіанта до мѣры спящихъ своихъ, иногда даже и не прованта, а *хлѣста!* священники и дѣки кое-что изъ позволеннаго платили; и молодежь, опять-таки, существовала при помощи своего ди-

ректора, который, въ случаѣ крайности, дѣлался съ ними послѣдней конейкой. Сверхъ всего этого, Бѣлоусъ находилъ самъ время путешествовать пѣшкомъ по Галичинѣ, забрался даже въ Угорщину, гдѣ его приняли не то за политическаго агента, не то за бродягу, посадили въ тюрьму, несмотря на то, что онъ, все-таки, директоръ гимназій, и, все-таки, ваше высокоблагородіе, и съ надлежащимъ почетомъ выпроводили изъ Угорщины. Захотѣлось ему, для пользы гимназій, побывать на лондонской выставкѣ и осмотрѣть Западную Европу. Путешествіе это совершилъ онъ на *триста цилденовъ, т. е. меньше чѣмъ на двести рублей*; чѣмъ-то дней шесть пробылъ въ Лондонѣ, непозвѣстно, чѣмъ кормясь, но пѣшкомъ обошедши весь этотъ городъ, чуть ли не отъ Сиденгэма до Уиндзора, и побывавъ во всѣхъ музеяхъ; затѣмъ побывавъ онъ въ Парижѣ и воротился въ свою Коломыю, какъ онъ рассказывалъ мнѣ, съ пузырями на ногахъ, потому что онъ ѣздилъ только по желѣзнымъ дорогамъ, разумеется, вездѣ въ вагонѣ третьяго, а если возможно, и четвертаго класса, останавливался въ самыхъ убогихъ тавернахъ и ни разу не прокатился въ фiakрѣ. На какія-то невѣроятныя средства, на разныя подписки, на разныя урывки изъ своего жалованья, Бѣлоусъ завелъ физическій, естественный и химическій кабинеты при своей гимназій, пополнилъ библіотеку и ко всему этому озабочился о созданіи въ Галичинѣ національнаго русскаго купечества. Въ Галичинѣ есть всего одинъ русскій купецъ, хотя сильно ополченный, г. Диметъ, во Львовѣ, торгующій галантерейными товарами; остальное купечество — евреи, нѣмцы и поляки. Русскіе состоятъ только изъ двухъ классовъ, какъ я уже говорилъ: попъ и хлопъ; горсть учителей и чиновниковъ не можетъ даже въ счетъ идти.

Чтобъ создать торговый классъ, Бѣлоусъ какого-то ученика своего, русскаго, съумѣлъ отдалить, уже не помню, къ нѣмцу или къ поляку, въ лавку; затѣмъ какии-то неудобопонятнымъ способомъ открылъ для него свою собственную лавку и велѣлъ написать надъ ней «русская торговля» и написать это русскими буквами. Мало того, Бѣлоусъ завелъ въ Коломыѣ типографію, въ которую посадилъ своего брата, завелъ тамъ журналъ, сталъ печатать разныя брошюрки. Типографія шла плохо, заказовъ не было, на журналъ его даже подписчиковъ не было, потому что галицкіе читатели народъ бѣдный; все довольствуется чтеніемъ «Слова», единственной серьезной и един-

ственной полезной галицкой газетой. Львовская и перемышльская типографія съ избыткомъ удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ Галицкой Руси; но нужно было заявить, что эта Галицкая Русь имѣетъ потребность въ увеличеніи числа своихъ органовъ и своихъ типографій, нужно, чтобъ замѣтили, что *мы существуемъ*, что мы не фантазія, не призракъ — первый шагъ нужно сдѣлать, чтобъ дѣло пошло. Пусть дѣтъ десять коломыйская типографія нейдетъ, но пойдетъ-таки, наконецъ, — потому что съ каждымъ годомъ читается все больше и больше. Бѣлоусъ и братъ его съ семействомъ чуть-чуть съ голоду не умирали отъ своихъ предпріятій, но не отступали ни на шагъ отъ дѣла. Типографія шла, и гимназія положительно процвѣтала. Каждый хлопъ въ коломыйскомъ округѣ знаетъ и благо-словляетъ всегда Бѣлоуса; даже поляки, такъ ненавидѣвшіе его за его смѣлую поддержку русскаго дѣла, относились съ глубокимъ уваженіемъ къ этой великой личности. Но онъ такъ навозолилъ глаза пмѣ, что его перемѣстили въ Галицію, т. е. къ жазурамъ, съ которыми ему, какъ русскому, нѣчего было дѣлать. Его, такого замѣчательнаго педагога, нельзя было при новомъ совѣтѣ училищъ (школьная рада) оставить безъ дѣла. Поэтому, его *только* перемѣстили, и переименованіе это надѣлало много горя бѣднымъ русскимъ. На мѣсто его посадили какую-то личность, совершенно непозвѣстную, которая уже никакимъ образомъ не замѣнитъ этого великаго дѣятеля.

Я переночевалъ въ Коломыѣ и отправился въ село Печенжично, въ которое долженъ былъ прѣѣхать прямо къ дѣлану, (т. е. благочинному), отцу Михаилу Петрушевичу, брату знаменитаго львовскаго вѣрошанина и историка. Благочинный, маленькій, худенькій, какъ дунъ съдѣннѣй старичекъ, привіалъ меня, прочтя письмо изъ Львова, такъ дружески и такъ задушевно, какъ только ожидать было можно, — съ тѣмъ, чѣмъ называется, стариннымъ гостепріимствомъ, и обѣщалъ немедленно доставить мнѣ возможность пробраться въ Карпаты, къ селу Жабію, гдѣ, по его словамъ, были лучшіе мастера всякихъ мѣдныхъ издѣлій. Самъ онъ былъ большой ученый и сорокъ лѣтъ работалъ надъ составленіемъ корнеслова русскаго языка.

Я не знаю судьбы плачевнѣе доставшейся въ удѣлъ этимъ бѣднымъ труженикамъ русскаго дѣла и науки, заброшеннымъ сюда въ этотъ уголокъ, куда ни одинъ русскій воронъ костей не

заносить. Лишенный практического знания нашего книжного языка, лишенный книгъ, матеріаловъ, всякихъ лѣтописей, актовъ, пословицъ, лингвистъ Петрушевичъ сорокъ лѣтъ просидѣлъ, собирая тѣ слова, которые только ему доставались, и это въ какомъ-то Печенѣжинѣ, даже и не Львовѣ; при всемъ желаніи сдѣлать для науки что-нибудь путное, галиційскій ученый ничего не можетъ сдѣлать, потому что у него источниковъ нѣтъ, потому что онъ совершенно незнакомъ съ новѣйшими изслѣдованіями, которыми такъ богата становится наша литература, потому что русская историческая наука остановилась для него на Карамзинѣ, а много-много на Соловьевѣ или Погодинѣ; русское языковѣдѣніе осѣклось для него на Гречѣ и на Востоковѣ. При всемъ почетѣ, которымъ должны пользоваться въ нашей наукѣ эти имена, и для кого не тайна, что послѣ нихъ, продолжившихъ первые пути, сдѣлано столько новаго, что, не зная этого новаго, ничего знать нельзя. Огромный трудъ Петрушевича, первые два листа котораго были изданы Бѣлоусомъ, представляетъ именно такое успѣіе сдѣлать все, что можно сдѣлать безъ источниковъ, — трудъ, на сколько я могу быть судьей въ подобнаго рода дѣлахъ, во всякомъ случаѣ, крайне замѣчательный; но онъ наводитъ на меня невольное раздумье. Что, еслибъ подобному работнику да достался матеріалъ? онъ окказалъ бы такую же заслугу русскому языку, какъ Далъ.

— Сегодня не поѣзжайте, говорилъ онъ мнѣ, потому что уже нѣсколько поздно; надо завтра выѣхать какъ можно раньше. Въ горахъ скоро стемнѣетъ; тамъ свѣтъ, всюду ручьи шумятъ, дороги испортились, а наши горы — вещь такая, что и здѣшній житель въ ночную пору не отважится въ нихъ забраться. Переночуйте у меня и завтра пораньше съ Богомъ отправляйтесь въ Жабію, куда я вамъ дамъ письма. Тамъ вы будете имѣть возможность познакомиться съ гуцулами, съ топорками и съ прочими ихъ издѣліями.

Советъ былъ дѣльный; я послушался — весь день мы протолковали объ ученыхъ предметахъ. Показывалъ онъ мнѣ свою выписку изъ кракедворской рукописи, изъ «Славянской народописы» Шафарика, изъ «Слова о полку Игоревѣ» — словомъ, весь свой книжный запасъ, какой онъ могъ только скопить въ этой глухой, невѣдомой сторонѣ.

Не помню, на столѣ, не помню, на фортепьяно, лежалъ какой-отъ листъ, написанный красными чернилами — очевидно, стихами.

— Что это такое? спросилъ я.

— А, это любопытная вещь, сказалъ священникъ: — это кто-то по почтѣ прислалъ, безъ подписи; какъ видите, это стихи на прѣздѣ къ намъ въ Галичину графа Годуховскаго.

Стихи были по-польски. Это была пародія на ту странную пѣсню, которую на свѣткахъ распѣваетъ хлопство:

Где, где Жельманъ,
Где, где его братъ,
Вся родина жельманова и т. д.

Въ сборникѣ Головацкаго пѣсни эта помянутая въ нѣсколькихъ вариантахъ. Преданіе говоритъ, что въ тѣ блаженные времена, когда сынамъ Израіля отдавались на аренду церкви христіанскія, хлопство, собравшись къ свѣтлохристовой заутрени, приходило въ восторгъ, видя появленіе какого-нибудь Ицека Жельмана, который, какъ и все племя израиленое, въ одиночку не ѣздитъ, а всегда съ братомъ, съ сестрой, съ отцомъ, съ матерью, съ пріятелемъ, съ пріятельями пріятелями и т. д. На сколько это вѣрно, судить трудно; все подобныя народныя пѣсни имѣютъ основаніемъ своия времена несравненно болѣе далекія и, по большей части, входятъ въ изычество; но если ужъ хлопство примѣнило эту пѣсню къ тѣмъ временамъ и пердѣлало слова такъ, что дѣйствительно они напоминаютъ эпоху гоненій за унію, то такъ и надо признавать ее отголоскомъ древней ненависти къ евреямъ и отчаянія воли ихъ владычествомъ. Изъ этой пѣсни:

Где, где Жельманъ,
Где, где его братъ,
Вся родина жельманова,

какой-то русскій по-польски передалъ нечто въ родѣ слѣдующаго:

Jedzie, jedzie Gofachewski
Jedzie, jedzie jego brat... и т. д.

что, разумѣется, было посвящено на его сѣятельство намѣстника, будто его прѣздѣ для русскыхъ галичанъ имѣлъ значеніе прѣзда какого-нибудь Ицека Жельмана. Но нашимъ законамъ, даже нахожденіе такой бумаги въ чемъ-нибудь домѣ могло доставить обладателю ея весьма не пріятныя хлопоты, во по австрійскимъ законамъ это ровно ничего не значило, потому что Австрія, при всѣхъ, до сихъ поръ существующихъ въ ней цензурныхъ стѣненіяхъ, все-таки, добилась той свободы печати, до которой намъ дойти едва ли скоро удастся. Подобное

стихотвореніе въ Австріи не только написать было не преступно, но даже и напечатать было бы можно.

— Вотъ бы штука отличная, сказалъ я, еслибы вы мнѣ дали копію этихъ стиховъ! Быть можетъ они пригодятся бы мнѣ для характеристики вашей Галичины.

— Пожалуй, берите! сказалъ священникъ, и велѣлъ своему сыну немедленно переписать для меня этого Жельмана-Голуховскаго.

Я пріѣхалъ въ Печенѣжино, 24-го октября 1866 года, прямо на Всескорбящую, которая въ томъ году пришлась на воскресенье, такъ что праздникъ былъ двойной. Хлопотъ, поэтому совершало надлежащее жертвоприношеніе у жрецовъ Бахуса: Цецка, Янкеля, Шмуля, Хайма и Лейбы, предварительно, впрочемъ, присутствовавъ при принесеніи жертвы безкровной жрецовъ христовымъ, съдѣвшимъ Петрушевичемъ. Поэтому, въ понедѣльникъ утромъ все было въ нѣсколько мрачномъ настроеніи духа, и изводивъ мнѣ отыскать оказалось рѣшительно невозможнымъ. Кто спохватился, кто хандрилъ и отрицалъ всякія житейскія выгоды — словомъ, шло все какъ слѣдуетъ. Наконецъ, отыскался какой-то Янъ, сынъ одного изъ самыхъ богатыхъ хлопцовъ, который согласился свезти меня въ горы, и я ужъ совсѣмъ готовъ былъ встать и поблагодарить моихъ хозяевъ за хлѣбъ и соль, какъ возникло новое затрудненіе: нельзя же гости отпускать на тощій желудокъ, а это затынуло дѣло часовъ до десяти, несмотря на всѣ мои отпѣкиванія. Когда же мы позавтракали, оказалось, что не то Янъ куда-то ушелъ, не то лошадей нужно подковать, и дѣло кончилось тѣмъ, что пришлось остаться до обѣда.

— Э! сказалъ я, бѣда не велика, побѣду я въ горы; если не добѣду до Жабіи, переночую гдѣ-нибудь въ корчмѣ; штука нехитрая.

— Да нѣтъ, поспѣете, поспѣете; лошади отличныя, духомъ дожчатъ.

Мы и помчалась.

Печенѣжино стоитъ у самой подошвы Карпатовъ; верстахъ въ пяти отъ него начинаются ущелья.

Я совершенно понимаю, почему изображеніе горцевъ населяетъ горы разными духами: то карликами, то великанами, цырями, заснувшими въ глубокихъ пещерахъ, невѣдомымъ властителямъ черныхъ роцъ, утесовъ, ручьевъ. Въ горахъ вы

чувствуете себя неудобно: что-то таинственное открывается передъ вами. Лѣсъ тоже имѣетъ свою таинственность, но вы знаете, что за деревомъ будетъ дерево, за кустомъ кустъ, и хотя крупъ горахъ вашъ сѣужень, хотя дальше пяти саженъ вы ничего не видите передъ собою, но все-таки вы знаете, что передъ вами кустъ да дерево, дерево да кустъ, да валежникъ, да гниющая колода. Въ горахъ совсѣмъ другое: по мѣрѣ того, какъ вы подымаетесь выше да выше, каждый утесъ, каждый ручей скрываетъ за собою новую загадку. Что тамъ будетъ? можетъ быть, пропасть, можетъ быть, водопадъ. Что-то шумитъ впереди, а что тамъ шумитъ, лѣсъ-ли, водопадъ-ли, ручей-ли, — разобрать нельзя. Камни прыгаютъ откуда-то, точно ихъ бросаютъ какія-то невидимыя руки; тутъ молодое, крѣпкое дерево держится на краю обрыва, а подлѣ него почему-то повалилось и повисло въ пропасть другое, такое же молодое и такое-же крѣпкое дерево, какъ оно. Ни съ того, ни съ сего, огромный камень лежитъ на скатѣ; какъ онъ сюда попалъ? какая сила его бросила? почему онъ дальше не катится, если онъ скатился откуда-то съ невѣдомыхъ вершинъ? а потоки журчатъ да журчатъ, кати съ собой груды булыжника; дорога размыта, кое-гдѣ деревушки — но деревушки уже не тѣ, которыя на *ноль*, какъ выражается гуцулъ о равнинѣ: тамъ группы хатъ въ двѣсти, подчасъ въ триста, а не то въ тысячу дворовъ. Здѣсь помѣститься было негдѣ, здѣсь человекъ рубилъ себѣ хату тамъ, гдѣ могъ завести огородецъ и отыскать какую-нибудь ложбинку для поля. Хата направо, хата налево, хата впереди, хата назадъ; ничего общаго, ничего связнаго нѣтъ; каждый живетъ самъ по себѣ. До соседа не во всякую пору можно добраться, потому что ночью и гореть можетъ заблудиться, потому что сильный вѣтеръ можетъ сорвать на него груды камней или свалить на него дерево, и человекъ поневолѣ дѣлается мистикомъ и опришкой. Опришки въ Карпатахъ были нѣчто въ родѣ абрековъ на Кавказѣ. Это были не то разбойники, не то бандиты, не то удалы добрыя мѣлочки, не изъ жажды разбоя, не изъ жажды наживы, а такъ, отъ нечего дѣлать, со скуки. Еще недавно, лѣтъ тридцать назадъ, гуцулъ считалъ постыднымъ дѣломъ ходить безъ ружья, и только силой австрійское правительство отобрадо у нихъ ружья. Разбой и убійство въ горахъ были дѣломъ до того обыкновеннымъ, что даже въ счетъ не ставились. Теперь ихъ почти нѣтъ, а были времена вотъ какія: бѣжали два

священника въ горы на какой-то храмовой праздник. Встрѣченный прохожій говоритъ имъ, что нѣсколько опришковъ пріютились прямо имъ по дорогѣ. Молодой священникъ струхнулъ и отказался продолжать поѣзду; старенькій сказалъ, что ему уже и такъ немного вѣку осталось, — сегодня умирать, завтра умирать, — все равно — поѣду. Его остановили.

— Ты поплъ?

— Поплъ.

— Доброе дѣло, что поплъ въ намъ пріѣхалъ. Молись, батъка; молись, добродѣй.

Старичекъ помолился.

— Исповѣдуй насъ и причасти.

Старичекъ подумалъ: что же, хоть они и опришки, да всѣ нашей русской вѣры. Не говѣли: чѣмъ же говѣтъ имъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, вромѣ молока, творогу, да овечьяго сыра, ничего достать нельзя? что не ходили въ церковь — имъ и въ церковь показаться нельзя! Вынулъ дары, исповѣдалъ и причастилъ.

— Снимай, добродѣй, шапку.

Старикъ снялъ, и повалилось ему въ шапку золото.

— Вотъ кабы твой товарищъ молодой, что съ тобой ѣхалъ, не побоялся насъ, добрыхъ людей, такъ не достались бы тебѣ его гроши. Поѣзжай, добродѣй, съ Богомъ...

Ни польское, ни молдавское правительства никогда серьезно не владѣли этими горами; одна Австрія съумѣла, безъ шума, безъ войны, покорить ихъ, и вышли изъ нихъ люди тихіе и смиренныя, такіе, что если когда-нибудь эти горы достанутся во власть Россіи то составить гуцулы таней оплотъ для нашего государства, лучшаго какого и желать нельзя *).

Выше, выше везетъ меня мой Янъ, четырнадцатилѣтній мальчикъ, съ черными какъ смоль волосами, распущенными по плечамъ, съ маленькими черными глазами, смугловатый, коренастый и очень бойкій. Янъ слѣдитъ за всѣми общественными дѣлами Неченѣжина, радъ потолковать о политикѣ и радъ со-

* У насъ хлопотуютъ о заселеніи Кавказа русскими — Гуцулы съ голоду мрутъ отъ тяжкихъ налоговъ и мечутся на дешевые заработки въ Австрію. Ихъ специальность — горное овцеводство и сыровареніе. Не дорого бы стоило вызвать изъ Карпатъ нѣсколько тысячъ ихъ на правый флангъ — а про вѣру свою они только то и знаютъ, что ихъ вѣра русская.

общить проѣзжему чужеземцу обо всемъ, что творится въ ихъ мирѣ. На немъ гуцульская сукня (короткій кафтанъ, не длиннѣе сюртука) и класани (гуцульская ушатая шапка), и будъ онъ блондурый, а не смуглый, и не будъ полъ его сукни обрѣзаны у коленъ, какъ у горца, которому неудобно ходить долгоплымъ, я принялъ бы его, по его костюму, за чухонца, какъ не будъ на галицкихъ полянахъ и горныхъ церквахъ осьмиплеченыхъ крестовъ, а вотки на нихъ пѣтуховъ, и принялъ бы эти церкви за финскія, шведскія и норвежскія кирки. Странное дѣло, я не знаю ни одного племени, которое, своимъ костюмомъ, своей архитектурой, такъ напоминало бы скандинавовъ, какъ галичане. Варяги-ли сюда занесли этотъ строй, или сами они привезли его въ Скандинавію съ Руси, но сходство между Скандинавіей, а особенно Финляндіей съ Галиціей въ глаза бѣситъ. Въ галицкихъ рѣкахъ вымываются тѣ же вѣсты, которые датскіе ученые считаютъ исключительно скандинавскими; колыбелки точно такіе-же; тѣ же крыши на церквахъ, напоминающія тарелку блиновъ, по выраженію Гоголя; тѣ же класани, тѣ же сукни... Я не беру на себя смѣлости дать объясненіе, но что связь существуетъ, пусть невѣрующій отправится и убѣдится.

Выше, выше въ горы везетъ меня Янъ, толкуя мнѣ о печальнѣйшихъ дѣлахъ, о бѣдствіи хлопковъ, о голодѣ, о наборѣ, о неурожаѣ, о несправедливостяхъ полиціи, о томъ, что *горцы* (горцы) относятся съ презрѣніемъ къ *полянамъ* (жителямъ равнины) — а утѣсь смѣняется утѣсомъ, сосна сосной, ручьи не только пересѣкаютъ, но взрываютъ дорогѣ, свѣтъ ярчеется въ тѣни утѣновъ и таетъ на солнцѣ, сороки и вороны перепархиваютъ съ мѣста на мѣсто и точно также подпрыгиваютъ обѣими ногами или чинно выступаютъ, пошевеливая хвостомъ, какъ будто живутъ онѣ не въ Карпатскихъ Горахъ, а гдѣ-нибудь въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Лѣтвенныя деревья уже совсѣмъ раздѣлись на зиму, какъ-будто разсердись, что наступаютъ такіе холода, что солнце начинаетъ ходить такъ низко, и что травка пожелтѣла, птицы улетѣли, такъ что даже можно остаться и зд-просто, — покрасоваться не передъ тѣмъ; одиѣ задумчивыя сосны и ели сохраняютъ свой неизмѣнный нарядъ: увѣченныя своей думой, одиѣ воздѣли руки къ небу съ молитвой, другія опустили ихъ къ землѣ, обезсиленные горемъ и думой; а солнце между тѣмъ уже зашло за Карпаты, и зашло именно

за ту сторону, которая передъ нами. На угорской сторонѣ еще свѣтло, на галицкой уже темно, и Янъ начинаетъ озираться чаще и чаще, не сблизилъ-ли мы съ дороги.

— Треба ночувати, сказали онъ мнѣ.

— Що жъ, Яне? почуймо, говорю я.

— Ъдемо до попадьи, она вдова и насъ прийме.

— Не можно, Яне? отвѣчаю я.

— Чого жъ не можно?

— Она мене не знае. Я-емъ ту чоловікъ чужій, не буде грѣшно (вѣжливо).

— Якъ хочете, рѣшаєтъ онъ послѣ долгихъ убѣжденій — остановимся въ корчмѣ.

Пойхати къ попадьи и попросить у нея ночлега, было бы дѣломъ самымъ разумнымъ, и еслибъ я къ ней пойхалъ, то не наткнулся бы ни на какія неприятели. Но мнѣ казалось неловко ѣхать къ незнакомой женщинѣ въ такую глухую пору съ просьбой о ночлегѣ, не будучи галичаниномъ. Делкатность эта меня и погубила.

Было уже совершенно темно. Ѣхать дальше между этими обрывами, дѣйствительно, не было возможности. Впередъ, надъ головою, мерцали огоньки.

— Корчма, сказали Янъ: — тутъ переночуемъ.

И мы дотащились до этой корчмы.

II.

Корчма въ горахъ точно такая же еврейская, какъ и въ поляхъ — разницы нѣтъ ни малѣйшей. Тотъ же еврей съ пейсами, въ долгополомъ пальто, та же стойка, то же хлопство, провожающее свой вечеръ въ этомъ клубѣ. Я вошелъ и сказалъ, что желалъ бы переночевать.

— Unmöglich, kein Platz, затараторилъ мнѣ жида: — ganz unmöglich, gar kein Platz.

— Wo werde ich denn, lieber Freund, schlafen?

— Kein Platz.

— Aber ich werde bezahlen.

— Aber es ist unmöglich—ganz unmöglich.

Послѣ долгихъ переговоровъ я выигралъ только то, что нашелся хлопъ, который сказалъ, что переночевать можно у него, но съ тѣмъ, что онъ, все-таки, долженъ доложить объ этомъ пану войту.

— Докладывайте, сказалъ я: — у меня паспортъ есть, я не боюсь.

— Коли паспортъ, пане, маєте, то ходіть.

И онъ пошелъ впередъ, указывая дорогу по какимъ-то крупизнамъ, обрываамъ, подъ шумъ не то ручьевъ, не то потоковъ, не то лѣса.

Ночь—загадка вездѣ и всюду, даже въ спокойной комнатѣ: тѣни почти исполнены тѣхъ странныхъ и загадочныхъ образовъ, для которыхъ воображеніе не находитъ формы, а языкъ не находитъ словъ. Но ночь въ горахъ подъ вершинами Карпатъ еще страннѣе; утѣсъ кажется какимъ-то чернымъ, громаднымъ привидѣніемъ, сосны — потухшимъ канделябромъ, ель — жертведомъ, рвущимся изъ могилы; а ручьи гремятъ, шумятъ; а полоска снѣга сіяетъ, а звѣзды съ неба сходятъ и сходятъ такъ близко къ вамъ, что, кажется, не будь этихъ скалъ, не шуми эти ручьи, не сіяй эти красножестые огоньки въ хижинахъ и не будь я самъ прикованъ къ землѣ, такъ бы и рванулся къ нимъ, — къ этому темному осеннему небу.

Мы вошли въ хату.

Хата была довольно просторная; надъво отъ дверей, какъ и слѣдуетъ, русская печь; кругомъ лавки; на стѣнѣ противъ дверей какіе-то образы — не наши русскіе образы съ темнымъ ликомъ въ вычурныхъ кивотахъ, а тамошнія бѣдныя гравюры, какіе-то малеванья масляными красками; безъ лампады; что-то бѣдное, печальное, закомѣлое. Столъ стоитъ тоже не въ переднемъ углу, какъ у насъ, а прямо противъ двери, надъво податъ печи кровать; дѣтина пылаетъ. Мой хозяинъ, рѣшившійся меня принять, Иванъ, оказался ухлопникомъ (uglaun), то-есть, безсрочно-отпускнымъ.

Солдаты въ Австріи совсѣмъ не то, что у насъ. У насъ безсрочно-отпускной обязуется волосы стричь, бороду брить, по міру не ходить; въ Австріи ничего подобнаго нѣтъ: чуть ему дали отпускъ, и воротился онъ въ свое село въ какія-нибудь Акрешоры, какъ запускаетъ онъ волосы, надѣваетъ хлопскую рубаху и хлопскія порты, и дѣлается такимъ же хлопомъ, каковымъ былъ. Разница между нимъ и настоящимъ хлопомъ толь-

ко въ томъ, что сельскія власти надъ нимъ не имѣютъ силы, что за всѣ его провинности онъ не можетъ быть судимъ мѣстными властями, а долженъ быть доставленъ въ полкъ. Путаница изъ этого выходитъ, разумеется, страшная. Уропникъ шалитъ, сколько душъ его угодно, мошенничаетъ, разбойничаетъ, и покуда мѣстныя власти соберутся препроводить его въ полкъ, наблюдается онъ столько, что надъ нимъ почти и управы ужъ нѣтъ. Онъ считаетъ себя въ родномъ селѣ лицомъ привилегированнымъ, а всякія безобразія пропеваютъ именно отъ него.

Мой хозяинъ Иванъ хотя и былъ уропникъ, но серьезно брался за плугъ, былъ хорошимъ хозяиномъ въ домѣ и, какъ кажется, добрымъ братомъ дѣвушкамъ, его сестры, которая, едва мы вошли въ хату, тутъ же захлопотала около печки, какъ бы угостить случайнаго проезжаго. Възлпвость требовала переночевать не даромъ, тѣмъ болѣе, что со мной вовсе не торговались, что будетъ стоить мое ночеванье. Примирившись довольно достаточно къ хаотству, я счелъ за должное прежде всего поставить моимъ хозяевамъ бутылку водки, на что немедленно и раскошелился, а себѣ заказалъ изжарить кусокъ мяса, который, къ удивленію моему, въ Акрешорахъ и отыскался. Пока хозяйка успивала эту водку и пока босая ихъ сестра, въ понявѣ, въ бѣлой сорочкѣ, расшитой черными, алыми и желтыми нитками, возилась около печки, въ хату, мало по малу, стали набираться гуцулы съ ихъ длинными волосами, въ красныхъ штанахъ, смуглые, сѣроглазые, съ жесткими чертами лица, въ широкихъ кожаныхъ поясахъ, украшенныхъ мѣдными пуговицами.

— Кто вы-сте, пане?

— Русскій, изъ Туречины. А вы кто такіе?

— Мы гуцулы, руснаки.

— А я понимаю вашъ языкъ.

— Нашъ языкъ русскій, и вѣра у насъ русская.

— Такъ языкъ у насъ будетъ одинъ, стало быть?

— Оно точно похоже. Вы, пане, говорите почти тѣмъ же самымъ языкомъ, что и мы, и вѣра у насъ, кажется, одна. Какъ начинается у васъ служба божія (обѣдня)?

— «Благословенъ Богъ нашъ».

— Ну, вотъ и у насъ служба божія начинается такъ: «благословенъ Богъ нашъ».

— А «Вѣрую» вы знаете?

— Знаемо, пане.

— Говорите.

— «Вѣрую во единого Бога Отца, отвѣчаетъ гуцулъ: — и въ Духа Святаго, иже отъ Отца и отъ Сына исходящаго».

— У васъ всѣ говорятъ «и отъ Сына»?

— Всѣ, пане. А у васъ какъ говорятъ?

— У насъ говорятъ только: «иже отъ Отца исходящаго».

— Все равно, пане, вѣра русская — одна вѣра: что ваша вѣра, что наша вѣра.

— Нѣтъ, добрые люди, вѣра не одна у насъ съ вами: у насъ поны бороды носятъ, въ церкви нѣтъ звонка и не *клякаемъ* (не становимся на колѣни) при причастіи, при словахъ: «Святъ, святъ, святъ Господь Богъ нашъ, иже бѣ, сый и грядый».

— Все равно, пане, у васъ обычай такой, у насъ другой. вы съ бородой, а мы безъ бороды. мы бороду бреемъ, а по тому, что вы говорите, видно, что и у васъ въ вашей Туречинѣ нашъ самый русскій языкъ; мы одинъ народъ и одна вѣра.

Я съѣлъ кусокъ мяса, которое мнѣ приготовила сестра уропника, и улелся на лавкѣ.

Лучина трещитъ, мечи во всѣ стороны искры, то озаряя избу оранжевымъ цвѣтомъ, то погружая ее во мракъ: на ней нарастаетъ, какъ ноготь, черный, длинный уголь, въ срединѣ огонька рѣветъ раскаленное догорающее дерево, капля за каплей падаютъ эти огарки лучины въ глиняную чашу. Я лежу подъ окномъ, мнѣ не спится, а гуцулы, въ красныхъ штанахъ, съ длинными усами и съ волосами по плечи, сидятъ у противоположныхъ стѣнъ и тихо между собой бесѣдуютъ.

— Дятель, говоритъ одинъ — стучалъ вчера ко мнѣ въ стѣну; не знаю, къ чему это.

— Это не хорошо, говоритъ старикъ гуцулъ, опираясь на свой топорецъ, это не къ добру. Когда голубъ сидеть на крышу и начнеть ворковать, это хорошо, а дятель — это не къ добру.

— А вотъ у Петра, говоритъ другой: — пѣсь передъ самыми воротами легъ и воетъ, — передъ самыми воротами легъ и воетъ, — передъ самой серединой воротъ.

— Нехорошо, говоритъ старый гуцулъ. — Теперь два гола, какъ все у насъ идетъ не къ добру; птицы такъ кричатъ, звѣ-

ри воютъ, собаки вотъ этакимъ манеромъ визжать, — все дожди, потоки у насъ въ горахъ сильные стали, въ *ноль* рѣки разлились, неурожай, наборъ, война... Къ чему все это?

— Не знаю, говоритъ Иванъ урлоппигъ: — вонъ и лунина какъ-то стала всыхивать.

— Не къ добру, рѣшаетъ старикъ.

— А что, добрые люди, подымаюсь я на лавкъ: — правда ли, что у васъ людки водятся?

— У насъ, въ горахъ? спрашиваетъ старикъ.

— Да, у насъ, въ горахъ, отвѣчаю я: — мнѣ въ *ноль* говорили, что у васъ людки водятся. Правда ли это?

— А какъ же, пане, неправда? я самъ видѣлъ. На ярмарку приходятъ они иногда; ростомъ, пане, не выше моего сапога, и красная шапочка на головѣ. Умный они народъ, хитрый народъ, въ землѣ живутъ — они живутъ здѣсь у насъ, въ Карпатахъ, вотъ, въ дѣшнихъ самыхъ горахъ, пане, и стерегутъ золото; у насъ, пане, въ горахъ золота много, только найти его трудно — вотъ эти самые людки его и стерегутъ.

— И вы сами ихъ видали? спрашиваю я.

— А какъ же, пане, не видать? видѣлъ. Я жъ говорю, что на ярмарку приходятъ покупать, хорошія деньги платять.

— И вы сами съ ними торговали? спрашиваю я.

— Я жъ говорю, пане, что приходятъ на ярмарку въ красныхъ шапочкахъ, и я съ ними торговалъ. Да кто же не знаетъ изъ насъ, изъ гуцуловъ, что въ горахъ людки водятся.

И Иванъ урлоппигъ, и Петръ, и всѣ они увѣряютъ меня, что видали этихъ людковъ, и всѣ такъ звать въ ихъ существованіе, что вовсе не лгутъ, увѣряя будто ихъ видали. Уверенность въ людкахъ сдѣлала то, что гуцулы дѣйствительно ихъ видѣли и дѣйствительно съ ними разговаривали и видѣли ихъ красныя шапочки.

Да, есть на свѣтѣ горный хребетъ, Карпаты, населенный русскимъ народомъ, дикимъ, сохранившимъ всѣ языческія повѣрья нашей старины и искренно вѣрующимъ, что есть людки, что есть великаны, что есть горные духи, что не къ добру стрекочетъ сорока, и что не даромъ черная корова идетъ впередъ стада. Ни одинъ мнѳологъ не забирался въ эту трудную; наши изслѣдователи все люди кабинетные, которымъ тяжела дорога, которымъ авторитеты и справочныя книги дороже живого матеріала, которые къ мужику подойти не умѣютъ;

у нихъ нѣтъ отваги пуститься въ эти глухія села и деревни, переночевать въ душной избѣ и послушать, какъ какіе-нибудь гуцулы въ красныхъ штанахъ толкуютъ о своихъ людкахъ; они ссылки любятъ, подстрочныя примѣчанія; запыленные, подустигившія архивныя дѣла для нихъ дороже всего. А живой матеріалъ для нихъ буква нѣмая, потому что сослаться на свое собственное наблюденіе они считаютъ чуть не смертнымъ грѣхомъ. У нихъ нѣтъ храбрости подтвердить свое изслѣдованіе личными наблюденіями; все то, что не записано и не начтано, для нихъ не существуетъ, и оттого не цвететъ наша бѣдная русская наука, оттого загадка для насъ всѣхъ наша мнѳологія, и оттого сказка наша до сихъ поръ объясняется нашими отшельниками науки только при помощи индійскихъ и персидскихъ сказаній, а никто не видитъ и никто не слышитъ какимъ живымъ, жизни исполненнымъ ключомъ, бьетъ у насъ, на нашемъ востокѣ Европы, аріискія старина, и какъ цѣло у насъ все, что утрачено западными народами.

Мы вышли во дворъ. Потоки шумятъ, ели и сосны дремлютъ, а съ неба горятъ яркія звѣзды; внизу, подъ нами, въ долинахъ не то туманъ, не то пологъ какой-то бѣлый, не то что-то неопредѣленное, — да и кто знаетъ въ темнотѣ ночи, что подъ нимъ, что надъ нимъ, и что вокругъ него?

— Какія это звѣзды? спрашиваю я ихъ, указывая на свѣтлую медвѣдницу.

— А вы, пане, въ зѣрицахъ разуваете? отвѣчаютъ они мнѣ лукаво.

— Приколъ-звѣзду знаю, говорю я, указывая на полярную.

— Зачѣмъ же, пане, ее знать?

— А затѣмъ, добрые люди, что по приколъ-звѣздѣ въ ночь я такъ найду дорогу, какъ въ день найду по солнцу. Приколъ-звѣзда, добрые люди, полночь мнѣ показывается; если я знаю, гдѣ полночь, не собьюсь я съ дороги.

— А знаете ли, пане, какъ эта звѣзда называется? и ихъ зикорозлые, грубые пальцы тычутъ мнѣ въ большую медвѣдницу.

— Какъ по-вашему это называется, не знаю, добрые люди, а по-нашему, по-внжному, это называется большой медвѣдицей.

— У насъ, пане, называется это Возъ; оттого возъ, что на немъ въ день солнце ѣздитъ, а ночью, когда ему не нужно своего воза, привязывается его къ приколъ-звѣздѣ, возъ этотъ и

ходить около нея съ другими звѣздами. Такъ старики говорятъ, мы не знаемъ, правда ли это, пане.

— Это правда, добрые люди.

— Видите, пане, отъ этого воза, какъ у насъ въ горахъ говорятъ, дышло пошло изъ-трехъ звѣздъ; за это самое дышло возъ къ приколъ-звѣздѣ и привязанъ.

— Вижу.

— Пришелъ одинъ хлопъ домой пьяный, и говоритъ своей женѣ: «Положи меня хорошенько». Положила она его. «Неловко», говоритъ онъ, и побилъ ее. Положила она его на печь; онъ говоритъ: «Обожгусь», и побилъ ее; во дворъ она его повела, а онъ видитъ надъ собой возъ, побилъ ее и говоритъ: «Колеса свалились или возъ отъ приколъ-звѣзды оторвется. Ты недоброе дѣло со мной, жена, придумала», и побилъ ее. Такъ у насъ, пане, старики говорятъ.

И рдѣють звѣзды, и догораютъ лучина за лучиной, и узнаю я много новаго, чего не зналъ до тѣхъ поръ; узнаю я, что если дѣвушка напьется воды изъ того мѣста, въ которое упиралась радуга, то сдѣлается она «дѣвчуromъ» или «мѣсячникомъ»: одинъ мѣсяцъ будетъ она дѣвкой, другой парнемъ; и узнаю я, что радуга называется «веселицей»; узнаю, что на мѣсяцѣ живутъ два брата, одинъ другого зарѣзалъ, и оттого попали они на мѣсяцъ, чтобъ люди не забывали, что братъ на брата или сынъ на отца руку подымать не долженъ; узнаю я, что когда идетъ градъ, то лѣвой рукой надо вбить въ порогъ сѣкиру и бросать на дворъ метлы и вѣнники, и что лучшее средство противъ градобитія состоитъ въ томъ, чтобъ простоволосыя бабы ходили по двору, растегивали воротъ сорочекъ и отметали градъ лопатой.

Но на дворѣ темно, лучины догораютъ, долгоусый гупуль, опираясь на свой топорецъ, уходитъ куда-то, потолковавъ со мной, съ дорожнымъ человѣкомъ, обо всемъ, что бываетъ на свѣтѣ, и довольный тѣмъ, что во мнѣ, въ дорожномъ человѣкѣ, нашелъ онъ не насмѣшника, а человѣка интересующагося всѣми этими любопытными для него вопросами мірозданія. Засыпаетъ сестра урлопника, засыпаетъ братъ ея, засыпаетъ и онъ самъ, — засыпаю, наконецъ, и я на моей жесткой лавкѣ...

Въ узенькія окна брѣзжетъ свѣтъ, всѣ проснулись; молчаливая сестра опять возится около печки, готова для меня кабую-

то аичницу; урлопникъ и брать его умываются за дверьми, протирая глаза послѣ вчерашняго моего угощенія. Я поправляю свой костюмъ, измятый за ночь, потому что спалъ я, какъ водится на подобныхъ ночлегахъ, не раздѣваясь.

— Безъ пана войти, говоритъ они: — мы васъ отпустить не можемъ: такой у насъ законъ вышелъ, а панъ войти придетъ сейчасъ.

И опять набираются гупулы посмотреть человѣка изъ Туречины, который говоритъ ихъ языкомъ, не совсемъ такъ, какъ они, а очень похоже. Я сижу и закусываю.

— Панъ войти пде, объявляетъ мнѣ урлопникъ. Дверь открывается, входитъ высокая фигура съ строгимъ, умнымъ лицомъ, съ широкими плечами, по которымъ разсыпаны черные волосы, съ узенькими сѣрыми глазами, съ широкими скулами — фигура строгая, рожденная для того, чтобъ властвовать.

— День добрый.

— День добрый, отвѣчаю я.

— Куда вы, пане, ѣдете?

— Въ Жабію ѣду.

— Къ кому вы въ Жабію ѣдете?

— Къ такому-то, говорю я.

— А паспортъ, пане, у васъ есть? спрашиваетъ онъ меня весьма хитро и лукаво, какъ настоящий администраторъ и знатитель этихъ карпатскихъ трущобъ.

— Есть, панъ войтъ.

— Покажите.

— Глядите, и я вынимаю ему свой паспортъ.

Онъ перевортываетъ его направо, перевортываетъ вверхъ ногами, перевортываетъ налѣво, перевортываетъ налѣво вверхъ ногами.

— Печатки нѣтъ, пане. Вы откуда?

— Изъ Туречины.

— Зачѣмъ же вы, пане, пріѣхали въ наши горы?

— Захотѣлъ посмотреть васъ.

— Какъ же это, пане, вы нарочно изъ Туречины пріѣхали къ намъ въ горы?

И глаза его принимаютъ какое-то инквизиторское выраженіе.

— Изъ Туречины прямо я пріѣхалъ, но былъ въ Вѣдѣй (Вѣнѣ), былъ въ Краковѣ, былъ во Львовѣ, былъ въ Коломыѣ, по дорогѣ объ васъ услышалъ, захотѣлось васъ посмотреть.

— Зачѣмъ же, пане, захотѣли вы насъ посмотреть? Что вамъ до насъ, до гуцуловъ за дѣло?

— Любопытно стало; много о васъ рассказывали — захотѣлось мнѣ васъ посмотреть, а пуще всего захотѣлось мнѣ посмотреть ваши топорцы.

— Такъ, пане, вы для нашихъ топорцевъ изъ Туречины прямо къ намъ прѣехали!

— Не нарочно изъ Туречины за вашими топорами ѣхалъ, а по дорогѣ забхалъ васъ посмотреть; много о васъ любопытнаго слышалъ.

— Такъ вѣдь это, пане вамъ грѣшей стыло.

— Ну, и стыло, панъ войтъ.

— Такъ вы грѣши на то и бросили, чтобъ насъ посмотреть?

— Ну, и бросилъ.

— Бѣда моя, пане, что я грамотѣ не умѣю и не знаю, что у васъ въ паспортѣ написано; только печати у васъ нѣтъ.

— Печатки мнѣ, панъ войтъ, и не нужно: паспортъ у меня въ порядѣ.

— А вотъ вы, пане, здѣсь посидите — и онъ мигаетъ Ивану-урлопнику и его брату, чтобъ они меня не выпускали, потому что панъ войтъ отличиться хочетъ своею прозорливостію, что не даромъ ему досталось такое высокое званіе въ этихъ горахъ, что не даромъ онъ обласканъ довѣріемъ правительства.

— Я, пане, читать не умѣю, меня не учили, а я пойду къ здѣшнему профессору (школьному учителю): онъ вашъ паспортъ прочтетъ и скажетъ, что тамъ написано.

— Не ходите къ нему, панъ войтъ; паспортъ мой написанъ по-французски: онъ по-французски не знаетъ.

— О, нѣтъ, онъ ученый человѣкъ, отвѣчаетъ мнѣ панъ войтъ Илько Сорохманлюкъ и отправляется къ пану профессору.

Гуцуловъ набралась цѣлая нѣба. Они смотрятъ на меня очень подозрительно. А я, между тѣмъ, начинаю разсматривать ихъ трубки; странное дѣло, хоть у насъ и есть остатки скифскихъ рубокъ, изъ которыхъ куряли, по всей вѣроятности, коноплю, но вообще наука рѣшительно ничего не знаетъ о трубкахъ бронзоваго періода. У гуцуловъ я видѣлъ мѣдныя трубки, сдѣланныя совершенно въ бронзовомъ стилѣ: тотъ самый пошибъ, тотъ самый чеканъ. Еслибъ какой-нибудь ученый археологъ нашелъ подобную трубку въ землѣ, онъ присягнулъ бы, что она принадлежитъ бронзовому вѣку.

Илько Сорохманлюкъ возвращается.

— Что жъ, пане, дѣлать? Профессоръ говоритъ, что онъ вашего паспорта не разумѣетъ. Я ужъ не знаю, пустить васъ или не пускать?

— Я тоже, панъ войтъ, не знаю, что вамъ тутъ дѣлать. Я не думаю, чтобъ въ горахъ нашелся кто-нибудь, кто бы уразумѣлъ мой паспортъ, а задерживать меня вы, все-таки, права не имѣете. Чтобъ не ссориться съ вами, изъ простой любезности къ вамъ, панъ войтъ, я остаюсь здѣсь часа на два, на три, потому что мнѣ съ добрыми людьми поговорить весьма пріятно, не человѣка, который бы съумѣлъ прочесть мой паспортъ, вы, все-таки, не найдете.

Илько Сорохманлюкъ конфузится.

— А что жъ, пане, говоритъ онъ: — я до понады пойду.

— Зачѣмъ вы, пане войтъ, пойдете до понады?

— Она ученая женщина.

— А все по-французски не знаетъ.

— Нѣтъ, она всякіе языки знаетъ; она женщина у насъ ученая.

(Этотъ разговоръ шелъ о той самой понадѣ, у которой я имѣлъ любезность не остановиться перепочевать).

— Пойдите, панъ войтъ, я васъ не держу, время у меня терпитъ; разговоръ у меня идетъ пріятный; только оставьте мнѣ вашъ топорецъ разсмотреть. Но я васъ увѣрю, что понада точно такъ же не рѣшитъ, какой у меня паспортъ.

И, дѣйствительно, паспортъ у меня былъ совершенно исправный; ни пана войта, ни понады мнѣ нечего было бояться, все было въ порядѣ: я турецкій поданный Василій Ивановъ, и кончено; обличить меня въ противоположномъ никто не могъ.

Панъ войтъ, засунувъ паспортъ мой за пазуху и оставивъ мнѣ свой топорецъ, раздвинулъ ноги въ пурпурныхъ штанахъ, поправилъ свой кожаный кушакъ съ мѣдными пуговицами, и отправился къ понадѣ.

Между тѣмъ, въ селѣ Акрешорахъ пронесся обо мнѣ слухъ удивительный — что, молъ, прѣхалъ человѣкъ изъ Туречины смотрѣть наши топорцы, повидать насъ гуцуловъ, и который по звѣздамъ умѣетъ дорогу находить неслѣю — словомъ, магъ и волшебникъ.

Я спалъ и бесѣдовалъ съ хлопами; панъ войтъ воротился.

— Вы-сте пане, казали, що вы-сте съ Туречины, а попадаѣ важе, що вы-сте храниузы!..

— Какъ же это, панъ войтъ, попадаѣ говоритъ, что я французъ, когда у меня турецкій паспортъ?

— Э итътъ, пане, попадаѣ у насъ ученая, она всякіе языки знаетъ, и паспортъ вашъ она прочесть умѣла; нашей австрийской печати итътъ, а паспортъ вашъ не турецкій, а храниузскій. Не могу я васъ, пане, пустить.

— Тогда, панъ войтъ, дѣлайте что хотите, только попадаѣ ваша моего паспорта не разобрала.

— Да и я, пане, думаю, что она не разобрала, а только у насъ, опять-таки, было, что прусскіе шпіоны къ намъ ѣздили; въ пейтунгахъ написано, что всѣ наши горы осматрѣли, планы сняли — можетъ быть, и вы прусскій шпіонъ! Самъ я грамотѣ не знаю, а вотъ здѣсь въ селѣ теперь два жандарма есть: они читать умѣютъ — пусть они васъ осматрѣтъ, какой вы человекъ, и зачѣмъ вы пріѣхали въ наши горы. Вы говорите, что вы изъ Туречины пріѣхали посмотреть наши топорцы и что вамъ это нужно. Такъ, пане, посидите вы здѣсь, а я пойду за жандармами.

Липо Ильки Сорахманлюка въ эту минуту торжествовало. Онъ чувствовалъ, что передъ своимъ пѣсаремъ онъ сдѣлалъ великую заслугу: поймалъ какого-то невѣроятнаго звѣря, врага австрийскаго государства, и что за это, если его не произведутъ въ графы или князья, то ужъ навѣрное пожалуютъ какимъ-нибудь торжественнымъ знакомъ отличія и богатой наградой.

Прошло, можетъ быть, полтора часа, какъ вдругъ дверь хаты распахнулась настежь, и рѣшительнымъ, такъ-называемымъ официальнымъ шагомъ вошли два жандарма съ весьма блестящими штывками. Меня передернуло, и жандармы это подмѣтили.

— Что, задрожали? сказали мнѣ одинъ изъ нихъ по-польски: кто вы такой? Откуда вы?

— Мой паспортъ у васъ въ рукахъ.

— Чего жъ вы вздрогнули?

— Вздрогнулъ потому, что дверь такъ распахнулась, и что вдругъ, когда и сидѣлъ здѣсь съ добрыми людьми, вы сюда ворвались.

— Вздрогнули — стало быть, вы мошенникъ (złodziej).

— Слушайте, сказалъ я приподнимаясь со скамьи: — «если я, въ самомъ дѣлѣ, мошенникъ, то пока надо мной приговоръ суда

не произнесенъ, никто меня мошенникомъ не имѣетъ права обзывать. Вы только полицейская власть, а не судъ, поэтому покорнѣйше васъ прошу или молчать, или если хотите со мной говорить, то говорить такъ же вѣжливо, какъ я самъ съ вами буду говорить».

Жандармы осыпи.

— Да панъ кто-жъ такой?

— По паспорту видите.

— Да у пана паспортъ нигдѣ не помѣченъ.

— А развѣ внизу паспорта не подписано «Вѣна»?

— Да мы, пане, по-французски не знаемъ.

— Что вы по-французски не знаете, я въ этомъ не виноватъ — я не школьный учитель.

— Однако, странное дѣло! зачѣмъ вы пріѣхали сюда въ Карпаты?

— Если я сюда пріѣхалъ, стало быть, мнѣ нужно было.

— По долгу службы мы должны пана обыскать.

— Обыскивайте, сдѣлайте одолженіе.

Со мной былъ фотографическій аппаратъ и чемоданъ. Фотографическій аппаратъ помѣщался въ ящикъ въ аршинъ длиной, въ поларшина шириной и поларшина вышиной. Я немедленно раскрылъ его самъ. Чтобъ аппаратъ мой не трясся въ дорогѣ, я обложилъ всѣ банки и стекла мопанписменными принадлежностями. Чего только у меня не было въ этомъ ящикѣ! Были мой записки, записки, всякіе принадлежности дорожной канцеляріи: чернильница, перья, ножикъ, стопа бумаги, табакъ, бинокль, нѣсколько книгъ и прочая мелочь, которую каждый пишущій человекъ непременно съ собой возитъ.

Жандармы были люди невысокаго роста; одинъ изъ нихъ былъ полякъ, по фамиліи, если не ошибаюсь, не то Феръ, ае то Фричъ; другой былъ просто-на-просто чешскій иѣмецъ. То, что называютъ «бѣмеръ» (ein Böhm), который, служа въ Галиціи, гдѣ никто по-иѣмецки не знаетъ, больше составлялъ пудличивъ, гдѣ никто по-иѣмецки не знаетъ, большое участие въ этомъ обыскѣ. Фричъ (по крайней мѣрѣ, я такъ называть его буду) невысокій, бѣлокурый, въ синемъ кепи, въ строй шинели, дѣлательно принялся за разсматриваніе содержанія моего несчастнаго ящика. Угрюмые и черномазые гуцулы бѣдѣли и строго смотрѣли то на меня, то на ящикъ своимъ сѣрыми глазами.

— Зачѣмъ, пане, у васъ столько бумаги?

— Зачѣмъ, что много пишу. Покупать бумагу по листамъ — дорого, а разомъ купить — дешевле станетъ, отвѣчаю я.

И качаютъ гуцулы головами.

— Что жъ, вы, пане, пишете? Зачѣмъ вамъ столько бумаги?

Было страшно мнѣ, но было, въ то же время, и странно: въ самомъ дѣлѣ, эти гуцулы могутъ прожить каждый до ста лѣтъ и всего развѣ листьяхъ въ двухъ бумаги понуждаться, чтобъ написать письмо какому-нибудь родственнику, сданному съ солдаты. Для нихъ вопросъ этотъ былъ совершенно естественъ.

Чернильница вляется на сцену; отворить ее не умѣютъ и приходятъ въ смущеніе, что это такое.

Я говорю что это *атраментъ* (чернила). Мнѣ не вѣрятъ. Я говорю, что дайте, я отворю и покажу. Гуцулы переглядываются между собой; жандармъ Фричъ задумывается и предполагаетъ, что, можетъ, быть, это нѣчто въ родѣ орениевской бомбы, которая мигомъ казнитъ ихъ на мѣстѣ преступленія. Но я гляжу на нихъ такъ насмѣшливо и такъ доверчиво, что мнѣ отдается чернильница; я снимаю съ нея крышку, каждый въ нее заглядываетъ, передаетъ другъ другу въ руки, и всѣ убѣждаются, что, дѣйствительно, кромѣ *атраменту* никакихъ бомбъ нѣтъ.

Достаются перья — цѣлая коробка перьевъ, столько, сколько въ Карпатахъ не выпадали съ тѣхъ поръ, какъ какая-то подземная сила выдвинула къ небу эти горы.

— Зачѣмъ, пане, перья?

Карандаши, дюжины для разрѣзыванія книгъ, самыя книги выступаютъ на сцену; книга за книгой переходитъ въ руки отъ жандарма къ жандарму и отъ нихъ къ гуцуламъ. Каждый смотритъ и каждый говоритъ, что не понимаетъ, что тамъ такое написано. Рукописи вытаскиваются, изъ рукъ въ руки переходятъ, и каждый говоритъ:

— Пане, я не разумѣю. Что, вы, пане, читаете? что вы пишете?

Дошла очередь до фотографическаго аппарата. Первое дѣло — стѣлянки.

— Что, пане, у васъ въ этихъ стѣлянкахъ?

— Да вѣдь вы видите, что это фотографія.

— Мы, пане, не разумѣемъ что такое «фотографія»; и начинаютъ толпой запускать пальцы въ ящики такъ деликатно, что я привсталъ и сказалъ:

— Пожалуйста, дайте, — я самъ выну и покажу, а то вы у меня передомаете такъ, что я послѣ на васъ подамъ жалобу въ судъ; всѣ эти вещи стоятъ очень дорого.

— Вынимайте, пане, сами, и показывайте.

Каждую стѣлянку, каждую мелочь фотографическаго аппарата я ставилъ передъ ними на столъ и пресиль ихъ только не трогать. Сложъ руки за спину, подходило гуцульство съ жандармами, смотрѣло и — не понимало. Какая-то дорогая и цѣнная машина, что-то непонятное и загадочное видѣлось имъ, что-то отбѣланное такъ чисто и такъ изящно, что даже пугало ихъ.

Панъ войти вдругъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и щелкнулъ себя въ лобъ.

— Добрые люди, объявилъ онъ: — то я разумѣю: онъ инженеръ! Я самъ видѣлъ, какъ инженеры дѣлаютъ. Онъ съ нашихъ горъ планъ снимаетъ — это инструментъ инженерскій.

Я попробовалъ объяснить, что это не инженерскій инструментъ, а просто фотографія, но осѣлся, потому, очевидно было, что объяснить тутъ нечего, и потащилъ дальше. Нашлась у меня коллекція крестовъ, какіе носятъ униаты и поэки, скупленныхъ мною у львовскихъ торговцевъ. За это меня похвалили, что я вѣжу, все-таки, съ образками. Дальше пошли еще разныя бумажки, и отыскался уже на самомъ днѣ ящика планъ Вѣны. Его развернули.

— Наши горы! крикнулъ панъ войти: — наши горы! Пане, вы инженеръ! Вы приѣхали сюда снимать наши горы; это французы васъ, пане, послали: у васъ паспортъ французскій, — и лицо его еще болѣе поблѣднѣло.

Я расхохотался.

— Послушайте, сказалъ я Фричу и его товарищу: — вы люди, кажется, знающіе грамотъ. Прочтите, что написано, и переведите имъ.

Онъ прочелъ, что было написано: «Plan der Kaiserstadt Wien mit den Vorstädten».

— Ну? что жъ сказалъ я жандармамъ: — теперь потрудитесь объяснить пану войти — горы это или Вѣна.

Жандармы объясняли, но пожимая плечами и сами не доверяя, дѣйствительно ли это планъ славнаго города Вѣны или горы.

Я так и прочелъ на лицахъ ихъ, что, «можетъ быть, врешь ты, братецъ; положиться на тебя нельзя — Вѣна это или горы? Ты ужъ больно опасный человѣкъ, слишкомъ много паперу, атраменту и перьевъ за тобою водится».

Подобное, хотя недвѣрчивое заявленіе жандармовъ нѣсколько сконфузило вѣйта, и онъ за то, что его ошибка скомпрометировала его, возмущалъ ко мнѣ уже личную ненависть.

Вынуть листъ исписанной бумаги; писана она была по-французски карандашемъ, было много перечеркнуто крестъ-накрестъ, много было наставлено разныхъ подстрочныхъ примѣчаній, перенесенныхъ изъ одной половины листа на другую, и бумага пошла ходить по рукамъ.

— Что жъ, пане, можетъ быть, то и былъ планъ Вѣны — мы люди не грамотные. Смотрите, добрые люди, вѣдь это наши улицы.

— Васъ, пане, повѣсятъ!

— Повѣсятъ васъ, пане! подтвердилъ другой гуцулъ.

— Ой, ой, пане, повѣсятъ васъ! вы-сте инженеръ! хотите списати наши горы, кажете, что съ Турціи прѣехали. Кто, пане, съ Турціи прѣдетъ списувати наши горы?

Одно оставалось, во избѣжаніе бѣды.

— Добрые, люди, смотрите всѣ мои вещи, какъ хотите, но если я и въ самомъ дѣлѣ такой злодѣй, то не вамъ меня судить и не вамъ меня вѣшать, а пускай самъ цѣсаръ вѣшаетъ; поэтому, сдайте меня на руки въ бециркъ.

Нѣтъ, пане, прежде мы васъ осмотримъ.

— Да чего меня осматривать? Бумагъ моихъ вы прочесть не можете, книгъ моихъ вы не понимаете, машина моя для васъ вещь диковинная; въ бециркѣ же есть люди ученые, которые все это понимаютъ; какъ они поймутъ, такъ они меня и повѣсятъ. Только вы-то сами все говорите, что вы люди безграмотные, стало быть, вы мнѣ не судьи.

— Что правда, добрые люди, то правда, говоритъ панъ вѣйтъ: Мы тутъ ничего не понимаемъ, а пошлемъ его съ жандармами въ бециркъ. Жандармы народъ хорошій, который его не пуститъ и туда доставить.

И говоритъ это панъ вѣйтъ съ такимъ лицомъ, какъ будто онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Карпатахъ слона поймалъ, подарилъ его цѣсарю Францу-Иосифу и за это оживаетъ себѣ ордены золотого руна и пенсія во сто тысячъ годового дохода.

— Не ваше дѣло, добрые люди — говорю я — объяснять меня; а вѣйтъ заставилъ меня ужъ повытаскать все, что у меня было въ карманахъ, отобралъ у меня каждый писанный влохъ бумаги, пересмотрѣлъ каждый, ничего не понявъ, но любопытство свое удовлетворилъ.

Дошло дѣло до чемодана. Въ чемоданѣ были тоже книги, обыкновенное платье, бѣлье и тому подобная общечемоданная начинка. Переборка этого чемодана доставила тоже колоссальное удовольствіе присутствовавшимъ. Они удивлялись, что у меня много носовыхъ платковъ, подробно разсматривали мое бѣлье, покрывали его, и все толковали, что я вожу съ собой цѣлое хозяйство. Но жандармы относились въ дѣлу нѣсколько серьезнѣе. Ихъ больше всего интересовали мои носки. Они развѣсывали ихъ, чтобъ посмотрѣть, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь запрятаннаго, секретнаго. Все это было хотя и смѣшно, но, все-таки, скучно, потому что операція осмотра продолжалась, по крайней мѣрѣ, часа три.

— Васъ надобно въ бециркъ, рѣшили они.

— Да я и самъ прошусь въ бециркъ, отвѣчаю я.

— Поѣдьте.

— Поѣдьте.

День былъ солнечный; ручьи журчали. Мы скакали, пзворачиваясь въ ущельяхъ все ниже да ниже, среди камней, кустовъ, полосъ тающего снѣга въ тѣни, а поле внизу было подернуто какимъ-то сѣро-зеленымъ туманомъ, въ которомъ, еле-еле, виднѣлись домики Печенѣянина.

Съ жандармами я не замедлилъ разговориться, потому что, несмотря ни на что, я, все-таки, не могъ не видѣть въ нихъ своихъ спасителей. Вздумаю панъ вѣйтъ слѣзать мнѣ обыскъ безъ нихъ, гуцульство распорядилось бы со мной иначе.

Жандармы въ Австріи, какъ и въ Пруссіи, выбираютъ изъ отставныхъ солдатъ, отличившихся на службѣ примѣрнымъ поведеніемъ, а въ отставку пользующихся добрымъ мнѣніемъ своихъ сосѣдей. Фричъ и его товарищъ были именно посланы въ горы, чтобъ освѣдомиться о какомъ-то отставномъ гуцулѣ. Желавшемъ поступить въ жандармы. Они ходили по корчмамъ, по знакомымъ и собирали свѣдѣнія о нравственности просителя. Въ каждой волости есть такъ-называемый комендантъ жандармовъ, какой-то не то поручикъ, не то прапорщикъ, а подъ его командой бываетъ человѣкъ до пяти рядовыхъ. Онъ съ ни-

ми знать весь край, знает почти каждого жителя въ лицо и блюдетъ за общей тишиной и спокойствіемъ своего округа. Жандармы при немъ рѣдко бываютъ: они вѣчно разгуливаютъ по округу, составляя мѣстную вооруженную полицію.

Мы все ѣхали. Солнце сіяло на штыкахъ, встрѣчное хлопотство низко скидало передъ нами шапки, припавъ меня не за арестанта, не за человѣка *unter aufsicht*, то-есть, состоящаго подъ надзоромъ полиціи, а за какого-нибудь начальника, ѣдущаго совершать разныя дѣла при помощи вооруженной силы. Имъ все казалось, что арестованъ не я, а что я ѣду самъ кого-нибудь арестовать или совершать какую-нибудь экзекуцію.

III.

 еченѣжскій комендантъ жандармовъ, къ которому меня привезли, оказался, прежде всего, весьма обыкновеннымъ полицейскимъ поручикомъ. Онъ расхаживалъ по комнатамъ, въ военной шинели, съ трубкой въ зубахъ и говорилъ по-нѣмецки лучше, чѣмъ по-польски или по-русски, хотя судьба какимъ-то манеромъ занесла его не то въ польскую, не то въ русскую сторону. Выслушавъ рапортъ моихъ солдатиковъ, онъ, не выпуская трубки изъ зубовъ, сказалъ, что я долженъ отправиться въ станъ, гдѣ разберутъ мое дѣло, а что онъ возьметъ изъ стана вѣтанцію въ томъ, что я доставленъ туди цѣлымъ и невредимымъ. Я покатилъ со своими жандармами въ станъ и очутился тамъ передъ помощникомъ становаго пристава, г. Етмаромъ. Г. Етмаръ, человѣкъ довольно высокаго роста, сѣдой, строгой наружности, былъ чрезвычайно непріятно пораженъ моимъ появленіемъ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ.

— Ach, lieber Gott, ich wollte eben essen geh'n (Ахъ, Боже мой, а я только что собирался идти ѣсть), сказалъ онъ, увидѣвъ меня, — и потому немедленно возымѣлъ ко мнѣ нѣчто въ родѣ личной вражды.

Г. Етмаръ имѣлъ право на меня разсердиться: онъ былъ нѣмецъ, состоящій на коронной службѣ въ Галиціи въ то время, когда туда только что явился намѣстникомъ графъ Голуховскій, который и сталъ все вертѣть на польскій манеръ. Етмаръ въ старые годы кончилъ курсъ въ одномъ изъ австрій-

скихъ университетовъ, женился, овдовѣвъ и на старости лѣтъ имѣлъ всего состоянія шесть взрослыхъ дочерей и шестьсотъ гульденовъ жалованья, такъ что мое появленіе къ нему съ жандармами не только задерживало его обѣдъ, но и заставляло его видѣть во мнѣ прежде всего зловреднаго и злокачественнаго человѣка, — и ему естественно захотѣлось отличиться передъ правительствомъ, которое, въ то время, чуть-чуть не заставляло каждого своего чиновника носить чамарку и конфедерату. Вопросъ для него былъ не шуточный, и г. Етмаръ имѣлъ *интересъ* представить меня въ самомъ неблагоприятномъ видѣ, потому что шестьсотъ гульденовъ въ годъ и шесть дочерей на плечахъ могутъ сдѣлать звѣря изъ кротчайшаго человѣка.

Похавши, что я лишилъ его возможности немедленно идти обѣдать, Етмаръ припалъ за пересмотръ моихъ вещей. Опятьковытанули тѣ же самыя книги, носки, рубашки, рукописи; точно такъ же выворачивались мои карманы, и отыскивался въ нихъ револьверъ, котораго никакимъ образомъ отыскать нехозя было, по той простой причинѣ, что при мнѣ его не было; точно такъ же пересматривались мои рукописи и книги, и бѣднякъ сталъ диктовать своему секретарю, Альбединскому, протоколъ, въ которомъ онъ побразилъ, что у меня найдено пропасть книгъ и бумагъ, написанныхъ «московицкимъ» буквами (*moskowiische Buchstaben*), на всѣхъ славянскихъ языкахъ, и что вообще моя библіотека содержаніе имѣетъ преимущественно панславистское; что со мною фотографическій станокъ, при которомъ въ банкахъ находятся нѣкоторые цвѣтные составы, а особенно азотно-кислая окись серебра (*lapis infernalis*): оружія, кромѣ складнаго ножа, не найдено; платье и бѣлье не превышаютъ обыкновеннаго количества, встрѣчающагося у путешественниковъ. Словомъ сказать, опись моихъ вещей была составлена весьма нелестнымъ для меня манеромъ, и все было направлено къ тому, что книги мои, хотя печатанныя во Львовѣ, по буквамъ своимъ напоминаютъ Москву, схизму и всякаго рода пропаганду. Одной подобной описи было достаточно, чтобы погубить меня въ глазахъ львовскихъ польскихъ властей. Рукописей было у меня пропасть: это были разныя газетныя, неоконченныя статьи, замѣтки и, между прочимъ, довольно порядочная коллекція разныхъ сатиръ на польское управленіе, писанныхъ по-русски. По-русски Етмаръ читать не умѣетъ. Но между моими бумагами,

которыя онъ пересматривалъ, вдругъ какимъ-то грѣшнымъ манеромъ попала въ руки пародія на:

Jedzie, jedzie Żelman,
Jedzie, jedzie jego brat i pr.

— Was ist das? спросилъ онъ, въ недоумѣніи останавливаясь на этихъ строкахъ и, какъ настоящий нѣмецъ, не зная ничего что пишется, говорится и думается о его начальствѣ.

— Это сатира на намѣстника, объявилъ ему его секретарь, Альбединскій.

— Какъ? на намѣстника?

— А вотъ прочтите дальше.

И Етмаръ, съ трудомъ разбирая по-польски, докопался до словъ.

Jedzie, jedzie, Gofuchowski.
Jedzie, jedzie jego brat.

— Откуда это у васъ? спросилъ меня Етмаръ.

— Досталъ гдѣ-то, отвѣчалъ я.

— Это здѣсь писано, раздалось въ мною по-польски: — у священника.

— Я, прежде всего, чиновникъ, на службѣ его императорскаго величества Франца-Иосифа, сказалъ Етмаръ съ достоинствомъ, кланаясь мнѣ: — и какого бы мы съ вами ни были мнѣнія о его сіятельствѣ, графъ намѣстникъ, но подобное стихотвореніе я долженъ довести до свѣдѣнія начальства.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я: — австрійская цензура допускаетъ и не такія вещи.

Стихотвореніе отложено было въ сторону, а мнѣ возвращены были всѣ остальные бумажки, писанныя русскими буквами, которыя Альбединскій прочесть поѣхалъ, а Етмаръ не съумѣлъ.

— Теперь позвольте спросить, кто вы такой?

— Мой паспортъ у васъ въ рукахъ — я турецкій подданный, Василій Ивановъ.

— Но къ какой національности принадлежите вы?

— По происхожденію, я русскій.

— Какъ же вы изъ Турціи?

— Да въ Турціи насъ русскихъ живетъ пятьдесятъ тысячъ.

— Гдѣ вы воспитывались?

— Я получилъ домашнее воспитаніе.

— Кто былъ вашъ отецъ?

— Былъ турецкій подданный, комисіонеръ тульскихъ торговцевъ самоварами и мѣдными рукомыльниками, началъ я врать.

— Гдѣ же онъ жилъ?

— Онъ родился въ Турціи; мы были съ нимъ турецкіе подданные, и принадлежалъ онъ къ старой вѣрѣ.

— Was heisst das «старая вѣра»? Ist das griechisch nicht unirt?

— Нѣтъ; это-то, что называютъ *скизматиками*, а я принадлежу къ нѣтовскому толку спасова согласія.

— А что это такое? Какая эта вѣра?

— Я липованъ?

— Я не знаю, что такое липованъ?

— Мы не принадлежимъ ни къ римской церкви, ни къ греческой церкви, а составляемъ особую секту, которую въ Россіи терять только на половину; еще предъ мной переселились въ Турцію, гдѣ устроились, обжились, и мой отецъ, будучи уже по происхожденію турецкимъ подданнымъ, строго держался правъ нашего исповѣданія и торговалъ самоварами, рукомыльниками и другимъ тульскимъ мѣднымъ товаромъ, почему и развѣзжалъ постоянно по ярмаркамъ.

— Но развѣ возможно развѣзжать по ярмаркамъ съ самоварами и рукомыльниками?

— Нѣтъ, это было бы довольно трудно; онъ не развѣзжалъ съ самоварами, а бывалъ на ярмаркахъ, какъ комисіонеръ, бралъ меня съ собой и приучалъ къ своему дѣлу.

— И вы знаете эту торговлю?

— Нѣтъ, признаться сказать, не знаю: у меня именно никогда не хватало торговыхъ способностей.

— Гдѣ же вы учились?

— Отецъ постоянно бралъ для меня учителей.

— Какъ ихъ звали?

— Если хотите, я вамъ перечислю именъ съ пятнадцать. Это были разные семинаристы, студенты на ваканціяхъ; постоянного учителя у меня не было ни одного.

— Ну, такъ какъ же вы попали въ Турцію?

— Весьма естественно: когда настала крымская война, то подданные союзныхъ противъ Россіи державъ должны были или принимать русское подданство, или выѣзжать изъ Россіи. Для меня принять русское подданство равнялось почти сдачѣ въ солдаты; поэтому, я предпочелъ уѣхать за-границу, гдѣ и пре-

быть все время войны, не желая ни терять своего подданства, ни поступать въ солдаты.

— Куда вы поѣхали?

— Прежде всего изъ Петербурга я поѣхалъ въ Гельсингфорсъ, изъ Гельсингфорса въ Копенгагенъ.

— Почему именно въ Копенгагенъ?

— А потому, что когда отецъ мой умеръ въ Выборгѣ, и я остался восемнадцатилѣтнимъ мальчикомъ съ довольно большимъ состояніемъ, то финляндскій графъ Бьеркстенъ, такой же молодой, какъ я, предложилъ мнѣ, отъ нечего дѣлать, прогуляться съ нимъ въ Копенгагенъ, куда мы съ нимъ и поѣхали; пробыли въ Копенгагенѣ съ недѣлю и отправились, опять-таки, отъ нечего дѣлать, какъ молодые люди, людей посмотреть, себя показать, въ Гамбургъ. — Это былъ мой первый выѣздъ въ Европу.

— Долго вы оставались въ Гамбургѣ? спрашиваетъ Етмаръ.

— Всего дня три; оттуда я перебрался въ Англію, продолжалъ я врать безъ запинки.

— Почему именно въ Англію? допрашивалъ онъ.

— Потому въ Англію, что у графа Бьеркстена нашлся въ Гамбургѣ его пріятель, молодой англичанинъ, туристъ, Мичель, который предложилъ намъ прокатиться въ Ирландію, что мы и исполнили, потому что намъ обоимъ хотѣлось убить время, прогуляться и посмотреть на образованную Европу.

— Долго вы прожили въ Ирландіи? спрашиваетъ Етмаръ.

— Недолго, отвѣчая я, недѣли двѣ. Оттуда я перѣхалъ въ Лондонъ.

— Что вы въ Лондонѣ дѣлали?

— Занился археологіей, посѣщалъ британскій музей и перѣхалъ въ Парижъ, гдѣ ходилъ преимущественно въ Лувръ и тоже занимался археологіей, къ которой я тогда искренно пристрастился.

— Изъ Парижа куда?

— Изъ Парижа въ Москву, гдѣ я и женился.

Теперь я не хорошо помню исторію, сочиненную мной специально для г. Етмара экспромтомъ. Опасѣе всего было для меня сказаться эмигрантомъ и попасть въ Россію. Моя единственная забота состояла въ томъ, чтобъ выиграть время, запутать свое дѣло до невозможности и, затѣмъ, высмотрѣть для себя лазейку, изъ которой бы махнуть куда-нибудь въ Молдавію; а отъ Печенѣжина до Молдавіи разстоянія всего

четверо сутокъ. Я, подобно англійскому купцу, могъ въ то время сказать себѣ, что *time is money*, время можетъ меня спасти, — а тамъ наводите справки и доказывайтесь, самоварами-ли мой отецъ торговалъ, или былъ старшимъ помощникомъ папгаузскаго чиновника санктпетербургской таможни. Кельсievъ исчезъ; турецкій поданный, раскольникъ Ивановъ, въ чемъ не провинившійся, содержится; стало быть, слѣдъ сбить, и я на время спасенъ.

Кряхтя и охая, что я отнял у него время на обѣдъ и нарушилъ всѣ его аккуратные нѣмецкіе порядки своимъ неожиданнымъ появленіемъ, Етмаръ битыхъ четыре часа диктовалъ мой протоколъ и выписывалъ мою біографію, разумѣется, опять-таки, представляя всѣ мои похождения въ самомъ невыгодномъ для меня свѣтѣ, чтобъ выслужиться передъ своимъ ближайшимъ начальствомъ, которому онъ, какъ добрый ополчившійся нѣмецъ, изъ кожи вонъ дѣлъ изобразить меня въ самыхъ дурныхъ краскахъ. Исторія моя дошла до появленія моего въ Карпатахъ, куда, по моимъ словамъ, меня занесла страсть къ археологіи, что было единственнымъ правдивымъ показаніемъ въ моемъ разказѣ.

— Но вы столько развѣзжаете — вѣдь это чрезвычайно дорого стоить, сказалъ мнѣ, наконецъ, Етмаръ.

— Дѣ, отвѣчалъ я, — недешево.

— Платить вамъ кто-нибудь за ваши развѣзды?

— Никто не платитъ; я ѣзжу на свой счетъ.

— Но это чрезвычайно дорого стоить. На какія деньги вы ѣздите?

— Я же вамъ говорилъ, что мнѣ отецъ мой оставилъ маленюкое состояніе.

— Но съ вами нѣтъ никакихъ денежныхъ документовъ.

— Само собою разумѣется, нѣтъ. Съ кабой же стати сталъ бы я возить съ собою документы, когда первое несчастье въ дорогѣ можетъ меня лишитъ ихъ? Вагонъ соскочитъ и разобьется, украдутъ у меня изъ бумажника — мало ли что! Поэтому, я съ собою никогда никакихъ бумагъ не вожу.

— Какъ же вы дѣлаете?

— А такъ: напишу записку въ Петербургъ, чтобъ мнѣ выслали деньги, и мнѣ будутъ высланы.

И тутъ я не лгалъ: я, дѣйствительно, писалъ записки, называемыя корреспонденціями, въ «Голосъ», и на гонорарій за

эти корреспондентши жилъ и странствовалъ себя какъ лучше не надо.

— У васъ тамъ, стало быть, капиталъ?

— Да, въ Петербургѣ, въ банкѣ, лежитъ капиталъ, доставшійся мнѣ по наслѣдству.

— Кому же вы пишете ваши записки?

— Бывшему привашику моего отца, который немедленно по полученіи отъ меня такой записки, высылаетъ мнѣ рублей по сту, а иногда и двѣсти.

— Кто онъ такой?

— То же по самоварамъ и по рукомылнкамъ занимался.

— Его имя и адресъ?

— Schreiben sie: Herr Андрей Краевскій, Литейная, № 38.

— И большой капиталъ у него хранится на ваше имя?

— Нельзя сказать, чтобъ очень большой, но рублей тысячъ сто монхъ у него лежатъ.

Я опять-таки въ сущности не лгалъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, корреспондентъ можетъ имѣть отъ редакціи газеты тысячъ до четырехъ въ годъ чистаго дохода; стало быть, получаетъ 4% со 100,000.

Етмаръ только руками всплеснулъ — этотъ несчастный Етмаръ, имѣющій шестьсотъ гульденовъ въ годъ и шесть дочерей на шеѣ!

— Lieber Gott! Sie sind ja ein ganz reicher mann! (Господи, вѣдь вы, какъ есть, богатъ!)

Альбедневскій выпустилъ изъ рукъ перо, чиновники переглянулись, сторожъ Янъ только лицо вытянулъ.

— Lieber Gott, lieber Gott! говорилъ Етмаръ: — зачѣмъ же вы прежде не говорили, что вы такой большой баринъ — dass sie ein so grosser herr sind? Еслибъ вы помѣтили паспортъ, пришли бы ко мнѣ и сказали непо: «lieber herr Jetmar, я хочу сдѣлать экскурсію въ Карпаты, пропишите мой паспортъ въ полицію» — я бы вамъ все сдѣлалъ, а теперь я остался безъ обѣда, а вамъ, lieber herr Vassily Ivanoff, столько неприятностей и хлопотъ! Теперь я долженъ посылать вашъ протоколъ во Львовъ, и мнѣ такъ неприятно, что я васъ стѣсняю. Lieber Gott, lieber Gott, hun-dert-tau-send rubel!! Hören sie, meine herrschaften, hunderttausend rubel! Dass ist ein herr! Hunderttausend rubel, und ich bekomme nur sechshundert gulden!

И почтенный помощникъ становаго, пораженный невѣроят-

ной цифрой моего мнимаго богатства, вертѣлся въ креслахъ и всплескивалъ руками надъ головою.

Послѣ тысячи извиненій, оправданій и сожалѣній о томъ, что священникъ, отецъ Михаилъ Петрушевичъ, не надумалъ меня помѣтить мой паспортъ въ полицію, Етмаръ запечатать мои протоколы, написанные въ угоду графу Галуховскому, въ огромный пакетъ, объявилъ, что завтра самъ отвезетъ ихъ въ Коломыю, и отдалъ меня *на сотрапеніе* — не подъ арестъ, а подъ надзоръ, nicht unter arest, aber doch immer unter aufsicht — сторожу Яну, который былъ въ одно время, и сторожемъ при канцеляріи, и тюремщикомъ, и палачомъ, т. е., по предписанію начальства, съѣлъ хлопотъ, давая ятъ отъ пяти до тридцати-пяти ударовъ розгами — порицокъ, въ просвѣщенной либеральной Австріи до сихъ поръ свято и нерушимо хранимый.

IV.

Жилъ unter Aufsicht, я имѣлъ случай изучить гундуловъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было на вольныхъ вершинахъ горъ. Первое время жена Яна заботилась обо мнѣ, чтобъ я не сбѣжалъ, и подсылала арестантовъ за дверь присматривать за каждымъ моимъ шагомъ; но сомнѣнія ея разрышились весьма скоро. Она убѣдилась, что скорѣе она можетъ поручить мнѣ присматривать за моими товарищами, чѣмъ имъ за мною. Я сидѣлъ, ѣлъ, пилъ, спалъ, читалъ, успокоивалъ своихъ сторожей, ждалъ, чѣмъ придетъ изъ Львова, и намѣревался, въ случаѣ надобности, такъ проползтия своимъ землемъ, что развѣ остался бы отъ меня какіе-нибудь пожитки, фотографическій приборъ и тому подобныя вещи, но не осталось бы меня самого.

Въ чести печенѣжскихъ властей, я долженъ заявить, что общились онъ со мною до невѣроятности мало. Командантъ жандармовъ приходилъ ко мнѣ поалявать часокъ: какой-то чиновникъ пришелъ напиться со мною чаю, поразспросить меня, — о Парижѣ, о Лондонѣ, о Цареградѣ. Мы съ нимъ напились чаю, и затѣмъ я, рѣшивъ, что покуда рѣшать еще нечего, а что терпѣніемъ все превозмогается, спокойно легъ спать.

На другой день Янъ пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что г. Етмаръ поѣхалъ въ Коломыю съ своимъ колоссальнымъ прото-

кодомъ обо мнѣ, а ему разрѣшилъ ходить со мной по улицѣ. Я отправился прежде всего покупать себѣ мяса на бѣстекъ, потому что тѣ, чѣмъ меня кормили въ душевной комнатѣ Яна, заваленной невѣроятнымъ количествомъ перинъ и подушекъ, было несомнѣно неудобствѣмъ. Рѣзки (мясники) въ Печень-жинѣ оказались, какъ во всей Галичинѣ, евреи, которые приняли за правило *кошеръ* оставлять для себя, а *трефное* давать нашему брату. Мясо было какъ-то настругано, а не наръзано. Это были какіе-то клочки, крайне похожіе на то, что у насъ покупается для кошечъ.

— Какъ же это? спросилъ я, наконецъ: — неужели вы иначе мясо не рѣжете, или вы не умѣете рѣзать?

Еврей взглянулъ на меня, съ изумленіемъ.

— Да развѣ надобно *умѣть* рѣзать мясо?

Янъ, мой смотритель и охранитель, поглядѣлъ на меня тоже съ недоумѣніемъ.

— Да развѣ мясо гдѣ-нибудь иначе рѣжутъ? Да! — правда! — я помню, въ Вѣнѣ и въ Пештѣ, въ самомъ дѣлѣ, мясники приготавливаютъ въ своемъ дѣлу годами.

Янъ былъ человѣкъ бывалый: онъ два раза былъ въ солдатахъ и носилъ ту форменную физиономію отставныхъ солдатъ, которая встрѣчается и у насъ — длинный сюртукъ, бритую бороду, коротко стриженные волосы и усы. Въ Италиі, при Радецкомъ, ему всадили пулю въ ногу: пулю эту вырѣзали; онъ выздоровѣлъ и, если не ошибаюсь, впоследствии маляры, къ которымъ онъ попалъ въ плѣнъ, долго обсуждали, повѣсить его или не повѣсить за то, что онъ носилъ бѣлый австрійскій мундиръ. Затѣмъ онъ воротился на родину и сдѣлался мирнымъ гражданиномъ, поступивъ въ сторожа при присутственномъ мѣстѣ и взявъ на себя обязанность свѣчь провинившихся гуцуловъ. Я все допытывался у него, какъ это ему самому не больно свѣчь другихъ; но онъ моего вопроса понять никакъ не могъ, а только твердилъ, что гуцулы народъ неотесанный, буянивый и безтолковый, и что безъ разсуждѣній съ ними ничего не подѣлаешь. Женится Янъ на галицкой вѣмкѣ, которая наединѣ говорила съ нимъ по-русски (или по-малороссійски), а при гостяхъ забирала въ польскій языкъ. Нѣмецкаго языка Янъ не постигалъ кромѣ нѣсколькихъ фразъ въ родѣ: *geben sie mir; wie viel kostet das; eins, zwei, drei; rechts, links*. Но вѣмка эта, во имя цивилизаціи или во имя тѣхъ самыхъ мѣстныхъ прие-

мовъ, которые такъ характеризуютъ галицкую жизнь и такъ объясняютъ, почему русскій человѣкъ полагается, дѣтей своихъ велѣла Яну окрестить — одного въ Карла, другого въ Франца, дочурку въ Эмилию и т. д. Янъ, по своему добродушію и непониманію никакихъ политическихъ вопросовъ, хотя и былъ довольно строгій отецъ семейства, согласился на все, и самъ будучи уніатомъ, дѣтей своихъ сдѣлалъ не то вѣмками, не то поляками. Операція эта самая взрная и производится такъ совершенно безъ всякаго умысла, потому что народности не разбираются разными Янами и супругами ихъ. Но въ послѣднее время изъ-за имени вышла въ Галичинѣ между русской и польскою интеллигенціей борьба не на-животъ, а на-смерть. Поляки ни за что не назовутъ своего сына Александромъ, Иваномъ (Яномъ), Петромъ, а непременно придаютъ ему имя Болеслава, Станислава, Казимира, Вячеслава; русскій же, борющійся противъ колонизаціи, точно также не назоветъ сына Александромъ, Иваномъ, Петромъ, а непременно Владиміромъ, Борисомъ, Глебъ, Карломъ и т. п. Тутъ есть основаніе совершенно вѣрное. Еслибъ кровному русскому, при крещеніи дали имя Адольфа, то на каждомъ шагу его бы спрашивали: русскій онъ или не русскій, и въ его кровномъ русскомъ происхожденіи стали бы сильно сомнѣваться. Разъ подобный вопросъ ему поставили, другой разъ, третій, десятый — и онъ, наконецъ, потянувшись на сторону другихъ Адольфовъ.

Егмаръ, воротившись изъ Коломыи въ Печеньжину, зашелъ ко мнѣ, то есть, къ моему хозяину Яну, его женѣ и вѣмкѣ Эмилѣ Карламъ, Францамъ, Адольфамъ, которыхъ было что-то человѣкъ шесть въ маленькой комнаткѣ, посреди перинъ, перелѣ пангод.

— Мнѣ за васъ, сказалъ онъ: — достался такой вагонъ, какаго и еще никогда не получалъ.

— А что такое?

— Находятъ, что ваши показанія недостаточно обстоятельны. Въ Коломѣ непременно хотѣли видѣть въ васъ политическаго человѣка, агента, возмутителя, шпиона — все, что только ихъ души угодно.

— Ну, и что ж?

— А то, что протоколъ отправленъ въ Львовъ къ графу-на-мѣстнику, съ приложеніемъ найденнаго у васъ на него паскви-ля. Вечеромъ попрошу я васъ подвергнуться еще допросу.

Вечеромъ я былъ вызванъ въ канцелярію.

— Въ Коломыѣ требуютъ, сказалъ Етмаръ, принимая видъ судебного стѣдователя, — чтобы вы опредѣлили, что такое значить въ вашемъ заявленіи слова «археологъ» и «этнографъ»? Можетъ быть, вы подъ словомъ «археологъ» понимаете что-нибудь въ родѣ того, что, какъ говорятъ панслависты, во времена Атил-лы славянство было все соединено и докапывается археологіи политическою? Этнографія тоже вещь, я долженъ вамъ сказать, весьма сомнительная. Описывается народъ для того, чтобы осмо-треть и вывести всякіе закоулки. Объясните мнѣ, что такое археологъ?

— Археологъ, сказалъ я, совершенно смущенный, человекъ, который занимается древностями.

— Откуда взяли вы это выраженіе? Вы греческій языкъ знаете? спросилъ онъ меня.

— Не скажу, чтобы былъ въ немъ спленъ, но кое-что про-ходилъ.

— Я сейчасъ васъ проверю. — И чтобы испытать меня, по-мощникъ становаго пристава сказалъ мнѣ по-гречески первый стихъ евангелія святыя Іоанна. — Что это такое значить? спросилъ онъ.

Я ему перевелъ, совершенно недоумѣвая, какимъ образомъ яди на допросъ я попалъ на экзаменъ.

— Теперь, стало быть, обличите, что такое археологъ?

Меня взорвало. Я всталъ и сказалъ:

— Вы человекъ пожилой, но и я, хотя, вѣроятно, годами двадцатью васъ моложе, все-таки, не школьникъ. Если въ Коло-мыѣ требуютъ опредѣленія словъ «археологъ» и «этнографъ» и хотятъ видѣть въ этихъ словахъ что-нибудь предосудитель-ное, то или позвольте мнѣ вовсе отказаться отъ опредѣленія ихъ, или пишите сами что хотите; я подпишусь и соглашусь на все.

Старикъ сконфузился. Ему стало совѣстно той комедіи, ко-торую ему вѣрно было со мной разыграть. Онъ нагнулся надъ листомъ бумаги и строкахъ въ двадцати начертилъ какое-то опредѣленіе и, затѣмъ, самъ написавъ, отъ какихъ греческихъ

словъ происходятъ слова, объясненія которыхъ отъ него тре-бовали.

Я не замедлилъ подписаться.

Затѣмъ, еще былъ какой-то вопросъ, тоже что-то нехитрое этого. Г. Етмаръ говорилъ со мной ужъ не столько по-нѣмецки, сколько по-польски. Въ Коломыѣ онъ понималъ, должно быть, что нѣмецкій языкъ вышелъ изъ моды въ Галичинѣ.

На другой день, Янъ, побранившись весьма дружески со своими арестантами, которыхъ онъ, къ чести его скажу, никог-да не обижалъ, а обращался съ ними какъ съ товарищами (я думаю онъ и съкъ ихъ какъ-нибудь по-пріятельски), пригласилъ меня идти на свадьбу къ какому-то гуцулу. Потомъ, побродивши по селу, да потолковавъ съ евреями, съ гуцулами, еще съ какой-то невѣроятно высокой и пожилой дѣвушкой, которая занималась хозяйствомъ и ходила по улицѣ съ трубкой въ рукѣ, длиной въ три четверти аршина, я вернулся къ своему посту. Янъ сообщалъ мнѣ, что изъ Львова получено предписаніе выслать меня въ Мол-давію. Прежде всего это было чрезвычайно пріятно — благо не въ Россію. Впоследствии, одинъ изъ членовъ нѣтъшняго Rządu Narodowego пріѣзжавшій по какому-то дѣлу въ Яссы, рассказы-валъ мнѣ, что во Львовѣ къ моему протоколу отнеслись точно такъ же, какъ въ Коломыѣ, и убѣдились совершенно, что я русскій агентъ, — возмутитель. Убѣжденіе это такъ вѣрно засѣло въ го-ловѣ у многихъ официальныхъ и неофициальныхъ правительствен-ныхъ лицъ, что они вздумали меня покарать и, невѣтъ въ отместку, рѣшили выслать не въ Россію — потому что до Рос-сіи слишкомъ близко, — а на мой собственный счетъ изгнать ме-ня въ Молдавію, благо это дальше и въ томъ понятіи, что «русскій агентъ русскаго правительства въ наши горы дѣлать не забирайся». Зафдетъ съ турецкимъ паспортомъ человекъ, подсланный отъ русскаго правительства, такъ пусть же онъ не прямо домой воротится, а криво дастъ. Уличить меня нели-зи ровно ни въ чемъ, но проучить слѣдуетъ, а вотъ, — по одно-му подозрѣнію, не изслѣдовавъ дѣла, меня погнали въ Молдавію.

Операція эта была совершена на другой же день и, при-знаюсь, къ величайшей моей радости. Впоследствии одинъ га-личанинъ, человекъ весьма вліятельный, дѣятельный и вдвое болѣе того знаменитый, который сдѣлался теперь гражданиномъ рус-скаго государства, загнанный и заведенный въ Галичинѣ пол-

ками до того, что даже каведру долженъ былъ бросить и эмприровать, рассказывалъ мнѣ, что во Львовѣ начальникъ полиціи только руками разводилъ при чтеніи моего протокола, составленнаго Етмаромъ.

— Das ist eine höchst mysteriöse Persönlichkeit (это въ высшей степени таинственная личность)! сказалъ онъ; и только за то, что я таинственная личность, я былъ выгнанъ. — Утѣшая я не могъ не дивиться подозрительности поляковъ. Со страха и подозрѣнія, ничѣмъ не доказаннаго, эти люди способны спровадить человека на тотъ свѣтъ, и я знаю примѣры, какъ товарищъ закалывалъ товарища только на томъ основаніи, что вдругъ у того завелось нѣсколько лишнихъ денегъ. Откуда могъ онъ достать эти деньги? Само собою разумѣется, отъ полиціи, потому что третьяго дня его выдѣли у дверей частнаго пристава.

Затѣмъ, газеты «Народова» и «Часъ» почтили мою личность замѣтками, изъ которыхъ самъ я ровно ничего понять не могъ. Жаль, что у меня нѣтъ ихъ подъ рукой, и что всегда трудно найти нумера старыхъ газетъ. Въ Яссахъ я съ неизмѣримымъ удивленіемъ прочелъ о себѣ, что я въ Карпатахъ возмущалъ гуцуловъ, пользуясь тѣмъ, что въ Австріи существуетъ табачный акцизъ и что налогъ на соль тамъ слишкомъ тяжелъ. А между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ я не зналъ, такъ и теперь не знаю, какой тамъ акцизъ на табакъ и налогъ на соль, и почему они хлопаютъ такъ тигостны.

Въ Яссахъ же я вычиталъ въ «Газетѣ Народовой», что Василий Ивановъ, возбуждавшій такіе толпы, оазывается «извѣстнымъ агентомъ» Герцена, по фамиліи Кирасевъ (!) — извѣстнымъ по своей безпутной жизни въ Галацѣ и открыто, не только заподаннившимся русскому правительству, но даже торжественно заявляющимъ, что онъ живетъ на казенный счетъ и что только-только и ждетъ, чтобъ ему прислали паспортъ; а былъ онъ въ Галичинѣ съ пилью шпионить и возмущать народъ. Писано было это изъ Яссы, однимъ эмигрантомъ-ксе́ндзомъ. — Я, разумѣется, не возражалъ.

Чрезвычайно радъ и доволенъ былъ я, когда на другой день послѣ того, какъ Янъ мнѣ объявилъ, что меня высылаютъ на мой собственный счетъ, Етмаръ пригласилъ меня въ канцелярію. Онъ смотрѣлъ угрюмо, съ видомъ человѣка, котораго внѣшнія обстоятельства заставили поступить противъ совѣти и ко-

торый сдѣлалъ неприятность другому для спасенія самого себя и своихъ шести дочерей.

— Васъ высылаютъ, сказалъ онъ мнѣ, пожимая плечами.

— Я буду протестовать противъ этого ничѣмъ незаслуженнаго изгнанія; но отсюда протеста дѣлать не стану, потому что вовсе не намѣренъ сидѣть здѣсь и задыхаться у Яна.

Протестъ этотъ сдѣлать изъ Молдавіи я, дѣйствительно, хотѣлъ, потому что былъ правъ, какъ нельзя болѣе, но впоследствии обсудилъ, что, во-первыхъ, игра свѣчъ не стоить, и во-вторыхъ, неумѣстно было бы съ моей стороны, вводить турецкое правительство въ какія-нибудь хлопоты.

— Какъ хотите, сказалъ несчастный Етмаръ: — я не могу и права не имѣю давать вамъ совѣты; я человѣкъ подчиненный и волю своего начальства прежде всего долженъ исполнять.

Онъ присѣлъ къ столу и на оборотѣ моего паспорта написалъ, что я «unter Aufsicht» высылаюсь за пределы имперіи, потому что я человѣкъ развѣзжающій «ohne zweck und ohne visa» (безъ цѣли и безъ визы).

Я еще не объяснилъ, какъ случилось, что мой паспортъ былъ дѣйствительно безъ всякой визы. Турецкій паспортъ съ которымъ я прѣхалъ въ Австрію, былъ выданъ мнѣ въ Тульчѣ, въ апрѣлѣ 1865 года. Я прожилъ въ Галацѣ до марта 1866 года и очутился въ Вѣнѣ въ началѣ апрѣля этого же года, провозъ въ Вѣнѣ цѣлое лѣто съ паспортомъ просроченнымъ, потому что турецкіе паспорта даются, по какому-то обычаю, обыкновенно на годъ. Отправляясь въ Галичину въ августѣ, я пошелъ въ турецкое посольство и далъ швейцару переменить паспортъ. Турецкое посольство выдало мнѣ паспортъ опять-таки на годъ; но сдѣлать на немъ визу австрійскаго консулата и, разумѣется, въ Австріи не могъ, потому что именно въ Австріи не водятся австрійскіе консулаты. Я сходилъ въ полицію съ просьбою, чтобъ мнѣ прописали паспортъ или приложили къ нему какое-нибудь клеймо. Надо мною посмѣялись и сказали, что такъ какъ мой паспортъ выданъ мнѣ въ Вѣнѣ, то къ чему же виза? Въ Краковѣ я былъ снова въ полиціи, снова просилъ прописки, и снова мнѣ было отказано. Во Львовѣ я опять-таки обратился къ полиціи, и тамъ задержалъ меня, что никакъ прописокъ не нужно. Хотя и въ Краковѣ и во Львовѣ, по австрійскому порядку, съ меня сняли протоколъ, какъ со

всякаго неизвѣстнаго человѣка, появляющагося въ такихъ заповѣдныхъ мѣстахъ, гдѣ есть партія и гдѣ заподозрѣваютъ иностранное вліяніе: стало быть, есабъ и былъ турецкій подданный по происхожденію, то могъ бы даже настоять у Порты, чтобъ дѣло это, возникшее по мнительности и недоброжелательству галицкихъ властей, было разобрано, а мнѣ протори и убытки уплачены до послѣдняго крейсера.

Затѣмъ, Етмаръ списалъ съ меня примѣты, причежь съ нѣмецкой акуратностью ощущалъ мнѣ голову: въ парикъ я или въ собственной шапкѣ и, сдавъ меня на попеченіе Яна.

Мы покатили съ Яномъ, весело какая-то, въ Коломыю.

Повозка, также похожая на чухонскую легонькую тележку, какъ шапки, покроемъ свить, архитектура цѣрвей и постройка хатъ у карпатскихъ русскихъ напоминаютъ Финляндію, оставилась у окружнаго правленія (Kreisaamt). Я вошелъ въ большую, просторную канцелярію, и Янъ вручалъ начальству пакетъ съ моимъ паспортомъ и съ львовскимъ предписаніемъ о моемъ изгнаніи. Подьяки-чиновники смотрѣли на меня крайне косо. Я молча сидѣлъ и смотрѣлъ на нихъ также косо. Вошелъ начальникъ уѣзда — «Kreisa» — невысокаго роста, сорокалѣтній, плотный мужчина, съ нѣмецко-еврейской фамиліей, что-то въ родѣ Абрамсона. Мы рассказали. Онъ смотрѣлъ на меня весьма гнѣвно.

— Сейчасъ, сейчасъ васъ отправятъ, заговорилъ онъ: — людей, подобныхъ вамъ, мы терпѣть у себя не можемъ, и покажите, что мы вовсе не такіе простаки, чтобъ насъ можно было провести турецкими паспортами и этнографическими экскурсіями.

— Позвольте, сказалъ я: — во-первыхъ, я никого не провожу и проводить мнѣ незахѣтъ. Я попалъ въ Карпаты именно для того, чтобъ изслѣдовать бытъ народа.

— Ну, да, я и говорю, что вамъ такихъ изслѣдователей не нужно. Мы понимаемъ очень хорошо, откуда берутся подобные вамъ изслѣдователи, и въ нихъ мы не нуждаемся.

— Въ какихъ же изслѣдователяхъ вы нуждаетесь?

— Въ тѣхъ, которые никѣмъ не подсылаются.

— Меня никто сюда не подсылалъ, и я не виноватъ, если львовскія власти сдѣлали ошибку на мой счетъ и совершенно несправедливо меня выгоняютъ.

— Нѣтъ, господа, будьте похитрѣе, отвѣчалъ онъ, поднимая голосъ: мы не дѣти — мы очень хорошо понимаемъ съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

Я пристально на него посмотрѣлъ и, растягивая слова, произнесъ:

— Послушайте, г. Абрамсонъ! Съ вами спорить я не стану, потому что изъ спора моего съ вами толка никакого не выйдетъ. Вы сами человѣкъ подчиненный: ни помочь мнѣ вы не можете, ни ухудшить моей участи вы не въ силахъ. Вашия мнѣнія, извините меня, я не дорожу, и возражать вамъ на ваши подозрѣнія не стану. Потрудитесь поспѣшить изготовленіемъ моихъ бумагъ, дать мнѣ провожатаго и прекратите нашъ разговоръ.

Абрамсонъ презрительно улыбнулся, пожалъ плечами и вышелъ въ другую комнату. Ко мнѣ подошелъ какой-то низенькій, высокій, сухопарый, сутуловатый, съ облокуримы волосами, рослыми какими-то вѣточками, а съ длинными жесткими усамъ.

— Что вы думаете, зашипѣлъ онъ, уставившись на меня — что мы не понимаемъ, кто вы такой? Вы думаете, что насъ провести можно? И еще такъ дерзко говорите съ начальникомъ уѣзда! Былъ бы и начальникомъ уѣзда, и бы обошелся съ вами далеко не такъ. Вы думаете, мы не понимаемъ, что вы за человѣкъ? Нѣтъ, понимаемъ, и понимаемъ очень хорошо. Васъ надо бы въ тюрьму, къ допросу, къ подробнѣйшему допросу, а вы такъ дерзко отвѣчаете и не цѣните снисходительности графа-наместника, что онъ просто изгоняетъ васъ изъ края.

— Пани коханий (разговоръ происходилъ по-польски), отвѣчалъ я: — мнѣ съ паномъ нѣтъ ни малѣйшаго удовольствія, ни малѣйшей охоты толковать. Пусть панъ будетъ ласковый, сидѣть на свое мѣсто и займется своимъ дѣломъ, вмѣсто того, чтобъ разсуждать о томъ, какъ со мною во Львовѣ поступили и почему такъ поступили. Панъ не такой великій администраторъ и государственный человѣкъ, чтобъ бытъ судьей въ дѣлѣ, которому онъ самъ придаетъ необыкновенную политическую важность.

Лохматый юноша что-то такое проворчалъ въ родѣ того, что «rsia krew! szelma moskal!» и тому подобныя любезности, которыхъ я не считалъ нужнымъ разслушать.

Черезъ нѣсколько минутъ бумаги были готовы, мы распростились съ Яномъ: дали мнѣ новаго сторожа — «amtsdiener»

Шмидта, тоже отставного солдата, ополченного нѣмца. Мы отправились на желѣзную дорогу, и такъ какъ уже былъ вечеръ, то сѣли въ вокзалъ дожидаться прихода поѣзда. Смѣшно мнѣ было видѣть, какъ самъ г. Абрамсонъ, лохматый инсецъ и его товарищъ рассказывали по станціи, причась отъ меня и выглядывая изъ-за угловъ и изъ-за колоннъ, точно карауля, какъ бы я не вздумалъ дать тягу или разговоромъ своимъ съ кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ не указать, кто у меня въ Коломнѣ знакомые. Слухъ о такой птицѣ, пойманной въ Карпатахъ, какъ я, въ маленькомъ городѣ Коломнѣ разнесся съ быстротою молніи. Публики смотрѣть собралось довольно, и все это ходило и смотрѣло враждебно и сочувственно: враждебно смотрѣли поляки, сочувственно смотрѣли русскіе. Поѣздъ пришелъ; мы сѣли въ вагонъ и часовъ въ десять вечера очутились въ Чернівцахъ. После долгихъ пошевокъ и стараній, Шмидтъ отыскалъ намъ ночлегъ въ грязной и душной еврейской корчмѣ, гдѣ нѣсколько огромныхъ залъ были заняты сынами Израиля, спавшими въ-повалку на полу, на столахъ, на стульяхъ, подъ столами, въ той духотѣ и тѣснотѣ, до которой даже наше великорусское простовародье не доходитъ. Шагая черезъ нихъ и лавируя между ними, мы добрались до крохотной комнатки, расположились тамъ, напились чаю и заснули снова праведниковъ.

V.

 На утро отправились мы въ полицію, куда Шмидтъ долженъ былъ меня сдать. Мнѣ чрезвычайно понравились крутые улицы Чернівцовъ, ряды православныхъ священниковъ — франтоватыхъ, съ подстриженными бородами; смѣсь церквей православныхъ, униатскихъ, латинскихъ и великолѣпный видъ на Прутъ и на послѣдніе отроги Карпатъ. Мало русскихъ городовъ красивѣе Чернівцовъ, столицы русской провинціи Буковины, населенной тѣми же руснаками.

Полицейское управленіе, большое зданіе, стоитъ въ центрѣ города, на главной площади. Меня ввели къ какому-то, по всей вѣроятности, дѣлопроизводителю. Онъ распечаталъ пакетъ...

— Что вы тамъ, въ Галичинѣ, напроказили, спросилъ онъ

меня по-молдавски, грозно и сердито: — что васъ оттуда вынуждаютъ? Зачѣмъ вы тамъ развѣзжаете безъ правильного паспорта? Такъ и надо съ вашимъ братомъ поступать.

— Постойте, отвѣчалъ я ему, тоже по-молдавски: если администрація меня изгоняетъ, то положитесь на мое честное слово, что это случилось просто по недоразумѣнію и по подозрѣнію.

Онъ посмотрѣлъ на меня и подвинулъ мнѣ стулъ.

— Садитесь, сказалъ онъ мягко и чрезвычайно добрымъ голосомъ: — подождите немножко, пока я отпущу вотъ этого народъ.

Дѣйствительно, передъ нимъ стояла кучка евреевъ, руснаковъ, молдаванъ, и между ними наша русская борода, откуда нибудь изъ Бѣлой Криницы или изъ Кляшторцевъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою претензію, каждый пришелъ съ жалобой, и чиновникъ слушалъ и разбиралъ ихъ дѣла чрезвычайно внимательно и мягко; все они благодарили его за рѣшеніе. Съ каждымъ изъ нихъ онъ объяснялся на его собственномъ языкѣ. Борода, нуше всего обратившая мое вниманіе, пришла за советомъ.

— Привезъ я, ваше превосходительство — говоритъ онъ, дѣла чиновнику для пущей важности: — возъ орѣховъ. Пришлось жидъ, долъ мнѣ задатокъ и сказать, что сейчасъ придетъ за орѣхами, да вотъ, батюшка, ваше превосходительство, разсуди самъ, третій день не приходитъ, а я стою съ возомъ и совсемъ прохарчился, а тутъ покупатели есть; третій день не приходитъ, денегъ не несетъ, а я другимъ не продаю.

Чиновникъ подумалъ секунду и ласково сказалъ по-русски съ сильно малороссійскимъ акцентомъ:

— Ничего, старикъ, ницъ и продай: а если что выдетъ скажи, что я велѣлъ.

— Спасибо тебѣ, батюшка, ваше превосходительство, отвѣчалъ старикъ, влкаясь въ поясъ: — вѣкъ за тебя буду Бога молить, и вышеть.

Въ скоромъ времени мы остались одни.

— За что это васъ высылаютъ?

Я ему рассказалъ въ короткихъ словахъ, въ чемъ дѣло. Онъ пожалъ плечами и, перечитавъ отношенія изъ Коломны о моемъ изгнаніи, вкочилъ со стула и обратился къ Шмидту, стоявшему тутъ же въ почтительной позѣ:

— Aber was ist denn das? Sind wir hottentotten? Что мы готтентоты, что ли, что его высылаютъ, да заставляютъ еще ѣхать самому и возить конвой на свой собственный счетъ? Я спрашиваю: готтентоты мы, что ли?

Шмидтъ, человекъ равно ни въ чемъ невиноватый, молча поклонился, улыбнулся, и пожалъ плечами и, вѣроятно, согласился, что мы, дѣйствительно, готтентоты.

— Этого нельзя позволить! Въ Галичинѣ они дѣйствуютъ по-варварски; мы здѣсь, слава Богу, въ Буковинѣ! Повѣрьте мнѣ, что вы ни копейки не заплатите за вашъ дальнѣйшій проѣздъ: я немедленно распоряджусь дать вамъ обывательскихъ, и ни за что не соглашусь, чтобы вы сами платили за этотъ проѣздъ. Что это такое? Какіе варвары! Какіе невѣжды! Этакъ въ Галичинѣ всегда дѣлается. Я ни за что этого не позволю.

Онъ кликнулъ сторожа и велѣлъ ему безотлагательно доставить мнѣ телегу изъ обывательскихъ.

— А теперь, lieber herr, потрудитесь пройти въ караульню; другого помѣщенія у меня для васъ нѣтъ, и подождите тамъ, покада приведутъ лошадей.

Караульня помѣщалась въ томъ же домѣ внизу. Это была огромная комната, довольно чистая, довольно свѣтлая; кругомъ нары; посрединѣ огромный столъ; въ комнатѣ сидѣло человекъ съ десять или съ пятнадцать солдатъ. Они общались со мной чрезвычайно привѣтливо, не спрашивая, кто я, зачѣмъ я, откуда, за что меня высылаютъ и куда высылаютъ, и вообще всли себя съ любезностью и сдержанною привѣтливостью. Когда я вошелъ, обѣдъ у нихъ только-что кончился. Восьмилѣтній, тѣлодушный въ одной рубашенкѣ, мальчикъ, носившій въ себѣ, очевидно, всѣ задатки чахотки, взлѣзалъ на столъ, сбиралъ глиняныя плошки, подбѣгалъ къ коневкѣ и престарательно полагалъ ихъ и ставилъ въ порядокъ. У этого замарашки, кромѣ рубашенки изъ грубаго холста, на всемъ жиденькомъ тѣлцѣ ровно ничего не было. Коневку онъ съ большимъ успѣхомъ перетаскивалъ съ мѣста на мѣсто, наклонялъ, лпалъ изъ нея воду въ тазъ, въ тазу полоскалъ плошки, за которыми опять взлѣзалъ на столъ; — и солдаты относились къ нему съ лаской. Одинъ изъ солдатъ подошелъ къ мальчику, потрепалъ его по взъерошеннымъ какъ смоля чернымъ волосамъ — а мальчикъ, долженъ я сказать, былъ красивѣе собою — и спросилъ его по-русски, т. е. на буковинскомъ говорѣ южнорусскаго нарѣчія:

— Ну, Ивасю, покажи-ка, какъ тебя дѣдушка училъ.

Мальчикъ бросилъ плошки и ложки, растопырилъ ручки, сжалъ кулачки и затопалъ ножкой по полу караульни.

— Ышь, бестія, ышь! говорилъ онъ строго: — чего, бестія, не ышь? Я тебя, бестія, кормлю, а ты не ышь!

— Ну, а ты какъ ему говорилъ? съ хохотомъ спрашивалъ солдатъ.

Вся караульня, хохотала.

— А я говорилъ: дѣдусю, я не хочу ѣсть; я дѣдусю, сытъ; я, дѣдусю, ей-богу, не могу ѣсть.

— А онъ что тебѣ говорилъ? опять спрашивалъ молодой солдатъ.

— А онъ говорилъ: ышь, бестія, ышь! а то постѣ жаловать-ся станешь, что тебя не кормлю! А я плакалъ и говорилъ: дѣдусю, я ѣсть не хочу, я сытъ.

— А онъ что тебѣ говорилъ?

— А онъ говоритъ: я тебя убью, если ѣсть не станешь.

Сцена эта меня заинтересовала.

— Что это такое? спросилъ я солдата.

— Да вотъ что: этотъ бѣдный мальчикъ пятый разъ ужъ попадаетъ подъ арестъ, потому что сбѣгаетъ отъ своего дѣда. Ни отца, ни матери у него нѣтъ, круглый сирота: только у него на свѣтѣ старикъ, дѣдъ, который, волей-неволей, заставляетъ мальчика ѣсть, и отъ этого бѣдный мальчикъ отъ него сбѣгаетъ.

— Кто же онъ такой?

— Да дѣдъ его просто мужикъ, и теперь, когда здѣсь, какъ и во всей Галичинѣ, такой страшный голодъ, когда вымерли цѣлыя семьи съ голоду, старикъ боится, чтобы и внукъ его не умеръ, потому что нынѣшнихъ годовъ умерли его отецъ, мать, братъ, сестра, и изъ всей семьи вотъ этотъ самый Ивася остался одинъ. Дѣдъ, въ предохраненіе его отъ голодной смерти, заставляетъ его ѣсть, а мальчикъ убѣгаетъ отъ него и бродяжничаешь, такъ что спасенье находятъ себѣ только у насъ, въ караульнѣ.

— Что жъ, Ивасю, спросилъ я его, глядя по головкѣ: — тебѣ гдѣ лучше: у твоего дѣдуки или здѣсь?

— Ай, пане! отвѣчалъ онъ мнѣ: — здѣсь, въ караульнѣ, мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо! Я только боюсь, чтобы меня не отдали назадъ къ дѣдусѣ.

Разливы Прута и Днестра до такой степени разорили край, что бѣднымъ *мужикамъ* *) приходило съ почти съголоду умирать. Къ этому присоединились невозможныя подати, превышающія 33% съ валового дохода, наборъ, экстренные поборы на войну съ Пруссіей; лучшіе работники пали на поляхъ Садовой и Королева-града (Königsgrätz); начался тифъ, голодъ; хлопцы и мужики распухали, валялись навзничь и умирали на поляхъ, на болышихъ дорогахъ, въ своихъ горахъ.

Я отправился съ унтеръ-офицеромъ позавтракать въ какой-то маленький трактирчикъ на площади; обывательскіе появились, новый канцелярскій сторожъ сѣлъ рядомъ со мной, вкнутки взвинулъ, и тощенькія лошади, потряхивая дугой, потащились. Замѣчательное дѣло — дуга. Она извѣстна у южноруссовъ, то есть, у *русыковъ*; у русиновъ же дуга неизвѣстна. Въ отдаленной отъ насъ тапкѣ огромнымъ разстояніемъ Буковина и Молдавія дуга появляется снова.

Со мной сидѣлъ какой-то, не столько мрачный, сколько неразговорчивый сторожъ, долгоязыый, въ картузѣ, говорившій со мной свозъ зубы, не потому, чтобъ онъ считалъ опаснымъ говорить съ человекомъ, подверженнымъ *супану* **, но просто потому, что ему говорить было лѣнь. Мы ѣхали послѣдними отрогами Карпатовъ, волнистыми, какъ окрестности Парголова, но болѣе плодородными: много растетъ здѣсь букъ, вяза, дубу. Тогда была осень, начало ноября. Трава ужъ пожелтѣла, солнце ярко свѣтило на небѣ, съ сѣвера дулъ холодный вѣтеръ. — Народъ въ Буковинѣ показался мнѣ не запыточнѣе галицкаго.

— Какаа это у васъ церковь? спрашивалъ я ямщика, обыкновенно русскаго.

— Наша, пане, отвѣчалъ онъ мнѣ, молдавская.

— Да ты молдаванъ?

— Нѣтъ, пане, я руснакъ.

— Такъ вѣра у тебя какаа?

— Наша, пане, русская, молдавская.

Эти церкви жалкія и разрушены до невѣроятности. Одна по-

*) У русиновъ только *хлопы*, у руснаковъ только *мужики*; языкъ руснаковъ изо всѣхъ южнорусскихъ нарѣчій ближе къ великорусскому.

**) Не знаю, съ какого языка, въ этихъ краяхъ Австріи изгнаніе называется *супанемъ*. Въ Турціи и въ Молдавіи его называютъ *спиритомъ*.

кривилась направо, другая пошатнулась налѣво; подперты онѣ какими-то костылями; кое-гдѣ священникъ проѣдетъ на таратайкѣ; все грустно, печально... Буковина, какъ извѣстно, очень долгое время принадлежала Молдавіи, потому что была отдана молдавскимъ господамъ подъ залогъ за государственныя заемъ. Затѣмъ, она опять перешла въ Польшу, потому снова попала къ Молдавіи, и потому совместила въ себѣ наравнѣ два элемента: земледѣльческій — молдавскій и панскій — польскій. Настала унія въ концѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ стала забираться въ Буковину подъ именемъ русской вѣры, потому что, какъ извѣстно, по уніатскому ученію, равноапостольный Владизиръ и Ольга признавали папу, стало быть, были уніаты. То есть говоря простымъ языкомъ, въ то время раскола восточной церкви съ западной еще не было во всей его силѣ. Унія сдѣлалась вѣрой *русской*, но руснаки приняли ее не хотѣли, и поэтому, свою вѣру, т. е. восточную, стали называть молдавскою. Это чрезвычайно усилило въ Буковинѣ молдавскій элементъ. Чтобъ быть православнымъ, нужно было не держаться *русской* вѣры и перестать быть русскимъ; поэтому, руснаки и стали дѣлаться молдаванами. Тамъ, гдѣ теперь сохранилось православіе — а это въ болѣе части Буковины — въ церквахъ церковный языкъ произносится точно такъ же, какъ у насъ, т. е. говорить: «Gospody» а не «Hospodi», говорить: «vechi», а не «vici», — уніаты произносятъ церковныя слова по-молдавски. Буковина — яблоко спорное: de facto она принадлежитъ Австріи, такъ какъ турки отдали Австріи, помяну всякаго права, эту молдавскую провинцію, противъ своихъ собственныхъ трактатовъ съ Молдавіей, обязывавшихъ ихъ сохранять извѣстную молдавскую территорію. Въ силу историческаго права и въ силу стремленій буковинско-румынской молодѣжи, этотъ край тянется къ Молдавіи; въ силу народности, языка и экономическихъ стремленій, онъ, волей-неволей, въ случаѣ разрушенія Австрійской имперіи, сдѣлается русскимъ, потому что припнуть къ Молдавіи ему нѣтъ никакого расчета, такъ какъ Молдавія, во-первыхъ, государство безспильное, во-вторыхъ, для него иноязычное, въ-третьихъ, путаница отношеній между Молдавіей и Валахией не приведетъ оба эти княжества ни къ чему, кромѣ всякихъ дразгъ, схватокъ, ряда революцій и взаимной ненависти. Наконецъ, польскій элементъ, пугающій съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе корень въ Буковинѣ и въ Молдавіи, въ

разсчитать идти не можетъ. Онъ не на столько силенъ и не на столько привлекателенъ, чтобъ Буковина могла когда-нибудь вновь сдѣлаться польской провинціей, еслибъ какимъ-нибудь чудомъ и возстановилась независимость Польскаго Королевства.

Гололедица; солнце свѣтитъ; съ холма мы спускаемся на холмъ; за моей тележкой бѣгутъ толпы тощихъ ребятишекъ въ однихъ рубашенкахъ, безъ шапокъ; кое у кого голова тряпичей повязана; грязные, голодные, холодные, они просятъ хоть крейцера на кусокъ хлѣба. Чтò сдѣлалось съ этими дѣтьми, не знаю; но думаю, что имъ, жертвамъ австрійской неурядицы, пришлось въ зиму 1866—67 года погибнуть въ страшныхъ вьюгахъ, бывшихъ около Рождества и нанесшихъ саженыя сугробы на всю Буковину и на всю Молдавію. Сироты безпріютныя, бездомныя, растерявшіе за одно лѣто прусской войны родителей и родныхъ, оттолкнутые сосѣдями, они не могли не погибнуть. Крейцеры, которые провзій имъ бросаетъ, ни къ чему не могутъ повести.

Это было ужасное зрѣлище. Не могу вспомнить о немъ безъ содроганія: это холодное зимнее солнце, эта замерзшая трава, рѣзкій вѣтеръ, и толпы коченѣющихъ дѣтей.

Мы прѣехали въ волость, гдѣ нужно было мнѣ переѣхать лошадей, тележку и спутника. Въ канцеляріи сидѣлъ волостной писарь и подле него панъ сотскій. Это былъ молодой, красивый русакъ, съ распущенными по плечамъ волосамъ, какъ всѣ они носятъ, въ кафтанѣ изъ сѣраго сукна, говорившій бойко по-нѣмецки, спорившій съ писаремъ и, очевидно, игравшій весьма важную роль въ волостномъ правленіи. Его наглый взглядъ, дерзость его манеръ — все показывало, что онъ въ селѣ имѣетъ огромную власть, и онъ такъ помыкаетъ безчисленными просителями и жалобщиками, какъ у насъ бывало, въ прежніе годы, помыкали въ кварталѣ. Все это производило тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Писарь мой заинтересовался — отъ него заискала выдача мнѣ лошадей — и немедленно пославъ отыскивать обывательскихъ. Я просидѣлъ въ канцеляріи съ полчаса, любясь на всѣ эти порядки, прислушиваясь къ плачу мужиковъ и бабъ, просящихъ не пособія, а только того, чтобъ не брали съ нихъ недоимки, чтобъ хоть мѣсяца два подождали.

— Мы голодны; намъ есть нечего. Какъ же мы цѣсарю заплатимъ недоимки?

— Приказано! говорилъ писарь, пожимая плечами: — что жъ я тутъ сдѣлаю?

— Не разсуждать! прикривалъ красивый гуцулъ.

А недоимка-то приходилась кому двадцать, кому тридцать крейцеровъ; самая большая недоимка была всего гульдентъ т. е. шестьдесятъ копѣекъ на наши деньги. Красивый гуцулъ распорядился, и, по его командѣ, писарь давалъ предписаніе наложить секвестръ у того на корову, у того на плугъ, у третьяго на лошадь. Что-то ужасное, томящее безпощадно лежало на всемъ этомъ. Австрійская политика разорила мужика до послѣдней рубахи.

Пришли съ вѣчнымъ отвѣтомъ, что лошади въ полѣ, а очереднаго даже въ корчмѣ нельзя отыскать.

— Пожалуйте, поторопитесь, говорю я писарю.

Писарь послалъ опять. Пришли съ отвѣтомъ, что отправлены въ поле лошадей искать и что за очереднымъ посланно разгнать, куда онъ исчезъ. Прошелъ часъ. Я опять умоляю писаря отпустить меня поскорѣй. Явился съ извѣстіемъ, что лошадей отыскать не могутъ и очереднаго не могутъ отыскать. Начинаетъ смеркаться.

— А поѣсть нельзя ли чего? спрашиваю я.

— Да чего поѣсть? Развѣ брынзы? говорятъ мнѣ. Брынзой, по всему складу Карпатовъ и чуть ли не до самаго Царяграда, называютъ творогъ, нѣсколько проквашенный. Онъ замѣняетъ собой сыръ, очень вкусенъ для того, кто къ нему привыкъ, и для непривычнаго человека такъ же противенъ, какъ противенъ на первый разъ овечій сыръ или говядина, жареная въ деревянномъ маслѣ.

— Ну, хоть брынзы, говорю я.

— Да вотъ чтò, замѣчаетъ писарь: вмѣстѣ того, чтобъ ихъ посылать, зайдите ко мнѣ. Я самъ теперь иду домой обѣдать, и вы у меня закусите.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчаю я.

Писарь былъ обрумунившійся нѣмецъ, знавшій по-нѣмецки, по-румынски, по-польски и по-русски. За обѣдомъ у него было «что Богъ послалъ», т. е. та же брынза, молоко, какіе-то яблоки и чашка кофе — словомъ, обѣдъ чисто деревенскій.

Воротились мы въ канцелярію, зажгли свѣчи; толпа народа стоитъ попрежнему. Опять идетъ тотъ же судъ; а лошадей нѣтъ какъ нѣтъ, и очереднаго все отыскать не могутъ.

— Что же мнѣ дѣлать? спрашиваю я.

— Что дѣлать? говоритъ писарь: — вамъ придется у насъ переночевать, и я вамъ скажу, если вы послушаетесь меня: вы сдѣлаете несравненно лучше, если, вмѣсто того, чтобъ ѣхать на обывательскихъ, наймете себѣ подводу и доѣдете на свой счетъ до границы. Увѣрю васъ, что та непріятность, которая случилась съ вами здѣсь, при всемъ желаніи помочь вамъ, повторится и въ слѣдующей волости. Вмѣсто того, чтобъ проѣхать полторы сутки до границы, вы цѣлую недѣлю не догащитесь, если поѣдете на казенный счетъ.

— Въ такомъ случаѣ, я поспѣшу нанять; но ѣхать теперь поздно, а штука весьма непріятная, если мнѣ придется ночевать въ карцеръ, потому что помѣстить вы меня больше нигде не можете.

(Я ужъ примѣлился тогда совершенно къ тому, что значить ѣхать подъ *суднищемъ*).

Писарь пожалъ плечами.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — въ карцеръ ложиться вамъ не надо, а ложитесь вы вмѣстѣ со сторожами.

Я перебрался въ сторожку.

Это была небольшая избушка, соединенная съ карцеромъ и багцеляріей; въ ней были нары, печь; въ стѣну вбиты два толстые гвоздя, на которыхъ висѣло нѣчто среднее между пикой и рогатиной, очевидно деревенское издѣліе. Это были какіе-то челоуѣкоубійственные инструменты совершенно первобытной формы. Двое руснаковъ сидѣли на скамьяхъ.

— Зачѣмъ вамъ эти штуки?

— А мы здѣсь, пане, отъ общества нанялись сторожами быть; мы здѣсь и ночуемъ. Вотъ, если арестантъ забунитъ, такъ мы его этимъ унимать будемъ.

Кривые наконечники этихъ инструментовъ были до такой степени простодушно выкованы мимохожимъ цыганомъ, что плохо пришлось бы тому, въ кого всадили бы ихъ. Желѣзо какое-то ржавое, кривое, иззубренное; видно было, что тутъ пошли въ дѣло ржавые гвозди, старыя подковы, лопнувшія шины, старыя задвижки — словомъ, все то снадобье, которое называется желѣзнымъ хламомъ и которое въ рукахъ цыгана превращается во что угодно, если вы только не потребуете отъ четливости и изящества отдѣлки. Одно, на что цыганъ дѣйствительно способенъ, это — сдѣлать подкову и ножъ такой,

которымъ вы можете въ одно время и лучину щипать и чуть не бороду брить. Но на этотъ ножъ онъ навариваетъ стали. Ножи такіе стоятъ не дороже пятиалтынного, отдѣланы грубо, но прочностью отличаются немалой.

Я расположился на лавкѣ, какъ вдругъ въ забранный рѣшеткой окошечко двери, на которой висѣлъ приличный замѣкъ, высунулось лицо, и раздался жалобно-стонущій голосъ:

— Пане, я трое сутокъ ничего не ѣлъ. Будьте добры, пане, дайте хоть пять крейперовъ бѣдному челоуѣку, чтобъ я хоть хлѣба себѣ купилъ.

— Правда это, что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ? спросилъ я сторожа.

— А ягъ же, пане, не правда? Якій же дурень буде его кормити?

— Да какъ же, у васъ сажаютъ людей подъ арестъ и не кормятъ?

— Якін же дурип будутъ его кормити?

— Нѣчего дѣлать — я всталъ и далъ ему такъ-называемую двадцатку, полниаую билонную монетку въ двадцать крейперовъ, т. е. копѣекъ двѣнадцать серебромъ. Онъ меня крѣпко благодарилъ за нее, и тутъ же сторожа передалъ ему кусокъ хлѣба и брынзы, говоря, что завтра съ нимъ сочтутся. Разумѣется, онъ съ нимъ лихо поторговался.

— За что это вы, добрый челоуѣкъ, тамъ сидите? спросилъ я его.

— По клеветѣ, пане. Говорятъ, будто я лошадь укралъ. Это все только злоба ихъ беретъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ не вралъ? спросилъ я сторожа: — вѣдь можетъ же случиться, что челоуѣка посадятъ безвинно.

— Пане, онъ первый конокрадъ во всемъ окологдѣ.

Я заснулъ сномъ праведника; сторожа тоже привалился; жирникъ погасъ.

— Запалки, пане! Гдѣ у васъ запалки (сѣрные спички)? кричатъ мнѣ въ темнотѣ.

— Что тамъ такое?

— Панъ двѣрникъ *) съ обходомъ пришелъ. Гдѣ у васъ запалки, пане?

*) У южнорусовъ, волостной голова называется войтомъ, съ нѣмецкаго voigt, въ Буковинѣ и вообще у руснаковъ его называютъ двѣрникомъ.

— Да постойте, добрые люди, не могу сразу найти, куда онъ у меня запропастился.

— Скорѣй, пане, скорѣй: панъ двѣрникъ дожидается.

Рылся я, рылся, шарилъ, шарилъ — пѣтъ коробочки. Оказалось впоследствии, что она, по добру, по здорову, выпозла изъ кармана и лежала у меня подъ бокомъ.

— Скорѣй, скорѣй! командовалъ чей-то суровый и пьяный голосъ.

Сторожа усиланно принялись высѣкать огонь, вспыхнула лучина, загорѣлся жирникъ, и я увидѣлъ передъ собою высокаго сорокалѣтняго русака, еле стоявшаго на ногахъ, съ грубымъ небритымъ лицомъ, и съ нѣмъ двухъ еще какихъ-то мужиковъ, очевидно, его адъютантовъ. Панъ двѣрникъ смотрѣлъ на меня угрюмо.

— Вы что за человекъ? спросилъ онъ.

— А вотъ видите, отвѣчалъ я: — подъ супашемъ высылаютъ.

— Рассказывайте, за что васъ высылаютъ.

— Да что жъ я вамъ стану рассказывать? Ну мой паспортъ нашли въ неисправности.

— Какая же неисправность у васъ въ паспортѣ была?

— Панъ двѣрникъ, въ паспортѣ у меня нашелся безпорядокъ; меня за то высылаютъ; начальство знаетъ за что; вы мнѣ не поможете, и рассказывать я вамъ не обязанъ.

Панъ двѣрникъ взглянулъ съ изумленіемъ на окружавшихъ его двухъ спутниковъ и двухъ сторожей.

— Э-ге, вы же хотите рассказывать!

— Я хочу спать, отвѣчалъ я рѣшительно.

— Маршъ въ арестъ! крикнулъ онъ, махая палкой: — къ арестантамъ! Здѣсь спать не позволено.

— Я собралъ все свои вещи и отправился въ тюрьму. Конокрадъ потѣшился на своихъ паряхъ, и мы улеглись съ нимъ рядомъ.

Арестъ, т. е. тюрьма, была комнатка въ четыре шага длины и два ширины, наверху было довольно широкое окно, задѣланное желѣзными прутьями. Вѣтеръ еще лѣтомъ выбилъ въ этомъ окнѣ стекла. Въ ноябрѣ холодный воздухъ оканивалъ изъ него такой прохладой, отъ которой зубъ не совѣтъ довка приходился на зубъ. Мы лежали съ конокрадомъ въ совершенной темнотѣ,

и я въ первый разъ отъ роду узналъ то пріятное ощущеніе, которое испытываетъ человекъ, когда по немъ пробѣгаютъ крысы. Одна изъ нихъ прошмыгнула у меня подлѣ самыхъ волосъ. Намнѣ была баранья шапка, я нахлобучилъ эту шапку на лобъ, прикрылъ лицо платкомъ и опять-таки заснулъ. Утромъ конокрадъ плакалъ. Оказалось, что двадцатку, которую я ему далъ, онъ положилъ подъ изголовье, и ночью она куда-то исчезла. Онъ лазилъ подъ нарами, искалъ во всѣхъ щеляхъ, палочкой тыкалъ повсюду, запускалъ пальцы въ сгнившія доски пола, и нигдѣ не могъ ее отыскать.

— Крысы стащили, объявилъ онъ.

— Да неужели же крысы крадутъ деньги? отвѣчалъ я.

— А якъ же, пане!

Въ самомъ дѣлѣ, онъ не лгалъ. Крысы, дѣйствительно, крадутъ деньги, серьги крадутъ, кольца крадутъ. Нечего дѣлать — я опять помогъ бѣдняку: не умирать же ему тамъ съ голоду! Меня выпустили.

Обывательскія явились, но эти обывательскія обаялись собственными лошадами моего возницы. Только-что мы покатили, я сейчасъ же вошелъ съ нимъ въ переговоры, не довезетъ ли онъ меня до границы. Онъ поколебался, поторговался, содралъ съ меня, разумѣется, по моему незнанію лѣстныхъ цѣнъ, вдвое больше, чѣмъ слѣдовало, прикинулъ какіе-то невѣроятные расходы на сѣно и на овесъ; я согласился на все.

Въ каждой волости мѣнялся мой спутникъ, получая, разумѣется, какихъ-нибудь вѣйцеровъ двадцать или сорокъ въ вознагражденіе съ моей стороны за труды: писарь росписывался въ полученіи меня и давалъ маршрутъ къ слѣдующему писарю, и я весьма спокойно, пріятнымъ манеромъ остановился ночевать въ корчмѣ, гдѣ, перекусивши *кошернаго* мяса, улегся на лавкѣ; тѣлохранитель мой, выпивъ на мой счетъ чуть не шотъ воды, заснулъ подлѣ меня на столѣ. Деревенская баба, вдова, возвращавшаяся домой изъ Чернѣвцовъ, гдѣ она выдержала экзаменъ въ деревенскія акушерки, сидѣла у меня въ ногахъ и ораторствовала всякимъ извощикамъ и гуляющимъ мужикамъ объ удобствахъ цивилизованой жизни въ Чернѣвахъ, такъ, какъ наши барыни, возвратившись изъ Парижа, охаютъ и стонутъ по Палероюлю, по Елпсейскимъ Полямъ, по Итальянскомъ Бульварѣ и по Версали. На утро, часовъ въ 12, я явился въ Силнѣвцы, или, какъ говорятъ у насъ, вообще знающихъ есъ наз-

ванія, кромѣ русскихъ — Михалени. Михалени — названіе молдавское; наше русское — Сивѣвцы.

Страхъ, что во Львовѣ или въ Чернівцахъ догадаются, кто такой Vassilij Ivanoff, долго еще не давалъ мнѣ покоя, и все мнѣ казалось, что за мной саѣдять: до такой степени я привыкъ быть подъ надзоромъ, unter aufsicht, что мнѣ неловко было даже ходить какъ Петру Шлеммелю, потерявшему свою тѣнь. Мнѣ казалось, что я безъ сторожа человекъ не полный, чего-то недостаетъ, точно я овдовѣлъ.

Я С С Ы.

Тяжело слагаются государства и не легко европейская цивилизація принимается народами, которые вѣка спали сномъ варварства подъ своимъ или чужимъ гнѣтомъ. Съ народами дѣлается то же, что съ отдельными семьями. Отецъ былъ угрюмый старовѣръ, жилъ обрядами, Богу молился, былъ честенъ по-своему, трезвъ, бѣжалъ разврата и всякой суеты міра сего. Сынъ его уже тяготится старымъ, античнымъ бытомъ, который тѣснитъ его, который на каждомъ шагѣ ставитъ ему преграды, то по «Кормчей», то по «Толковому евангелію», то по семи «Вселенскимъ соборамъ». На него вѣетъ чѣмъ-то новымъ; какой-то другой бытъ, болѣе свободный, болѣе рациональный, носится вокругъ. Страшныя сомянія запали въ душу и началось отрицаніе стараго. И вотъ, сначала двумя камушками укорачивается завитая борода, потомъ пожилицами, а наконецъ... наконецъ, и бритва является на сцену, и съ нею полное освобожденіе. Но куда жъ пойдетъ *олашанный*? Онъ вышелъ изъ стараго храма, а новый ему непонятенъ; святаго святыхъ доступна только посвященнымъ, прошедшимъ долгимъ искусомъ науки и мысли. Все освобожденіе его состоитъ необходимо въ знаніи только внѣшнихъ, болѣею частью самыхъ безобразныхъ сторонъ дѣла. И вотъ, являются рысакъ, кутежи, свѣтлыя трактиры съ зелеными бильярдами, знаніе пзвѣстнаго рода пѣсенъ и извѣстнаго рода анекдотовъ. «Валий во всю ивановскую! знай нашихъ! Мы, душа моя, просвѣщенные люди; энто, какъ говорятъ, плоды цивилизаціи пожинаемъ. Чего смотришь? Мы даже про деворюцію знаемъ...» Сынъ этого героя трактирныхъ сценъ, выбивателя оконъ и разбивателя зеркалъ и скулъ, все же получаетъ кое-какое образованіе, все хотъ гимназію кончить и будетъ сочувствовать, хотъ и не всегда со смысломъ, всему высокому и дѣльному. Сынъ этого сына уже окончательно станетъ современнымъ человекомъ, въ полномъ значеніи этого слова.

Просмотрите бытъ нашего дворянства, чиновничества, купечества — не говорю ужъ со временъ Петра — а хоть съ двѣнадцатаго года, и вы невольно согласитесь, что ростъ народовъ проходить этимъ некрасивымъ путемъ разврата, картъ, трактировъ и прочихъ хорошихъ заведеній. Было время, что даже передовые люди наѣзывались до положенія ризъ? было время, когда они слѣдали шагъ впередъ и стали пить *только* запоемъ — съ горя или съ радости. Перемололось — и мука вышла. Время свое возьметъ: теперь у насъ въ карты и въ разныя ступоки играютъ — не бѣда! Слѣдующія поболѣнія памятникъ будутъ ставить Паскалю за его знаменитое изреченіе, что люди играютъ для того, чтобъ не оставаться наединѣ съ самимъ собою, иначе сказать, для того, чтобъ время убить; головы такъ пусты, что другъ съ другомъ говорить или задумываться надъ чѣмъ-нибудь матеріалу нѣтъ.

Мы пережили исторически и семнадцатый и восемнадцатый вѣкъ. Разумѣется, намъ остается еще много работы, чтобъ догнать Англію и Германію; но все же мы далеко обогнали прочіе народы Восточной Европы. У молдаванъ нравы XVIII вѣка, у турецкихъ славянъ еще XVII-го.

Понять это очень важно. Кто знаетъ, можетъ быть, восточный вопросъ скоро доведетъ насъ до войны, и мы станемъ лицомъ къ лицу съ народами, которыхъ мы пойдемъ освобождать! Наше общество и наша публицистика много кричатъ теперь о восточныхъ христіанахъ — и это очень хорошо; но то худо, что ни съ языками ихъ, ни съ ихъ литературою почти никто незнакомъ; большинство даже развитѣйшихъ людей и въ глаза не видало этихъ восточныхъ христіанъ. А между тѣмъ, мы считаемъ ихъ чѣмъ-то поэтическимъ, отважнымъ, изящнымъ, и въ этомъ мы горько разочаруемся, а разочарованіе можетъ повести къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ. Наши братья, по вѣрѣ, до такой степени были подавлены турецкимъ владычествомъ и — надо жъ говорить правду — константинопольскимъ патріархомъ, что въ массѣ ихъ мало патріотизма, а въ передовыхъ людяхъ мало сильныхъ умовъ. Помочь мы имъ обязаны — не даромъ же насъ цѣлыя четыреста лѣтъ молятъ они о выручкѣ, не даромъ же они передали намъ двуглаваго орла, царскія регалии, царскій титулъ и названіе (третій) *Римъ*, ставящее насъ обязательными покровителями и предводителями всего православнаго міра! Но помощь эта не должна ограничиваться штыками — мы, при есѣхъ нашихъ долгахъ

и финансовыхъ затрудненійхъ, все-таки, богаты. Не десятками, а сотнями надо приглашать зарубежныхъ славянъ въ наши учебныя заведенія; ихъ надо учить, и еще тысяча разъ учить. Еслибъ это и тяжело отозвалось на нашемъ бюджетѣ — не бѣда. Мы исполнимъ нашъ вѣковой долгъ и оснуемъ прочную связь съ ними, связь, которая необходимо подрветъ вредное вліяніе на нихъ западной католической, турецкой (antimoscovite) проаганды. Поддерживая ихъ теперь, мы закладываемъ наше будущее величіе и приобретаемъ союзниковъ въ будущемъ. Наша внѣшняя политика не должна походить на французскую, которая заботится только о сегодняшнемъ — будемъ поступать по примѣру нашихъ старыхъ бояръ, которые, разъ поставивъ себѣ задачею *собираніе земли русской*, поколѣнья за поколѣньемъ неуклонно стремились къ этой цѣли. Земля русская почти собрана (недостаетъ только Восточной Галичины и части Венгріи по рѣку Тису); теперь пришло время воскресенію Царствъ Греческаго, Болгарскаго, Сербскаго и Румынскаго, которыя *должны* быть нашими союзниками въ будущемъ. Раскошелимся же, и пусть ребятишки нашихъ единоувѣрцовъ толпами явятся учиться и проводить молодость вмѣстѣ съ нашими, для того, чтобъ вѣра и народныя вѣковыя связи воскресли послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ забвенія.

Что еще дѣлать? Знаніе — сила: намъ надо знать, чѣмъ недужны наши единоувѣрцы, наши братья, для того, чтобъ уяснить себѣ, въ которую именно сторону должна быть направлена наша помощь. Сколько умѣю, раскрою въ этой небольшой главѣ тѣмныя, исключительно тѣмныя стороны молдавскаго быта и свѣтлыхъ и говорить не буду — лечить надо больныя мѣста, а не здоровыя, да о свѣтлыхъ сторонахъ много уже было и говорено на всевозможныхъ языкахъ. Пусть же однако никто не подумаетъ, будто я хочу грязью бросать въ этотъ бѣдный народъ, который мнѣ доводилось изучать отъ мужицкихъ хатъ до боярскихъ палатъ.

Выродки греческаго народа, которыхъ сами греки презираютъ и ненавидятъ, фанариоты управляли прежде Молдавіею. Надо видѣть этихъ людей, чтобъ понять, чѣмъ они заслужили такую ненависть: у нихъ нѣтъ ни патріотизма, ни какихъ-либо политическихъ или просто человѣческихъ стремленій. Все для денегъ, для карьеры; жену, дочь продастъ, на брата родного донесетъ. Есть между ними люди, которые кое-чему учились — тѣмъ хуже; умѣнье поддержать разговоръ въ обществѣ, знаніе языковъ,

свѣдѣнія свои, все свои таланты фанариоты употребляютъ для наживы или для выслуги. Шпіоны турецкаго правительства — фанариоты. Его политическіе агенты — на половину фанариоты. Секретари губернаторовъ для сношенія съ иностранными консульствами — фанариоты. Турки гнетутъ Турцію, потому что они невѣжды и не понимаютъ, что дѣлаютъ, а выручаютъ Турцію изъ бѣды, ходатайствуя за нее у Запада — опять тѣ же фанариоты и ихъ партія.

Понятно, что у людей, лишенныхъ всякихъ политическихъ и человѣческихъ стремленій, необходимо должны были развиваться стремленія животныя, о которыхъ мы и будемъ сейчасъ говорить. Фанариоты не только сумѣли развратить все населеніе европейскаго квартала въ Константинополѣ (Пера), но они глубоко потрясли нравственность бѣдной Молдавіи. Для Молдавіи они не сдѣлали ровно ничего, несмотря на огромные капиталы, которые доставляли имъ ея монастыри. Въ ихъ рукахъ переградская патриархія — гдѣ жь образованное греческое духовенство? куда пошелъ и идутъ эти деньги? Не даромъ каждый народецъ, выбившійся изъ-подъ власти турокъ, дѣлаетъ изъ кожи вонъ завести свой синодъ, свою національную церковь. Не даромъ Куза, несмотря даже ни на нашу, ни на англійскую оппозицію, секуляризовалъ имущества греческихъ монастырей въ своихъ княжествахъ; стало быть, плохо приходилось его правительству отъ фанариотовъ.

Развратъ, введенный фанариотами, виденъ въ Молдавію на каждомъ шагѣ.

Въ 1867 году въ Яссы пріѣзжалъ князь Карлъ. Я уличилъ минуту, когда онъ будетъ въ театрѣ, и отправился посмотреть его, сцену и, главное, публику.

Яссы уже дни три горѣли пламенинаціею, вездѣ были поставлены триумфальныя арки, убранныя зеленью. Все это, разумется, чтобъ не ссориться съ префектурою и полиціею, которыя могутъ при первомъ случаѣ крѣпко насолить: Куза, слѣпой подражатель Наполеона, завелъ здѣсь во всемъ французскіе порядки, а здѣшняя масса слушается чего-угодно, но вовсе не сочувствуетъ соединенію княжествъ и даже о новыхъ законахъ не заботится. Фанариоты подавили въ ней чувство патриотизма, въ ней нѣтъ мысли о собраніи земли румынской (Țierră Rumânească). Отсутствіе центральнаго управленія въ Яссахъ разоряетъ Яссы. По каждому мелочному дѣлу надо спрашивать разршенія изъ Бу-

хареста. Стало быть, всякимъ доновлазьяцямъ, кулачеству и тѣмъ, которые приходится не сладко, но характеръ румыновъ до того развращенъ фанариотами, что имъ все грѣхъ-грѣхъ. Они удивительно легкомысленны и незадачливы; на протестъ, на оппозицію у нихъ никогда не хватаетъ энергіи. Это, между прочимъ, и счастье — благо ихъ передовые люди не лишены возможности созрѣвать *современнаго* землемъ румынскую въ одно изъ блгоу благо сновка эта плетъ легче здѣсь, чѣмъ гдѣ-нибудь, напримеръ, въ Германіи. Французская централизація погубила Кузу, но французская администрація осталась. Эта администрація, и не народъ, устропываетъ торжественныя встрѣчи Карлу; народъ не бежитъ смѣрять на него, какъ на диковинку. Въ глазахъ Европы, непонимающей какъ плетъ дѣло, Карлъ популяренъ; въ сущности же, масса народа все равно, кто на сидѣтъ на престолѣ, потому что въ народѣ убійтъ всякій патристизмъ, потому что онъ призванъ видѣть въ господахъ иностранцевъ и экспанаторовъ. Онъ махнулъ рукою на все и на вся, сказалъ, что пусть имъ вертятся какъ хотять — плетью обуха не перешибешь — и позорился.

Этотъ индеферентизмъ массы къ судьбамъ родины, это фанариотское ея воспитаніе резко бросились мнѣ въ глаза, когда я стоялъ въ театрѣ. Я стоялъ, потому что, не догадавшись, заискаться билетомъ въ кресла пораньше, долженъ былъ удовольствоваться залезомъ скамейкою на партера, гдѣ мѣста нумерованныя. Передо мною сидѣли два ученика какой-то казенной школы въ мундирчикахъ — оба большіе бушны. Подлѣ меня, съ одной стороны, сидѣлъ явонецъ, должно быть ремесленникъ, а съ другой — прислѣлъ молодой офицеръ. Сидѣли сидѣли какіе-то молчаливые юноши, лавочники, чиновники — кто ихъ тамъ знаетъ? Вслѣдствіи, я ушелъ отъ нихъ и сталъ въ проходѣ, потому что одному изъ нихъ, почему-то, пришла фантазія уператься коленною мѣ въ спину. Я попросилъ его вѣжливо — онъ не унялся; я притрогнулъ ему — онъ не унялся; я обидѣлъ позвать полицію — онъ не унялся. Тогда я унялся, вышелъ изъ скамьи и простоялъ все представленіе на ногахъ: чего жь завожись исторію и вѣзаться богъ-знаетъ съ кѣмъ? съ челоѣкомъ, къ которому съ перваго взгляда не чувствуешь ни на грошъ уваженія? Нато этиаъ господамъ уступать, надо быть настолько гуманнымъ, чтобъ и имъ радовать: блаженъ имъ и скоты млдуть. Эти господа, сдѣлавъ вамъ грубость и видя, что вы уступили имъ, приходятъ въ неизмѣримый восторгъ — они хвастаются, что они васъ надули.

напугали, они думают, что они очень умны и смелы. И пусть их так думают: ваша месть впереди. Ободренные успехом над вами, они неизбежно ввяжутся в новые подвиги и наткнутся на своего же брата, который *обидится* и расплатится с ними за вас. Вы знаете, кто вас обокрал: подарите ему связку ключей passe-partout — он этим воспользуется и попадетя: это будет ваша месть.

Когда можно уступать нахамам, тогда, разумеется, уступать и следует; но в этот же вечер выпелся случай, когда я поставил на своем. Выходит я из буфета покурить и вынуть чашку кофе. Слышу, опять заграла музыка — я бросился вниз. В дверях стоит какой-то человек нервнотных размахов и вверх и в ширь, загородил собою двери и явкого не пускает. Я похожу и вклинно отодвигаю его рукою приговаривая pardon. (Pardon, merci, bon jour, bon soir — совершенно успокоюсь здесь даже городской чернью). «Места нетъ», отвечает он мне грубо по-молдавски.

— У меня блать, domnule, возвращаю я.

— Места нетъ! и даже головы не поворачиваетъ.

Я, признаться сказать, опешил и понять не могу, что такое творится. В эту минуту, какой-то офицерик, тоже запоздавший в буфет, вдруг подбегает к дверям и отодвигает великана. Великан вклинно поостовилел. Крозь хлынула мя в голову — я пошел за офицеромъ.

— Места нетъ!

— Domnule! гдѣ есть место для этого офицера, тамъ должно быть и для меня, а если нетъ, го ройм (милости просимъ!), и я показав ему кулакъ. Великанъ миромъ отодвинулся.

— Ce el ești? nebun? (Что онъ? сумасшедшій?) спросилъ онъ окружающихъ.

— Аșa, отвечалъ я: — eu sînt nebun! (Да, и сумасшедшій) и пошелъ къ своему мѣсту. Полиція посмотрѣла на меня и пожала плечами.

Занавѣсъ не подымался, пока не вошелъ князь. Онъ показан въ ложъ второго яруса (направо отъ зрителей). Это блондурый молодой человекъ лѣтъ двадцати семи. Покуда онъ раскладывался съ нами, и успѣлъ его выморщивать; онъ поразительно похожъ на нашихъ великихъ князей, на покойнаго государя, на вельзнаго принца прусскаго. Тѣ же строго пра-

вильная черты лица, та же манера въ движенияхъ. Раздѣлен *народный* румынскій гимнъ. На сценѣ явился пенцель князя. Пивцы во фракахъ, пивцы въ бѣлыхъ платьяхъ, воспевали честь и славу бѣдной Румыніи. Музыка и голоса были превосходны, но, увы! музыканты и певцы, какъ и у насъ, были иностранцы. Румыны, какъ и мы, еще нуждаются въ чужихъ людяхъ для формулированія своихъ мелодій. Декорация была плоха. Вообще надо замѣтить, что яесскій театръ весьма невыгоденъ: оживляется онъ старинными сценами, устроены безвкусно. Словомъ, интеллектуальная жизнь только тогда что пробуждается въ этомъ забитомъ и загнанномъ краѣ.

Гимнъ пропалъ. Публика встала и зашурчала весьма недружно: *da zdravesteu sevdari Karli! (se trăiesc domnitore! Carl!)*. Крики продолжались съ минуту. Меня удивило, что боя съеди не показывали ни малѣйшаго участія въ этомъ злѣшномъ. Крики были болѣе формальностью, чѣмъ выраженіемъ искренней любви къ родинѣ, къ самимъ себѣ. Все глухо ухмылялось. Мнѣ было досадно на народъ, который самъ призвалъ къ себѣ государя и ничѣмъ не выражаетъ ему своего сочувствія.

Сверхъ фанариотскаго индифферентизма, къ несчастію нашему единовѣрцамъ забрался еще идеъ *братства, равенства, и свободы* — это ихъ окончательно доконало. Князь Карлъ не можетъ быть способнымъ или неспособнымъ государемъ, хорошимъ или дурнымъ; но каковъ бы онъ ни былъ, а все-таки онъ односторонне съ собою цѣлую Румынію. У меня, пожалуй, очень плохая шлѣга на голову, но это моя шлѣга — и никому не позволю сбить ее съ меня. Не хотѣть знать Карла привечать, пусть молчатъ, пусть свистятъ даже — это я понимаю; но мнѣ противенъ этотъ безразличный, развратный индифферентизмъ, который не идетъ ни туда, ни сюда; такъ я вижу, что цѣлый народъ управлется горстью людей, болѣе или менѣ развитыхъ, которые ворозактъ имъ по своему благоусмотрѣнію, а народъ въ ли шихъ, ни противъ нихъ.

Театръ въ Яссахъ плохъ. Ясса таковой же молдавскій городъ, какъ, напримеръ, Ковно русскій. Главную массу населения составляютъ евреи, поляки, яшцы; молдаване здѣсь только чиновники, небольшое число лавочниковъ и простонародье. Евреи въ театры не ходятъ — такъ не по тому. Поляки — голъ, второй не до театра: за и чего они бузуть хо-

дуть въ театрѣ, гдѣ играютъ на чужомъ для нихъ языкѣ? Къ пѣвцамъ еще иногда забываютъ странствующія труппы. Затѣмъ остается молдавская публика, полуразоренная соединеніемъ вѣжествъ, которое лишило Ясы прежняго ихъ значенія. Декораціи бѣдны, актѣры невозможны. Давались два переводные водевилы, въ которыхъ, набѣду, выводились на сцену графы, бароны, маркизы. Актѣры сдѣлали все возможное, но такъ и вышло, что они даже малѣйшаго понятія не имѣютъ, что имъ негдѣ было и присмотрѣться къ быту и манерамъ не только высшаго, но хотя какого-нибудь приличнаго общества. Видны Молдавія съ ея боярами! Если это манеры бояръ — а я знаю, что это манеры бояръ средней руки — то наши парикмахеры и пасажи держатъ себя лучше. Прѣ манеры и тѣлодвиженія актрисъ (баронесы! графини!) я ужъ улощу. Лучше всего сошла пѣсь съ рукъ пьеса «Хрестинская свадьба», картина изъ народнаго быта, г. Александреску. Содержаніе ея совершенно пустое, но національное, а музыка превосходна. Эту оперетку сдѣлало бы поставить и у насъ, равно какъ и галицкую оперу священника Вербицкаго «Подгоріе» *). Право, стыдъ, наконецъ, что мы ничего не знаемъ о такихъ хорошихъ произведеніяхъ нашихъ

*) Текстъ священника Гумалевица. Какъ въ произведеніи галицкихъ писателей, «Подгоріе» очень идиллически. Дѣйствіе происходитъ въ Карпатахъ. Войтъ (староста) хочетъ женить сына на дочери сосѣда. Разсчитъ войтъ основанъ на томъ, что у богача-сосѣда документа на землю не совсѣмъ въ порядкѣ — поэтому, предложеніемъ брака онъ могъ бы соединить наслѣдство своего сына съ сосѣдскимъ. Но дочь сосѣда влюблена въ другаго. Раздраженный войтъ, деспотъ села, интригантъ, подговариваетъ старуху поджечь дворъ сосѣда, думая, что разоренный не будетъ упрямиться; поджигательство же сваливаетъ онъ на позавѣсавшаго своей предпологаемой споси. Сосѣда и тутъ не поддаются — онъ дѣлаетъ имъ процессъ за землю. Въ это время старуха пробавляется: войтъ арестуютъ, разоренному крестьяне ставятъ дворъ и выбираютъ его въ войты. Съ этой оперой вышла комедія. *Одинъ изъ талантовъ* въ привлечіе Голуховскаго, желая ознакомить насъ съ произведеніями тамошней литературы и съ тамошними народными мотивами, прислалъ эту оперу съ партитурами О. М. Бозанскому, надѣясь, что онъ похлопочетъ поставить ее у насъ. Что сдѣлалъ почтенный профессоръ, намъ неизвѣстно. Вероятно, какъ библіополь, положилъ онъ ее въ архивъ своего общества, похвѣтивъ ее нумеромъ, занеся въ каталогъ и ждѣтъ, когда придетъ очередь помѣстить ее въ своемъ журналѣ. Если будутъ ее у насъ ставить, мы сѣмълились бы посоветовать дирекціи описать черезъ галицко-русскую матицу настоящихъ *гумалевскихъ* костюмовъ. Это стоитъ будетъ недорого (все же дешевле, чѣмъ заказать у портныхъ), ознакомить публику съ ненужностью русскихъ горцевъ, да и горцами, которые чуть съ голоду не мрутъ, — помочетъ.

единствѣнныхъ сосѣдей, а ограничиваемся только заимствованіями у чуждыхъ намъ народовъ!

Пьеса направлена противъ фанаріотовъ. Разумѣется, противъ нихъ не трудно было бы сочинить что-нибудь поучительное; но у здѣшнихъ литераторовъ перы еще не призваны ходить по бумагѣ, мысль не выработалась еще до творчества, да и цѣло серьезно образованныхъ людей такъ не много, что не можетъ выщипать въ себѣ всяческіе таланты. Приведемъ вѣщу пеструю — было же у насъ время, когда восхищались Кантемиромъ, Сумароковымъ, Херасковымъ, княземъ Игнатомъ Михайловичемъ Долгоруковымъ, которые, увы! теперь хуже чѣмъ забыты. Румунія находится *покуда* въ XVIII вѣкѣ.

На сцену является фанаріотъ. Исторія Румунія за послѣднее время есть исторія борьбы съ Фанаремъ. Онъ востъ, что онъ просвѣтителъ парнаровъ, что онъ ученый человѣкъ, знаетъ географію, философію, исторію, математику, ариѣметтику, физикъ, и еще что-то; что дикіе румыны не въ состояніи даже имитировать его дѣятельности. его самоотверженіи жить между ними, и что они только по глупости своей негодуютъ, что онъ богатѣетъ съ нихъ и выпораживаетъ ихъ пармавы. Актѣръ бѣзъ одѣтъ въ старій костюмъ фанаріотскій, котораго вы теперь не Фанаръ уже не увидите. Костюмъ этотъ былъ очень похожъ на костюмъ нынѣшнихъ евреевъ-эспанолювъ: халатъ, нашивки на свѣркх халата; пѣть-подъ халата видны желтые шаровары; на ногахъ красныя туфли; на головѣ *фесъ*. Речитативъ шлетъ на ломанномъ румынскомъ языкѣ, съ спланнымъ греческимъ акцентомъ. Весь схоластицизмъ фанарейскаго образованія, вся его безплодность и ненужность, вредность его для страны, подлѣдомственныхъ цареградскому патріархату, все было выражено п этой (весьма не серьезною) музыкою и этимъ речитативомъ. *Пужено* поставилъ эту шутку у насъ, чтобы наша публика поняла фанаріотовъ и поняла, наконецъ, различіе между греко-византіотомъ и грекомъ-фанаріотомъ.

Старикъ фанаріотъ, просвѣтителъ румыновъ, вычислилъ свои заслуги и свои достоинства, приходитъ *по деламъ* въ исключенію, что каждая дѣвушка въ селѣ должна сдѣлать его и выдать за него замужъ. Если же та именно, которая ему приглянулась, и не хочетъ за него выходить, такъ это все отъ незнѣстна варваровъ. А отецъ этой дѣвушки, мужикъ, долженъ ему обогата червонцевъ.

Фанариотъ стучится въ его дверь и требуетъ денегъ. Денегъ у крестьянина сегодня нѣтъ. Просвѣтителъ варваровъ предоставляетъ ему на выборъ: или тюрьму, или выдачу за него его дочери. Крестьянинъ предлагаетъ ему позвать полицію, а дочери не продаетъ его дочь любить другого. Фанариотъ бѣжитъ за полицейскимъ.

На сцену является толпа крестьянъ, которая выплясываетъ народную пляску, нѣчто въ родѣ нашего хоровода. Старикъ степъ обращается съ своимъ горемъ къ танцующимъ, а между ними выплясываетъ и тотъ, кого дочь его любитъ. Это конюхъ пѣлаго села, зрягъ, разужется, фанариотовъ, человекъ выдумчивый. «Успокойся—говорить онъ старику—ничего не будетъ; мы румуны, намъ не слѣдуетъ поддаваться фанариотамъ»... т. е., въ патристическомъ смыслѣ.

Является фанариотъ съ *эпистоломъ* (квартальнымъ) арестовать крестьянина. Влюбленный и его товарищи предлагаютъ фанариоту покачать его на качеляхъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ отстрочилъ арестъ старика на нѣсколько минутъ. Честолюбивый фанариотъ крайне польщенъ этимъ почетомъ, этимъ доказательствомъ уваженія къ его высокопремудрости. Крестьяне качаютъ его на качели и начинаютъ раскачивать. Музыка въ это время дѣйствительно представляетъ качели: можно не знать о чемъ идетъ дѣло, но звуки скажутъ вамъ, что что-то качается.

Усталъ фанариотъ, просить, чтобъ его отпустили, а его все качаютъ да качаютъ. Тоскливымъ голосомъ навѣваетъ онъ, что даже закатить, если остановить качели, а его все качаютъ да качаютъ. Онъ, наконецъ, на все согласенъ — съ него требуютъ роспенки, которую онъ молниеносно, при помощи *логикъ, математикъ, приложеникъ и метафизикъ*, содралъ со старика, требуютъ, чтобъ онъ отказался отъ своего сватовства — онъ на все согласенъ.

Тѣмъ дѣломъ и кончается. Слѣдуютъ обнищанья, поздравленья, народный гимнъ — и такъ далѣе, все какъ водится.

Конценція, какъ видите, слишкомъ пестрая и отнюдь не сложная. Одна музыка выручаетъ все это дѣло. А музыка оперетки такъ мила, такъ пріятна, шутлива, что каждый театръ выигралъ бы, давая эту пьесу. Замѣчу же я кстати, что если малороссійская музыка—при всей ея мелодичности—страдаетъ отсутствіемъ содержанія, силъ не вливаетъ въ душу, то румынская, то же очень мелодичная и то же весьма пріятно щекоча

ухо, еще безсильнѣе малорусской. Бѣда — мелодій, на борьбу вызывающихъ, на подъемъ вдохновляющихъ, какъ наши — нѣтъ ни у одного изъ единичныхъ или единичныхъ замъ народовъ. Волею-неволею мы во всемъ и представители и покровители ихъ, какъ мы ни отвертываемся отъ этой роли.

Покуда все это разыгрывалось на сценѣ, бинокль мой неустанно донесилъ мнѣ, что происходило въ публикѣ. Дамы — красавицы здѣсь гибель — сіяли въ брилліантахъ и изумрудахъ. Лица ихъ носили тоже вилое, неземное выраженіе, которое составляетъ особенность южныхъ женщинъ. На сѣверѣ женщина далеко не такъ хороша, какъ на югѣ, но въ, изъ самому лицу ей, по ея манерамъ, поступкамъ, словамъ, видите, что она, прежде всего, человекъ. Южная поражаетъ насъ своею сверхающею красотою, она жжетъ насъ глазами, нестрашно влечетъ насъ къ себѣ — проходитъ минута обніанія, и вы съ удивленіемъ замечаете, что вы шлете дѣло только съ самой. Повички на югѣ сходятъ съ ума по этимъ женщинамъ, путешественники чудеса о нихъ разсказываютъ, поэты ихъ восхваляютъ, но исследователи характера народовъ, этнологи приходятъ къ совершенно другому заключенію, что — между нами будь сказано — очень жалко.

Бинокль мой гулялъ по ложамъ — и вдругъ остановился... Это были двѣ женщины такой красоты, такая даже и по снѣ не притеня. Юноша, поэтъ, художникъ съ ума сошелъ бы при видѣ этой божественной красоты. И не шутя жалѣлъ, что я не скульпторъ — эти двѣ головы затмили бы правдивостью чертъ Венеру медичинскую; эти двѣ головы... лучше и не смотреть на нихъ, лучше не видѣть того, что я видѣлъ...

Это были женщины изъ двухъ самыхъ аристократическихъ дворянскихъ фамилій, изъ фамилій, имена которыхъ напоминать намъ о цѣлыхъ рядахъ героевъ, борцовъ за нѣру и за народность — я не приведу этихъ именъ, я не хочу, чтобъ звучны краснѣли за бабушекъ. То, что я видѣлъ въ 1867 г., у насъ дѣлалось въ 1757 г.—мы пережили эту эпоху, и Молдавія живетъ еще во времена императрицы Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. Вина не ей, скорее это вина пана. *Мне* холу ей не давали; мы, руками министровъ иностранныхъ дѣлъ, загораживали злѣйшему краю дорогу во всякому развитію; мы развратили ихъ, плп, по крайней мѣрѣ, не зинали имъ развращаться!

Огромныя (по-здѣшнему) деньги закатили онъ, чтобъ утер-

жить за собою лому vis-à-vis съ тою, которая была назначена прииду—и чего онъ тамъ не выдѣлывалъ! Витыхъ четыре часа строили онъ ему глазки, улыбаюсь, вздыхали, и все это при двухъ тысячахъ зрителей и при человѣкахъ пяти ихъ знакомыхъ, сдѣвшихъ въ ложъ приица! Нѣтъ, едвали кто захотѣлъ бы быть на мѣстѣ юнаго Гогенцоллерна! каждаго покоробило бы подобное публично заявленіе женщиною ихъ чувствъ.

Мнѣ все сдавалось, что полиція наконецъ напомнитъ дамамъ о правилахъ приица, а полиціи было въ театрѣ больше, чѣмъ нужно, и какъ нарочно всѣ *комисары* (частные пристава) стояли именно около меня. Надо было видѣть ихъ лица, какъ и лица большей части здѣшнихъ чиновниковъ, чтобъ уразумѣть всю отсталость бѣдной Румыніи, несмотря на ея конституцію. Куда наши бурбоны! у нашихъ бурбоновъ хоть характеръ иногда выражается въ наружности, а здѣсь высказывается что-то вялое, сонливое, распущенное.

Заходить ко мнѣ иногда субъ-комисаръ, мой сосѣдъ. Субъ-комисаръ — значитъ помощникъ частнаго пристава. Плачется онъ мнѣ горько на новые порядки. «Служить, говорить нельзя при этомъ соединеніи княжествъ. Помолчите-съ! Прежде, лѣтъ пятнадцать назадъ, жалованье у насъ было такое маленькое, что и на три дня его не хватало, не то, что на мѣсяцъ — а все бывало не придешь домой безъ трехъ, четырехъ карбованцовъ *) въ карманъ: тогда порядочный человѣкъ и служилъ съ удовольствіемъ. Теперь у меня жалованье въ 300 карбованцовъ въ годъ, а втрѣе совѣсти честнаго человѣка, въ годъ 50 карбованцовъ доходу нѣтъ. Первое — городъ обдѣлывъ, потому что здѣсь нѣтъ господари, а стало быть, нѣтъ и присутственныхъ мѣстъ; а другое — законы заведены французскіе, строгость; чуть что сдѣлаешь—того и гляди, слетишь съ мѣста. Дай Боже, чтобъ опять раздѣляли княжества, или чтобъ присоединили Молдавію къ Россіи! тогда Яссы стали бы губернскимъ городомъ, было бы здѣсь много начальства — да и начальство въ Россіи цѣнитъ людей и не *принимаетъ* ихъ служить...»

Въ самомъ дѣлѣ, въиная привычка быть подъ чужеземнымъ владычествомъ надолго лишила здѣшнюю массу всякаго патріотическаго чувства и сдѣлала ее крайне матеріалистическою. У грековъ, у болгаръ, у сербовъ этого равнодушія къ судьбамъ

*) Рубль серебромъ.

своей родины вовсе нѣтъ: у нихъ былъ и есть одинъ только врагъ — турокъ, съ его пособникомъ — грекомъ; народы Турціи знаютъ хорошо, кто явлено ихъ врагъ. Поэтому, они естественны по народностямъ, а важная народность представляетъ собою крѣпкое цѣлое, каждая изъ нихъ имѣетъ своихъ предводителей, за которыхъ держится, какъ лѣтъ за мать, и, поэтому, каждая изъ нихъ сильна. Съ румынами было совершенно другое. Маленькое племя, поставленное судьбою между славянскими сосѣдями, они, волею-неволею, подчинились то тому изъ нихъ, то другому, такъ что отыски даже отъ мысли, что судьбы ихъ зависятъ отъ нихъ самихъ. И турки здѣсь вѣствовали, и поляки, и мы дожидали ихъ нашимъ покровительствомъ, а Австрія вводила сюда войска... наконецъ они подпали подъ покровительство цѣлой Европы, то-есть, окончательно сблизясь съ тобою.

Народъ не былъ врагомъ Румы. Я то и дѣло слышала отъ него фразу: «Caza esti omul bun — ei a bun lasii renega noii». (Куза хороший человѣкъ — онъ знаетъ добро слышалъ). Дѣйствительно, онъ освободилъ крестьянъ, завелъ обязательныя школы, бояръ согнулъ въ дугу, далъ всѣмъ одинаковыя избирательныя права. Ронтали на него только за тяжелыя подати, да за введеніе *границерства* (graniceri), нѣчто въ родѣ прусскаго ландвера. И вотъ этотъ же созданный изъ народъ на шагъ не отсталъ въ его пользу, когда его свергли. Народъ получалъ, потому что не вѣрять ни въ свою силу, ни въ свое значеніе, ни въ прочность реформы; а городское населеніе, вслѣдствіе лавочничества, хлѣбопекни, мясники, даже положительно радовались его паденію. И не потому, опять-таки, они радовались, чтобъ не забыли Кузы, а потому, что надвигался на иностранное заигрываніе. «Придутъ сюда войска, дѣла поправятся, подарила и поставил пойдутъ! Дай-то Богъ, чтобъ русскіе пришли — русскіе офицеры любятъ жить на широкую ногу, франты, гастрономы. Это не то, что австрійскіе, которые каждую копейку рассчитываютъ, хуже чѣмъ мы здѣшніе». Сами бояре радовались: а ужъ про бояръ я и не говорю. «Будутъ баяны, пачеръ, — а мужъ русскій все же лучше *какого-нибудь молдавана!*»

И не только иностранныя войска, не только фанаріоты раздражали такъ глубоко этотъ народъ, что здѣсь честныхъ мужчинъ или женщинъ надо съ фонаремъ искать: — на него, или вступавшаго въ серьезную историческую жизнь, чрезвычайно сильно подѣйствовалъ философскія ученія XVIII вѣка.

Фанариоты ничему не учили свои пастыри — имъ было не до того: у нихъ финансовыя обороты и житейскія карьеры сидятъ въ головѣ. Да и, наконецъ, просвѣщать варваровъ особенно варварское духовенство, значитъ бить камнемъ камень въ собственныя дѣти. Въ немногихъ фанариотскихъ школахъ изучаютъ и до сихъ поръ только Гомера, Сократа, Геродота, Платона и прочихъ классиковъ, а остальное все прахъ и суета. «Съ нами — греки и латини, изслѣдуя вещей всѣхъ дѣйство и причиноу», писалъ дѣтъ съ полтораго вѣка молдаванъ Кантемиръ. Съ фанариотской подготовки предки нынѣшняго поколѣнія перешли на французскихъ гувернеровъ — просвѣщеніе они уже уважали, и сознавали смутно, что на Западѣ, въ саможъ дѣлъ, есть что-то похожее на науку. И теперь хороши наши гувернеры изъ-за границы, и теперь не мѣшало бы намъ вынести наши дома отъ 99% этихъ руководителей и просвѣтителей нашихъ дѣтей; но, дѣтъ сто назадъ, эти люди были во сто разъ вреднѣе теперешнихъ. Они тогда смѣли причислять своихъ питомцевъ презирать все родное, все заветное — языкъ, веру, языкъ, преданія отцовъ ихъ, и указывали имъ на Францію, какъ на единственный мѣръ, гдѣ человекъ можетъ легко дышать, какъ на сокровищницу знаній, на путеводительницу рода человѣческаго.

Въ энциклопедическомъ подвѣдѣ много бѣды восточной церкви, а съ нею и всему христіанскому востоку. У насъ, на сѣверѣ, правительство тѣснило ее, боясь ея приверженности къ старымъ порядкамъ. Сначала вывели епископовъ изъ великорусовъ; потомъ отняли патриаршество; потомъ взяли — большіе и маленькіе Бироксы — ругались надъ православіемъ сколько имъ лютеранству было угодно; наконецъ, отобрали у церкви имущество. Когда явились энциклопедисты — стало еще хуже: невѣріе, усвоенное правительственными лицами и тогдашними образованными людьми, дѣлало церковь окончательно презрѣннымъ достоинствомъ черни и сабидовъ. Далѣе, іезуиты подрывали къ ней уваженіе; за ними протестанты, сведенборгисты и миссионы... только теперь начинаетъ она вставать на ноги, и то только у насъ.

Въ Малороссіи и Бѣлороссіи ей приходилось едва ли не горше. Гонимая униатами и католиками, она не могла думать ни о серьезномъ выясненіи собственныхъ своихъ догматовъ, ни о заведеніи школы. Были приняты всѣ мѣры, чтобы не только пра-

вославныхъ, но и самыхъ униатскихъ духовныхъ держать въ невѣжествѣ и униженіи.

Цареградскою патриархіею плавали фанариоты, *которые до сихъ поръ десной, сестой дои того не сдѣлали для православія, что у насъ сдѣлали: умственное развитіе и нравственность нашего священника даже и сравнивать нельзя съ тѣмъ, что вы увидите въ Иссахъ, въ Тульчѣ, въ Рудувѣ, въ Цареградѣ.* Если у насъ духовенство крѣпко отстало отъ міра — въ чемъ оно само сознается и что оно, въ честь его, хочетъ исправить — то въ этихъ краяхъ, оно, по развитію и по нравственности своей, стоитъ ниже даже нашего старообрядческаго (бывающаго) духовенства.

Теперь для умственнаго развитія русскаго, которому ихъ пожеланію сдѣлало бы, прежде всего, озабочиться заведеніемъ дѣльныхъ семинарій и дѣльныхъ духовныхъ академій, и оно начинавшійся богъ-знаетъ что, поступило совершенно наоборотъ. «На что развивать въ народѣ суевѣріе и укрѣплять предрѣзанные предразсудки? Пусть разумъ вступитъ въ свои права! Прочь съ нами, съ этими полами, добрыми-то, но ругательными, обидными народомъ! Ихъ надо въ ежовыхъ рукавицахъ держать, и не то, что помогать имъ въ ихъ собственномъ развитіи, чтобы изъ нихъ вышло іезуитовъ! Съ полами-мужиками еще можно такъ-сякъ справиться: ихъ глупость, простота, она не имѣютъ вліянія на молодежь, они не могутъ имѣть голоса въ государственныхъ дѣлахъ. Да здравствуетъ разумъ!»

И претензии поборниковъ суевѣрія, и не дали для нихъ школъ. Духовенство, какъ личности, не пользуется уваженіемъ въ народѣ; нравственнаго и умственнаго вліянія на народъ оно не имѣетъ; но народъ — то-есть сельскій людъ — не-таки ходитъ въ церковь, все-таки креститъ и вѣщаетъ дѣтей, похоронивъ хоронитъ. Онъ пѣнствуетъ со священникомъ, ведетъ съ нимъ скоромныя разговоры въ самые постылы дни; но онъ нуждается въ нихъ, какъ въ представителяхъ своей веры, какъ въ *личностяхъ* для исполненія ея обрядовъ. Священники тоже смотрятъ на себя, какъ на ремесленниковъ, вытѣкаютъ отъ алтаря и ждутъ постоянно заказовъ. Разумѣется, при такомъ ходѣ дѣлъ, при такой неразвитости, самый честный священникъ думаетъ только о томъ, какъ бы добросовѣстно выполнить все, что въ требникѣ написано; а остальное — хоть трава не роси.

И вотъ вышло, что въ массѣ городского, а послѣдъ даже и

сельского народонаселения развился страшный, неслыханный развратъ. Не только супружеское вѣроломство въ грошъ не ставится, но даже рѣдкая дѣвушка выходитъ замужъ честною. За гривенникъ вы купите первую встрѣчную мѣщанку; за рубль — чиновницу, купчиху; рублей за двадцать купите... Третій, четвертый домъ на любой улицѣ — притонъ чего хотите. Каждая мелочная лавочка — тоже... Впрочемъ, что жъ нападать на этихъ бѣдныхъ женщинъ, которыхъ иностранныя войска и отсутствіе развитаго духовенства эмансипировали до такого безобразія? Ихъ мужья, братья, сыновья разятъ лучше ихъ? Развѣ я не куплю любого изъ нихъ за нѣсколько рублей, чтобы онъ сдѣлалъ все, что мнѣ угодно, и развѣ братъ его не продастъ его тайны мамѣ за тѣ же нѣсколько рублей? Развѣ можно положиться на кого-нибудь изъ здѣшнихъ чиновниковъ, что онъ за червонецъ не сдѣлаетъ вамъ всего, что угодно? Даламъ опять огорку — свѣтлая личность есть и здѣсь во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ званіяхъ — но я поставилъ себя задачею указать только раны этого народа.

Есть положительные факты, что развитіе и нравственность государства и сословія находятся въ прямомъ отношеніи къ развитію и къ нравственности его духовенства. Католическія страны невѣжественнѣе и безнравственнѣе протестантскихъ, потому что католическое духовенство, по самому условію безбрачія, будетъ всегда стоять весьма низко. Въ есендзѣ идутъ люди изъ всевозможныхъ сословій, люди, которымъ, болѣею частью, иначе сунуться было некуда. Какъ можно предположить, чтобы вся эта масса есендзовъ имѣла призваніе къ *безбрачію*? Если въ двадцать лѣтъ отъ роду и казалось, что можно будетъ выдержать характеръ на всю жизнь, то неужели же всю жизнь можно будетъ стоять противъ искушеній? А вѣдь тутъ надо неповадывать, выпить, разрѣшать трудные вопросы семейной жизни, любви, ревности, паденій! Сравненіе униатскихъ семинарій съ католическими показываетъ, что студенты-униаты даровитѣе католиковъ. Большинство студентовъ католиковъ готовится въ есендзѣ единственно потому, что убоялись безднъ другихъ премудростей, не могли сдѣлаться ни инженерами, ни техниками, ни учеными, и католическія семинаріи вѣчно нуждаются въ воспитанникахъ: въ епархіяхъ пробасть вакантныхъ мѣстъ, которыя требуютъ замѣщенія во что бы то ни стало.

Поповичъ — другое дѣло. Какимъ бы ни былъ его родитель-

скій домъ, все же это былъ домъ священнослужителя и все же ребенокъ слышалъ въ этомъ домѣ хоть фразы благочестивыя. Прощаясь онъ гимназію (нашихъ семинарій въ Австріи, по счастью, нѣтъ), подумалъ-подумалъ, какой ему факультетъ избрать, а если почувствовалъ себя способнымъ, пошелъ на богословскій, гдѣ курсъ православнаго богословія (патристика, литургика и проч.), хотя и въ униатскихъ ихъ искаженія) все же не легче курсовъ другихъ факультетовъ. И вотъ, онъ — человекъ серьезно учившійся, семьянинъ, самымъ семейнымъ традиціямъ связанный съ народомъ — очутился въ селѣ. Тамъ ему скучно, у него есть потребность читать — онъ выписываетъ журналы, покупаетъ книги, разумеется, сколько то позволяетъ ему его скудная средства. Этими онъ снабдилъ ислерскую литературу, онъ удивляется числу читателей, а съ тѣмъ платитъ, и литераторовъ. Затѣмъ, развитый человекъ онъ не можетъ оставаться безучастнымъ къ общественнымъ вопросамъ, и вотъ, по его совѣту, по его настоянію, прихожане заводятъ школы, община трезвости, преслѣдуютъ развратъ, интересуются дѣлами государства и начинаютъ любить родину. За школы и за нравственную жизнь разовьется и благосостояніе общества.

И есендзу въ селѣ скучно — но ему скучнее вола. Ночь езмѣнчивъ, а есендзъ одинокій человекъ. Не пойдетъ же онъ изъ мушкету убить врага; ужъ лучше же съѣздить къ сосѣду-помощнику или фабриканту — все хоть съ порядочными людьми потолкуешь. И становится онъ свѣтскимъ, салоннымъ человекомъ, и забываетъ народъ, и ратуетъ за интересы мирныхъ сословій. Его за это на рукахъ носятъ и кричатъ во все горло о великихъ нравственныхъ качествахъ католическаго духовенства.

Сравните же теперь, гдѣ народъ честнѣе и развитѣе, въ католическихъ или протестантскихъ странахъ, и протестантскія имѣютъ нѣкоторое сходство съ нами, потому что въ нихъ духовенство тоже женатое. Вотъ вамъ Франція, католическое духовенство которой ставить въ образецъ всему остальному католическому міру — тамъ мужчины невѣжественнѣе нашего, тамъ, годъ отъ году, уменьшается число браковъ, тамъ *demi-monde* съ каждымъ днемъ беретъ верхъ, и женщины терпятъ способность рождать. Италію мы и брать не будемъ — мы знаемъ, какъ развитіе тамошней массы и что такое неаволитанцы, *сидальды*, *венсанцы* и *tutti quanti*. Затѣмъ остаются Писанія, Южная Америка, Прандія, Тироль, Венгрія, Польша, Хорва-

ты, Баварія. Что жъ мы такого особеннаго слышали объ умственной производительности и высокой цивилизаціи этихъ странъ, не говоря уже объ ихъ нравственности? Высокая наука, философія, серьезная музыка, полное мысли искусство—все у протестантовъ: припомните Англію, Сѣверную Германію, Данию, Швецію, Норвегію, Сѣверную Америку, даже нашъ Остзейскій Край и Финляндію.

Но и у протестантовъ тоже развратъ не плохъ, скажутъ на это. Такъ, да на 3% незаконнорожденныхъ въ Лондонѣ приходится 230% въ Римѣ.

Намъ, восточной церкви, трудно было развиваться. Мы вѣки выносили на своихъ плечахъ всякихъ монголовъ, татаръ, турокъ, тогда какъ Западъ рѣзался только между собою; намъ нѣтъ стыда, что мы еще не обогнали его. Но наше православіе *исключительно* сдѣлаетъ для насъ больше, чѣмъ протестанство, потому что мы знаемъ, что наше богослуженіе, въ десять разъ торжественнѣйшее католическаго, непонятное граціознѣйшей симфоніи, влечетъ и увлекаетъ массы и обрядомъ своимъ и *понятностью символовъ* (потолкните съ старообрядцами, и вы удивитесь, какъ народъ можетъ легко понимать и осмысливать обряды). Протестантство сухо, сухо—проповѣдь, на которой оно вывѣсилось, долга и дѣйствуетъ усыпительно даже на людей, привыкшихъ слѣдить за логическимъ развитіемъ темы. Намъ только не достаетъ хорошихъ духовныхъ академій, да закона, что нельзя ставить въ священники или въ дьяконы некончившихъ курсъ въ духовной академіи и недавнихъ стражейнаго экзамена.

Разоблачать ли еще раны будущаго царства румынскаго? Иностранцы заѣдаютъ его, какъ и весь нашъ востокъ. Сюда тоже лезутъ все зарованные и бездарные проходилыи Запада, точно также отгвѣщаютъ туземцевъ отъ государственной службы, отъ торговли, отъ ремесла. Въ ихъ рукахъ капиталы, вліяніе... а же говорю, что здѣсь можно во-очію видѣть Россію послѣ Петра-Великаго и при немъ. За принцемъ Караомъ валитъ уже толпа голодныхъ вѣзцевъ, и, несмотря на вопль здѣшней интеллигенціи, вѣзцы за вѣзцевъ втираются въ должности. Въ 1867 году былъ слухъ, что прѣхавшій тогда въ Яссы братъ Карла, Фридрихъ, будетъ наместникомъ Молдавіи. Зачѣмъ это? для чего? и развѣ знаетъ оныя настолько край, чтобъ сдѣлаться наместникомъ? И развѣ нѣтъ на это мѣсто ни одного способнаго румына? Все это какъ-то нехлѣбнато, какъ-то *zu deutsch*?

А съ этими иностранцами здѣсь была. Въ силу старинныхъ договоровъ (капитуляцій) разныхъ европейскихъ державъ съ Портою, иностранцы пользуются здѣсь правомъ сунуться между собою у своихъ консуловъ, а въ делахъ съ здѣшними подданными требовать отъ своихъ консуловъ покровительства и защиты. Поймите, каковъ хаосъ изъ этого выходитъ. Консулаты путаются въ каждое распоряженіе здѣшняго правительства и въ каждое дѣйствіе администраціи. Арестовали иностранца—консулатъ считаетъ это личнымъ оскорбленіемъ, сбиваетъ съ толку полицію, парализуетъ ея дѣйствія. И безъ того трудно что-нибудь устроить порядкомъ, а тутъ еще проклятыя капитуляціи, подъ защитою которыхъ своевольствуютъ здѣсь что-то около 70,000 австрійскихъ подданныхъ, болѣею частью евреевъ.

Бедная ты, Румынія! И никто-то твоихъ бѣдъ не знаетъ! Никому горя нѣтъ, что финансы твои державы-покровительницы силою отдаютъ въ руки евреевъ, что евреи монополизуютъ тебя—евреи, которые бѣгутъ сюда толпами изъ Россіи, Австріи и даже Пруссіи, спасаясь отъ рекрутчины и отъ полиціи. Никому и горюшка нѣтъ, что ты въ скоромъ времени будешь несчастіемъ нашего Западнаго Края. И одни ли евреи—эти люди, которые не сѣютъ и не жнутъ, а въ жалкихъ собираютъ—подкашиваютъ твое благосостояніе? Вотъ и фанариоты уже опять подняли головы и опять хотятъ захватить твои монастыри, чтобъ доходы съ нихъ употребить на богоугодное дѣло содержанія своихъ любовницъ и на поддержку турецкой власти. А теперь нѣтъ это легко сдѣлать—теперь все такъ сочувствуютъ грекамъ. А они развѣ не по-гречески говорятъ? Развѣ они не православные тоже?

Что дѣлать? Чѣмъ помочь?

Мое скромное мнѣніе—пусть наши редакціи приглашаютъ своихъ избѣжавшихъ изъ своихъ корреспондентовъ повѣстить этотъ край и проверить мои показанія. Не все же описывать Италію да Францію—мы въѣдъ ихъ ужъ давно хорошо знаемъ. А если окажется, что развратъ и неразвитость румыновъ, гнетъ фанариотовъ, евреевъ и прочихъ иностранцевъ дѣйствительно такъ подрываютъ здѣшнее благосостояніе, то, пусть же наше правительство отворитъ румынамъ наши школы, а наши архиепископы пусть войдутъ въ сношеніе съ здѣшними и пригласятъ ихъ, во имя Христова, поднять умственный и нравственный уровень низшаго духовенства.

Такъ, скажутъ мнѣ, все это очень хорошо, но намъ самимъ надо прежде поучиться — мы сами больны тѣмъ же, чѣмъ румыны. Съ какими глазами явемся мы къ нимъ на помощь, когда они намъ могутъ отвѣтить: врачъ, исцѣли самого себя?

Пусть же возражатели побываютъ здѣсь, и они увидятъ какъ неизмѣримо высоко стоитъ наше развитіе, при всѣхъ его недостаткахъ, надъ здѣшнимъ. У насъ есть литература, у насъ по харчевнямъ хоть «Сынъ Отечества» налается — здѣсь въ лучшихъ отеляхъ печатной стрѣны не найдется; здѣсь человѣкъ, слѣдящій за политикой—чудо-юдо морское; а здѣшній ученый, даже и неученый, а просто чезовѣкъ, занимающійся наукою, интелантъ, попадется и того рѣже.

У англичанъ пропасть недодѣланнаго, но, вѣдь, это имъ не мѣшаетъ тупиться въ пользу другихъ народовъ. Но какому же праву мы, первые воззавшіе христіанскій Востокъ отъ вѣковаго сна, мы, его чаяніе, его надежда, его представитель — по какому праву мы бросаемъ его на произволъ судьбы?

Неужели же мы оказываемся апатичнѣе румыновъ?

ПОЛЬСКІЕ ЭМИГРАНТЫ.

I.

Въ Галичинѣ мнѣ не дали времени познакомиться съ поляками и съ историческими русинами, т. е. малорусами: усвоившимъ себѣ польскую цивилизацію, языкъ, и покуда я въѣхалъ въ Молдавію, такъ что не моя вина, если мнѣ тамъ не удалось видѣть поляковъ и только побесѣдовать съ ними. Эмигрантовъ ихъ я видалъ пробасть — они для меня не въ диковинку, но осѣдлыхъ поляковъ, поляковъ дома, chez eux, я еще не знаю. Ergo, вина не моя, если я стану рассказывать только про эмигрантское житье-бытьѣ, а разъясненіе его все же послужить къ разъясненію некоторыхъ свойствъ и особенностей этого, такъ глубоко ненавидимаго насъ, племенн.

Улица, на которой я жилъ въ Яссахъ, заселена была почти исключительно поляками. Человѣкъ прозаикъ, путешественникъ, я не имѣлъ ни ложки, ни ложки съ собою — вся моя движимость укладывалась въ мой чемоданъ и въ торбу; мелочи притались по карманамъ — вести своего хозяйства я не могъ, а вѣсть и пить надо; за этимъ, разумѣется, можно было бы обращаться къ молдованамъ, но жирный молдованскій столъ, пережаренное, переваренное до невозможности мясо, супъ, кохжій на растопленное масло, въ которомъ плаваютъ разваренный рисъ и разваренная до волоконъ говядина, мнѣ уже давнымъ давно прѣлись — мнѣ хотѣлось есть по-нашему, по-сѣверному и пребыть вѣрными традиціямъ нашей кухни, а наша кухня почти тождественна съ польскою. Поэтому, я усаживалъ себя въ одномъ покосившемся домикѣ, съ надтреснутыми окнами, съ дверьми, щели которыхъ вовсе и не думали удерживать тепло въ комнатѣ, и гдѣ вся компанія, собиравшаяся за весьма небольшимъ столикомъ, состояла изъ бѣгствующей Польши въ

повстаніи не участвовалъ только одинъ, нашъ юный аматрионъ Бѣдѣвскій (предупрежжаю читателя, что я измѣняю имена, которыми они здѣсь себя называютъ; впрочемъ, у этой, какъ и у всякой другой, бывшей братіи существуетъ обычай мѣнять свое имя даже между своими). Юный Бѣдѣвскій, студентъ кievскаго университета, былъ въ украинскихъ казакахъ, въ казакахъ, которые — замѣтите только логичность — состояли преимущественно изъ шляхты, изъ католиковъ, говорили между собою польски и думали возстановить Южную Русь въ союзъ съ Польшею. Но возстановленіи этого, Южной Русь получила бы право неповѣдовать взору своимъ. Владимира и Ольги, Бориса и Глѣба, Нестора и Антонія — уиіе; разузнѣтся, не боготворившую схиразу москалей. Въ суды, въ школы, введенъ бы былъ *настоящій рускій* (а не русскій) языкъ, по фонетической орфографіи, съ правомъ замѣнить эту орфографію латинскою азбукою. Русь, Русь! (понимается не Москва провлятая), политическая казачья Русь — какое несчастье, что все это не удалось Бѣдѣвскому и его товарищамъ! Дѣти такъ много мечтали о тебѣ, что пришли къ убѣжденію, будто все, чего ты хочешь — это воли, коня, шагайки и степи. А будто это не правда? Еслибъ ты освободилась — не заскакала бы все твоё народонаселеніе по степи, не разсѣлось ли бы по курганамъ снѣгать свои думки, не учился бы съ малыхъ лѣтъ владѣть саблею, точно въ Крыму еще есть татары и точно продолжаютъ ихъ набѣги, и нужно на Днѣпрѣ Запорожье! И вотъ за такіа-то фантазіи, ребячьиши пошлѣи подѣли, на высылки, въ эмиграцію. Не повиновшій исторіи, не изучившій народныхъ потребностей, они бросились въ омутъ политической дѣятельности — и погибли, да еще съ вѣрою. Я чуть не три мѣсяца доказывалъ Бѣдѣвскому весь вздоръ, всю несостоятельность его украинофильства, а онъ малый неглупый могъ бы понять дѣло. Въ подробностяхъ, въ отдѣльных вопросахъ, онъ совершенно соглашался со мною, но чуть вопросъ касался дѣлаго, онъ опять поднимался на дыбы противъ Россіи, и начиналъ толковать о святости правъ Южной Руси, о двухъ народностяхъ, о ихъ взаимной *антипатіи* (!), о *необходимости* (?) ихъ разьединенія для общаго блага... Не надъ первымъ надъ нѣмъ я наблюдалъ этого любопытнаго психологическаго процесса. Въ глубинѣ души человекъ часто сознаетъ, что его прошедшее было ошибкою, что дѣло, которому онъ служилъ, было неисполнимо; но потеряно не воротить, отсту-

паться отъ стараго, нѣкогда святаго знамени, смелости не хватаетъ, признаться въ ошибкѣ себя и другимъ — странно. И вотъ повторится старая вольтерова сказка о Кандидѣ и Кунигундѣ, и идутъ люди на смерть, на гибель, безъ вѣры, безъ любви — идутъ во имя своего прошедшаго, какъ бараны подѣ ножи мясника.

Между юными старыми знакомыми эмигрантами, я встрѣтилъ въ Иссахъ двухъ неглупыхъ людей, которые именно подходили подѣ категорію кандидатовъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ этого самаго Бѣдѣвскаго, бросилъ университетъ, чтобы *на любовь въ Украину*, слѣзаться католическимъ *ксендзомъ*. Поздѣ онъ читалъ пробыя проповѣди въ костѣль — гравело повстаніе. Сутану долой! Семьярность прератилась въ казаны и, политическа, съ прочими шляхтичами, гайдамацкія ибени, бился съ русскими. И жилъ съ ними въ Тульчѣ — онъ разсказалъ мнѣ свои похождения. И акнулъ.

— Да, батюшка вы мой! Да вѣдь назначили-то въ томъ я состоялся, что жила, ксендза и пса на одну олицу! Вѣдь ужъ если вы хотите быть русскимъ, какъ были предки ваши, то не стойте жѣ на сторонѣ ихъ враговъ, не идите въ ряды ихъ!

— Да нѣтъ, позволяте: я хотѣлъ дѣйствовать въ духѣ и имперіи, я хотѣлъ шляхту склонить къ уступкамъ. Вы совершенно правы — нашъ народъ невиннаго ксендзовъ, но я хотѣлъ показать... и т. д., и т. д.

Во всѣхъ отдѣльных вопросахъ онъ былъ совершенно правъ, а чуть коснулось дѣла общаго — тагъ и уперся.

Другой кандидатъ — оцнеръ, музыкантъ. Онъ уже разъ побывалъ въ ссылкѣ за какіе-то заговоры, общался съ русскими, полюбилъ насъ, обручился и уже не въ первой молодости воротился домой. Начинается движеніе: онъ ясно видитъ всю его безразсудность, несовременность: ему живо, что прощѣ духи дорогихъ ему племянъ будутъ литься и, при всѣхъ томъ однако — отпраивается въ костѣль играть на органѣ заправленными ибени. Теперь онъ тоже въ бѣгахъ, проклинаетъ повстаніе и глупость жонда; говорить, что польское дѣло навѣки потеряно, но что онъ пойдетъ при первомъ случаѣ драться за Польшу.

И это не помѣшанные; это добрые и хорошие люди, готовые послѣднюю рубаху съ плечъ отдать близкому, будь онъ хоть и разсудкаль, какъ я. Во время бѣдѣвскій мой въ Иссахъ — ухаживалъ за мною, заботился обо мнѣ эти же собѣди, шипары-

гвинеи, польскіе офицеры, обозные, разные повстанцы. Жены ихъ и близкія сердцу бѣты мнѣ готовили. И это все, совершенно безкорыстно, потому что отъ меня и корысти ни какой быть не могло, развѣ паппросами можно поживиться. И все они знали, что я писалъ и писалъ не въ ихъ пользу. Они все спорили со мною до слезъ о святости своего дѣла (справы), нѣкоторые изъ нихъ даже читали въ «Голосѣ» мое путешествіе по Галичинѣ и представили мнѣ на него возраженія, какія кто умѣлъ. Это ни что иное, какъ люди, которымъ другіе или которые сами себя вздвигли въ голову, что все русское злое, перако, безчестно, что долгъ каждаго честнаго человѣка, хоть бы онъ былъ даже и русскій, бороться для освобожденія Польши, единственной святыни рода человѣческаго, единственно чистаго и честнаго государства. Эта догма такъ овладѣла душами ихъ существованіемъ, что они отринулись отъ нея не могутъ, какъ мои Ясскіе друзья и пріятели скопцы, съ которыми я чаи распивалъ, не могутъ отдѣлаться отъ мысли, что русскій народъ первый на свѣтѣ; Петръ Федоровичъ былъ его императорское величество Ватюшка-Искупитель, а Суворовъ, Милорадовичъ, Горголи, императоръ Александръ Павловичъ, великій князь Константинъ Павловичъ и т. д., и т. д. — все были скопцы. Это такъ, какъ многіе неглупые люди боятся жуковъ, пауковъ, ящерицъ, мышей, потому что ихъ въ дѣтствѣ еще запугали этими невинными тварями. Это такъ, наконецъ, какъ мы съ вами не посмѣемъ выйти на улицу безъ верхняго платья. У насъ у всехъ есть свои непоколебимые принципы (*zасады*, какъ отлично выражаются поляки), которые овладѣли какими-нибудь судьбами къ намъ въ мозгъ, и какъ мы ни разсуждай, какъ ни сознавай, что они критики не выдерживаютъ, а все же съ ними ничего не подѣлаешь. Только сильнѣйшіе характеры могутъ совершать вадъ собою ампутаціи этихъ *засадъ*, смѣло отрекаться отъ прешлаго, перерождаться духомъ и идти новою дорогою. Слабыя личности тоже это дѣлаютъ, но *засадъ* ихъ сидятъ въ нихъ такъ некрѣпко, что по движенію ренегатства совершаются въ нихъ безъ борьбы.

Года полтора, а можетъ два назадъ, познакомился я въ Галацѣ съ однимъ эмигрантомъ. Это былъ низенькій, худенькій человекъ, въ очкахъ — лѣтъ, можетъ, двадцати восьми. Этотъ господинъ извѣдалъ мнѣ, что онъ все время возстанія тихо

и смиренно сидѣлъ въ своей канцеляріи, сдѣ-то неподалеку границы. Отступаясь одинъ отрядъ, тѣснимый русскими, но въ отступленіи старается увеличить свои ряды и набиратьъ всѣхъ кого попадетъ. Въ канцелярію являлся польскій жандармъ съ предписаніемъ отъ мѣстнаго польскаго начальства, чтобы всѣ чиновники завтра же явились въ отрядъ. Крѣпко зиф этого не хотѣлось — продолжалъ разсказчикъ — да что же прикажетъ дѣлать? Отчевица зоветъ, нельзя было не идти — хоть и мѣшалъ, что толку не будетъ, что мы съ вами не справимся. Досадно было; зналъ, что все терю, да и солдаты плохой — а пошелъ, дѣлать было нечего. Два, три дня походили мы по лесамъ, а тутъ нашихъ Богъ знаетъ сколько подвадило. О батювъ и думать было нечего — мы и захулилъ заграницу, въ Австрію, а въ Австрію въ Молдавію. Вотъ въ такъ портъ я и бѣдую здѣсь, и пробиваюсь чѣмъ могу».

— Охота бѣдовать! сказалъ я. — Видѣ вы въ сущности ничего не дѣлали. Еслибъ васъ даже и поймали на границѣ, васъ бы сослали лѣтъ на пять въ внутренній туберіинъ, а тамъ вы были бы, какъ дома. Языкъ нашъ вы знаете отлично, выните правильно, тайны бузвы ъ и завитыхъ вамъ известны — пошли бы тамъ себѣ кусокъ хлѣба...

— Въ томъ-то и несчастье мое, что не поймали! воздохнулъ чиновникъ: — разумѣется, въ Россіи лучше, чѣмъ здѣсь, все мы съ русскими почти одинъ народъ — только въ шкуръ разнися.

— И прекрасно. Стало быть, просите помилованія — за тѣ даже срокъ ссылки уменьшать.

Чиновникъ мой побѣднѣлъ, вытянулся на стулѣ, вѣвъ струна, и съ негодованіемъ уставился на меня глазами.

— Я?

— Вы; а то кто же?

— Я?.. Чтобъ я сталъ просить помилованія у ларя? чтобъ я сталъ унижаться? чтобъ я вѣнчалъ своему отчеству? чтобъ я жамнѣлъ дѣлу? Да вы понимаете ли, что вы мнѣ говорите?

— Очень хорошо понимаю. Я полагаю, что лучше добиться возвращенія хоть лѣтъ черезъ пять домой, чѣмъ лѣтъ пятнадцать-двадцать прожиться тутъ, безъ толку для себя и для края. Выслушайте терпѣливо. Я вамъ ничего не намѣренъ проповѣдывать, но сдѣлайте же вы сами твоей расчесть. Вы полякъ, вы хотите добра Польшѣ, какъ бы вы ни понимали

это добро. Вы готовы были лезть за Польшу на наши штыки — и отлично. Теперь время драки прошло — воротитесь домой, женитесь, сдѣлайтесь хозяиномъ, отцомъ, дайте Польшѣ новое поколѣніе такихъ людей, какъ вы. выйдете; будетъ новая драва — идите, деритесь; не будетъ драки — ищите землю, у величайте благосостояніе вашей рѣчины. Видъ ужъ если вы ее любите серьезно, если ваша любовь не одна фраза — то надо жъ и работать для нея безъ ораза, серьезно... и т. д., и т. д., на ту же тему.

— Все это такъ-съ, возражалъ чиноричъ: — только унижаться никто не станетъ, ни одинъ порядочный человѣкъ.

— А вотъ мы такимъ униженіемъ передъ татарами Землю Русскую собрали: униженіемъ передъ нашими московскими царями, которыхъ вы такъ ненавидите, сковади эту землю въ одно несокрушимо-кряпкое государство.

— Мы этимъ путемъ не можемъ идти; мы единимъ благородны для того.

— Ну, такъ пропадайте!

— Не пропадаю, не боюсь!

Вотъ это человекъ съ *засадой*. А что вы скажете про друга моего друга и пріятеля, высокаго, черноволосаго, стройнаго, какъ сосна. Чапликаго, человека съ добродушнѣйшимъ лицомъ и съ добрѣйшимъ характеромъ, который позволялъ *собственноручно пятидцать человекъ повесить*? Не думайте, чтобы это былъ простой, тупоумный злодѣй, разбойникъ — нѣтъ. Чапликѣ можно мѣшки золота отдать на сохраненіе, и онъ ихъ не тронетъ: но приди къ нему завтра карточка отъ жонда повѣсить меня, и какъ онъ ко мнѣ лезло ни привязанъ, но повѣситъ, непременно повѣситъ. Да что же Чапличій? — а вотъ этотъ пизенькій, шпирокоплечій блондинъ, мой сосѣдь, который ко мнѣ ходилъ бывало за политическими новостями, и этотъ прапорщикъ образцоваго волка, съ которымъ я и былъ и былъ вмѣстѣ, да всѣ они вмѣстѣ (развѣ за исключеніемъ Бѣлѣскаго), задумались бы совершить такую операцію? Дружба дружбою, а служба службою.

Шли мы съ Чапличскимъ степью; солнце жгло какъ только въ этихъ краяхъ жжется, а это была июньскій полдень. Чапличій рассказывалъ мнѣ страшную исторію своихъ подвиговъ. Онъ кончилъ и задумался.

— И чиста у васъ совесть? спросилъ я.

— Безукоризненно. Я служилъ честно какому святому делу; жандармы были необходимы, всѣ отъивались — и вызывались. Вѣрите ли? у меня сначала руки дрожали, а всѣ были какъ въ пихорахъ. Потомъ привыкъ, и теперь я повинуюсь человеку такъ же спокойно, какъ вы курицу зарѣжете.

— Послушайте, сказалъ я: у меня къ вамъ повторилась просьба. Въ память нашего знакомства: я возьму съ васъ обещаніе, что если ваша жонда приговоритъ меня, и вы будете назначены исполнителемъ, то дайте мнѣ передѣлу: я самъ распорядюсь собою, безъ вашей помощи.

— Даю, засмѣялся Чапличій, и мы ударили по рукамъ.

Вотъ у меня и протѣсія своего рода есть. Не шутя. Писавшіе этихъ рассказовъ, и пріимать въ заключеніе, что римляне и восточные народы были, въ отношеніи смертной казни, несравненно гуманнѣе насъ. Вы считаете мое существованіе вреднымъ, вамъ почему-нибудь нужно, чтобы я умеръ? Назначьте жъ мнѣ срокъ, что до такой-то минуты и могу не ослѣжаться вами, а если я самъ не распорядюсь, тогда вы потрунитесь, какъ умѣете. Дайте мнѣ умереть а на йоту, не отрицайте моихъ послѣднихъ минутъ вѣдомъ этой праздною толпою, чтеніемъ приговора, завываньемъ глазъ, называньемъ воли — за и тому подобными шалостями. Будьте деликатны съ умирающимъ. Человекъ самъ себя избираетъ роль жизни — надо жъ предоставить ему самому пзбирать себѣ роль смерти. И смерть отъ своихъ собственныхъ рукъ вовсе не можетъ считаться самоубійствомъ въ этомъ случаѣ, какъ нельзя считать самоубійствомъ того, кто плетъ на казнь смѣло, не стараясь бѣжать, не заводя драки съ палачемъ. — Но возвращаюсь къ познанию.

Другая ихъ *засада* состоитъ въ томъ, что какъ тамъ мыслить не хитри, а Польша, все-таки, будетъ. Засада эта перепла въ вѣру — они думаютъ, что есть люди, которые соизвѣщаясь могутъ въ этомъ. Они вамъ по пальцамъ вычислятъ необходимость возрожденія ихъ Польши, и возрожденія въ самомъ непродолжительномъ времени. Послушайте! за насъ Франція, Австрія, Турція, Швеція... Польша необходима для европейскаго равновѣсія, для прегражденія нашихъ завоевательныхъ стремленій, для распространенія гуманныхъ началъ, для пробужденія славянъ и т. д., и т. д.

Изъ этой логики о необходимости возрожденія Польши пріистекаетъ то, что поляки, съ года на годъ ждутъ европей-

своей войны противъ Россіи. Я часто присматриваюсь къ нимъ, какъ они читаютъ газеты. Повертнуть, повертнуть въ рукахъ, пощелкать, вѣтъ ли какихъ надеждъ на войну и, если нѣтъ — бросить. Онъ до того всецѣло поглощенъ мыслями о предстоящей войнѣ за Польшу, что вопросъ его первому встрѣчному: «Нѣтъ ли чего хорошенькаго? Не слышно ли чего? Чтѣ слышно?» значить, именно, не слышенъ ли какихъ слуховъ о войнѣ?

— Что хорошенькаго слышно? спрашиваетъ незнакомый незнакомаго, которые разговаривали между собою всего минуточку три назадъ.

— Ничего! отвѣчаетъ тотъ съ грустью: — все тихо.

— Нѣтъ, панове, въмѣшивается третій: — на весну *будетъ!* Наполеонъ не спитъ; Австрія тоже готовится; а Турція, хочешь не хочешь, должна идти, — иначе сама погибнетъ.

Не правда ли, что это своего рода масонскій языкъ? Забудьте, что подобныя толки возникаютъ каждую зиму (когда бѣдная эмиграція спитъ подложу зубы на полку) — и каждую зиму война во всеобщемъ оказывается неизбежною.

— *Ależ, mój panie, na wiosnę będziemy bić moskalów! Nie daj Boże, jak będziemy bić! — to w ten czas moskał w d... i weźmie!*

(Ну, пане, весной будемъ бить москалей! Не дай Боже, какъ будемъ бить — тогда-то накорнимъ его горячими).

Черезъ недѣлю по приѣздѣ моемъ въ Лесы, вышелъ я изъ своего отеля и увидѣлъ, что на дворѣ стоитъ человекъ въ бѣдномъ сѣренькомъ пальто, въ потертой мерзучей шапкѣ, съ дубинкою въ рукахъ и пристально всматривается въ меня. Лицо его показалось мнѣ знакомымъ, но гдѣ я его видѣлъ — не могъ припомнить. Онъ поклонился и я поклонился; онъ сдѣлалъ шагъ, и я сдѣлалъ шагъ. Должно быть кто-нибудь изъ принадлежащихъ къ отелю, подумалъ я, всматриваясь въ брюкеты, съ виду очень похороше на молдавана.

— *Gdzie ci z kim wchodził pę domniemam?* (Гдѣ и видѣлъ твою милость?) спросилъ онъ меня по-молдавски.

— *Dieu, nuscim!* (ей-богу, не знаю), отвѣчалъ я.

— *Może pan umie po polsku?* (Можетъ быть вы по-польски знаете?) спросилъ онъ меня по-польски. Тогда я его узналъ. Это былъ эмигрантъ со времени венгерской войны. Я встрѣчался съ нимъ въ Константинополѣ въ кофейняхъ, въ Галиціи какъ-

то раза два видѣлъ, и, наконецъ, судьба свела насъ опять въ Мессахъ. Разумѣется, и сейчасъ же порогился въ свой номеръ и пригласилъ его къ себѣ. Оказалось, что онъ съ тремя товарищами безъ копейки денегъ идетъ пѣшкомъ изъ Галаца въ Львовъ — разстояніе что-то въ 400 — 500 верстъ! И это въ ноябрѣ, въ гололедицу, безъ теплаго платья, въ раскисшихъ полусапожкахъ! Для эмигрантовъ такіа путешествія ривителіно ли почемъ. Я знаю молодцовъ, которые, тоже безъ копейки денегъ, пѣшкомъ отправлялись изъ Константинополя въ Польшу, доходили до Липзы, участвовали тамъ въ повстаніи, и опять-таки пѣшкомъ возвращались въ Турцію, на Босфоръ, гдѣ море вѣчно плещетъ на пустынные скалы, рѣзъ лучи солнца блещетъ въ сладкій часъ полнотной луны, гдѣ въ гаремахъ наслаждаясь, они проводятъ мушкетерскія... Эмигрантскія жизни, какъ и жизнь всякаго рода бывшей братіи, имѣетъ ту особенность, что человекъ, влеченный въ разъ, становится удивительно дерзокъ и предпримчивъ. Какъ кажется, зацѣпить, бѣзъ грѣша въ карманъ, путешествіе изъ Парижа въ Австралію, изъ Австраліи въ Польшу, изъ Польши въ Царство? А вотъ подите — эти, пѣшкы баричи, матушкины сыновья, вынуждены постоянно такіи штуки! У нихъ еще только подумокъ, другой батареи лѣзутъ, тогда какъ, вѣроятно вѣнчаны изаодъ, болшею ночью ходить по улицѣ. Въ душѣ всякаго человека востаетъ множество задатковъ на всякаго рода подвиги, но чтобы эти задатки развились до степени способностей и силъ, нуженъ благотѣльный случай. А откуда этого случай не представится, силы силы неслышно, незаметно — и человекъ, вораваанный насъ теперь своими поступками, не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ...

— Чего жъ вы идете въ Львовъ? спрашиваю я.

— Да здѣсь-то, пане, что же дѣлать? Работы нѣтъ — чѣловѣкъ, пане, пропадаеть въ этой проклятой Молдавіи, какъ собака!

— Ну, а въ Галицію?

— Въ Галицію, можетъ быть, что и найдется.

— Сомнѣваюсь я. Я во Львовѣ теперь видѣлъ вашихъ эмигрантовъ, Герасимовича и Маеуревича — ругаются на чело-

свѣтъ стоитъ, что туда попали. Куска хлѣба пш тамъ никто не даетъ; тамъ всѣ уже сильно обѣднѣли, помогая эмиграціи.

— Говорятъ, война будетъ. Говорятъ, Австрія и Франція пойдутъ на Россію, пане...

— Ну, тогда и идите, а теперь, право, не совѣтую — перебейтесь какъ-нибудь здѣсь. Да постоите, а у васъ паспортъ есть?

— У меня, пане, нѣтъ. Только у одного изъ насъ есть молдавскій паспортъ.

— Такъ какъ же вы идете? Видъ ели васъ поймать, васъ въ Россію выдаютъ, а изъ Россіи, какъ докопаются, это вы такой, что съ вами сдѣлать?

— А повѣсать, пане. Только теперь, пане, мы слышали, тамъ больше уже не выдаютъ. Тамъ теперь, пане, графъ Голуховскій наместникомъ, а онъ хорошій полякъ.

— Да что въ томъ толку, что онъ даже самый хорошій полякъ? И видъ прямо изъ тюрьмы сюда прѣбхать, и мы говоримъ чиновники, которые позружались со мною послѣ допроса, мы говоримъ начальникъ жандармской стражи, что они выдаютъ всѣхъ бѣглыхъ русскихъ подданныхъ, и это говорилось дружески, за стаканомъ чая. Жандармы, которые меня везли, рассказывали мнѣ, что они сами возили поляковъ въ Россію и до сихъ поръ везутъ.

— Идѣть, пане, ужъ мы пойдемъ. Пошли, такъ пойдемъ. Теперь всѣ наши идутъ, и всѣ говорятъ, что тамъ собираютъ отряды для новой войны и не выдаютъ.

— Ну, дорога скатертью — идите! Желая вамъ отъ души не попадаться.

И пошелъ. — Бѣднѣи въ самомъ дѣлѣ увѣрены, что въ Галиціи уже собираютъ отряды (отдѣлы), и со всѣхъ сторонъ другъ за дружкой типутъ туда на свою гибель. Увѣренность, что будетъ война, и что Австрія поможетъ полякамъ возстановить Польшу, такъ сильна, что никакія доказательства, никакія увѣренія не могутъ остановить ихъ на ихъ страшномъ пути. Эту увѣренность поддерживаютъ въ нихъ разрозненные нумера польскихъ газетъ, которые иногда попадаютъ пш въ руки.

Вообще эмиграція мало и неохотно читаетъ, а польскія газеты воютъ съ голоса брошюръ Голуховскаго (напримѣръ, анонимное «Oesterreich und seine Völker») въ которыхъ ясно и толково изложена программа, принятая нынѣшнимъ австрійскимъ

правительствомъ, и кабинетомъ Бельскреки и кабинетомъ Бейста. Программа эта несложна — слѣдуетъ удовлетворить желаніямъ обѣихъ *историческихъ* народовъ, составляющихъ Австрію: австрійцевъ (съ чехами, моравами, хорутанами и т. д.) и венгровъ (съ хорватами, сербами, словаками, русскими, румынами), и каждой изъ этихъ народностей дать свое министерство, свои финансы — словомъ, полную самостоятельность. Изъ этого, такъ называемому *федерализму*, Голуховскій прибавляетъ еще польскія провинціи Австрій, которымъ тоже слѣдуетъ дать самостоятельность, и при помощи ихъ и двухъ другихъ частей имперіи, отнять у русскихъ Царство Польское и Западные Губерніи. Тогда Австрія, Венгрія и Польша, соединенныя федеративно, будутъ одною короною представлять собою сильнѣйшее государство въ Европѣ, къ которому, возмужавшему, пригнѣнутъ Дунайскія княжества, Северная Болгарія и вся Сербія съ Босніею и съ Герцеговиною. Планъ, видите, вовсе неглупый, и правы австрійские государственные люди, что они его приняли. Въ наше время вопроса о народностяхъ трудно существовать государствамъ, основаннымъ только на трактатахъ да на преданіяхъ. Франція, Испанія, Италия, Пруссія, Швеція, Россія, Англія, Греція и Румынія — это живыя государственныя тѣла, населеніе которыхъ связано между собою и происхожденіемъ, и языкомъ и вѣрою. Это тѣла, составныя части которыхъ не могутъ прозь — мы не беречь, разумнѣе, въ счетъ всѣхъ народовъ, принадлежковъ, пидѣйцовъ, бурить, самолично въ націю организовать есть свои чуждые элементы. Но изъ государствъ историческихъ осталась одна Австрія съ Венгріею, и народности, замкнувшись въ ихъ исторію, рвутся на волю. Нѣтъ же стало найдти оправданіе своему существованію, надо доказать, что работа възможъ была не только не напрасною, но что изъ нея могутъ сложиться государственныя формы, ничѣмъ не худшія генетическихъ. Для этого надо, чтобы въ Европѣ была не одна Австрія, не одно историческое государство. И вотъ возстановляется Венгрія и всѣ готовится возстановленіе Польши. Это дѣлается противъ насъ; пш-за этого рѣки крови потекутъ — но это неглаголюемо задумано. Кто возьметъ, мы не знаемъ — мы не хотимъ ни ханствовать, ни вѣнчаться лаврами передъ побѣдою; но нельзя не видѣть, что близка окончательная развязка вопроса: будутъ существовать Австрія, Венгрія и Польша или не будутъ? To be or not to be — that is the question (of the day)...

Этого вопроса эмигранты, разумеется, не понимают—они слышали звонъ, да не знаютъ въ какомъ приходѣ. Для чего, почему готовится война — имъ все равно. Но набатный колоколъ началъ раскачиваться — и они бѣгутъ, бѣгутъ и бѣгутъ ратовать за полуживое дѣло. Это дѣло — *загада* дѣлой ихъ жизни. За него ратовали дѣды и прадеды ихъ, за него ратовали отцы ихъ, ихъ матери учили ихъ ратовать за это дѣло... И пусть идутъ. Пусть и ихъ бѣлые головы лягутъ за завѣтъ отцовъ. благо нынѣшняя война будетъ послѣдней. Надо жъ, въ самомъ дѣлѣ, разъ навсегда покончить эту страшную борьбу двухъ славянскихъ племенъ — или мы, или они! А покуда часть бывшей Речи Посполитой въ рукахъ Австріи до тѣхъ поръ мы будемъ и сами мучиться и ихъ мучить, до тѣхъ поръ они сами не могутъ связать себя «*pas de réveries*».

II.

 Бѣлъ у меня въ Яссахъ соседъ. Юноша лѣтъ двадцати-пяти. Былъ онъ и въ жандармахъ, былъ и въ поветанъ; припалъ, и его подробно не разспрашивалъ. Знаю я его уже съ годъ. Добрый, неглупый малый, но крайне неразвитый, какъ вообще все эти несчастные, ушедшіе въ лѣса со школьной лавки. Каждые три-четыре дня онъ заходитъ ко мнѣ справиться о политическихъ новостяхъ. Отношенія между мною и имъ сложились слѣдующія. Мѣсяца два назадъ, является онъ ко мнѣ, съ палочкою въ рукахъ, съ сумочкою на плечахъ. Обыкновенный его мундиръ: какой-то кепи, *панталонъ* (это имой-то!) венгерка. сапоги по козну и брюки уже неаппетитнаго цвѣта и матеріи.

- Прощайте!
- Куда Богъ несетъ?
- Въ Галицію.
- Чего вамъ тамъ не доставало? Хотите понабѣе?
- Теперь ужъ нѣчего попадаться, теперь война.
- Какая война? кто? съ кѣмъ?
- А какъ же? Австрія и Франція объявили войну Россіи за ея варварскія дѣйствія въ Польшѣ.
- Вы въ своемъ умѣ, мой юный другъ, или свихнулись?
- Да помолчите! Все наши говорить, и все идутъ.

— Позвольте же взять газеты — вотъ послѣднія, чтѣ я подучилъ. Возьмите ихъ домой и перчитайте отъ доски до доски. О войнѣ еще и слова нѣтъ. Война, *по всей вероятности*, будетъ, но покуда даже и правительства еще не перессорились, даже и ссориться не начинали.

— А отчего же наши все идутъ? Эге-ге! да у насъ русскія газеты! Я ихъ и читать не стану.

— Это отчего?

— Это все вранье, брехня. Это пишется для того только, чтобъ Европу морочить — мы это знаемъ-съ, насъ не проведетъ! Мы ужъ эти штуки-то русскаго правительства видали! Прощайте!

— Пойдите! — Не хотите вѣрить нашимъ газетамъ — вотъ вамъ «Часъ», а вотъ и «Газета Народная» — этикъ вы можете вѣрить. Извольте читать!

Передисталъ онъ польскія газеты, и ничего изъ нихъ не прочелъ толкомъ.

— Такъ, честное слово, нѣтъ войны?

— Присягу дамъ.

— Чѣмъ же мнѣ дѣлать?

— Сидѣть спокойно и тихо, заняться какумъ-нибудь дѣломъ, ремеслу какому-нибудь выучиться: кѣмъ вотъ Теофиль сдѣлался же изъ варшавскихъ перчаточниковъ ясенякъ мушкетеръ; и будетъ война — дѣлайте что знаете.

— Да какъ же узнать, когда будетъ война? Наши все говорятъ, что война, и все идутъ.

— И пусть говорятъ, и пусть идутъ! Тутъ дурнымъ и вѣрога! А вы сидите здѣсь въ Яссахъ и заходите ко мнѣ. Я постоянно читаю газеты, и если будетъ война и станутъ насъ набирать въ стрѣлы — я вамъ первый дамъ знать. По рукамъ?

— По рукамъ!

Съ тѣхъ поръ онъ и сталъ дѣлать мнѣ визиты для узнаванія, скоро ли можно будетъ въ пухъ и прахъ расколотать москалей. Какъ-то разъ надвигъ является онъ ко мнѣ вѣтъ себя, садится и начинаетъ собирать свѣдѣнія, но собирать ихъ такъ дипломатически, такъ тонко, что я сдѣлалъ видъ будто и не замѣчаю, что онъ узналъ какую-то новость и хочетъ пощипать меня, дескать, знаешь ли ее этотъ москаль. Наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Вы, Василій Ивановичъ, никакихъ новостей не слыхали про желѣзную дорогу, которая строится изъ Галиціи въ Балту?

— Читалъ что-то неравно, только не припомню. А что?

— Да вотъ что. Приѣхало сюда двое англичанъ-инженеровъ и нанимають здѣсь рабочихъ. Въ сутки даютъ по ренскому (80 коп. сереб.), содержаніе ихъ; кто хочетъ, тотъ можетъ идти записываться къ английскому консулу.

— Что-то невѣроятно. Рабочіе изъ Галичины сюда толпами вѣзуть; тамъ человѣкъ за 6 за 10 копеекъ будетъ вамъ цѣлый день работать на своихъ харчахъ, потому что онъ иначе съ голоду умретъ. Кого жъ нелегкая понесетъ сюда разыскивать рабочихъ, да еще за такую страшную цѣну?

— Вотъ то-то, оно и намъ удивительно. Мы думаемъ, иѣтъ ли тутъ чего другого?..

— Понимаю. Это, значитъ, эмиграція болтаетъ. Сама сочинила чушь, сама распустила, да сама же и въ тупикъ перетъ нею становится. Возьмите вы въ толтъ: статочное ли это дѣло, чтобъ вамъ давали тамъ по 60 к. с. въ день и харчи! Будетъ война, вы и даромъ туда явитесь, на вашъ собственный счетъ — васъ и звать не нужно, чтобъ вы сошлись. Это одно. Другое: откуда же взиднсь такіе огромные деньги, чтобъ васъ содержать въ Галичинѣ до войны? У Австріи денегъ нѣтъ, у поляковъ денегъ нѣтъ, англичанамъ въ вѣнскомъ дѣлѣ съ нами хоть трава не роси — стало, кто жъ дастъ денегъ? Третье: съ какой стати тутъ англійскій консулъ примѣшанъ, я ужъ и совсѣмъ не понимаю.

— Можетъ быть, какъ частный человѣкъ?

— Да консулъ не простой чиновникъ, онъ съ братомъ роднымъ не можетъ говорить какъ частный человѣкъ, а не то, что уфнаться въ такое огромное политическое дѣло. Эхъ вы!

Опустилъ государственныя преступникъ голову и пошевелился. Я не скажу, чтобъ всѣ польскіе эмигранты были таковы, но таково большинство ихъ: ничего не читають, ни за чѣмъ не слѣдятъ и вѣчно полнуются разными слухами и вѣстями. Послѣдствія такого невѣжества и восторженности выходить для нихъ весьма плохи: они гибнутъ и вымирають безъ всякой пользы даже для польскаго дѣла. Пропесть этого вымиранія совершается у нихъ такъ:

Представьте себѣ, что какой-нибудь офицеръ, чиновникъ, помѣщикъ, человѣкъ воспитанный, или то что называютъ порядочный, попалъ въ эмиграцію (именно такой фактъ происходилъ у меня въ Иссахъ на глазахъ, и я съ большимъ любопытствомъ наблюдалъ за ходомъ развитія этой *febris emigratica chronica*). Перебывавъ границу и вздохнувъ свободно, онъ начинаетъ

озираться кругомъ и задумывается, что начать дѣлать. Жизнь его переломилась, старыя связи, наемныя, общественное положеніе — все порвано. Теперь надо стать другимъ человѣкомъ и начать новую жизнь; пало, чего добраго, въ сотъ лѣтъ зарботывать хлѣбъ свой. Дома онъ, шутя, изучалъ, полагая, точить — точить онъ хорошо, не хуже любого токаря ex professo, стало быть надо дѣлаться токаремъ и, пока еще есть деньги, открыть мастерскую. Но вдругъ приходитъ газетъ и приноситъ извѣстіе о выстрѣлѣ 4-го апрѣля. — Въ Сибиріи востанкъ. Что это? думаетъ онъ: — я здѣсь спужу и ничего не знаю, а тамъ русская революціонная *партия* (?) уже напроломъ идетъ, своихъ Оренинъ выставляетъ, да и наши въ Сибиріи не съ дуру же поднялись. Тутъ какая-то новая кама заваривается. Онъ читаетъ далѣе. Европейскія газетъ хороши, ревуть и вопиють противъ сѣверныхъ варваровъ — снѣтъ признавать съ исправленіемъ фразы за дѣло и не догадывается, что этотъ ревъ начался не со вчерашняго дня и что онъ, въ сущности, во-все еще не означаетъ объявленія войны Россіи. Смущенный, сбивый съ толку, онъ, все-таки, открываетъ мастерскую, но сердце его въ ней не лежитъ. Онъ не ремесленникъ, который укажетъ свое неукство, и гордъ, что постигъ его: ремесленникъ далѣе своего станка ничего не видитъ и знаетъ впередъ, что пока онъ живъ и здоровъ, отъ этого станка не отойдетъ. Эмигрантъ смотритъ иначе: для него станокъ — горькая необходимость; онъ не хочетъ разлѣяться съ него — ему только-только съ голоду бы не умереть, пока не пришло время работать другимъ долотомъ и сънать другими стружками. При такомъ озабоченіи въ далѣе, разумеется, далеко не убѣдны: работа не любитъ быть любовникомъ, она награждаетъ только мужей, которые помаленьку въ изобрѣтеніи до самой смерти — любовниковъ она разорветъ въ клѣтѣ и въ прахъ.

Всѣ эмигранты пришли и проходить этою дорогою. Да это только я принималъ нѣвышніе повстанцы — вѣчно нѣтъ не повезло. Бывали они инженерами, топографистами, учителями, рисовальщиками; вузниками дѣлались, столѣрами, извозчиками, всему выучивались и выучивались очень скоро — польскія натура также даровита и сметлива, какъ и наша. Былъ у меня одинъ знакомый студентъ, который сдѣлался такимъ вузникомъ, что смотрѣть любилъ дорого. Могъ бы, кажется, жить вѣчно, пока не пришло время даѣ *moskalu w d.* а. пока москалю возмещеніемъ

не надають. «Нѣтъ, говоритъ, противная работа, провались она къ чорту — надо чего другого поискать!» Мало этого; польское престопагодье — люди привычныя въ трудѣ, но и тѣ на за что не берутся: имъ и обидно, что они не могутъ воротится домой, да и на себя они уже привыкли смотрѣть, какъ на героев, на людей, лившихъ кровь за свои засады. Эмигранты на третій, на четвертый мѣсяцъ своего бѣгства выпадаютъ въ такую апатію, что не только работать имъ противно, имъ читать даже противно. Бѣлевскій, у котораго я обѣдаю и пью чай, когда-то много читалъ и много работалъ надъ собою — это видно по его разговору. Но развитіе его такъ и остановилось на какомъ-нибудь вторичъ или третьемъ курсѣ университета, и ему теперь дѣнь читать — онъ у меня ни одной книги не только не взялъ, но даже не развернулъ. Пробѣгаетъ иногда «Часть» и «Газету Народовую», да поетъ украинскія и польскія пѣсни — на томъ и дѣлу конецъ. Что я ни говорилъ, какъ я его не щупалъ за такое паденіе — ничто не помогло. «Оставь меня, говоритъ: ради Бога, оставь! я самъ вижу, что я тупѣю и пошлѣю отъ этой проклятой жизни, но у меня нѣтъ силъ подняться. Скорѣй бы война — можетъ, тамъ уходятъ меня, и будетъ конецъ этому унижительному разслабленію». Порою, правда, онъ мечтаетъ ѣхать въ Парижъ, поступить въ университетъ, стать инженеромъ; но увы! эти мечты сильно отзываются маниловщиной, и онъ самъ плохо вѣритъ, что онъ когда-либо осуществится. Каковъ онъ, таковы и все прочіе. Отъ этого эмиграція произвела такъ замѣчательно мало ученыхъ и дѣльных людей: въ ней все задышалось и задыхается.

Назидательно очень сравнить польскіхъ выходцовъ съ выходцами другихъ націй. Нѣчего говорить о евреяхъ и объ армянахъ, положеніе которыхъ очень похоже на польское. Ни тѣ, ни другіе, правда, не сдѣлались земледѣльцами, не пустили тоже корней на чужой сторонѣ, но все же живутъ себѣ кое-какъ, хозяйничаютъ по-своему, торгуютъ. Евреи бѣдны — это правда; виною ихъ бѣдности необыкновенная подвижность ихъ характера и способность постоянно увлекаться разными аферами; а все же у каждаго изъ нихъ есть жена, и ни одинъ изъ нихъ не останется безъ шабаша. Бѣдно живутъ, но живутъ, плодятся и множатся и заселяютъ землю. Наши сектанты вѣдь тоже выходили изъ Россіи или съ оружіемъ въ рукахъ, какъ некрасовцы, или убѣжали поодиночкѣ, какъ большинство русскаго населенія въ Румынію

и въ Турцію. Поговорите съ любымъ изъ нихъ, изъ этихъ бѣглыхъ, и, вы увидите, ни одинъ изъ нихъ не теряетъ надежды, что дождется времени, когда въ Россіи будетъ полная вѣротерпимость; ни одинъ изъ нихъ не хочетъ сложить кости свои въ чужую землю, а между тѣмъ каждый женится, строитъ домъ, заводитъ хозяйство. Секты заводятъ цѣлыя села, строятъ свои церкви или молельни, содержатъ своихъ наставниковъ, настоятелей и священниковъ, и на чужой сторонѣ, между чужихъ людей, подѣ чужимъ правительствомъ, продолжаютъ вести ту же русскую патриархальную жизнь, такую же близъ дома. Вотъ у меня изъ огня видна подлѣ горою русская старообрядческая слобода за ручьемъ Бахлуемъ — вѣчно въ родѣ петербургской Охты. А какія у нихъ славныя села подлѣ Брацловымъ, въ Добруджѣ, даже въ Буковинѣ, даже въ Пруссіи, гдѣ они (неоосетевцы) пережились на мазуркахъ, окрестя ихъ претварительно въ свою вѣру и понадѣвавъ на нихъ сарафаны! Даже скопцы, эти безполныя существа, завели здѣсь мельницы, сады, лавки, держатъ коровъ, куръ, промышляютъ биржеарствомъ (биржа — колыба) и живутъ себѣ добрыми хозяевами, отнюдь не поводя мысли, что пробыть часъ, когда и имъ будетъ позволено воротиться домой. Даже венгерскіе эмигранты, хоть ихъ теперь очень немного, стѣмбля кое-какъ пристроиться — у кого лавочка, у кого ремесло... А поляки?

А поляки богаты,

.....едва изъ колыбыли,
Ошибками отцовъ и познания ихъ умомъ.

Въ Рѣчи-Посполитой шляхта ничего сама для себя не дѣлала. Имѣніями ея управляли разные арендаторы и официалисты; процессы ея вели адвокаты; торговлю ея вели евреи; работали за нее хлопцы. Ея занятія были только рыцарскія — война, охоты, пиры, сеймы. Жизнь катилась легко и привольно. Самый бѣдный шляхтичъ могъ всегда пить вусокъ хлѣба при дюрѣ каковаго-нибудь воеводы или старосты, даже ничего для него не дѣлая, а только составляя его свиту. Отсюда польская удалъ и ухарство, отсюда такое сильное развитіе поэзіи и романа, такая разработанность, хоть и не добросовѣстная, исторіи, археологіи: другія науки, какъ справедливо жалуется авторъ «Pola-sy a Indyane», не могли принятыся на польской почвѣ, потому что онъ ничего не говорятъ о героизмѣ и о предкахъ.

Рѣчь-Посполитая умерла, магнаты выродились, а шляхта осталась тою же шляхтою. Сколько я ни допрашивалъ повстанцевъ, кто они были? оказывается, что большинство ихъ дѣлщичіе, дѣти экономовъ, посессоровъ, что готовились они въ чиновники, въ винокуры, въ управляющіе, то-есть, ни они, ни отцы ихъ не думали серьезно о своей будущности, а жили изо дня въ день: — день да ночь вотъ и еуты прочь. Организаторы же были помѣщики, аристократы, новая эаза стараго магнатства. Полчаса назадъ я ходилъ завтракать — было ихъ тамъ человекъ съ пятью, и разговоръ шелъ о гонимыхъ. Черезъ два часа я пойду обѣдать — разговоръ будетъ идти о лошадахъ или о ружьяхъ, о качествѣ сабельной стали, о военной службѣ. Если зайдетъ разговоръ о Польшѣ, то сейчасъ же возникнетъ споръ, который изъ генераловъ или изъ агитаторовъ болѣе заслуживаетъ довѣрія — Босакъ, Лангевичъ или Мѣрославскій? — такъ и пахнѣтъ на васъ XVIII вѣкомъ, когда одни держались Чарторыйскихъ, а другіе Браницкихъ.

При этой склонности не къ промышленной дѣятельности, а къ удали, къ распаденію на партіи, при вѣчной жадѣ битвъ, при неспособости, понятно, почему они не желятся въ эмиграцію и не заводятся хозяйствомъ. Это все холостякъ на холостякъ, бурлакъ на бурлакъ; живутъ какъ попало, ѣдятъ — что случилось и когда случилось; о завтрашнемъ днѣ ни одинъ не думаетъ. Знаю я одного старика майора — а старикъ рѣдкость въ эмиграціи — выходца 1832 года. Бродилъ онъ, бродилъ по Европѣ, пока не занесло его какъ-то въ Швейцарію. Въ Швейцаріи онъ влюбился въ дочь одного банкира; она тоже полюбила его; отецъ благословилъ ихъ; обвенчались и заняли домомъ. Но у новобрачнаго *febris emigrantis* зудитъ въ подошвахъ. Въ Италіи тогда что-то дѣлалось или въ Алжирѣ, онъ не вытерпѣлъ, обнялъ жену и тестя и отправился воевать. Воевалъ онъ въ Италіи, воевалъ въ Испаніи, воевалъ еще не знаю гдѣ, пока утекъ отъ полиціи въ Лондонъ, а изъ Лондона, самъ едва ли зная зачѣмъ, махнулъ въ Соединенные Штаты. Прошло лѣтъ семь; возвращается онъ въ Швейцарію, отыскиваетъ жену — та падаетъ въ обморокъ; ея дѣти бросаются къ ней; служанка объясняетъ ему, что барыня думала, что вы, дескать, убиты, и сочеталась законнымъ бракомъ съ другимъ. Тутъ только спохватился эмигрантъ, что онъ дѣйствительно ни одного письма не послалъ ни женѣ, ни тестю, покруглялъ усами и отправился молчкомъ

на новые подвиги. Теперь онъ съѣхъ какъ дунь, и пзрубленъ какъ котлета; не знаю гдѣ онъ и что съ нимъ.

Не женятся, не обзаводятся хозяйствомъ, желяются во всякіи войны — и вымираютъ. Теперь одна часть дерется съ греками противъ турокъ, другая съ турками противъ грековъ. Зачѣмъ они дерутся? спрашивается. Они такъ малочисленны, что не могутъ оказать помощи той или другой сторонѣ, они такъ ничтожны въ массахъ людей, которые знаютъ, изъ-за чего пошли рваться... Просто со скуки, отъ нечего дѣлать. А правительства и публицисты пугаются ихъ, считаютъ людьми *опасными, опытными заговорщиками и агитаторами* — это очень льститъ эмигрантамъ, и они изъ кожи лѣзутъ, чтобъ поддержать свою репутацію революціонеровъ, царевубійцъ, красныхъ и т. п., а сами даже азбуки революціи или социализма не понимаютъ, въ политикѣ ничего не смыслятъ. Танъ-себѣ бродятъ по свѣту, дурятъ, буяняютъ, пѣтушатся — и больше ничего. Они больше жалки, чѣмъ смѣшны; хотѣли бы быть опасными — да не умѣютъ.

Но, замѣтятъ мы — вѣдь не одна же, наконецъ, шляхта попала въ эмиграцію, попало туда пропасть мастеровыхъ. Что они дѣлаютъ? и что они за народъ?

Прежде всего надо замѣтить, что польскій мастеровой очень не похожъ на нашего. Онъ сильно напоминаетъ французскаго *ouvrier*, также умѣетъ себя держать, говорить безъ униженія, не позволяетъ себя оскорбить, развить, — словомъ, онъ европеецъ въ полномъ значеніи этого слова, тогда какъ нашъ — простой мужикъ, одѣтый въ сюртукъ. Для этихъ мастеровыхъ, какъ и вообще для низшаго класса городского населенія, устроиваются въ Польшѣ особаго рода трактирчики, которые я посѣщалъ нарочно въ Краковѣ, во Львовѣ и маленькихъ городкахъ Галичины и Буковины, именно, для того, чтобъ понять бытъ простого народа. Эти трактирчики (корчмы, шинки) содержатъ обыкновенно разжившіеся лакеи и половые, женатые на кухаркахъ, на горничныхъ. Вокругъ стѣнъ лавки, такой ширины, что на нихъ можно спать — ночлегъ дается гостямъ даромъ, разумеется, безъ подушекъ, безъ матрацовъ, безъ одеялъ. Передъ лавками стоятъ небольшіе столики, обтянутые клеенкою. На буфетѣ разныя водки, ромъ, аракъ, колбаса, сыръ, ветчина, студень и т. п. Если вы войдете въ такой шинокъ часа въ два, то застанете его *habitués* за обѣдомъ, часовъ въ девять вечера они тамъ ужинаютъ, по утрамъ они забѣгаютъ выпить

чашку кофе или пропустить на тощакъ по маленькой. Въ субботніе и въ праздничные вечера вы застаете ихъ тамъ за пивомъ, за картами, за разговоромъ. Все это дѣлается тихо и смирно. Если польскій мастеровой выпьетъ, то рѣдко случится, что онъ станетъ буйнить — онъ становится только веселѣе или говорливѣе обыкновеннаго. Бываютъ тамъ и женщины — это горничныя безъ мѣста, кухарки, модистки, знакомыя хозяйки, ея сосѣдки. Онѣ ведутъ себя тоже очень прилично, хотя надо замѣтить, что польки далеко развязнѣе русскія, и слишкомъ незастѣнчиво выслушиваютъ такія вещи, отъ которыхъ русская, одинаковаго съ ними общественнаго положенія, раскраснѣлась бы и убѣжала.

Словомъ, эти трактирчики не что иное, какъ клубы всякаго рода недостаточныхъ людей, гдѣ они сближаются, дружатся, есорятся, убиваютъ время, гдѣ женятся и откуда берутъ себѣ посаженныхъ отцовъ, кумовей, и откуда, къ несчастью, выходятъ также въ повстанье, потому что въ эти корчмы чрезвычайно легко проникаетъ польская пропаганда. Закрытъ ихъ было бы безуміемъ: это значило бы раздражить и оскорбить до крайности городскую пролетаріатъ Польши, бить камнемъ въ лобъ пріятеля, чтобъ избавить его отъ муки; а между тѣмъ, корчмы положительно вредны, даже не въ политическомъ, а въ нравственномъ отношеніи. Мастеровые отвыкаютъ въ нихъ отъ правильнаго труда; они, какъ многіе изъ образованныхъ людей, приучаются къ клубной жизни. Потребность въ обществѣ, въ передѣлываніи изъ пустого въ порожнее, производятъ въ нихъ, опять-таки отвращеніе къ правильному труду, то же, что и въ шляхтѣ. А между тѣмъ, пріятельская компанія, какая бы она ни была, все-таки, отесываетъ человѣка, особенно когда въ ней есть женщины. Шинки эти — мечъ обоюдоострый: они разсѣваютъ одинаково и добро и зло.

Въ спокойное время, рассказываютъ мастеровые, жизнь въ этихъ шинкахъ идетъ мирно и тихо. Толкуютъ, разумѣется, о политикѣ; но такъ какъ политика никого изъ гостей лично не задѣваетъ, то къ ней относятся какъ къ чему-то совершенно постороннему. Но подходитъ время демонстрацій, и настроеніе шинка мигомъ мѣняется. Туда являются пропагандисты, заводятъ знакомства, дружатся съ вліятельными членами кружковъ и перетягиваютъ ихъ на свою сторону. Затѣмъ... затѣмъ вотъ что бываетъ:

«Сидѣли мы, пане, и ни о чемъ, признаться, не думали;

вдругъ этотъ каретникъ Адольфъ велитъ поставить намъ пива. Что, думаемъ, будетъ такое? Съ чего онъ такъ расцѣдился? Поставили пива, пане. Встаютъ Адольфъ и говоритъ: пора говорить, панство, показать, что хоть мы и простые люди, а все-таки настоящіе поляки; пора говорить, надавать въ шею москалямъ, да такъ надавать, чтобъ проклятые схизматны большіе до насъ и не лазили... И пошелъ онъ, пане, и пошелъ — я и не думалъ, пане, что онъ такой мастеръ говорить. Вдругъ дверь открывается; входитъ графъ N. Я его сейчасъ узналъ: я у него въ домѣ замки чинилъ. Такой былъ магнатъ — фу, фу, фу! — даже бывало и не посмотритъ на тебя! А тутъ входитъ въ конфедераткѣ, въ чамаритѣ; совѣтъ даже лицо перемѣнилось — «Здравствуйте, говоритъ, панове:—я, пришлоу просить вашей помощи. Вся Польша встаетъ; шляхта, хлопы поднимаются — дайте же намъ въ помощь ваши загрубѣлы, но честныя руки. Теперь конецъ, теперь мы должны всѣ быть равны — и первый отрекаюсь отъ этой чуши неравенства». И руки, пане, намъ жметъ — жметъ, пане, ей-богу жметъ! Даже теперь не могу объ этомъ безъ слезъ вспомнить, такъ вотъ и приступаютъ къ глазамъ. «Пойдите же, говоритъ, въ мнѣ — я васъ угощу пивомъ поллучше здѣшняго, а за то, что вы были и что еще бы сегодня выпили — я плачу хозяину», а мы какъ закричимъ: «нехъ жие Польска! нехъ жие грабя N!»

Вотъ вамъ и вся недолга, какъ эти люди попадаютъ въ эмиграцію и какъ, елиа потомъ въ здѣшнихъ грязныхъ и душныхъ корчмахъ, вспоминаютъ о родинѣ, о своихъ подвигахъ. А руки-то у нихъ тоже плохо поднимаются для работы на чужой сторонѣ, безъ своихъ, безъ пріятелей. А слухи о войнѣ хотя бы да ходятъ, а праздношатающіеся товарищи съ толку сбиваютъ да сбиваютъ. На мѣстѣ не сидится, тоска душу щемитъ — выпьешь, оно и веселѣе станетъ, еще выпьешь — еще веселѣе, а злодѣй хозяинъ, который цѣнить не умѣетъ, съ какимъ работникомъ дѣло имѣетъ — выталкиваетъ мечтателя изъ мастерской. Онъ опомнился, хочетъ опять взяться за долото — да тутъ эмиграція получила секретное извѣстіе, что на wiosnu będzie interes.

III.

Ворот горети эмигрантовъ, которыхъ здѣсь и пятидесяти человекъ не наберется, есть еще въ Яссахъ нѣсколько тысячъ поляковъ и русскихъ изъ Галичины и изъ Буковины, перебравшихся сюда для заработка. Это — разные фабриканты, ремесленники, купцы, техники и тому подобные люди, которымъ не посчастливилось найти кусокъ хлѣба дома. Къ нимъ же надо причислить огромное число женщинъ, преимущественно горожанокъ, которыя постоянно переселяются въ Молдавію для того, чтобъ быть здѣсь экономками, ключницами, кухарками, горничными и, наконецъ, пополнять собою комплектъ известнаго рода заведеній.

Читателю мало знакомому съ Полоніею, надо знать, что есть огромная разница между нашими поляками (*короняжами, литвинами, русинами*) и *галилеями*, какъ наши называютъ своихъ галицкихъ братьевъ. Нашъ полякъ — весельчакъ, гуляка, поэтъ — широкая натура, которая послѣднюю копейку ребромъ ставитъ; таковъ же и познавецъ и кракусъ. Галилей совершенно другое — онъ нѣсколько на литвина похожъ. Онъ старается быть практическии человекомъ, пускается на всевозможныя спекуляціи, умѣетъ дешево купить и дорого продать; онъ спитъ и видитъ, что разбогатѣть, основываетъ всевозможныя общества и компаніи, бьется, изъ кожи вонъ лѣзетъ пѣвую жизнь, и, ужъ не знаю почему, вѣчно сидитъ на бобахъ. На всю Галичину едва ли наберется двѣ-три фабрики. Открыли тамъ недавно богатѣйшіе источники нефти, и открыли ихъ въ польскихъ нѣдрахъ — всѣ эти источники перешли въ руки сыновъ Израиля; земля галилеевъ производитъ на путешественника весьма неогладное впечатлѣніе; какъ они ни стараются быть практичными, а въ Галичинѣ, кромѣ земледѣлія, никакой промышленности не существуетъ.

А галилея вѣчно подымается на спекуляціи. Дома не везетъ — онъ махаетъ въ Молдавію: здѣсь распинается и здѣсь тоже капиталовъ не наживаетъ. Онъ скутъ, расчетливъ; у него пять или шесть профессій — одинъ мой здѣшній пріятель-галилей, бывшій помѣщикъ, въ одно и то же время, отличный поваръ, отличный музыкантъ, сносный докторъ-самоучка, адвокатъ, факторъ, агентъ страховаго общества и еще не знаю что — а все

не везетъ. Наши поляки ихъ не терпятъ и относятся къ нимъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, какъ къ людямъ, у которыхъ впереди всего стоятъ денежныя интересы. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ полякъ еще заберется какими-нибудь сульбами торговать въ Петербургъ, въ Москву, въ Одессу — но уѣхать за границу для живны у него духу не хватитъ. Галилей пойдетъ куда намъ угодно; ему *ibi bene, ubi patria*. Нашъ полякъ разомъ дастъ на повстанье все, что есть, — галилей сперва десять разъ посчитаетъ, а потомъ дастъ.

Несмотря на множество поляковъ въ Яссахъ, общества польскаго здѣсь нѣтъ. Есть частныя кружки короткихъ знакомыхъ, но кружки эти не связаны другъ съ другомъ, и поэтому, у Полоніи недостаетъ солидарности, здѣшнихъ евреевъ, староверовъ, скопцевъ, иѣмцевъ и т. п. Живутъ они также не въ кучѣ, а гдѣ кому случилось: видаютъ другъ друга только въ костелѣ, да и къ костелу они тоже не Богъ знаетъ какъ прилежны. Если кому изъ нихъ случится захворать въ Молдавіи, на чужой сторонѣ, и не будетъ у него личныхъ пріятелей, то онъ издохнетъ какъ собака, и никто даже усомъ не поведетъ, что земляку приходится плохо. Школы польской нѣтъ. Дѣти поляковъ учатся по нѣмецкимъ и по молдавскимъ школамъ, а школу завести было бы весьма нетрудно, еслибъ между ними была солидарность. Не знаю, на сколько вѣрно, но поляки считаютъ, что ихъ здѣсь не менѣе 10,000 человекъ. Еслибъ каждый далъ по 50 к. сер. въ годъ — а столько дать можетъ каждый — то на 500 рублей серебромъ въ годъ можно было бы платить и помѣщеніе, и учителя, особенно при здѣшней дешевизнѣ. Ни библиотекъ нѣтъ у нихъ, ни клубъ — ничего, ровно ничего, ни даже человека, который сталъ бы у нихъ во главѣ и понудилъ бы ихъ взяться за дѣло.

Любопытный фактъ наблюдаю я въ Яссахъ — это значеніе костела. Костель у нихъ очень недурной, поставленъ на одной изъ лучшихъ улицъ; при немъ нѣтъ ксендзовъ и епископъ, при каждомъ ксендзѣ двѣ, три, и даже пять экономокъ, троюродныхъ сестеръ, пріятельницъ и т. п.; такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ скандальная хроника города Яссы, которой можно сколько вѣрить, столько и не вѣрить. Бискупъ и ксендзы — всѣ итальянцы: только одинъ ксендзъ Запольскій полякъ. Зачѣмъ сюда попали итальянцы, незнающіе ни по-польски, ни по-нѣмецки — про то Римъ знаетъ: у него свои виды и свои *protégés*, а ка-

толическое население Яссы почти исключительно состоит из поляков и немцев. Какъ въ средніе вѣка Римъ вводилъ повсюду латинскую литургію для ксендзовъ-итальянцевъ, такъ и до сихъ поръ онъ повсюду разсылаетъ тѣхъ же итальянцевъ, не мудрствуя лукаво, могутъ ли они что-нибудь сдѣлать для своихъ паствъ, или не могутъ. Ксендзы эти очень, очень большіе господа. Они крестятъ дѣтей, конфирмируютъ ихъ, венчаютъ, святятъ юмъ, служатъ обѣди, исповѣдаютъ, приобщаютъ, хоронятъ, словомъ исполняютъ все требы, какъ слѣдуетъ. И никто еще здѣсь не только не видѣлъ, но даже и не слыхалъ, чтобъ какой-нибудь изъ преподобныхъ отцевъ унижался знакомствомъ или связями съ членами своей паствы завѣдомо дурно-го поведенія. Въ этомъ отношеніи репутація ихъ незапятнанна. Они живутъ себѣ тихо и скромно: ихъ нигдѣ не видятъ, о нихъ ничего худого нельзя сказать, никакихъ языхъ скандаловъ о нихъ не слышится — словомъ, это далеко не то невѣжественное, одиозное, искусственно-загнанное и забытое молдавское духовенство, которое знается охотно со всеми на свѣтѣ и повсюду шляется.

Въ предыдущемъ письмѣ я рассказывалъ о бытѣ польскаго простонародья, о его вѣтренности и распущенности, происходящей изъ этой вѣтренности. При всемъ томъ, полякъ очень набоженъ отъ природы и очень чтитъ духовенство, которое, все-таки, болѣе развито, нежели масса. Мнѣсь ксендзъ нечаянно къ нему въ домъ и выскажи ему строго всю горькую правду о его поведеніи, полякъ затрепещетъ, упадетъ на колѣни, покается и почти навѣрно исправится. Все можно было бы сдѣлать изъ этого народа, легко было бы помочь ему, а между тѣмъ ровно ничего не дѣлается! Тысячи ихъ гибнутъ и развращаются здѣсь тихо, неслышно, незамѣтно; даже отъ костѣла отвыкаютъ, особенно когда не въ чемъ явиться въ костѣль, потому что въ костѣль, гдѣ сидятъ, а не стоятъ, можно видѣть каждаго, кто въ чемъ пришелъ: въ костѣль нельзя такъ спрятаться въ толпѣ молящихся, какъ въ церковь. То же самое дѣлается и въ Англіи: обдѣнать тамъ тоже не идетъ въ моленную, чтобъ не показать публикѣ своей нищеты.

А поляки? Поляки совершенно непохожи на нашихъ жещинъ. Блестящая цивилизація Рвчи-Посполятой, рыцарская жпзнь высоко поставили и развили польскую женщину. Бойкая, развязная, кокетливая полька кружила головы окружающаго шлях-

тъ, которая шла венгерское изъ ея башмака и пала на передъ нею на колѣни въ мазуркѣ. Нравы пановъ перешли къ дворянѣ, нравы дворян перешли къ мѣщанству — разумеется въ мѣщанствѣ. Мѣщане не поняли, что развязность и простота въ общеніи имѣютъ свои границы, а если и поняли, то не сумѣли соблюсти ихъ, потому что границы эти не могутъ быть определены никакимъ кодексомъ и никакимъ «руководствомъ для кавалеровъ и барышень, какъ съ пріятностію держать себя въ обществѣ». Незастѣнчивость, штука сама по себѣ превосходная, дошла у нихъ до того, что женщины не стѣжались краснѣть или уходить, когда она слышитъ непечатныя слова; развязность — что ее можно обнять, бойкость — что она вѣзду шлетъ и зубъ за зубъ будетъ съ первымъ встрѣчнымъ дѣлаться. Она дурно понятая эмансипація поставила нольку — я говорю въ этихъ двухъ письмахъ только о простонародьи — на всякомъ скользкій путь. Приучивъ уши ко всему, къ чему бы ихъ приучать не слѣдовало, зная, по рассказамъ, случаи, которые ей не слѣдовало бы знать, она невольно утрачиваетъ моральное здравомудріе, а между тѣмъ, она, все-таки, ничего не знаетъ, ничего не видала. Около нея кружится какой-то туманный, отвратительный, невѣдомый ей міръ, міръ тусклыхъ романовъ и сальныхъ похвощеній, тарабарскій языкъ котораго ей уже знакомъ доступенъ — странное дѣло, этотъ міръ плещетъ ее въ себя, какъ зѣбѣ иттицу. Пала ли она, не пала ли, ей не въ кому обратиться за помощью, да въ подобныхъ случаяхъ за помощью женщины и не обращаются — у нихъ духа на это не хватаетъ. На эти случаи нуженъ зоркій взглядъ тѣхъ царицъ общественной нравственности, нѣтъ же дана власть взыскать и рѣшить. И вотъ Молдавія полнымъ-полна этими жертвами дурно-понятой цивилизація, а преподобные отцы-ксендзы не позаботятся навѣдать ихъ, тогда какъ имъ стоило бы всевозможными средствами, чтобъ спасти не одну десятку душъ. (тогда бы имъ забраться въ эти узенькія улицы, въ эти глиняныя зачужки, хоть разъ бы въ годъ посвѣтить своихъ прихожанъ и прихожанокъ, и не вставалъ бы вопросъ на годовыя дѣломы у туриста. А они сидятъ тамъ себѣ спокойно, въ партолки поигрываютъ, чаи да кофе распиваютъ, умныя рвчи съ умными людьми ведутъ, и не знаютъ, а вѣроятно, что просто такъ просто и знать не хотятъ, обь этихъ нищихъ душъ, о Лаврахъ, которымъ даже и вѣрхи со стола богатѣй не падаютъ. И при-

детъ время — къ великому стыду католицизма, — что явятся сюда англичане и американцы съ живымъ словомъ и съ протянутою на помощь рукою, а тѣмъ временемъ и мы, *схизматики* поумиѣемъ, перестанемъ звать, подучимся немножко и то же явимся на выручку. Не вѣчно жъ мы будемъ спать, не вѣчно жъ наша общественная предприимчивость будетъ въ пеленкахъ! Что протестанты дѣлаютъ, то самое и мы въ состояніи дѣлать, если еще не больше, потому что у насъ духовныхъ средствъ больше. И не будутъ тогда у Яссскихъ граждановъ изъ Польши отгнивать носы и заводиться раки *in utero*. Хотя — опять-таки надо сказать правду — прежде чѣмъ думать о выручкѣ поляковъ и полякъ, намъ крѣпко слѣдовало бы подумать о нашихъ русскихъ женщинахъ, которыя, благодаря спекуляторскому духу господъ евреевъ, нашей собственной беззаботности и равнодушію, вывозятся обманомъ изъ черноморскихъ портовъ для увомплектованія свѣжимъ товаромъ хорошихъ заведений въ Константинополь, Смирну, Александрію, Варну, Тульчу, Кюстенджи и въ прочихъ портовыхъ городахъ Чернаго, Мраморнаго и Средиземнаго Морей. Увозятъ ихъ обыкновенно безъ паспорта, а если и съ паспортомъ, то онъ у нихъ разными судьбами пропадаетъ, съ чѣмъ вмѣстѣ пропадаетъ и доказательство на ихъ русское происхожденіе, т. е. на право имѣть защиты у нашихъ консуловъ и у посольства. Не довольно того бѣдной дѣвушкѣ, что обстоятельства или мерзавцы втолкнули ее въ это болото — правительство, къ которому она обращается съ просьбою о выручкѣ, отталкиваетъ ее назадъ въ ту же грязь, за то, что она не можетъ или не хочетъ доказать своего происхожденія. Законъ, въ этомъ отношеніи, и неправъ и жестокъ, да вдобавенъ и не русскаго происхожденія: формальность намъ навязана нашими благодѣтелями нѣмцами, которые именно тѣмъ и живутъ, что просвѣщаютъ насъ и командуютъ нами изъ-за куска хлѣба. Еслибъ нашимъ консульствамъ на Востокъ было предписано выдавать *офиц* паспортамъ каждой женщинѣ, которая объявляетъ себя русскою и хочетъ воротиться въ Россію, сколько несчастныхъ было-бы спасено отъ разврата и какъ бы пострадалъ почтенный промыселъ, превращающій Одессу въ Гамбургъ и въ Марсель. Разумѣется, подъ видомъ этихъ нашихъ стали бы являться за паспортами всякія преступницы, воровки или просто иностранки, да ужъ лучше пустить и ихъ въ Россію, не допрашивая ни обѣ пме-

ни, ни о званіи, не преслѣдуя ихъ ни надзоромъ, ни протоколами, чѣмъ мѣшать другимъ спастись. Будь нашъ законъ гуманнѣе, не было бы русскихъ женщинъ въ турецкихъ гаремахъ и не привелось бы пишущему эти строки, слышать въ Константинополь, какъ мнимыя турчанки разговариваютъ между собою по-русски.

Изъ этого, все-таки, далеко еще не слѣдуетъ, чтобъ мы имѣли право сложить руки и ничего не дѣлать для единоплеменныхъ и единоплеменныхъ намъ народовъ. У англичанъ и у американцевъ дома тоже пропасть есть дѣла, а все-таки, у нихъ хеатаетъ и времени, и денегъ на всякія миссіи въ центральную Африку, въ Китай, на острова Тихаго Океана. Тѣмъ-то и отличаются великіе народы отъ народовъ сонныхъ, вялыхъ, что они ни въ чемъ не *mesquins*, какъ говорятъ французы. Мы только что встаемъ на ноги и беремся за дѣло: мы дѣлаемъ складчины для грековъ, для галчанъ — стараемся же не дѣлать и для другихъ.

Вотъ что, напримѣръ, дѣлается въ Яссахъ — это фактъ совершенно независимый: тамъ пропагандируется съ цѣлѣуспѣхомъ польская народность, и пропагандируется именно тѣмъ самымъ способомъ, какъ въ нашихъ западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ. Сколько она, съ одной стороны, гибнѣтъ отъ ссылки, тюрьмы, эмиграціи, ровно на столько же она пополняется новобранцами изъ русскихъ.

Едва ли не половина здѣшняго населенія, называющаго себя польскимъ — *уніаты*, т. е. малоруссы изъ Галичины и изъ Буковины. Нужда или надежда разнѣются завосить сюда *уніата*, большою частью горожанъ, т. е. челоѣвѣкъ, который уже стыдится до нѣкоторой степени своей *латинской шри*, *латинско-го языка* и названія *русинъ* или *русинокъ*. Дома онѣ, болѣе или менѣе, обжился съ поляками, привыкъ ходить въ костѣль, участвовать въ процесіяхъ — католичество и унія одна вѣра, разнища только въ обрядѣ: *латинскій* обрядъ и *уніатскій* обрядъ; поэтому для *уніата* не грѣхъ и не стыдъ ходить въ костѣль (хотя католику и грѣхъ и стыдъ ходить въ церковь). Поиакъ въ Молдавію, *уніаты* озирается на всѣ стороны, куда пойти молиться. Его церкви здѣсь нѣтъ — австрійское правительство не такъ глупо, чтобъ поддерживало схизматическій обрядъ постройкою *уніатскихъ* церквей за границей: оно очень хорошо знаетъ, что дѣлается, когда, вмѣстѣ съ францїзю, въ изгнѣмъ

румынскомъ и турецкомъ городишкѣ ставятъ костѣлы, тогда какъ мы, догадливые люди, ни въ Вѣнѣ, ни въ Цареградѣ, ни въ Яссахъ, ни въ Бухарестѣ, не завели еще русскихъ церквей. Мы въ Парижѣ да въ Женевѣ ихъ строимъ; а гдѣ въ нихъ дѣйствительная нужда, тамъ по насъ хоть трава не расти! Должно быть, за это самое насъ и считаютъ такими ловкими политиками.

Въ молдавскую церковь уніатъ не пойдетъ. Тамъ, правда, и иконостасъ есть, тамъ есть и знакомые образа, но языкъ чужой, чужой напѣвъ, да и духовенство носить бороду и длинные волосы; а это его пугаетъ. Точно также онъ побойлся идти и въ русскую православную церковь — онъ слишкомъ много наслышался о *расколѣ* (схизмѣ). Въ чемъ состоитъ этотъ расколъ и какаа разница между раскольникомъ и католикомъ, онъ, разумеется, не понимаетъ, но онъ инстинктивно боится насъ: онъ съ дѣтства привыкъ слышать отъ поляковъ ужасы объ насъ и нашей вѣрѣ. Когда я прѣхалъ сюда и поселился между поляками и этими псевдополяками, то на меня ихъ подруги сходились смотреть, какъ на диво. Ни одна изъ нихъ еще не видѣла *москаля*, за исключеніемъ старообразцовъ и вообще просто-народья. Имъ сдввалось, что москаль не можетъ походить на человека, что у него должна быть какаа-нибудь особенность, клыки, вмѣсто зубовъ, когти, вмѣсто ногтей — и, какъ потомъ онъ мнѣ рассказывалъ, ихъ очень удивило, что я такой же человекъ, какъ и все люди. Предубѣжденіе, значитъ, отчасти прошло, но только отчасти: предразсудки, вошедшіе въ плоть и кровь съ самаго дѣтства, не легко искореняются; отсюда и понятенъ страхъ галицкихъ и буковинскихъ уніатовъ передъ православіемъ. И идутъ они въ костѣлы, а на костѣлы они уже приучены смотреть, какъ на нечто высшее передъ церковью, а въ костѣлы они видятъ только съ поляками, слушаютъ проповѣди по-польски, не понимаютъ по-польски, съ необходимостью говорить по-польски и превращаются въ *prawdziwych polaków*. Иногда еще, между собою, они говорятъ и по-русски, помпнаютъ церковь; но превращеніе уже совершилось — ихъ дѣти католики, поляки по языку и по духу. Вотъ и урокъ господамъ нашимъ философамъ, о значеніи вѣры въ дѣлѣ народности, языка и образа мыслей!

А были бы мы распорядительны и толковы, были бы мы больше русскими, мы могли бы помочь горю. Но въ насъ рус-

скаго мало — нѣмцы придушили въ насъ чутье народности, которое было въ насъ такъ сильно даже при Петрѣ и при Еватеринѣ. Намъ горюшка мало, что дѣется съ бѣдными малорусами, которыхъ мы собственноручно отдали Австріи. Мы терпѣть не можемъ ихъ уніи, а того не разбираемъ, что эта самая несчастная унія все же сохраняетъ ихъ народность и что она, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ поддержки. Нашъ холмскій уніатъ, прѣхавшій въ Петербургъ или въ Москву, не рѣшится пойти въ православную церковь. Допустимъ, что онъ даже опозиченъ, что онъ насъ ненавидитъ, какъ одинъ мой сосѣдь въ Яссахъ — сынъ уніатскаго священника: сдвдуетъ ли изъ-за этого некуственно дѣлать его полякомъ, лишать его возможности посѣщать славянское богослуженіе?

Удивительное дѣло — почти во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ есть костелы, а мы до сихъ поръ еще не смѣялись и не замѣтили, что въ этихъ костелахъ недостаетъ *придѣлѣтъ*. Посмотрите же, какъ распорядительны въ этомъ отношеніи поляки: они въ каждую уніатскую церковь вѣрили католическіе алтари, и эти алтари сдвзали свое дѣло: дворянство и большинство мѣщанства западныхъ губерній охотничилось. Мы — умныя головы — въ этомъ отношеніи отлично помогаемъ имъ, хоть святой отецъ въ Римѣ и не цѣнитъ нашихъ заслугъ — мы *заставляемъ* уніатовъ, живущихъ между нами, охотничиваться и опозичиваться. Мы кричимъ о русской народности, а въ всѣхъ нашихъ шагахъ отъ нашей границы охотничиваются холмы, и мы даже не знаемъ этого, если жъ и узнаемъ, такъ и усомъ не поведемъ. А придетъ время, что спохватимся и станемъ тогда ахать да охать, да придумывать репрессивныя мѣры противъ жертвъ нашей собственной беззаботности, нашего постыднаго *far niente*. Ужъ если «*polak małą po szkodzie*», то и «*русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ*». Громъ не грянетъ — нашъ братъ не перерастется.

Заведеніе въ Молдавіи уніатскихъ церквей рядомъ съ костелами, не только поддержало бы русскую народность, но даже на нравственность и ея, и польской, подействовало бы весьма благотѣтельно. Попъ не ксендзь. У попа (сами уніатскіе священники титулуютъ себя *попами*) есть семейство; онъ человекъ знающій, по собственному своему опыту познававшій всѣ житейскія отношенія, и потому онъ не чужой людямъ. Онъ не будетъ сдвзть взаперти, зная, что вокругъ него виситъ страшный развратъ,

что безпутство овладело его паствою; а униатский священник — обыкновенно очень развитый и гуманный человек, да, наконец, если бы он и плох был, как личность, то надъ нимъ есть (латочинный) (деканъ). Покойный львовскій митрополитъ Григорій Яхимовичъ завелъ между униатскимъ духовенствомъ одинъ пустой порядокъ, уже перешедшій, по счастью, въ обычай. Благочинный, ревизуя своихъ подчиненныхъ священниковъ, допрашиваетъ ихъ, что каждый изъ нихъ сдѣлалъ для украшенія своей церкви, для школы, для общественной нравственности и т. д., за истекшій годъ, и на всякое показаніе требуетъ фактическихъ доводовъ. Нѣчто въ этомъ родѣ и у насъ дѣлается, но у насъ результатъ выходитъ не такой. Во-первыхъ, благодаря снисходительности нашихъ епархіальныхъ начальствъ, у насъ ставятъ въ священники людей, кончившихъ курсъ только въ семинаріи, и, стало быть, людей недостаточно еще развитыхъ, за что наша церковь и расплывается расколами. Другое, наше духовенство, вслѣдствіе его прежней привязанности къ старому обряду, да еще благодаря герцогу Бирону и комп. съ потомками, утратило много самостоятельности. Изъ всего этого и вышелъ тотъ безпорядокъ въ нашемъ епархіальномъ управленіи, о которомъ такъ много писали; а его вовсе нѣтъ у галицкихъ униатовъ, потому что тамошній священникъ самостоятеленъ нашего, не говоря уже о безконечной разницѣ въ личномъ развитіи между галицкими папами и большинствомъ нашихъ. Стало быть, пока наше духовенство, говоря вообще, еще не готово на дѣятельную борьбу за православіе и за нравственность, пусть хоть униатское отстаиваетъ Землю Русскую.

Унія вовсе не такая дурная вещь, какою ее у насъ считаютъ. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Римъ сдѣлалъ страшный промахъ введеніемъ уніи. Онъ забылъ, что у папы два конна, и что кочерга, которая загребаетъ уголья въ лѣвую сторону, точно также легко загребаетъ ихъ и въ правую. Православный можетъ не замѣтить даже, что онъ сдѣлалъ уніатомъ, и католикъ можетъ пойти въ униатскую церковь, не переставая быть католикомъ; и какъ православные, чрезъ унію, дѣлались и дѣлаются католиками, такъ, у лѣваго униатскаго священника, католики, чрезъ унію, дѣлаются православными. Если славянамъ-католикамъ суждено когда-нибудь сдѣлаться православными, то не иначе, какъ чрезъ унію, чрезъ этотъ механизмъ двухъ историческихъ церквей. — Есть у насъ въ рукахъ

страшная сила, только пользоваться ею мы до сихъ поръ еще не умѣли, да и невѣстно, скоро ли умѣть будемъ.

Такъ какъ рѣчь зашла о полякахъ и объ ихъ нравственности, то нельзя не упомянуть объ ихъ совершенно оригинальномъ взглядѣ на бракъ. Есть между ними — опять-таки говорю только въ простонародьи — *слюбныя жены* и *неслюбныя жены*, т. е. вѣнчанныя съ ихъ сожителами и невѣнчанныя. Не знаю, вѣнчанье ли утратило у нихъ уваженіе вслѣдствіе безпечности ксендзовъ, или подѣйствовали на нихъ нравы высшихъ классовъ, которыхъ они не поняли толкомъ, но результатъ, во всякомъ случаѣ, вышелъ весьма печальный, и я собственными глазами вижу, что «гражданскій бракъ» — дѣль обоюднострый.

Неслюбная жена пользуется у поляковъ тѣмъ же уваженіемъ, какъ и *слюбная*. Ей всѣ двери открыты; она не гостямъ ходитъ; ею никто не брезгаетъ; никто ее даже не упрекаетъ, что она не была въ костелѣ. Про сожителя своего она говоритъ *мой мужъ*, онъ называетъ ее *своею женою* — но на этомъ дѣло и останавливается. Маленькая разладина между неслюбными — и одинъ изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ, вылетаетъ за двери. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ у него другая жена, а у нея другой мужъ; затѣмъ новый разводъ, новый бракъ — и такъ *ad infinitum*. Понятно, до какой степени это деморализируетъ женщину и на сколько она становится способною къ дѣтороженію при такихъ переходахъ съ рукъ на руки. И въ самомъ дѣлѣ, въ невѣнчанныхъ бракахъ рѣдко видится дѣти, не говоря уже ни о толковомъ хозяйствѣ, ни о доходе. Жизнь ведется точно на станціи: ни мужъ, ни жена не взираетъ въ прочность своего союза; она думаетъ только, какъ бы выманить у него новое платье и сапоги, онъ держитъ ухо востро, чтобы не поддаваться ей, и вѣчно бопсея, чтобы она его не обокрала — словомъ, безтолковщина дѣль страшная.

Долго добивался я, чтобы узнать, есть ли у этихъ слоббныхъ и неслюбныхъ женъ какія-нибудь политическія тенденціи, оказывается, что ровно никакихъ, кромѣ суевѣрнаго страха передъ москалями. Онъ слышалъ про насъ, какъ про людей, которые воюють съ поляками, ссылають ихъ, отнимають у нихъ имущество, но слышалъ это, опять-таки, только отъ простолюдиновъ, а простолюдины тоже не имѣють серьезной вражды къ намъ. Простолюдины польскіе не смотрятъ на насъ, какъ на враговъ ихъ отечества, потому что у нихъ самая идея о не-

зависимости ихъ отечества крайне не выяснена. Они относятся къ намъ, какъ великій Новгородъ относился къ Василию Буслаеву съ товарищами, какъ стѣна кулачныхъ бойцовъ къ другой. Чуть выйдетъ потасовка, каждый и бѣжитъ къ привычному знамени, по праву, что своихъ выдавать не слѣдуетъ; но вражды и ненависти къ противнику нѣтъ, пока еще эмиграція не довела до ожесточенія и не убѣдила бойца, что онъ мученикъ и апостолъ *swiętej sprawy*. Ненависть къ намъ и во всему нашему, доходящая до фанатизма, до фиксаціи, встречается только въ развитѣйшихъ слояхъ польскаго общества, въ людяхъ, которые близко знакомы съ польскою пизациою и историческою литературою. И вѣрнѣе опять сказать, чтобы это были люди недобросовѣстные, или, какъ у насъ любятъ ихъ называть, *изулиты*. Отнюдь нѣтъ—они, точно такъ же, какъ и чернь, невинныя жертвы исторіи и вообще всего прошедшаго Рѣчи-Посполитој и Царства Польскаго. Что было бы со мною, съ нами, еслибы мы выросли на этихъ книгахъ и газетахъ, на этихъ Шуйскихъ, Делевеляхъ, Духинскихъ, еслибы все окружающее насъ, каждая пѣсня, каждый романъ, каждый разговоръ, каждое семейное преданіе—все насъ было пропитано было воспоминаніями и пропагандою о борьбѣ за независимость? Провѣрить эти *масы*, какъ и всякія другія, не каждый способенъ, да и не каждый отважится на такое святотатство. И какъ ихъ провѣрить?—для этого нужно специальное изученіе фактовъ, годы чтенія и годы путешествій; а развѣ у каждого есть на это и возможность и способность?

Я знаю въ Яссахъ одну умирающую почти отъ чахотки молодую женщину, красоту собою, умнѣйшую и развитѣйшую, и думаю, не только въ Яссахъ, но и въ цѣлой Молдавіи. Жизнь ея была страшная, возмутительная драма. Родные не хотѣли, чтобы она вышла за того, кого она любила; ее увѣрили, что онъ наѣмилъ ей. Съ гори, въ безпамятствѣ, она отдала свою руку первому встрѣчному фразеру, пустозвону, либералу и революционеру самаго дешеваго сорта. Онъ завезъ ее сюда и пустился въ литературу, не имѣя ни на гривень таланта и захвѣния его претензію просвѣщать бѣдныхъ румыновъ—словомъ, онъ нѣмецъ, или, вѣрнѣе, выкрестъ, а эти господа страдаютъ особаго рода чешотою цивилизованія нашего брата, человека восточной Европы. Двое дѣтей не помняпп бѣдную женщину съ ея безвыходнымъ положеніемъ. Она

махнула на все рукою, сосредоточилась, замкнулась въ самую себя, даже отъ Польши отеклась, даже дѣтей по-польски не учитъ: «пустъ, говоритъ, будутъ просто молававами; здѣсь родились, здѣсь выросли—къ чему развивать въ нихъ лишнія стремленія, удовлетвореніе которыхъ имъ же будетъ дорого стоить!»

И вотъ эта-то женщина, которая, п умомъ, п свѣдѣніями, можетъ поигаться съ любыми мужчиною, вполне убѣждена, что мы зѣбры, хуже зѣбрей, что намъ прогрессъ невозможенъ, что реформы у насъ дѣлаются только для того, чтобы Еврей пилъ въ глаза пускать, что въ Персіи и въ Испаніи волины живется и дышится, чѣмъ у насъ, что спасеніе цивилизаціи зависитъ отъ возстановленія Польши, и что будущее польское государство неминуемо будетъ свѣтотѣмъ свободы, науки, благоденствія—всего, чего хотите—для Европы вообще и для славянъ въ особенности. Я съ ней не спорю, развивая отъа отшучиваюсь—къ чему понапрасну раздражать ея и безъ того разстроенные нервы? Но, смотря на ея грустное лицо, осященное этими русыми, какъ шолкъ, мягкими кудрями, и часто невольно задаю себѣ вопросъ: что же это за *faciis* таковой, что личность не можетъ быть свободна отъ идей кружка, въ которомъ она родилась и вращается? Неужели же, наконецъ, истинно-тельное освобожденіе состоитъ въ полномъ *нигилизмѣ*—разумѣется, не въ нашемъ, потому что у нашихъ нигилистовъ есть свой символъ вѣры и своя догматика—а въ томъ *нигилизмѣ*, до котораго нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ, доходилъ вѣнчаный мудрецъ, разрыившій все жетейское, политическіе и экономическіе вопросы, знаменитымъ: *суета суетный — вселенская суета*?! Родись эта женщина гдѣ-нибудь не во Львовѣ или въ Краковѣ, а скажемъ, въ Казани или въ Рязани—не носила бы она *національнаго* траура, не толковала бы срунды о зѣбровствѣ москалей, о благородствѣ французовъ, о мудрости Наполеона, о необходимости Турціи для спокойствія Европы... Все это, разумеется, старая брехня, и все подобныя сображенія еще Князь Мокіевичу приходили въ голову; но дѣло въ томъ, что, все-таки, злость беретъ, когда видишь, что даровитая натура сбита съ толку окружающею ее средой, и сознаешь, что никакой логикой, никакой діалектикой, ни самыми фактами не переубѣдишь ее, потому что идея ея стала уже *засади* (я очень люблю это картинное польское выраженіе), до мозга ко-

стей проникли, и посягательство на нихъ становится посягательствомъ на самую индивидуальность. А кто виновать въ этихъ фиксацияхъ? Мы повѣда только то знаемъ, что виновата во всемъ исторія; но какъ это ей удалось оказать такую неловкую услугу полякамъ — а кто знаетъ, можетъ быть и намъ тоже? — про то мы не скоро узнаемъ, потому что едвали скоро можетъ явиться у насъ, при слабомъ развитіи у насъ *науки* исторіи, ученый, подобный Боклю, который бы разъяснилъ наше прошедшее такъ, какъ этотъ гениальный англичанинъ разъяснилъ прошедшее Англіи, Франціи, Шотландіи, Германіи и Испаніи.

А есть факты въ нашей и польской жизни, надъ которыми нельзя не остановиться. Какимъ это чудомъ дѣлается, что два народа, живущіе рядомъ, говорящіе почти однимъ и тѣмъ же языкомъ, связанные исторіею до того тѣсно, что порою даже трудно разобрать, что относится къ исторіи Польши, что къ нашей, какъ, напримѣръ, Литва, Малая Русь, Галичина. Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, смутное время и т. д., и т. д., не говоря уже о ближайшихъ временахъ — и эти два народа даже приблизительнаго понятія другъ о другѣ не имѣютъ? Это чрезвычайно рѣзко поражаетъ человека, знающаго поляковъ близко и нестоящаго къ нимъ ни въ какихъ официальныхъ отношеніяхъ, т. е. имѣющаго возможность видѣть и слышать ихъ, когда они ничѣмъ не стѣсняются и никого не боятся. Какъ ихъ публицисты пишутъ объ насъ совершенно не понимая насъ, такъ и наши пишутъ о полякахъ, плохо ихъ зная, или зная только по наслышкѣ. Но безтолковая брань на насъ польскихъ газетъ и польское непониманіе насъ еще понятно: она имъ душу отведить, они ею сердце срываютъ за свои вѣчныя неудачи въ заговорахъ и восстаніяхъ. Бранить насъ, рассказывать про насъ ужасы, подѣкивать и раскрывать темныя стороны нашего быта — это у нихъ считается чуть не актомъ патріотизма. Они в другъ друга дѣбять по мѣрѣ ненависти къ намъ, готовности погибнуть въ борьбѣ съ нами. То и дѣло слышавшій отъ нихъ отзывы о своихъ: «Этотъ, мой пане коханный, картѣжникъ, пьяница, если еще и не хуже; при немъ плохо класть ничего не слѣдуетъ, но *хорошій полякъ* (*dobry polak*)» — и репутація *dobrego polaka* покупаетъ все! Такъ и развитѣйшіе изъ нихъ смотрятъ на эту газетную ругань, на клеветы и на всякій вздоръ умышленно и неумышленно распус-

каемый объ насъ. Толковать я съ однимъ, очень умнымъ и довольно ученымъ эмигрантомъ о книжонкахъ Духинскаго; онъ отзывался о нихъ съ величайшимъ презрѣніемъ и говорилъ, что ни одинъ образованный полякъ имъ не вѣритъ. «Но прибавилъ онъ, Духинскому, все-таки, спасибо: онъ много помогъ польскому дѣлу».

— Ну, ужъ этого я не понимаю! По-моему, онъ оказалъ ему весьма медвѣжью услугу, сводя его съ реальной почвы на фантастическую, опирая его на недобросовѣстное изученіе фактовъ и на шарлатанскіе выводы изъ нихъ. Онъ репутацію вашу замаралъ въ глазахъ всякаго честнаго человека.

— Толкуйте! засмѣялся мой собеседникъ. — А вотъ повѣрилъ же ему всякіе французы и немцы.

— Которые ни нашихъ языковъ не знаютъ, ни нашей исторіи толкомъ не читали, ни нравовъ, ни быта нашего не видали!

— И повѣрилъ ему на честное слово, принявъ его вс на шутку за ученаго, и кричатъ теперь, что историческая наука доказала, какъ дважды два — четыре, что вы урало-алтайцы, а не европейцы. Посмотрите, какъ быстро и съ какимъ поразительнымъ успѣхомъ распространяются его идеи: онъ скоро въ учебники исторіи и географіи перейдутъ, перейдутъ въ вѣрованія массъ. Сотни дѣтъ пройдетъ, пока европейцы догадаются, что Духинскій былъ іезуитъ и шарлатанъ, который надулъ ихъ самымъ грубымъ способомъ, и что вся его эрудиція выдѣннаго яйца не стоила. А мы, поляки, отъ этого въ положительныхъ барышахъ — Европа смотритъ теперь на насъ, какъ на своихъ, а на васъ, какъ на чужихъ: она теперь увѣрена, что границы индо-европейскаго племени совпадаютъ на Востокъ съ границами 1772 г. то-есть идутъ до Двинѣи и до Волхова; чего же намъ еще хотѣть?

Всѣ помыслы польскихъ дѣятелей, публицистовъ и агитаторовъ вертятся около одной задачи — возбудить въ массахъ ненависть ко всему русскому. Это ихъ расчетъ, и расчетъ, надо признаться, очень вѣрный: безъ ненависти къ намъ не можетъ быть ни восстаній, ни еврейской войны за Польшу.

ПЕЧАТН. И. ГОЛОВИНА,
У Вильямовой веревки, (сост. М. 15,
издана. № 2.

